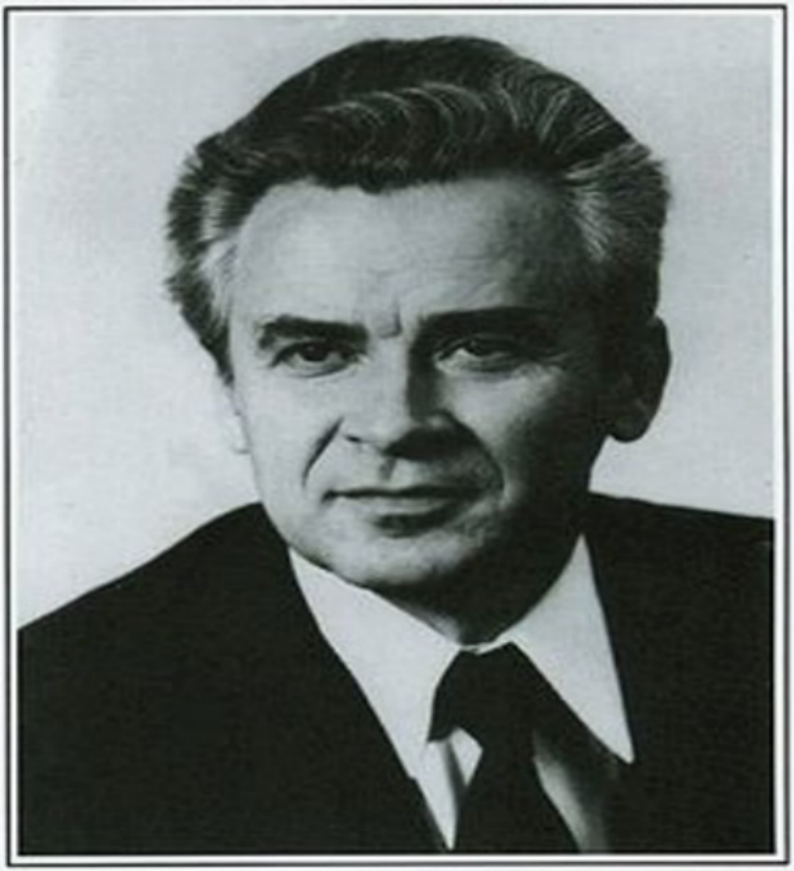
Ю.В.ДУБИНИН



ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БЫЛЬ
ЗАПИСКИ ПОСЛА ВО ФРАНЦИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга мемуаров написана известным профессиональным российским дипломатом, в ранге посла, работавшего в столицах ведущих государств мира — Франции, США, Испании, представителем СССР в ООН. В ней раскрываются многие малоизвестные или совсем неизвестные страницы недавней истории, как например, — подготовка хельсинкского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, позиция Франции и президента Миттерана по отношению к событиям августа 1991 г. в СССР. Автор описывает и свои многочисленные встречи с представителями интеллектуальной и художественной элиты.

- Юрий Дубинин
  - Крымская площадь
  - На берегах Сены
  - ЮНЕСКО
  - Хрущев во Франции
  - Де Голль в Советском Союзе
  - Хельсинки
  - Франция двадцать лет спустя
  - Договор
  - Август 1991-го
  - Эпилог
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

Юрий Дубинин
Дипломатическая быль. Записки посла во Франции

Крымская площадь

Сон мой был беспокойным. Я много раз просыпался от шума мощных ударов волн. Казалось, бушующее море так близко, что, чуть прибавив силы, оно способно смыть нашу гостиницу и унести в свою пучину ее постояльцев.

Мне немногим более шести лет. Мы только что приехали с родителями в Новороссийск. Отец после окончания института получил назначение возглавить здесь строительную контору. Переезд наш не первый. Отец уже работал техником на строительстве водопровода в Нальчике, где я родился в 1930 году. Потом его направили в город Шахты. Там заметили, направили учиться. В Новороссийске нам предстоит жить на окраине — «на Станичке» — как там говорили. Туда мы и отправляемся на следующий день.

В городе буйствует легендарный норд-ост — свирепый ветер с жутковатым названием — бора. Его рождают гигантские массы холодного воздуха. Встретившись в своем движении с северо-востока с Кавказскими горами, они накапливаются в огромном пространстве кубанской равнины, а затем, найдя слабое место в преграде, переваливают через невысокий хребет, за которым как раз и стоит Новороссийск, и обрушиваются на город и Цемесскую бухту, чтобы, словно раскрытым веером, разнести бурю по Черному морю.

Чтобы преодолеть бору, нужно то ложиться всей тяжестью своего тела на тугие струи ветра, закрывая лицо от хлестких ударов песка и мелкого щебня, который он несет, то поворачиваться боком, то, наконец, при попутных его порывах, подставлять напористой стихии спину, словно парус, и тогда двигаться вперед с удвоенной скоростью, едва не отрываясь от земли.

Бора вздыбливает море высокими пенистыми волнами. Студеными и яростными. В тот день, добравшись, наконец, до дома, в котором нам предстояло жить, на улице Краснофлотской — он всего третий от берега, — мы увидели, что ветер с такой силой выбросил на мелководье греческий корабль «Галация», что потребовалось больше года, чтобы с помощью многих буксиров освободить его из плена.

Этот приезд в Новороссийск — один из самых ярких эпизодов из моего раннего детства, прочно запавший в память. Мог ли бы он послужить своего рода эпиграфом к моей жизни? Наверное, да, хотя вряд ли только к моей…

* * *

В Новороссийске началась школа. Дворец пионеров. Самая интересная там секция, конечно, водолазная. С нами занимался работник организации с таинственным названием ЭПРОН — Экспедиция подводных работ особого назначения. Она участвует в подъеме остатков кораблей дореволюционного Черноморского флота. В 1918 году их затопили совсем рядом с Новороссийском. Старожилы с нашей улицы рассказывают, что прямо из своих окон они видели столбы дыма от взрывов. Много позже, в начале 80-х годов, на 18-м километре Новороссийского шоссе на монументе-факеле я прочел лаконичную фразу приказа:

«Ввиду безвыходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно. Председатель СНК В. Ульянов (Ленин)».

Я не знал, не мог знать всех причин, продиктовавших столь драматичное решение. Во всяком случае, все это казалось далекой историей, и не могло возникнуть даже мысли, что тучи могут вновь сгуститься над флотом нашей страны на Черном море, а мне в течение длительного времени придется возглавлять делегацию Российской Федерации на переговорах с Украиной о судьбе Черноморского флота.

Вскоре на страну обрушилась война.

Помню, в самом ее начале по городу ходила молва — ее передавали со ссылкой на какую-то ясновидящую, — что Новороссийску «ничего не будет», мол, самое страшное обойдет его стороной. Вышло же совсем наоборот. Немецко-фашистский вал, прокатившись по тысячекилометровым пространствам нашей страны, смел с лица земли Новороссийск, но здесь и застрял. Застрял так, что никакое дополнительное усилие всей стоявшей за ним махины не могло двинуть этот вал дальше. На цементных заводах, расположенных на окраине города, сохранился как музейный экспонат исковерканный снарядами и пулями остов железнодорожного вагона, один конец которого захватили немцы, но другой наши не сдали. Так и прошел самый дальний рубеж гигантского натиска посередине вагона, на окраине нашего города.

Мы с матерью успели выбраться из города в одном из последних покинувших его поездов. Нам предстояла жизнь в эвакуации в вагоне-леднике на железнодорожных путях в Грузии. Отец, до последнего дня возводивший оборонительные сооружения вокруг Новороссийска, остался надолго отрезанным от большой советской земли. Потом старшим сержантом он с нашей армией дошел до озера Балатон и закончил войну тяжело

раненным в госпитале в далекой Венгрии.

Семья снова собралась у родных в Ростове-на-Дону уже после войны. Все мужчины призывного возраста среди родственников отца и матери — таких было шестеро — попали на фронт. Все, кроме одного — этот один отбывал десятилетний срок за «вредительство». Просился в армию, но таких не брали. Трое с фронта не вернулись. Видимо, это что-то вроде средней статистической величины для всего советского народа. Страшной статистической.

Пришло время выбора высшего учебного заведения, по существу — определения дальнейшего жизненного пути. В классе шли бесконечные дискуссии, возникали то одни, то другие увлечения. Тянуло к себе многое. Но сколько жизней надо прожить, чтобы ответить пусть даже не на все, но хотя бы на некоторые свои порывы? Или можно найти такой род занятий, такую профессию, которая бы давала возможность охватить сразу много интересов или, по крайней мере, раздвигала бы поле возможностей для того, чтобы глубже сомкнуться с жизнью людей в своей стране и взглянуть на мир? Мне представлялось это самым желанным решением проблемы.

Но какая стезя может вести к чему-либо подобному, если она вообще есть?

Такие раздумья навели меня на фиксацию внимания на загадочно выглядевшем названии Московского Государственного института международных отношений, который лаконично упоминался в самом конце справочника высших учебных заведений столицы.

Институт при Министерстве иностранных дел, но кого он готовит, что за специальность дает? Никто из доступных мне в Ростове собеседников ничего не знал об этом. Но побывавший в командировке в Москве отец узнал, что сын его коллеги, на квартире которого он остановился, — Олег Игнатьев — студент этого института. Более того, Олег любезно согласился написать мне подробное письмо насчет того, как ему самому видится институт (поясним, что к этому времени — 1949 год — состоялся только один выпуск этого учебного заведения). Рассказанное им — речь шла об изучении в институте экономики, истории, права, политики зарубежных стран — серьезно повлияло на мое решение попытаться поступить именно в это учебное заведение.

Друзья отговаривали, убеждали меня, что если я и напишу туда, то ответа не дождусь. Но ответ пришел. Требовался обычный набор документов. Совсем немного. Плюс рекомендация райкома комсомола. Такая рекомендация, к тому же с учетом того, что я был секретарем комитета комсомола школы, — была

делом несложным. Правда, уточнение: общежитием иногородние не обеспечиваются.

И еще приписка: медалисты принимаются без экзаменов, но требуется пройти собеседование по иностранному языку. У меня серебряная медаль, значит, это прямо меня касается.

Один из близких моих одноклассников предостерегает:

— Видишь, собеседование. Требования-то там, надо понимать, особые… — а за глаза добавляет, имея в виду выразительную русскую поговорку, — Юрка-то собрался… в Калашный ряд.

Собеседование по языку? Это, конечно, заставляет задуматься. Но учили же мы в школе французский! К тому же как-то на дне шкафа у бабушки по отцовской линии я нашел любопытную книжку — пожелтевший самоучитель этого языка. Текст был на больших плотных листах, изданный еще в конце века не где-нибудь, а в Париже. Оказывается, бабушка — из крепостных, закончившая гимназию с золотой медалью — мечтала о двух вещах — побывать в Иерусалиме и в Париже. Этот самоучитель был настоящим кладом для меня, и не потому, что я нашел в нем что-то особенно новое по сравнению с нашим школьным учебником, а в силу убедительности, которую придавало ему подлинно французское происхождение. И не раз, еще и не помышляя об Институте международных отношений, я прошелся по немногим его страницам.

Родители мои были бесконечно далеки от какой-либо деятельности, связанной с международными делами. Я видел, что неизведанность этой области и расставание со мной их тревожили, но они, скрепя сердце, оставили свободу выбора за мной и, конечно, через всех родственников и знакомых старались найти мне какой-то угол в Москве, хотя бы на время экзаменов.

Правда, один из ближайших друзей отца постарался отговорить меня. Он сомневался в том, что поступление возможно. А к этому добавлял: «Даже если тебе и удастся поступить туда, знай: ничего тебя на этом пути не ждет. Там свои. Ты чужой. Ходу тебе не будет». Видимо, он был прав или почти прав, но порыв есть порыв. И потом, не вязалась как-то эта житейская мудрость с тем, что говорили нам повсюду: в школе, по радио, в комсомоле: «молодым везде у нас дорога…». Везде, так везде! А если везде, то почему не всем!? Да, впрочем, и сам он вручил мне письмо к дальней своей родственнице с просьбой приютить меня в… одной-единственной ее комнате в коммунальной квартире.

В общем, ситуация довольно обычная. Во всяком случае, для города хоть и далеко не последнего на карте Советского Союза,

но все-таки никак не столицы.

* * *

На Крымскую площадь я отправился прямо с Казанского вокзала, благо туда ведет прямая линия метро.

В здание МГИМО вошел как в храм. Оно и в самом деле красивое и внешне и внутри. Находилось в прекрасном состоянии. Вот и приемная комиссия. Любезная девушка-секретарь:

— На какой факультет вы хотите подать заявление?

Я выбираю юридический.

— Собеседование по языку завтра в 10 утра. На втором этаже. Там будет указатель.

Все. Я свободен. Вокруг Москва. Я вижу ее впервые. Не верится, что, опустив пятьдесят копеек в автомат метро, могу оказаться и на Красной площади, и у Большого, и на станции Маяковского. Хочется окунуться во все это, как-то сразу охватить то, что казалось столь большим и значимым, что возникало даже нечто вроде вопроса: насколько все это реально. Впрочем, не рано ли смотреть по сторонам? Завтра утром собеседование!

На следующий день мы толпимся около аудитории, где должно проходить это собеседование. Несколько медалистов. Большинство москвичей. Они выделяются не только качеством одежды, но и раскованностью, уверенностью. Один из них с любопытством рассматривает меня.

— Откуда? Из Ростова? А что, там учат французский? Гм! Представляю себе, представляю… В провинции, конечно, тяжело. Ведь тут у нас в Москве и преподаватели, и методика, и вообще…

В это время его вызывают «на ковер». Он скрывается за дверью. Через полчаса выходит. Сникший.

— Ну, что? — бросаемся мы к нему, как ко всякому, прошедшему чистилище.

— Тройка! — машет он рукой. И пускается в обычные в таких ситуациях объяснения.

Моя очередь. И ко мне по выходе устремляются будущие мои сокурсники во главе со «старым» теперь уже знакомым.

— Как?

— Пятерка. Интересовались, кто был преподавателем…

* * *

В конце июля я возвращаюсь в Ростов с высоким для меня званием студента Института международных отношений. Отец предлагает мне поработать в августе до начала занятий в одной из ростовских строительных организаций. Чернорабочим. Кем же еще? Я не против. Небольшой бригадой мы штукатурим лестницу на Буденновском проспекте, на спуске к Дону. Мне поручено делать замес, т. е. готовить цементную массу и подавать ее штукатурам. Моя штукатурка к стенам прилипает, и я испытываю чувство гордости за обретенную специальность. Но вскоре лестница готова, и меня отправляют на другой участок. Там прораб дает мне задание перетаскать куда-то в сторону большую груду битого кирпича. Это вызывает во мне чувство протеста, которое я не скрываю: «Я умею делать раствор, а вы меня на такую вот работу». На несчастье, на стройке появляется инженер. Я вижу, что прораб что-то говорит ему, кивая в мою сторону. Инженер уходит, ничего мне не сказав. Я возвращаюсь домой, и тут выясняется, что инженер-то был знакомым отца. Отец с улыбкой, но достаточно серьезно разъяснил мне круг обязанностей чернорабочего и понятие трудовой дисциплины. Наутро я, можно сказать, с энтузиазмом расчищал стройку от обломков…

* * *

К 1 сентября 1949 года поезд Ростов — Москва увозил в столицу одноклассников, которым не хватило местных учебных заведений для полета их воображения. Нас было четверо — один поступил на модный, со строгой системой приема, как говорили тогда, «закрытый» факультет атомной энергетики Института цветных металлов и золота, другой вливался в общий поток студентов того же института, третий — в Московский авиационный институт и, наконец, я — студент МГИМО, — для которого все было загадкой.

Замечу сразу — институт, его студенты не пользовались никакими привилегиями. Стипендия первокурсника при отсутствии троек на экзаменах — 390 рублей. Это верхний уровень для высших учебных заведений Москвы, но не более. Студенты, не имеющие помощи от родителей, особенно это касалось бывших фронтовиков, вынуждены были овладевать наукой в крайне стеснительных материальных условиях, выходить из положения за счет разгрузки товарных вагонов или каких-то иных потогонных приработков, что, как правило, плохо сказывалось на успеваемости. Мне родители стремились

всемерно помогать. К тому же, после первой же сессии я стал получать повышенную стипендию отличника, а это уже 490 рублей, а на третьем курсе стал сталинским стипендиатом с 700 рублями «дохода», чего на жизнь без экипировки были вполне достаточно.

Поселился я на Каляевской улице в ветхом одноэтажном деревянном доме. Там у одинокой пожилой женщины было две маленькие проходные комнатки с крохотными окошками и скрипучими полами. В первой жила она сама и делившая кровать с хозяйкой студентка пединститута, готовившаяся учить слепых детей, во второй обосновался я, еще один студент МГИМО и студент-фронтовик стоматологического института. Нас могло бы быть и больше, но втиснуть четвертую кровать было уже невозможно. На втором курсе я получил место в институтском общежитии, сначала в комнате на 24 человека, потом на 15, а на последнем курсе оказался в комнате на четверых. Кстати, моим соседом оказался венгр Матиаш Сюреш, которому суждено было сделать большую карьеру и даже на какое-то время стать исполняющим обязанности президента Венгерской республики. В жаркие летние дни Матиаш на ломаном русском языке усиленно добивался от меня ответа на мучавший его вопрос: почему в Москве не разрешают ходить в шортах. «Это серьезно, — говорил он. — Нам перед отъездом наказывали во всем брать пример с Советского Союза, но в Будапеште все, кто хочет, носят шорты, а здесь вот…»

Программа института была насыщенной. Довольно глубоко изучались международное и государственное право иностранных государств и, конечно, иностранные языки. Но к этому добавлялся курс всех правовых дисциплин от римского до колхозного права, курсы географии, истории, экономики и спецсеминары по основным профилирующим странам. Обращалось внимание и на то, чтобы расширить общую культуру за счет преподавания логики, русской и иностранной литературы. Были, разумеется, и стандартные курсы идеологических дисциплин. Удобно устроившись на кафедре, профессор марксизма-ленинизма страницу за страницей зачитывал нам «Краткий курс истории КПСС». Он отрывался от текста только для того, чтобы почти доверительно пояснять нам который раз, что учебник этот, хотя об этом и не говорится в нем, написан лично товарищем Сталиным.

Вместе с тем, вопреки молве, никаких занятий a la институт благородных девиц — насчет обходительных манер или изысканной светской шлифовки — не было.

Языку уделялось много внимания. Занятия проводились в

небольших группах по 6–7 человек с акцентом на политическую лексику. Цель состояла в обучении навыкам последовательного перевода и достаточно свободного разговора. На это было сориентировано и изучение грамматики без большого углубления в историческую или теоретическую сторону дела.

Профессуру для чтения лекций приглашали лучшую в Москве. В отношении нашего факультета это касалось, в первую очередь, международного права. В специфику этого предмета нас вводили два тогдашних профессора-корифея В. Н. Дурдиневский и С. Б. Крылов. Внешность, поведение, манеры преподавания этих людей были полярно разными. Дурдиневский был высок, сухопар, с аккуратно подстриженной бородкой на всегда сосредоточенном, неулыбающемся лице. Он как бы олицетворял собой строгость и непререкаемость норм права. Носил он отлично подогнанную по фигуре дипломатическую форму с тремя звездами посланника второго класса на погонах, и одежда эта как бы завершала целостность и безукоризненность его облика. Размеренной походкой он в точно предписанное время входил в аудиторию и заканчивал изложение тщательно подготовленной лекции вместе со звонком, возвещавшим о перемене.

Дурдиневский состоял в советской делегации, участвовавшей в конце войны в разработке Устава ООН. Там он совершил один из свойственных его натуре профессиональных подвигов. Во время торжественного подписания Устава он вместо того, чтобы поддаться эйфории присутствия на историческом событии, присел в стороне и тщательно фиксировал все детали этого акта, особенно подписания его представителями различных государств. Делал он это как бы для порядка, поскольку никакого такого поручения ему никто не давал. Однако заметки эти оказались бесценными по возвращении в Москву, когда потребовалось издать материалы со всеми относящимися к ним деталями. Впрочем, он и сам как-то привел нам подобный пример. Случилось это как-то поздним вечером. Дурдиневскому позвонили. Заместитель министра сказал ему, что срочно понадобились данные о ширине территориальных вод Албании, и вежливо поинтересовался, можно ли получить эти данные завтра. Почему же завтра? Дурдиневский дал ответ тут же. Соль рассказа в том, что в телефонную трубку Дурдиневский услышал, как замминистра, обращаясь к кому-то находившемуся в кабинете, вполголоса прокомментировал: «Вот старый черт! Все знает наизусть!»

Что же до его коллеги Крылова, то он не входил, а как бы вкатывался в аудиторию легкой быстрой походкой с неизменной улыбкой на лице, порой и с опозданием. Такое впечатление

только усиливалось от того, что при небольшом росте он набирал вес и походил на легко перемещающийся колобок. Носил он ладно сидевшие заграничные костюмы — он был членом Международного суда в Гааге. Он был человеком живым, открытым, радующимся жизни. Лекций в общепринятом смысле он нам не читал, а как бы вел с кафедры свободную беседу с большими отступлениями от темы и забавными историями. Строгость международного права при таком стиле его подачи как бы сглаживалась, создавалось представление о большой его подвижности в зависимости от времени и обстоятельств. Вопреки нашим требовательным языковым наставницам, Крылов советовал нам отложить в сторону зеркальца, перед которыми нам рекомендовалось ставить наше иностранное — особенно английское — произношение, и вообще не убивать драгоценное молодое время на чрезмерную шлифовку языка. В пример, как и во многих других случаях, он приводил себя. «Поверьте, — говорил он, — я не придаю значения произношению. Достаточно, чтобы меня поняли. И, уверяю вас, у меня никогда не бывает никаких проблем».

Впоследствии, уже под воздействием опыта работы, мне приходила в голову мысль, что для введения нас, студентов, в мир публичного международного права сочетание двух таких замечательных преподавателей было весьма удачным.

Большинство других дисциплин, особенно политических, подавалось в назидательном ключе, что и составляло главный дефект преподавания. Подготовка к дипломатической профессии требовала широкой и объективной информации, а главное — специального внимания к формированию навыков самостоятельного анализа и оценки общественно-политических явлений, умения вести дискуссии.

Большое недоумение вызывала глухая стена, едва ли не равная той, что существовала для всей страны, в отношении доступа к зарубежной печати и современной политической литературе из-за рубежа, не говоря уже об общении с иностранцами. Даже газету французских коммунистов «Юманите» мы получили возможность читать только на старших курсах, да и то в помещении специального хранилища, а с первым «живым» французом мне привелось поговорить уже после окончания института. Не очень жаловало нас непосредственным вниманием и Министерство иностранных дел. Не было тогда никакого практического курса, хотя бы в какой-то степени знакомившего нас с реальной дипломатической деятельностью.

Несомненным достоинством нашего потока мне представляется то, что мы с первого до последнего курса прошли

обучение в рамках заранее определенной специализации — юридической, экономической или исторической. В конце концов, после многих экспериментов такой подход был закреплен. Не берусь вступать в дискуссию по поводу набора самих дисциплин для учебной программы. Однако мы получили достаточно широкие представления об организации государственной, экономической и общественной жизни в нашей стране и в какой-то степени за рубежом.

* * *

Специальная подготовка для работы в области международных отношений на уровне высшей школы началась в 1944 году, когда был создан факультет международных отношений Московского государственного университета, вскоре преобразованный в самостоятельный институт, о котором идет речь. До этого при Министерстве иностранных дел была Высшая дипломатическая школа, впоследствии получившая статус Дипломатической академии. Туда в качестве слушателей принимались лица, уже имевшие высшее образование и практический опыт ответственной работы, главным образом в партийных, комсомольских или советских органах, по рекомендации обкомов партии, или работники самого Министерства, которые ускоренным курсом — не в три, а в два года — проходили, по сути дела, программу усовершенствования.

Что касается МГИМО, то в первых выпусках был довольно значительный процент фронтовиков, в дальнейшем же основную массу студентов стали составлять молодые люди, такие же по возрасту, как и их сверстники из других высших учебных заведений.

Постепенно именно из их числа сформировалась наиболее многочисленная группа работников самых различных государственных и общественных организаций, связанных с международной деятельностью, от ССОДа — Союза Советских обществ дружбы с зарубежными странами, занимавшегося связями с заграницей по линии общественности, — до аппарата ЦК КПСС.

Шаг за шагом выпускники МГИМО занимали все более видное положение и в госаппарате, и в соответствующих областях науки. Означало ли это рождение какой-то касты? Весь мой опыт долголетнего общения в этих кругах говорит, что для такого суждения нет оснований. В социальном отношении, особенно в годы моей учебы, состав выпускников отличало большое

разнообразие. Открытость и соревновательность в процессе поступления и учебы были высокими.

В Министерстве иностранных дел появление нового племени работников — выпускников МГИМО было встречено неоднозначно. Старожилы, еще долгое время занимавшие главенствующее положение в иерархической вертикали, окрестили пришельцев «молодыми», и это определение не без оттенка уничижительности сохранялось в мидовских кулуарах долгое время даже по отношению к людям, которые успели полысеть и поседеть, а иные и занять руководящие посты. Но время делало свое дело, и не только в силу естественных преимуществ, данных самой природой молодым, но и потому, что в реальной, практической работе все очевиднее становились преимущества профессиональной подготовки. Тем более в такой области, как международные отношения и дипломатия, где особенно трудно представить результат работы в искаженном виде или заняться «приписками», поскольку эта работа представляет собой постоянный состязательный процесс, происходящий на глазах у всего мира.

Пройдет совсем немного времени, и из этих «молодых», из питомцев МГИМО, вырастут представители нашей страны почти всех уровней, которые в профессиональном мастерстве окажутся на высоте лучших дипломатических школ мира.

Но это размышления общего характера, обгоняющие ход событий. Пока же, летом 1954 года, закончились государственные экзамены, и пришло время распределения, иными словами, старта в долгий путь, во время которого жизнь будет властно вносить свои поправки в наши первые представления о том, что нас окружает, и о поставленной каждым из нас перед собой цели.

— Так, значит, вы хотели бы продолжать учебу?

— Да, Иван Иванович. В аспирантуре. По кафедре государства и права. У меня есть рекомендация.

Иван Иванович Лобанов — директор нашего института. Идет заседание Комиссии по распределению. И. Лобанов — человек представительный, в мидовской форме. Погоны с пальмовой ветвью мира. С двумя звездами. Такие времена. Не только сотрудников Министерства иностранных дел, но и вообще оперативный персонал всех министерств Сталин решил одеть в форму, и в Москве мелькают мундиры самых разных оттенков. Иван Иванович нередко обращает внимание собеседников или институтской аудитории, перед которой выступает, на то, что он — советник первого класса, полагая, что это способствует утверждению авторитета как всей внешнеполитической службы, так и его собственного.

— Что вас привлекает в аспирантуре?

— Хотел бы написать диссертацию. По госправу Франции. А затем, может быть, преподавательская работа.

Все это действительно соответствует сложившимся у меня во время учебы настроениям. Я с увлечением изучал французскую конституцию.

И. Лобанов — человек строгих правил. Не улыбается. Говорит размеренно, тоном императивным. Но по натуре человек добрый и доброжелательный.

— Мы знаем о рекомендации, и в других обстоятельствах трудностей с аспирантурой не было бы. Но сейчас не получается. Мы предлагаем вам продолжить изучение французского языка на специальных курсах.

Не обошла меня чаша сия! Слух о таких курсах пробежал по институту задолго до начала работы комиссии, но никто из студентов не знал толком, что это значило. На моем лице такое огорчение, что Иван Иванович пускается в дополнительные разъяснения.

— Курсы это особые. Вы видите, что дипломатия наша активизируется. Все больше контактов. И это только начало. А как выясняется, работников, знающих иностранные языки, у рас почти нет. Недавно в Женеве, на конференции по Индокитаю, выяснилось, что некому обеспечить приличный перевод. Поэтому принято решение. Высоко! — Иван Иванович таинственно поднял палец. — Отобрать человек сто из вашего выпуска и засадить на годик за иностранные языки. За разные, небольшими группами.

Задача одна — поднять ваши знания как можно выше. Отбираем тщательно, даже не просто отличников. Может быть, кого-нибудь и за границу пошлем постажироваться.

Директор завершил свою официальную речь и, сменив тон на доверительный, уже совсем по-простому добавил:

— В общем, это совсем неплохо.

Разговор этот состоялся летом 1954 года. Еще далеко было до XX съезда парии, не появилась даже книга И. Эренбурга под многозначительным названием «Оттепель», а в подходе Советского Союза к международным делам наметилось движение.

Конференция по Индокитаю явилась едва ли не первым многосторонним форумом, на котором акцент был сделан на практическом решении проблем путем переговоров. К тому же эта конференция дала реальные позитивные результаты. Но руководство страны думало о большем. Отзвуком новых веяний было и коснувшееся меня оргмероприятие, проводившееся, разумеется, по решению «инстанции», как именовали в обиходе руководство партии.

Иностранный язык, занятия им меня интересовали, но, скорее, как средство, путь проникновения в неизведанную культуру, в таинства какой-то иной жизни, но о переводческой работе я никогда не помышлял, а это первое, что мелькнуло в голове, оставив неприятный осадок.

Я сделал попытку изменить уготованную мне участь. Видя, что аспирантура явно «задымила», прошу направить меня на практическую работу.

— Ни то, ни другое не уйдет, — слышу в ответ. — Но позже. Пока же нужен язык. Советую. Так требуют обстоятельства, да и не пожалеете, — это сказано уже пожестче.

Я выхожу расстроенный. Кто-то из моих однокашников отправляется в МИД, кто-то будет пробовать силы на журналистской стезе, кто-то… а я, хоть и не один, — но разве это утешение? — с заседания Комиссии по распределению возвращаюсь в студенты. На душе у меня невесело, а грядущий год — целый год жизни! — заранее кажется потерянным.

Правильно говорится: молодо-зелено…

* * *

Что же это за особые курсы — курсы усовершенствования иностранных языков? Небольшой нашей французской группе — нас чуть более 10 человек — читают лекции по истории, политике, литературе и даже живописи Франции. Все на

французском. С последующим обсуждением. И перевод, перевод всякого рода, в том числе и синхронный. По шесть часов таких занятий в день. Ничего кроме этого. Даже диалектического материализма. К тому же относительная свобода. Когда меня Комитет молодежи пригласил поработать переводчиком с делегацией французских студентов, согласие директора института было немедленным. Я оказываюсь впервые в компании с настоящими французами, впрочем, и большинство из них тоже впервые попадает в компанию с советскими студентами. Французов — человек 20–25. Они с разных факультетов, готовятся стать юристами, врачами, инженерами. Но все они активисты студенческого движения, политика у них на первом плане. Мы целыми днями вместе. Встречи, беседы в различных наших учреждениях. Это довольно скучно — официально. Другое дело, когда мы остаемся одни. Безжалостному разбору — с обеих сторон — подвергается все и вся. То и дело вспыхивают горячие споры.

«Но все-таки вы не станете отрицать, что мы за мир, а вы почему-то в НАТО?» — это я бросаю в дискуссию аргумент, который кажется мне неотразимым.

«Зато у нас во Франции настоящая демократия, а у вас одна-единственная партия», — уверенно контратакует француз.

«Какая же она настоящая, если вы коммунистов в правительство не пускаете, а за них голосует столько людей?»

«Так коммунисты живут по чужой указке, — вступает в дискуссию кто-то из французов, — это партия заграницы».

«То есть как это партия заграницы?! — вторгается вдруг еще один из гостей, до сих пор помалкивавший. — Коммунисты — это партия Сопротивления, партия Независимости».

«Я не коммунист, — добавляет третий, — но думаю, что «партия заграницы» — это слишком».

И между самими французами разгорается такая перепалка, что они забывают обо мне. Может быть, как раз в этом и есть настоящая демократия?

Я немного утрировал этот диалог. На самом деле даже тогда, при самых первых контактах, разговоры были и тоньше, и содержательнее. Но что касается существа — большой передержки нет. Путь друг к другу мы начинали издалека, увлекаемые острым интересом друг к другу.

После пребывания в Москве поездка по стране. Харьков, тракторный завод, угольная шахта в Донбассе, берег Черного моря, Грузия. Обостряется неожиданная проблема. Алкогольная. Всей нашей поездкой руководит бойкая работница ЦК ВЛКСМ. Она распорядительница кредитов. Суммы, которыми она

располагает, вполне достаточны, чтобы на столах стояли и крабы, и икра, но… совершенно недопустимо спиртное, даже пиво. Делегация погружена в жесточайший сухой закон. Чем дальше, тем настойчивее французы атакуют представительницу центра. Я перевожу их заклинания:

— Поймите: для француза обед без вина все равно, что день без солнца. Вам, русским, все равно — стоит на столе бутылка или нет (ничего себе сказанул?!), у нас это иначе…

Но все разбивается о неприступную стену инструкций и непоколебимость воли их хранительницы, которая, в свою очередь, тщетно пытается доказать, что расходы на вино у нее просто не будут приняты к оплате.

Советских денег у наших гостей нет. Профессия фарцовщика еще не была изобретена. Одним словом, трезвость. Что же остается делать?.. Только петь в конце ужинов так, чтобы верилось, что состоялось настоящее застолье. Французы в подавляющем своем большинстве — я в этом позже доподлинно убедился — не большие любители хорового пения, но к студенческому их возрасту это не относится. Нас, советских студентов, с ними несколько. Мы быстро усваиваем их молодежную классику и вскоре подтягиваем и про «Рыцарей круглого стола», и про то, как «хорошо с милашкой рядом», и многое другое. С нашим собственным репертуаром похуже. «Подмосковные вечера» написаны еще не были, а для «Калинки» нам недоставало солистов. Но тоже стараемся как можем.

Встает во французской группе и другая проблема — проблема общения с прекрасным полом. В делегации есть влюбленная парочка. Они так и прилетели, обнявшись, из Парижа. Те ничего и никого, кроме друг друга, не видят, ни с кем не спорят. Выходят из своего номера, слегка пошатываясь, только для того, чтобы подкрепиться. А остальные? Конечно, на официальных встречах и приемах знакомств много, но не о них разговор. Вначале вопрос дебатировался в политической плоскости: вот, видите, у нас и проституции нет, а у вас… Потом наши коллеги стали намекать нам, что лучше бы забыть про пропаганду и помочь по-дружески перевести дело в плоскость товарищеской помощи. Ни в какие трудности они верить не хотели. Дело явно шло к кризису доверия. Но вот в Тбилиси, на проспекте Шота Руставели, нашим французам вдруг попался прохожий, местный, свободно говорящий по-французски. Они плотно окружили его, засыпали прямыми вопросами, конечно, и на волнующую их тему. Он был тверд: «Вообще-то, конечно, как повезет, но такого места, куда можно было бы пойти, действительно нет» (не упускайте из виду: это ведь все давно было). На лицах моих спутников

разочарование, но зато спасено доверие к переводчикам и организаторам поездки.

И вот наконец прощальный ужин на грузинской земле. В Кахетии. Залитые солнцем виноградники. Янтарные гроздья. Стол посреди сада. Вернее, стола не видно: зелень, сыры, куры, мясо — всего не охватишь и взглядом, но главное — строй бутылей. Стаканы чайные. Тонкого стекла. Вместительные. Тамада — председатель колхоза. Тот самый строгий френч, который еще не успел выйти из моды. Во всяком случае, в Грузии. Золотая звезда Героя Соцтруда. Подробно разъясняет правила застольной демократии. Мои французские спутники слушают его с нарастающим нетерпением. «Да, согласны, со всем согласны», — вырывается у них.

«Что же, тогда за прекрасную Францию! До дна!» Конечно до дна, какие могут быть возражения. «За вечную и нерушимую дружбу между советским и французским народами! До дна!» Гости опять согласны.

«Вспомним самого великого, самого мудрого…»

Имени не называется. Там, в Москве, уже какие-то новые веяния. Здесь все еще на полпути. Французские наши спутники все понимают, но не протестуют.

«До дна!»

«Слушайте, тамада, мосье ле тамада, я из Бургундии. Там у меня дядя. Вы — точная его копия. Позвольте выпить за ваше здоровье».

«Бургундия? Слышал. Тоже хорошая страна. Но у нас за столом, дорогой, тост за тамаду поднимают в самом конце. Нельзя раньше. Ты подожди. А сейчас, генацвале, мы будем приветствовать каждого из наших гостей персонально. Тебя как звать?» И сразу следует:

«За выдающегося представителя солнечной Бургундии, мужественного и умнейшего…»

Утром в самолете, уносящем нас над кавказскими вершинами в Москву, царит веселое оживление. «Это верно, Юрий, что ты жил в Грузии?»

«Верно».

«Это правда, Юрий, что ты покинул эту страну?»

«Правда».

«Это была самая большая ошибка в твоей жизни!»

Через несколько часов мы расстаемся, но расстаемся друзьями навсегда.

* * *

Вскоре наш Молодежный комитет вновь обратился за моими услугами. Речь шла о том, чтобы я выступил в качестве синхронного переводчика не в Москве, а за границей, в Вене. К тому же на международной конференции. Правда, мероприятие называлось Первой Международной конференцией сельской молодежи (кажется, она была и последней). Но не в этом дело. Предложение это — особенно с выездом за рубеж, первым в моей жизни, — представлялось мне исключительно интересным, и я, конечно, с радостью согласился. Каждого из участников поездки в отдельности принимали в ЦК КПСС. Беседовали. Должен сказать, в очень хорошем стиле. Без суконных фраз и кондовых наставлений о правилах поведения за рубежом. Рассказывали о молодежном демократическом движении, об обстановке в Австрии (тогда там еще стояли наши войска вместе с войсками трех других стран — США, Англии и Франции). Все это было нацелено на то, чтобы нашу небольшую группу переводчиков — людей примерно того же возраста, что и основная делегация, — сделать как бы частью самой делегации, хотя роль у нас, естественно, была подсобной. Один из моих собеседников обратил внимание на мой костюм (должен пояснить, что если в институт я почти всегда ходил в лыжном байковом костюме, то в таком высоком месте, как ЦК комсомола, я появился в единственном настоящем костюме, сшитом мне родителями еще по случаю поступления в институт). Что-то, видимо, не удовлетворило хозяина кабинета, и он тактично предложил мне побывать в специальном магазине, чтобы подобрать новый костюм и туфли. Это называлось экипироваться. Страна жила в целом неважно, и для того, чтобы наши посланцы, отправлявшиеся в загранпоездки, особенно по линии общественности, выглядели получше, их иногда, что называется, «приодевали» за счет тех организаций, которые их посылали. В моем случае это было уместно, если учесть к тому же, что я успел жениться, а доходы мои после перехода на курсы сократились и вместо 700 рублей — самой высокой стипендии — я стал получать 600. Так или иначе, в спецмагазине меня облекли в казавшийся мне приличным коричневый костюм. С туфлями вышла небольшая накладка. Моего размера не оказалось, а так как вылетать требовалось на следующее утро, меня уговорили взять на номер меньше в расчете, что разносятся, чего, увы, не произошло…

Мои молодежные международные опыты не остались незамеченными, и я был приглашен на беседу с руководителем Международного комитета советской молодежи. Им был С. К. Романовский. Уже появившиеся знакомые в Комитете

предупреждали меня, что беседа может быть серьезной, советовали отнестись к ней ответственно. И вот я принят. Мне делается предложение поступить на работу в Комитет. Обещают, что заниматься я буду Западной Европой. Это преподносится как честь, что, впрочем, во многом соответствовало действительности. Мой вежливый, но четкий отказ воспринимается с недоумением. На что же я рассчитываю в жизни? Неужто на МИД? Но я всего лишь студент, а если даже и попаду в министерство, то буду обречен до седых волос перекладывать бумажки с одного стола на другой. Для пущей убедительности собеседник приводит пример из личных впечатлений от недавнего пребывания во Франции. «Там, — говорит он, — работники посольства просиживают все годы командировки в четырех стенах и видят Париж не иначе, как через стекла автомобиля. А здесь перед вами открытый простор для активности и инициативы».

Я в полной мере понимаю, что молодежный комитет — это ЦК ВЛКСМ, а это хоть и не ЦК партии, но все-таки тоже высоко, однако повторяю отказ, стремясь смягчить свое поведение выражением готовности и впредь участвовать в работе Комитета всякий раз, когда меня будут приглашать. Расставание было сухим. Вернее, беседа просто оборвалась. Добавлю, немного забегая вперед, что в 1986 году С. К. Романовский сменил меня на посту посла СССР в Испании, и сейчас у нас с ним отношения добрых коллег.

* * *

Наконец, я увидел посла. Настоящего, И не просто увидел, а оказался за одним с ним председательским столом. Он руководит комиссией. Задача комиссии отобрать примерно половину из нашей сотни для посылки за границу на стажировку. Такое происходит впервые в советском государстве. И комиссия (меня пригласили присутствовать как секретаря комсомольской организации наших курсов) проводит индивидуальное собеседование с каждым из нас. К чести посла, он старается вести разговор непринужденно. Все больше о литературе, о театре. Правда, иногда его подводит чуть повышенное желание не только на нас посмотреть, но и себя показать.

«А что Вы думаете о полетах в космос? — задает он вдруг вопрос Иде Косовой — хрупкой девушке, оказавшейся перед ареопагом из целого созвездия чинов. — В чем главная опасность, какова основная трудность, которую необходимо преодолеть для

начала этих полетов?» — уточняет он.

Заметим в скобках, что разговор-то ведется где-то в январе 1955 года и еще далековато даже до первого нашего спутника.

Однако девушка ищет ответ, говорит, что, наверное, надо создать подходящие корабли, найти горючее, способное поднять их так высоко.

«Нет, — с улыбкой замечает посол, — все эти проблемы уже решены. Главное — как избежать столкновений там. С метеоритами. Представьте себе. Скорости большие. Удар! Как уберечься?»

«Ну, может быть, и это. В общем-то я не знаю», — честно признается девушка.

При таком характере бесед с каждым из слушателей комиссия работала два-три дня. Однако, кого именно она отобрала для поездки на заграничную стажировку, никому из нас, даже мне, пребывавшему за председательским столом, известно не было. Началось строгое по тем временам оформление, и только после его завершения в этот вопрос могла быть внесена ясность. Косвенным признаком было, однако, то, что человек пятьдесят были направлены в различные отделы МИДа со своеобразным статусом студентов, знакомящихся с работой министерства. Таким образом, я с двумя-тремя сокурсниками вошел в высотный дом на Смоленской площади, в Историко-дипломатическое управление. Нас приняли не без любопытства и весьма доброжелательно. Руководителем нашим был определен помощник начальника управления Б. Поклад. Несколько женщин трудились над обобщениями каких-то материалов. Молодой человек лет на 7–8 старше нас стучал на машинке. Он поведал нам свою необычную судьбу. Оказывается, он учился в нашем же институте. Пришел туда после фронта, успевал неплохо. И вот однажды пришло спецзадание — отобрать из старшекурсников группу молодых ребят посерьезнее для того, чтобы подготовить из них ускоренным темпом машинисток-стенографистов (иначе, видимо, не скажешь, потому что слово «машинист», видимо, вводило бы в заблуждение). Мотивировка состояла в том, что для стенографирования важных международных конференций требовались люди особо доверенные. В качестве привлекательной стороны дела представлялась перспектива частых поездок за рубеж и какое-то специальное положение в МИДе. Наш молодой человек предложение принял, курсы стенографии успешно окончил, после чего… стал вместе с несколькими такими же, как он, машинисткой-стенографистом министерства, как и все другие машинистки-стенографистки. В итоге, в то время как его сверстники, попав в МИД чуть позже уже с дипломами, начали

восхождение по дипломатической лестнице, он отстукивал их материалы на машинке и мечтал догнать их, занимаясь заочно в Дипломатической школе.

Что делать с нами, в Управлении не знали. Мне вручили какую-то толстенную книгу на французском языке с просьбой сделать аннотацию, если в ней найдется что-нибудь интересное. Книга долго пролежала на полке до нашего появления в Министерстве, и чем больше я ее читал, тем больше утверждался во мнении, что она может спокойно покоиться там и дальше. Некоторое время спустя Управление кадров сформировало несколько групп по странам, и мне вместе с шестью товарищами было объявлено, что нас направляют на шестимесячную стажировку во Францию. Случай это был беспрецедентный. Видимо, поэтому мы проследовали через целую серию встреч и бесед на уровне довольно высокого мидовского начальства, включая начальника Управления кадров С. П. Козырева — советника-посланника первого класса. Запомнилась и встреча с человеком оттуда, из Парижа, советником нашего посольства А. С. Аникиным. Это был человек атлетического сложения, ростом под два метра (заслуженный мастер спорта по волейболу), с выразительными чертами лица, делавшими его похожим на американского актера. Всем своим видом — модным парижским костюмом, свободными манерами, умением говорить — он как бы демонстрировал, что профессия дипломата действительно элитная.

Однако, как бы ни были серьезны все эти беседы, каждый из нас хорошо понимал, что главная встреча — встреча уже не коллективная со всей нашей группой, а индивидуальная — это встреча на Старой площади, в ЦК партии. Действительно, не один выезд за рубеж в служебную поездку не мог в те времена состояться без беседы там. Хорошим признаком был уже сам вызов на такую беседу. Это означало, что все развивалось нормально, в установленном порядке: не станут же вызывать в инстанцию для того только, чтобы отвести твою кандидатуру от поездки за рубеж, — для таких неприятных новостей есть другие кабинеты и другие люди. Но имело значение, как с тобой поговорят в Высоком доме: обнадежат или, может быть, даже пожелают счастливого пути. Тогда остается только ждать формального Решения, и Рубикон благословения останется позади.

Такой вызов состоялся. Время стерло детали разговора. Велся он размеренно, солидно, в благожелательном ключе. Главное внимание уделялось всякого рода предостережениям насчет опасностей, подстерегающих «там» советских людей. Услышанные

в первый раз они не звучали слишком ходульно, хотя были — по необходимости — стандартными (не забывайте брать чеки при покупках в магазине, живите строго по средствам, избегайте долгов даже в своем коллективе, не посылайте писем домой иначе, чем через диппочту, и многое в таком духе, вплоть до того, что, увидев на тротуаре монету, лучше пройдите мимо). Были предупреждения и насчет того, что не все, конечно, места в Париже достойны внимания советского человека.

Правда, звучали и явно новые нотки. Мол, миссия у вас необычная, постарайтесь получше познакомиться с Францией, получше ее узнать.

Наконец, зеленый свет был дан. Всем семерым: А. Богачеву, М. Бусарову, Ф. Иванову, А. Ивлеву, В. Рыбакову, Г. Соклакову. Меня назначили старшим по группе, своего рода старостой. Кроме того, с нами направили в Париж преподавательницу французского языка Нину Петровну Пименову, которой было вменено в обязанности обеспечение максимальной эффективности нашего пребывания в стране по части изучения французского языка. Нина Петровна была значительно старше нас. Мы никогда с нею раньше не встречались, но нас сразу подкупило то, что на роль классной дамы она не претендовала и свои руководящие функции не переоценивала. Так, значит, в путь!

* * *

Добирались тогда из Москвы в Париж либо поездом, — путь занимал пять дней, либо самолетом, и тогда можно было управиться за день. Оба маршрута пролегали через Прагу. На нашу долю выпал авиационный вариант. До Праги мы летели на нашем двухмоторном «Ил-14» с остановкой в Вильнюсе. В Праге были во второй половине дня. Остальной путь проделали на четырехмоторном «Суперконстелейшн» — самом крупном в те годы пассажирском самолете. К своему удивлению, мы обнаружили, что кроме нас других пассажиров на борту не было. Если учесть, что этот единственный французский самолет (советских рейсов в Западную Европу тогда вообще не было), связывавший и Советский Союз, и Чехословакию с Парижем, летал то ли три, то ли два раза в неделю, можно себе представить «интенсивность» общения этих стран с Францией и с Западом вообще. Что же касается нескольких наших крохотных групп — по семь-пять человек, — то они отправлялись во Францию, в США и Англию для того, чтобы повысить качество языковых знаний, то

есть подготовить средство осуществления грядущих контактов, взаимного знакомства, переговоров, а может быть, кто знает, и чего-то большего. И ручейками-то это не назовешь. Скорее самые первые капли дождя. Но дождя теплого. И потом, никуда не денешься: в начале должно было быть слово!

Гудят моторы. Все вокруг необычно. Громадный после скромного ИЛ-а салон, размер которого кажется еще больше из-за зияющих пустотой кресел, элегантные стюардессы, затянутые в такие узкие костюмчики, что похожи на казавшиеся раньше фантастическими модели из журналов мод, газеты, номера «Пари-Матч» навалом. Прибываем в аэропорт Орли. Дорога от него в Париж — это не нынешняя автострада, а узкое шоссе. Добираться до города надо часа полтора-два мимо огней многочисленных пригородов. Но это только добавляет впечатлений, во всяком случае в этот момент, начинающегося знакомства с Францией. К тому же мы воспитаны на чтении «Юманите», и теперь с дорожных указателей в глаза бросаются знакомые названия населенных пунктов т. н. «красного пояса Парижа».

В посольстве нас встречают приветливо. Нам созданы действительно особые условия. Платят полноценную зарплату стажера — начинающего работника посольства, покрывают все расходы на учебу.

Посол получил предписание занимать нас работой не более чем полдня, оставляя другую половину — до обеда — полностью свободной для занятий. И еще одна примечательная деталь: нас не только не ограничивают в передвижениях по Парижу, но предписывают как можно чаще посещать кино, театры, музеи, выставки. Единственный красный семафор — злачные места, с мотивировкой: чего, мол, вы сможете почерпнуть там для языка?

Мы проходим небольшой курс занятий в школе иностранных языков — Берлице, посещаем лингвистический институт, чтобы подправить произношение, но главное внимание уделяем учебе на краткосрочных Курсах французской культуры в Сорбонне.

Там мы слушаем лекции о самых разных сторонах жизни современной Франции и посещаем занятия по французскому языку. Преподавательница — весьма миловидная француженка, не намного старше нас. Она быстро убеждается, что по грамматике наша подготовка вполне удовлетворительная, а заставлять нас писать сочинения на сложные философские темы было бы и скучновато и бесполезно. Другое дело разговор, свободный разговор, тема за темой, а может быть, без тем, как говорят французы «à bâton rompu», — обо всем понемногу. В этом у нас полное взаимопонимание, а взаимный интерес так велик,

что мы не всегда замечаем звонки, возвещающие об окончании занятий. То и дело дискуссия обращается к любовной тематике. Нет-нет, со всей откровенностью могу и сегодня засвидетельствовать полную корректность наших взаимоотношений. Просто за отточенными вопросами нашей юной наставницы проглядывает ее неподдельное любопытство к тому, как «это» происходит «там», у нас. Причем без намека на влияние какого-то «железного занавеса» — политически мы также предельно терпимы. Интерес будят, скорее, другие, общечеловеческие, темы.

«Ну, вот вы признаете, что у вас с отелями неважно, автомашин мало, зима долгая, опять же снег. А как же тогда?..» — следует, как видите, достаточно четкий вопрос преподавательницы.

Конечно, нас семеро, и мы могли бы дать необходимые ответы, но все-таки преподаватель, Сорбонна… Во всяком случае, щеки у всех слегка розовеют, а запальчивая дискуссия хорошо служит усвоению языка, отработке дипломатических формулировок и доброму общению.

Курсы эти со смыслом. Две-три сотни слушателей ищут возможности получить в итоге сертификат, дающий право преподавания французского языка повсюду в мире, за исключением Франции. Для этого нужно пройти через заключительный экзамен. Нам всем сертификаты выдаются без экзаменов — неплохая оценка качества подготовки в МГИМО. Вручаться сертификаты должны в торжественной обстановке, после чего дается большой бал. Мы, конечно, рассказываем об этом в посольстве, за чем следует легкая неожиданность: нам сообщают о решении: мы можем идти на бал. (Но могло ли быть иначе, и при чем тут «решение»? — недоумеваем мы.) Более того, нам говорят, что с нами на бал пойдет даже один старший товарищ. В прошлом он тоже выпускник МГИМО, уже несколько лет как работает в посольстве. Мы часто встречаемся с ним, хотя позже я никогда не видел его фамилию в списках центрального аппарата МИДа в Москве.

— Это в помощь вам… на балу, — поясняет нам ответственный за нашу стажировку в посольстве, — если надо будет посоветоваться. Он все-таки лучше вас знает обстановку в стране.

— ?..

— Нет-нет, поверьте, это действительно лучше для всех нас, если он там с вами побудет. Он и подвезет вас, вы же знаете — у него «ситроен».

Может быть, «они» и правы: так будет нам лучше, тем более

что «он» действительно вел себя по-товарищески и даже танцевал, как мы. А может, это ему самому зачем-то нужно было. Жизнь многогранна!

Визы для пребывания во Франции нам раздобыли на пять месяцев. Время пролетало, съеживаясь, как шагреневая кожа, и мы готовились к отъезду, когда нам сообщили, что четверых из нас, включая меня, посол оставляет для работы в посольстве. Вскоре пришел и приказ по МИДу о зачислении меня в штат Министерства в качестве стажера посольства во Франции.

Тут самое время сказать несколько слов о после Виноградове Сергее Александровиче. Сам он попал в дипломатию в 1940 году с преподавательской работы после известной чистки Наркоминдела. Был человеком многих достоинств, из которых я бы выделил прежде всего здравый смысл, любовь к людям и общительность. С. Виноградов был великолепен в светской парижской жизни, хотя его французский язык, мягко говоря, хромал даже после двенадцати лет пребывания во Франции, обладал замечательным чутьем на перспективных политических деятелей и любил работать с молодежью.

Так вот, Виноградов острым своим взглядом присматривался к каждому из нас, часто беседовал, приметил, что мы довольно быстро стали чувствовать себя в Париже, как рыба в воде. Нам не стоило большого труда проводить переговоры по телефону, смотаться на другой конец города, а с еще большим удовольствием куда-нибудь в провинцию, написать нехитрое письмо, сходу перевести не только беседу, но и публичное выступление на различные темы. Это выгодно отличало нас от большинства дипломатов-старожилов, которые и в самом деле привыкли к довольно «оседлому» образу работы в посольстве, а связей и контактов с иностранцами, по обычаям, которых свежий ветер пока еще не коснулся, сторонились.

Так что в нас он видел как бы молодую поросль для посольства. Решение взять нас на работу принял твердое, и это было вдвойне важно для нас. Дело в том, что количественный состав работников посольства был ограничен жесткой квотой со стороны Франции — такие были времена — и мест в этой квоте ни для кого из нас не было, а срок действия наших виз истек. Стало быть, Виноградов оставлял нас во Франции как бы явочным порядком в расчете на то, что власти не станут нас выдворять. Никаких выданных французами документов у нас в этих условиях не было и быть не могло, паспорта наши хранились в консульстве во избежание того, что в случае, если бы мы их утеряли или в каких-то обстоятельствах их изъяла по причине просроченных виз полиция, мы остались бы вообще без каких-либо доказательств,

что мы хотя бы въехали во Францию на законных основаниях. В кармане у нас покоились лишь фотокопии с паспортов — бумага более чем сомнительная с правовой точки зрения. Правда, довольно скоро я дополнил ее французскими водительскими правами, которые во Франции фактически обладают силой нашего внутригражданского паспорта.

Все бы это было вполне сносно и даже увлекательно, если бы не одна деталь. Я уже пару лет как был женат, а заполучить при таком полулегальном собственном статусе жену в Париж было не просто. Добиться этого удалось только спустя три месяца, когда была изыскана возможность узаконить мое пребывание в качестве официально признанного французскими властями сотрудника посольства.

К тому времени, когда я обрел статус сотрудника Министерства иностранных дел, — август 1955 года, — все больше давал о себе знать новый курс Советского Союза во внешней политике. Конечно, международная обстановка была сложна и противоречива. Набирала темпы гонка вооружений. В Советском Союзе крайне негативно были восприняты Парижские соглашения, подключение ФРГ к НАТО. В качестве одной из ответных мер Советский Союз в мае 1955 года денонсировал Договор о союзе и взаимопомощи с Францией, заключенный в результате визита в СССР главы Временного правительства Франции генерала де Голля в декабре 1944 года. Думаю, что обоснованность такого шага не была бесспорной. Конечно, обстановка в Европе изменилась по сравнению с теми временами, когда был заключен этот договор. В то же время денонсация такого договора ослабляла правовые основы советско-французских отношений.

Наряду со всем этим новое советское руководство делало ставку на знакомство, контакты, диалог с Западом. Своеобразный старт этого нового курса был дан в рамках отношений между СССР и Францией. Им стали гастроли известного французского театра «Комеди Франсез» в Москве в апреле 1954 года. Уже само по себе это необычное для советской жизни тех лет культурное мероприятие превратилось в крупное общественно-политическое событие, предвестника перемен. Эффект был усилен тем, что на заключительном спектакле присутствовали руководители КПСС, на что не могли не обратить внимание во всем мире.

В июле 1955 года в Женеве состоялась первая после войны встреча глав государств и правительств СССР, США, Франции и Англии. В мире с надеждой заговорили о «духе Женевы».

В феврале 1956 года пришел XX съезд КПСС. Секретный доклад Н. С. Хрущева. Сенсация мирового масштаба. Франция под

глубочайшим впечатлением.

Принцип мирного сосуществования становится основой взаимоотношений Советского Союза со странами Запада. Огромный интерес в международном общественном мнении ко всему, что связано с нашей страной. Все это сказывалось на международных делах в целом, это требовало ускоренной перестройки деятельности советской дипломатической службы. С. Виноградов, принимавший, кстати, участие в Женевской встрече, хорошо чувствовал дуновение перемен. Во Францию он был назначен после смерти Сталина. Во главу угла своей деятельности он поставил улучшение советско-французских отношений и всячески нацеливал на это коллектив посольства. Мне такой подход импонировал и стал определяющим в моей работе.

Мы стали придавать все большее значение культурным отношениям с Францией, связям с общественностью. Раньше на эту сферу деятельности смотрели как на третьестепенную. Достаточно сказать, что никто из дипломатов в посольстве полностью свое время этой работе не отдавал. В середине 1955 года было произведено нововведение в структуре посольства. Прибывший в Париж новый советник В. И. Ерофеев практически целиком сконцентрировался на культурных связях. В условиях, когда в составе посольства было всего три советника, это было существенным изменением (попутно стоит отметить, что, став послом СССР во Франции в 1990 году, я нашел в посольстве 17 советников). В посольстве была создана культурная служба, и именно туда и определили меня, как только я стал сотрудником посольства. Признаюсь, это вызвало у меня поначалу самое глубокое огорчение. Еще бы! Одному из моих сотоварищей В. Рыбакову был доверен реферат по Алжиру; разгоравшаяся там война все больше заполняла политическую жизнь страны — только и разговоров, что о ней. Другой, М. Бусаров, преисполненный серьезности, рассуждал о будущем французской экономики. А меня вот бросили на какие-то культурные связи, что-то эфемерное, потому что их в общем-то по серьезному счету и не было. Все во мне протестовало и бродило, как это, видимо, происходит с молодым вином, только что розлитым по чанам для ферментации. Правда, еще один сокурсник, Ф. Иванов, вообще попал в протокольную службу, но какое утешение от беды товарища?

* * *

Культурных связей действительно не было или, если не преувеличивать, почти не было ни между Советским Союзом и Францией, ни у самого посольства. Вернее, не было как направления систематических усилий. Вместе с тем достаточно было только прикоснуться к этой области деятельности, чтобы обнаружить, насколько она интересна, увлекательна и благодатна. Уже несколько дней спустя после моего назначения я кружился, как белка в колесе. Знакомства с деятелями культуры нарастали как снежный ком. Среди них замелькали Луи Арагон, Эльза Триоле, Ив Монтан, Симона Синьоре, Серж Лифарь, Рене Клер, Андре Барсак, Маргарита Лонг, Мадлен Рено, Жан Луи Барро… Да разве всех перечислишь. Главное было в том, что эти люди не придавали такого значения должностям и титулам, как, скажем, в госаппарате Франции или дипкорпусе, и для установления контакта мне достаточно было визитной карточки с самым скромным указанием, что я из культурной службы посольства. Все же остальное вытекало из взаимных интересов, которые, как правило, находились с людьми из различных сфер культурной жизни Франции. Стремление деятелей культуры, представителей интеллигенции двух стран к общению друг с другом, жажда встреч, интерес к выставкам, гастролям были огромны. Я окунулся в море всякого рода инициатив, предложений, проектов, старался поддержать все мало-мальски интересное, высечь искру из всего, что было способно дать запал добрым делам. Москва, в свою очередь, становилась все более восприимчивой, откликалась на все большее число предложений. В Париже частыми гостями стали наши лучшие артистические коллективы, прославленные исполнители, деятели театра, кино.

Разве не почетным было оказаться рядом с таким, например, блестящим человеком, как Николай Черкасов, и тем более помочь ему в качестве переводчика. Он приехал во Францию с первой делегацией наших кинематографистов, выступал больше других на встречах с французами. Красноречие порой несло его, как на крыльях. Забывая, что говорит перед французской аудиторией, он останавливался лишь тогда, когда последним взмахом руки завершал всю речь целиком. И тогда… тогда надо было, надеясь только на память, всю эту речь донести до зала уже по-французски, и получался уже не перевод, а едва ли не соревнование, и как тут не вспомнить, как однажды аплодисменты сорвал в таких обстоятельствах не только Н. Черкасов, но и я, как переводчик.

Не обходилось, конечно, без поучительных ситуаций. Как-то вместе с В. Ерофеевым мы приняли в посольстве крупного французского кинорежиссера, заканчивавшего работу над

фильмом «Если бы парни всей земли». Он подробно рассказал нам содержание этой ленты — суть была проста и благородна: в тогдашнее напряженное для международных дел время люди разных стран и противоборствующих миров, получив сигнал о смертельной опасности, нависшей над одним из жителей планеты, совместными усилиями, перешагивая через пространства и границы, через политические режимы и разность идеологий, спасают ему жизнь. Кинорежиссер предлагал организовать показ фильма во всех странах, где разворачивалось его действие. Помню, что СССР, Франция и США там были точно. Более того, чтобы усилить эффект солидарности, он считал важным, чтобы премьера фильма состоялась не только в один и тот же день, но и в тот же час и в Москве, и в Париже, и в Нью-Йорке (может быть, и еще где-то, но для данного рассказа это не суть важно). Мы с В. Ерофеевым загорелись этим предложением. Нам оно казалось настолько бесспорным, что я лишь досадовал, что не смог сам додуматься до чего-либо похожего (молодому хочется быть сразу и работником посольства, и кинорежиссером, и еще, и еще кем-то…).

Мы подготовили соответствующие предложения в Москву. Их В. Ерофеев должен был докладывать послу. Для того, чтобы читателю был понятен небольшой эпизод в рамках этой истории, о котором я хочу рассказать ниже, следует иметь в виду, что уже через несколько месяцев после своего появления наша небольшая служба — служба культуры — сумела разворошить такой муравейник дел, к тому же зачастую результативных, заметных, красивых, что снисходительные улыбки в отношении нас постепенно сошли с лиц наших коллег по посольству; на смену им стали появляться интерес, а то и заинтересованность в паре билетиков, пусть даже и не на премьеру. Родилась, наконец, и верная спутница успеха — зависть, к тому же не всегда белого цвета. Так вот однажды, когда я, как обычно, поджидал во дворе посольства на улице де Гренель, кто бы меня, «безлошадного», подхватил в свою машину на обед (жил я на улице Женераль Апер, у Булонского леса), передо мною резко затормозил пятнадцатисильный «ситроен» (французы с гордостью утверждали, что такие мощные машины даже американская дорожная полиция предпочитала в то время всем остальным маркам мира) и тот самый политический советник А. Аникин, с которым мы уже встречались в этих записках в Москве, — он был вторым по положению человеком в посольстве — распахнул дверцу, приветливо приглашая занять место рядом с ним. Снисходительным тоном он завел разговор о делах нашей службы, сочувственно подбрасывая мысль о том, что я, конечно,

достоин лучшей участи и место мое в политгруппе. Но я уже «подрос» и так не считал, особенно глядя на В. Рыбакова, которого не стало видно из-за горы газетных вырезок на столе по алжирской тематике, или на М. Бусарова, которому все никак не удавалось добыть такую статистику, которая ясно и просто объясняла бы, какое же экономическое будущее ждет Францию. Я мягко отводил посулы собеседника, когда он вдруг заговорил о фильме «Если бы парни…», о том самом, которым я занимался. Я удивился, что он знает об этом, и, может быть, еще больше тому, что придает этому значение, но чистосердечно с энтузиазмом ответил на все его вопросы.

— Ну да, — услышал я в ответ. — У режиссера тут, конечно, своя корысть. Ему бы славы побольше. Все у них здесь так, такое уж общество, — посетовал А. Аникин.

Меня это задело, и я пустился доказывать, что дело-то хорошее. При чем тут корысть, общество… Но мы уже въехали в подворотню нашего дома. Поблагодарив за услугу, я забыл о разговоре раньше, чем взялся за тарелку супа. Забыть-то забыл, только через пару дней озабоченный В. Ерофеев пригласил меня для доверительной беседы. Отношения с ним у меня были искренними, и, видимо, поэтому он счел возможным поинтересоваться моим разговором с А. Аникиным о «Парнях». Я рассказал.

Тогда мой собеседник пояснил, что А. Аникин, оказывается, взялся настраивать посла против фильма и всего, что задумывалось вокруг него, подводя под весь проект идеологическую мину. Дескать, надо быть поразборчивее с буржуазной культурой, замыслы с «Парнями» остановить, а культурную группу приструнить. Посол оказался, к счастью, на нашей стороне. Более того, он-то и шепнул В. Ерофееву: надо, мол, потоньше вести дела.

Ба!!!

Предложение в Москву ушло и было принято. В тщательно выбранный с учетом часовых поясов момент на экранах в Москве, Париже, Нью-Йорке, и еще, и еще где-то, на разных языках одновременно засветились слова «Если бы парни всей земли». Звучал призыв к тому, чтобы люди стали ближе друг к другу! Ну а мне? Мне стало ясно, почему дипломату (сам-то я, как говорится, никак не был волшебником, я только учился) следует держать язык за зубами до тех пор… до тех пор, пока не наступает момент, когда не открыть рот уже нельзя.

* * *

В конце 1955 года видавший виды Париж, Париж, пресыщенный всем лучшим, что создавала культура самых разных стран, этот Париж был ошеломлен триумфом Ансамбля Игоря Моисеева. Парижане, до предела заполнявшие престижный концертный зал французской столицы во Дворце Шайо, замирали перед торжественным великолепием «Партизанской баллады», взрывались аплодисментами задолго до конца огненного «Жока», громко смеялись, обнаружив, как провели их нанайские мальчики. Париж рукоплескал, гастроли были продлены, слава Игоря Моисеева начала свой марш по миру.

Я курировал все пребывание ансамбля с начала до конца. Кстати, не так давно Игорь Александрович с его супругой Ирой — в те времена, о которых вдет речь, блестящей солисткой — пригласили нас с женой в зал Чайковского посмотреть новые свои постановки. Мы были поражены, насколько молод этот человек в своем творчестве в свои девяносто лет. Мы встречались с ним много раз за долгие, оставшиеся позади годы, и в Мадриде, и в Соединенных Штатах. Здесь, в Москве, они принимали нас, как родных. Вспомнили мы с Игорем Александровичем и нашу совместную и любопытную — особенно для меня — парижскую эпопею. Будучи человеком свободомыслящим и больших творческих исканий, он тогда обратился к послу с дерзкой просьбой — разрешить ему посетить самые разные парижские спектакли, особенно те, где танцуют. По причинам и интересам профессиональным. Конечно, речь не шла о Парижской опере. Для ее посещения разрешения посла не требовалось. Дело в том, что в категорию танцующих заведений попадали «Фоли бержер», «Лидо», «Казино де Пари». Ну, да что тут перечислять все места в Париже на левом и правом берегах Сены, где танцуют… Быть может, сегодня читатель, особенно из тех, кто только что вернулся из Парижа, пересчитав там все артистические достопримечательности, улыбнется, читая эти строки, и спросит: при чем тут посол, разрешение и что это за порядок? Увы, времена были другими, а согласие С. Виноградова с тем, чтобы И. Моисеев ходил куда он захочет и сколько ему вздумается, было проявлением известной смелости с его стороны. А тут еще Игорь Александрович попросил, чтобы его в этой Одиссее повсюду сопровождал я (кстати, это был неплохой показатель того, что мы подружились: ведь тогда это в чем-то было похоже на совместный поход в разведку). И на это тоже С. Виноградов согласился. Таким образом, я на вполне законных основаниях проник за черту оседлости для всех совкомандированных, что не могло не наложить отпечаток на мои взаимоотношения со сверстниками, которых захлестывали волны зависти. Так продолжалось, по

крайней мере, до тех пор, пока они так или иначе не проникли во все эти заведения сами.

Но было еще одно последствие успеха Ансамбля. Когда в Москве подсчитали полученные от турне доходы, то выяснилось, что они никак не соразмерны сборам. Возник и более широкий вопрос: достаточно ли внимания уделяется экономической стороне гастролей наших артистов, а заодно и условиям их пребывания за рубежом, качеству гостиниц, где их размещают, питанию, организации досуга? В Париже практически все гастроли организовывались через Парижское литературно-артистическое агентство. Руководили им близкий к Французской компартии ученый и писатель Жорж Сория и один из видных импресарио международного класса Ф. Ламброзо. Дело свое они знали хорошо, но и деньги, естественно, считать умели. Во всяком случае, возникла мысль не замыкаться только на этом агентстве при переговорах о поездках советских художественных коллективов и артистов во Францию, а решать эти вопросы на основе состязательности нескольких импресарио. Казалось бы, чего проще, но хорошую идею надо было еще суметь осуществить. Посольство коммерческих переговоров, разумеется, никогда не вело, но в принципиальном плане намерение поддержало. Вскоре представился и случай опробовать проект на практике: в Париж приехал руководитель подразделения Министерства культуры, занимавшегося цирковым искусством в стране, по фамилии Бардиан, для подготовки первых гастролей во Франции Московского цирка. Он устроил своего рода аукцион вокруг нашего коллектива, чем ввел в полное замешательство Ж. Сория и Ф. Ламброзо, привыкших действовать монопольно. Их он тоже не отсекал. Они долго участвовали в борьбе, будучи вынужденными повышать ставки перед лицом появившихся конкурентов, но в конце концов на финише вышли из игры, отступив перед более щедрым предложением одного малоизвестного импресарио, которому Бардиан и отдал предпочтение. Казалось бы — полный успех. Ан нет! Накануне прилета наших артистов мы вдруг обнаружили, что на Зимнем велодроме Парижа, где должны были проходить выступления, ничего для этих гастролей не готово. На руках у импресарио-победителя прекрасно оформленный контракт с руководством велодрома. В случае неприятностей он мог бы рассчитывать даже выиграть судебный иск, но, увы, премьера под угрозой срыва, и сил у него выправить положение в остающиеся часы явно нет. Ситуация критическая. На велодроме требуется проделать большую подготовительную работу. Куда пойти? К кому обратиться? К рабочему классу! А если выражаться проще — к

работникам зимнего велодрома. Как это сделать? Во имя советско-французской дружбы и высоких идеалов интернационализма нам помогли работники ЦК ФКП. Кипит работа день и ночь, и в вечер премьеры наши артисты были в восторге и от помещения, и от его оборудования. А Париж с первого же представления открыл для себя и мира новую звезду циркового искусства — неподражаемого клоуна Олега Попова. Что же касается организаторов гастролей, то все они и в Москве, и в Париже получили немало пищи для размышлений насчет того, как им действовать в дальнейшем.

Париж привлекал не только крупнейшие наши художественные коллективы — Большой театр, театр имени Станиславского и Немировича-Данченко, Краснознаменный ансамбль Советской Армии и другие, но и выдающихся исполнителей. Частыми гостями были Эмиль Гилельс, Леонид Коган. Тогда же я познакомился и с Мстиславом Ростроповичем. Он, еще далекий от всяких, по крайне мере видимых, сложностей с властью, появился в посольстве неожиданно, как снег на голову. Я увидел его во дворе посольства, оживленно доказывавшего кому-то, что лучше Пикассо художника, конечно, нет. Оказалось, что у него концерт через пару часов в зале «Гаво», но что он даже толком не знал, где этот зал находится и как туда добраться — парижанином он станет значительно позже. Я бросил все дела и отправился с ним в «Гаво». Концерт, разумеется, прошел весьма успешно. Публика мало знала тогда молодого Ростроповича, тем ценнее были аплодисменты, наградившие его за фуги Баха.

* * *

Весной 1956 года в посольство пришло письмо, в котором сообщалось, что у проживавших в Париже родственников известного скульптора Аронсона сохранился сделанный им бюст Ленина, который они готовы были передать советскому государству. Посольству давалось задание все это проверить, скульптуру получить и отправить в Москву. Заботы обо всем этом были поручены мне. Вскоре я уже был в квартире близкой родственницы Аронсона в пригороде Парижа Нейи. Она оказалась милейшей женщиной, рассказавшей мне за чаем немало деталей из романтической истории, связанной с созданием этой скульптуры. Начало истории описал Луначарский, и я всего лишь процитирую выдержки из его рассказа: «Это было в Париже. В 1904 году в одно раннее… утро ко мне в дверь комнаты в отеле «Золотой лев»… постучались. Я встал. На лестнице было еще

темно. Я увидел незнакомого человека с чемоданом.

— Я Ленин. А поезд ужасно рано пришел.

— Да, — сказал я сконфуженно. — Давайте Ваш чемодан. Мы оставим его здесь, а сами пойдем куда-нибудь выпить кофе. Моя жена спит… Тут в двух шагах живет молодой художник Аронсон, крупный мастер, уже заслуживший известность. Он начинает работу страшно рано. И по чашке кофе он нам даст.

Мы зашли в мастерскую Аронсона… Владимир Ильич разделся и в своей обычной живой манере обошел большую мастерскую, с любопытством, но без замечаний рассматривая гипсы, мраморы и бронзы.

Между тем любезный хозяин приготовил нам кофе…

Аронсон отвел меня в сторону: «Кто это?» Мне показалось не совсем конспиративным называть Ленина. «Это — один друг — очень крупный революционный мыслитель. Этот человек еще сыграет, быть может, большую историческую роль».

«У него замечательнейшая голова, — сказал Аронсон. — Не могли бы Вы уговорить его, чтобы он мне позировал? Он мне очень может пригодиться, например, для Сократа».

«Не думаю, чтобы он согласился», — сказал я. Тем не менее рассказал об этом Ленину, и о Сократе тоже. Ленин буквально покатывался со смеху, закрывая лицо руками.

«Какой, я к черту, Сократ, я скорее похож на татарина». Позировать наотрез отказался»…

Только много лет спустя узнал Аронсон, что утренним посетителем его мастерской был Ленин.

После смерти Ленина Аронсон сказал Луначарскому: «Я пришел к выводу, что могу и должен сделать бюст Ленина заочно»…

Два года поисков. 20 сломанных бюстов.

«Аронсон выполнил свою мечту, — продолжает Луначарский. — Он воплотил свое произведение в красном мраморе»…

Это — все вещи опубликованные. Из моих же бесед с родственницей Аронсона я узнаю, что, конечно, не совсем по памяти, как это утверждает Луначарский, работал скульптор. Моя собеседница достает целые кипы фотографий Ленина, присланные Аронсону из Москвы во время создания бюста, но это несущественная деталь. Важно было другое: когда Крупская увидела бюст в Москве в 1927 году, она воскликнула: «Это — кусок Ленина!»

А что же дальше? Где бюст? Опустим не относящиеся прямо к рассказу подробности.

Когда сапоги гитлеровских солдат, входивших в Париж, гулко

стучали по мостовой безлюдных Елисейских полей, бюст находился не так далеко от них в мастерской скульптора. Одна скромная парижская семья, рискуя попасть в руки гестаповцев, однажды утром перевезла на грузовике из мастерской Аронсона в подвал своего дома несколько скульптур, обернутых мешковиной. Среди них был бюст Ленина. Если бы патруль вздумал остановить грузовик, то и бюсту, и участникам этой операции не поздоровилось бы.

Теперь же бюст находился где-то в подвалах Дворца Шайо — того самого, где незадолго до этого отплясывали моисеевцы. «Давайте там поищем вместе», — говорит мне наследница Аронсона.

Во дворце нас встретили приветливо. Дворец построен не так давно, его подвалы не завалены хламом, и мы без большого труда находим в одном из углов целый набор скульптур Аронсона. Они все кажутся гипсовыми, однако одну из них делает похожей на гипсовую лишь толстый слой пыли, и стоило смахнуть ее, как перед нами засветилось мягким розовым цветом действительно впечатляющее изваяние Ленина. Конечно, бюст этот выпадал из того привычного для советской эпохи скульптурного изображения Ленина, и, кто знает, может быть, это было одной из причин, почему, побывав в Москве в 1927 году, он не остался там, а вернулся в Париж. Вскоре бюст был отправлен в Москву и стал экспонатом одного из залов музея Ленина.

* * *

Работа моя предполагала в качестве необходимого и в то же время увлекательного элемента знакомство с французским миром культуры и искусства, с его представителями. Частыми гостями в посольстве бывали Луи Арагон и Эльза Триоле. Арагон был признанным первым поэтом Франции, издавал литературную газету, был членом Центрального Комитета Французской компартии. Триоле занималась переводами Маяковского на французский язык, писала повести. Взаимная любовь во многом определяла смысл жизни этих людей. Известно, как много замечательных строк посвятил Арагон Эльзе в своей поэзии. К этому одна забавная деталь. Как рассказывала Эльза, Арагон коллекционировал всевозможные предметы с ее инициалами — Э.Т., покупал их, если они попадались ему на глаза, независимо от цены. И вот однажды в ресторане на Эйфелевой башне он обратил внимание на то, что эти буквы стояли на ведерке для льда, в котором подавались бутылки шампанского. В этом ничего

удивительного не было, поскольку название Эйфелевой башни по-французски — Tour Effel — в сокращении содержит те же буквы. Арагон тут же попросил продать ему ведерко. Хозяин запротивился: шампанского пейте сколько хотите, но при чем здесь имущество ресторана. Луи Арагон был, однако, настойчив и с башни спускался с ведерком.

Эльзе Триоле не все было по душе в наших московских порядках, особенно в литературных кругах. Она брюзжала, жаловалась послу на необъективные публикации о личной жизни Маяковского. Арагону малейшие критические замечания по адресу Советского Союза не нравились, он морщился, слушая Эльзу, а порой и старался остановить. Посол как мог лавировал, обещал в чем-то посодействовать.

Арагон любил свою виллу на Лазурном берегу в живописном местечке Сен Поль де Вансе, где считали для себя честью обосноваться виднейшие французские писатели, поэты, художники, артисты. Там он вместе с Эльзой радушно принимал деятелей культуры из Советского Союза.

Бывал я на квартире Ива Монтана и Симоны Синьоре на островке Сите. Вместе с соседствующим островом Сен-Луи — это высоко престижное место, где любит жить французская интеллектуальная элита. Встречались мы с ними и на юге Франции на их вилле в уже упоминавшемся Сен Поль де Вансе. Оба они играли тогда в одном из самых популярных драматических спектаклей — «Салемские ведьмы», изредка Ив Монтан выступал с концертами. Ив Монтан находился под глубоким впечатлением от своих триумфальных гастролей у нас. И он, и Симона Синьоре вели себя по-дружески, готовы были дать отпор любому обидчику нашей страны, радовались встречам с посещавшими Париж советскими артистами.

В расцвете своих творческих сил был выдающийся французский кинорежиссер Рене Клер. Он принимал нашу делегацию кинематографистов в Сен Тропезе. В общении с ним прошел почти целый день. Он был горячим поклонником таланта Сергея Эйзенштейна, высоко отзывался о «Чапаеве», «Александре Невском», был доволен возобновлением прямых контактов между советскими и французскими деятелями кино.

Как тесно все переплеталось в мире культуры! Маргарита Лонг не мыслит себе своего конкурса без участников из Советского Союза. Вану Клиберну Париж рукоплещет как победителю конкурса Чайковского в Москве, и под сводами Дворца Шайо торжественно звучит «Первый концерт».

Видный французский режиссер Андре Барсак поставил целую серию русских классических спектаклей. В театре «Эберто» идут

чеховские «Три сестры» с участием трех из четырех сестер Поляковых: Марины Влади, Одиль Версуа и Элен Валье.

Не обходится и без сильных проявлений чувств: популярная в те годы кинозвезда Николь Курсель так влюбляется в главного героя «Донских казаков» Владлена Давыдова, что нам приходится принимать специальные меры, чтобы тайком от нее посадить его в отходящий в Москву поезд.

В те годы большой любовью парижан пользовалась песня, шедшая от глубокой французской традиции. Мне привелось побывать на уникальном концерте Мориса Шевалье. Он был уже в таком возрасте, что перед выступлением имел, видимо, все основания пояснить: «Я, конечно, еще могу, но не так, как раньше, а только после некоторой подготовки…» Зал аплодировал хотя бы потому, что эта шутка поднимала большинство сидящих в нем седовласых людей в их собственных глазах. Зато на Монмартре неистовствовала Эдит Пиаф. Она появлялась на сцене в небольшом кафе с непокрытыми деревянными столами — сцене крошечной — сама как крошечный искалеченный воробей. Сильно хромая, она спешила к центру сцены так быстро и так энергично, как будто не хотела дать времени подняться у зрителей чувству жалости к этому ее облику, и вдруг, словно превращаясь в дьявола, оглушала зал мощью своего голоса, после чего для всех сидевших там не существовало больше ничего, кроме поразительных ее песен и ее могучего таланта. А на другом берегу в зале побольше, но никак не фешенебельном, под названием «Бобино», другой бард Жорж Брассенс скромно выходил из-за кулис с гитарой, простой табуреткой, бутылкой вина и небольшим стаканом и начинал свой душевный речитатив о жителе Оверни, — если верить молве, люди там скуповаты, — который поделился последним куском хлеба, о любви, которая никогда не бывает счастливой, и о многом, многом другом, трогающем струны человеческой души. Вместе с Шарлем Трене, Лин Рено, Далидой, Жаклин Франсуа и еще многими они представляли и целый пласт французской культурной жизни.

Еще одним популярным жанром спектаклей были — «шансонье» — сатирики. Это всеиспепеляющее острое слово, народный юмор. Разящая критика политических деятелей (обидеться на нее означало бы уронить себя в глазах общества), мгновенный отклик на все злободневное и, наконец, разоблачение человеческих слабостей, в чем тоже стесняться не принято. Все это составляет содержание сочных, густо приперченных программ. Как и у нас, шансонье — непременная часть многих концертов, но есть для них и специальные театры. Залы там маленькие, с полусветом. Все рассчитано на прямой

контакт не только со всей аудиторией, но и с каждым зрителем персонально. Излюбленные мишени для властвующего на сцене зубоскала — опоздавшие. В такие театры я ходил никак не для того, чтобы прикидывать возможность их турне по Союзу — язык подобных представлений настолько виртуозен и быстротекуч, что переведи его — и половина качеств спектакля будет потеряна. Зато это помогало понять настроения среднего француза. У каждого жанра свои почитатели. Несколькими годами позже, во второй мой приезд во Францию, в течение нескольких лет моим обычным собеседником на Кэ д'Орсе[1] был Жак де Бомарше — прямой потомок знаменитого Карона де Бомарше. Был он человеком в высшей степени рафинированным и изысканным. Узнав как-то, что я побывал у шансонье, он слегка улыбнулся, из чего было ясно, что нишу для такого рода искусства надо искать где-то левее «Свадьбы Фигаро».

Дворец Гарнье — Парижская опера — был помимо многого прочего интересен взаимосвязью традиций. Когда-то легендарный француз Петипа оказался у истоков классического балета в России. Во время первой мировой войны знаменитая балетная труппа Дягилева завоевала сердца парижан, и под воздействием их невиданного успеха в Париже продолжала жить школа классического балета, которой руководил Серж Лифарь. Он был известен и как большой почитатель Пушкина, обладатель многого ценного, связанного с жизнью и творчеством поэта. Только ли в танце давали о себе знать бесчисленные нити духовных и человеческих связей наших стран и народов? Известный драматург и постановщик Саша Питоефф прославился своими чеховскими спектаклями. В прогремевшем во Франции фильме «Колдунья» расцветавшая тогда Марина Влади заворожила зрителей уже давно вошедшим во французский лексикон «славянским шармом».

О культурной жизни Франции того времени люди действительно знающие написали много захватывающих книг. Я же лишь делюсь впечатлениями, с которыми мы с моими сверстниками знакомились с французской жизнью.

* * *

Общение с интеллигенцией различных направлений и взглядов, свободные разговоры с ее представителями, в том числе зачастую и в домашней обстановке, расширяли возможности познания страны, позволяли узнать неизмеримо больше, чем может дать любая официальная беседа, знакомство со

справочным материалом или чтение пусть даже самых толстых фолиантов. Это несло немалую практическую пользу. Помню, както во второй половине дня посол собрал у себя всех сотрудников посольства. Задание из Москвы. Срочное. Важное. Там получено обращение к советскому правительству группы общественно-политических деятелей Франции по гуманитарному вопросу. Москва требовала быстро дать оценку взглядов тех, кто подписал обращение.

Дело происходило в начале 1956 года. Это была одна из первых ласточек трудного диалога по правам человека. В Москве придали обращению большое значение: ответ необходимо было отправить в тот же день. Многих из подписавших в посольстве знали не более, как по имени, других не знали вообще. Стали судить-рядить, где добыть справочники, из которых можно было бы наскрести что-то для телеграммы. Но выяснилось, что и со справочниками не густо. Посол был категоричен: «Ищите, где хотите, листайте газеты, покопайтесь в Ларусе, но задание должно быть выполнено».

На том совещании я по чину был последним, но все же решился предложить заехать к двум-трем моим знакомым интеллектуалам и по-дружески поговорить с ними. Мне сразу выделили машину. Через три-четыре часа несколько страниц рукописного текста легли на стол Виноградова. Он вновь собрал всех получивших задание. Они принесли ему скудный свой улов — даты рождения (не всех), титулы и положение (не каждого) и кое-что еще, как правило, безликое… что можно было отыскать в справочниках. К написанию проектов шифртелеграмм я допущен еще не был. Это сделали старшие товарищи, которым и передал посол мои листки.

Работа посольства в области культуры становилась все более содержательной, возрастало и ее политическое значение. Знакомство с французской дипломатической службой показывало, какое большое внимание уделяется Францией культурной деятельности как одному из важнейших средств в осуществлении внешнеполитических целей страны. Достаточно сказать, что подразделение на Кэ д'Орсе, занимающееся культурными делами, — самое многочисленное и располагает самим большим бюджетом во всем французском МИДе.

Взаимодействуя с центром, мы стремились придать советско-французским культурным связям все большую систематичность, плановость. Взялись изучать повторяющиеся крупные культурные мероприятия Франции — фестивали, конкурсы, выставки, отбирая из них те, что могли бы представлять интерес для регулярного участия наших представителей, привлекать ведущих

деятелей культуры Франции к участию в соответствующих мероприятиях с Советским Союзом.

В то же время наша служба старалась найти нетрадиционные формы общения с французской общественностью. Новое в политике Советского Союза, принятые Москвой меры, направленные на то, чтобы приоткрыть нашу страну для контактов с иностранцами, вызвали во Франции волну туризма в Советский Союз. При этом, если раньше в нашу страну выезжали по большей части французы, сочувственно относившиеся к СССР по идеологическим соображениям, то теперь это были люди все более широкого спектра политических настроений. Они возвращались, обогащенные впечатлениями, готовые к более предметным, чем прежде, дискуссиям о том что представляла наша страна, а дискуссия, интерес — это уже неплохо. На этой почве у нас родилась мысль организовать встречу этих людей, и не столько с нами, сколько их самих друг с другом. Потрудиться пришлось много: найти энтузиастов среди совершивших поездки к нам французов, вовлечь в сотрудничество турагентства, разослать большое количество приглашений и прочее и прочее. И вот такая встреча состоялась. В таком знаменитом зале Парижа, как Плейель. Собралось почти две тысячи французов, побывавших в нашей стране. Гвоздем этой встречи была демонстрация любительских фильмов, снятых туристами во время пребывания в Москве, Ленинграде, других городах. Успех был большой. Мы и сами увидели многое в нашей стране другими глазами: иностранцы в своих фильмах смогли подметить и запечатлеть то, на что мы обращали мало внимания.

* * *

Мы испытывали чувство удовлетворения от того, как разворачивались наши дела в сфере культурных отношений с Францией. Разумеется, ясным при этом было понимание, что находились мы лишь на каком-то начальном этапе пути. — Многие видные деятели культуры Франции оставались вне наших контактов. Дальнейшее движение вперед зависело, конечно, и от активности посольства, и от связей творческой интеллигенции Советского Союза и Франции. Но были на этом пути и серьезные ограничители идеологического и политического характера. Оглядываясь назад, можно утверждать, что период с начала нашей «оттепели» и до венгерских событий осенью 1956 года был весьма обещающим для сближения между СССР и Францией в области культуры.

ЮНЕСКО

Как-то В. Ерофеев пригласил меня для еще одного разговора по душам. Он поведал, что уже некоторое время вел борьбу за то, чтобы я оставался работать в посольстве, но добиться этого не сумел. К сожалению, нам придется расстаться.

Очередной сюрприз — мелькнуло у меня в голове. Я был поглощен порученной мне работой и чувствовал себя вполне комфортно. Сообщение о том, что мне предстоит покинуть посольство, грянуло для меня как гром среди ясного неба. Оказалось, что посольство получило указание из Москвы предложить мне подать документы для поступления на работу в секретариат ЮНЕСКО. Это, как известно, специализированное учреждение Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Создана организация была в 1945 году, но в сталинские годы Советский Союз не обращал на нее никакого внимания. Теперь же в рамках формировавшейся новой политики стало не только логичным, но и необходимым наше участие в ее деятельности. В апреле 1954 года СССР стал членом ЮНЕСКО. Через некоторое время было открыто и наше представительство при этой организации, которое быстро наполнилось положенными по штату дипломатами.

Вместе с тем наше внедрение в секретариат этой организации, то есть в постоянный рабочий орган, оказалось проблемой крайне трудной. Исходя из финансового вклада Советского Союза в ЮНЕСКО, мы могли претендовать более чем на 50 должностей в секретариате, включая и самые высокие. На деле же в секретариате долго не было ни одного сотрудника из нашей страны. Секретариат, естественно, ко времени вступления Советского Союза в ЮНЕСКО сложился, был укомплектован гражданами из других стран, руководил им в качестве Генерального директора американец Эванс. В соответствии с Уставом сотрудники секретариата были международными чиновниками, они подписывали при поступлении клятву верности организации, обязывающую их ничьих иных указаний, кроме как Генерального директора, не выполнять и отдавать «все свое время» работе в организации (как шутили в кулуарах злые языки насчет этой формулы — добровольно отдавали себя в рабство). Однако при всех этих строгостях было очевидно, что без «своих» людей в секретариате нам нелегко будет осваиваться в ЮНЕСКО. Поэтому одной из главный задач стала борьба за внедрение в секретариат советских граждан.

Интересы Советского Союза при ЮНЕСКО представлял в то

время Владимир Семенович Кеменов. Искусствовед по профессии, он побывал до этого на постах заместителя министра культуры и председателя ССОДа.

Кеменов быстро приобрел славу самого блестящего оратора из всего международного сонма деятелей, вращавшихся вокруг ЮНЕСКО. Его пикировки с Эвансом достигали такой красочности, что в дни заседаний Исполнительного Совета — руководящего представительного органа ЮНЕСКО между сессиями ее Генеральной ассамблеи — многие сотрудники Секретариата, независимо от национальной принадлежности, прекращали работу и заполняли не только места для публики, но, порой, и подходы к залу, чтобы насладиться очередной выволочкой, которую устраивал гендиректору советский делегат без всяких заранее написанных текстов. Поводов для этого было предостаточно: международная обстановка была сложной, к тому же среди проблем, которыми занималась ЮНЕСКО, было немало деликатных, связанных с такой остроконфликтной для отношений между СССР и США сферой, как идеология. Продвижением советских кандидатов в международные служащие приходилось заниматься самому В. С. Кеменову, поскольку при этом приходилось преодолевать сопротивление все того же Генерального директора. Однако к моменту, когда речь зашла о моей работе в ЮНЕСКО, ему удалось заполучить лишь две скромные должности: С. Салычев и В. Радченко были назначены сотрудниками с профессиональным рангом «П-3»[2]. Даже в секции русских переводов — казалось бы! — не было ни одного человека, приехавшего из Москвы, и она была заполнена представителями послереволюционной эмиграции. Туда-то, на должность «П-2», и прочила меня вместе с сокурсником Ю. Кривцовым Москва. Его — с английским языком. Меня — с французским.

Кандидатов Советский Союз предлагал много, но их отводили либо из-за несоответствия послужного списка критериям вакантной должности, либо потому, что их знание языка оценивалось как недостаточное, либо, наконец, в силу того, что, как утверждалось, они проваливались на экзаменах. Этими аргументами и отбивал Эванс упреки Кеменова в том, что тот не допускает советских граждан в лоно вверенного ему секретариата по соображениям политическим. Видимо, поэтому в Центре и решили запустить в дело молодежь, прошедшую через МГИМО, т.е. получившую профессиональную подготовку в международных делах.

Борьба за советское присутствие в секретариате была, бесспорно, задачей важной. Я это в общем плане хорошо

понимал, но в то же время протестовал: при чем тут я?! Предложение я воспринял как наказание, взывал о пощаде и просил В. Ерофеева продолжать борьбу. Однако единственное, что он мне пообещал, — это организовать мой личный разговор с Виноградовым. Тот же мне пояснил, что на последнее его возражение он получил из Москвы замечание от министра, что в посольстве, видимо, не понимают значения международных организаций для нового разворота нашей внешнеполитической деятельности.

— Так что, Юрочка, мне тебя не хотелось терять, ты работаешь хорошо, но иди подавай заявление и, как получишь приглашение на экзамены, отправляйся их сдавать.

Ободренный комплиментом, я заметил, что экзамен можно ведь легко провалить. «Ради работы в посольстве, — добавил я, — я готов на это».

Но Виноградов строго посоветовал не портить мнение о себе.

— Молва, — сказал он нравоучительно, — поважнее писанных характеристик. Раз уж так получилось, экзамены ты должен сдать достойно. И не забывать, что еще молод и впереди у тебя может быть немало интересного.

Что тут возразишь? Надо выполнять предписанное. Вскоре пришло приглашение от секретариата. На экзамены. Получил я его через Комиссию по делам ЮНЕСКО в Москве. Все как положено. И приписка из Москвы: доложить, как все пройдет.

Экзамен был организован в помещении штаб-квартиры ЮНЕСКО, в то время на авеню Клебер, недалеко от Триумфальной арки. Абитуриентов собралось больше ста пятидесяти, и все они претендуют на два — только два! — вакантных места в секции русских переводов. Огромный зал. Каждому по столу. Закодированная папка призвана продемонстрировать полную беспристрастность. С меня требуется перевести на русский язык два текста с французского — одни общеполитического характера, другой специализированный, юридический. Я это сделал. Доложил Виноградову, что действовал, как он сказал, то есть постарался написать работу качественно.

Одна к этому деталь: Кеменов добился, чтобы в экзаменационную комиссию, в ту, что будет просматривать работы, был включен один из уже попавших в секретариат наших граждан — В. Радченко, а нам с Ю. Кривцовым было сказано дать В. Радченко образцы наших почерков. Так что поговорку: «доверяй, но проверяй» мы знали и пускали в дело пораньше Рональда Рейгана. В. Радченко к работе комиссии подпустили лишь на заключительной стадии, когда другими членами

комиссии была произведена отборка нескольких работ, которые, дескать, только и заслуживали внимания советского работника. Пояснили ему: вы, мол, человек занятый, что же вам читать гору безграмотных бумаг. Ни моей, ни Ю. Кривцова работ среди представленных вниманию В. Радченко не оказалось. Пришлось и ему заняться дипломатией. Просмотрев показанные ему работы, он заявил, что как член комиссии, хотел бы для очистки совести бросить взгляд и на макулатуру. Как рассказывал мне потом В. Радченко, найти мою работу не стоило труда уже потому, что на ней не было никаких пометок цветного экзаменаторского карандаша. Нашел он и работу Ю. Кривцова по тому же признаку. Прихватив для маскировки еще две-три, где поправок было поменьше, чем в других, он попросил экспертов — их возглавлял руководитель секции русских переводов ЮНЕСКО А. Соломон (был среди них и официальный переводчик Кэ д'Орсе князь К. Андронников) — пояснить, почему эти работы оказались в отвале. В мою работу Соломон долго всматривался и в конце концов сказал, что ее пороком является неправильное словообразование: «Абитуриент вот употребил слово «целенаправленный», а такого слова ни в одном толковом словаре мы не нашли, да и никто в секции его никогда не слышал». Радченко поинтересовался, имеются ли у экспертов другие замечания по моей работе.

Ответ был отрицательный. Они признали, что все остальное в порядке. Работы оценивались по стобалльной системе; и Радченко, засвидетельствовав своим авторитетом человека «оттуда» — с родины языка, что слово «целенаправленный» вполне приемлемо для современного словоупотребления, спросил, не будет ли у членов комиссии возражений, если моей работе будет выставлена оценка «100». Возражений не последовало. Тем же кончилось и обсуждение работы Ю. Кривцова. Других «сотен» не оказалось. Результаты деятельности экзаменационной комиссии были отправлены в комиссию мандатную, которой и надлежало принять решение о моей работе в ЮНЕСКО.

Новости эти я (с учетом моего нежелания покидать посольство) расценил как удручающие.

Вскоре последовало приглашение предстать перед мандатной комиссией.

Комиссию возглавлял директор департамента публикаций ЮНЕСКО Делавне, вокруг него расположилось целое созвездие чиновников рангом пониже. Подчеркнуто вежливый прием, комплименты моему французскому языку, прочее протокольное обрамление, которое закончилось скользко-сладеньким

поздравлением с успехом на экзаменах и… сообщением о занесении меня в список-резерв ЮНЕСКО. Вот уже и тянется ко мне готовая для трепетного прощального пожатия рука директора.

Ситуация неожиданная.

— Какой список, какой резерв?

— Так это на случай всякой возможной временной работы. Случись, например, Генеральная конференция или что-то текущее. Мы направим вам приглашение. Вы нам понравились, и мы не хотели бы терять вас из виду.

Во мне возникает вихрь противоречий. Кажется, сбывается то, на что я уже перестал и надеяться: есть шанс пустить ЮНЕСКО побоку и продолжить работу в посольстве. Но, с другой стороны, разве допустимо такое обращение с кандидатом из нашей страны. Пока еще совсем спокойно я заявляю:

— Господа, я не безработный, я сотрудник советского посольства и не ищу от вас никаких милостей, тем паче временных подработок. Прошу вас ни в какие листы ожидания меня не включать. Меня интересуют результаты моего экзамена.

— Нет, это мы вас просим не отказываться…

— Оставим это. Каковы результаты моего экзамена? Я имею право знать это.

— Удовлетворительные, но просим…

— Сколько баллов?

— Особенно хороша работа по правовому тексту. У вас, видимо, специальное юридическое образование, не так ли?

— О моем образовании сказано в анкете. Какой у меня балл?

— Высокий, но мы не обязаны давать отчет.

Атмосфера накаляется.

— Пусть так, тогда какие претензии по экзаменам?

— Дело не в претензиях по экзаменам.

— В чем же?

— Ну, вот вы не знаете английского языка, а у нас много документов на английском.

— Вот ваше приглашение на экзамены, господа. Вы знали, что я английским не владею, и никаких оговорок не сделали. Покажите мне положение Устава, из которого было бы видно, что знания двух рабочих языков организации — русского и французского — недостаточно для того, чтобы быть принятым на работу в ней.

— Молодой человек, вы забываетесь…

— Я хочу информировать Москву о причинах, почему мне отказано в работе.

— Мы письменно охарактеризуем вас Москве как прекрасного

профессионала, если хотите, мы скажем это и вашему послу…

— Я не нуждаюсь в ваших характеристиках, я хочу знать ответ на мой вопрос.

— Ну, так знайте одно, — выходит из себя Делавне, — у вас нет и не будет пути в ЮНЕСКО!

Я встаю.

— У меня последняя просьба. Но настоятельная. Сообщите мне это ваше решение письменно. Вы письменно пригласили меня на экзамены. Так же письменно прошу дать ответ с обоснованием вашего решения, любого, какое вы сочтете необходимым. Прощайте.

Задачу, конечно, я навесил на секретариат непростую: одно дело отказать устно, другое — подписать бумагу, которая действительно должна была войти в противоречие с Уставом.

Мчусь на крыльях в посольство.

Я доложил, что задание выполнено, выполнено как предписывалось, т. е. экзамены сданы хорошо, но на работу я не принят по причинам, от меня не зависящим. Для меня это наилучший результат: я свободен и, значит, смогу продолжить работу в посольстве. Мои друзья в посольстве тоже удовлетворены и обещали договориться с Виноградовым, как все это получше сообщить в Москву. Но уже через пару часов в изменившемся настроении все тот же В. Ерофеев рассказал мне, что дело оборачивается непредвиденным образом. Кеменов, с которым провел разговор Виноградов, категорически воспротивился идее закрыть эту историю. Для него это оказалось уникальной возможностью дать бой Эвансу по кадровым вопросам. Случай был идеальным: необъективное отношение к кандидату было вопиющим. К тому же на носу очередное заседание Исполнительного совета ЮНЕСКО.

Увы, перед этим аргументом вынуждены были склонить голову те, кто пытался сохранить меня на работе в посольстве.

И бой был дан. Бой, видимо, серьезный.

Несколько недель спустя посольство давало прием по случаю закончившейся сессии Исполсовета. Много людей. Кто-то из наших подошел ко мне.

— Юра, тебя усиленно ищет какой-то господин. Он сейчас в Зеленом зале. Очень хочет повидаться.

Отправляюсь в Зеленый зал. Боже правый! Так это же Делавне — тот самый председатель мандатной комиссии, который навсегда распрощался со мною. Он в высшей степени любезен и сразу переходит к главному:

— У нас возникла небольшая неясность насчет порядка приема вас на работу в ЮНЕСКО. Нет-нет, чисто техническая. Как

вам будет удобно оформить поступление в нашу организацию: из Москвы или из Парижа, где вы работаете сейчас в посольстве? Это, конечно, деталь, но все-таки оплата багажа, билетов. Мы хотели знать, как вам будет угодно. Это ваше право…

— Из Москвы, господин Делавне, из Москвы. Я съезжу в отпуск, и потом, дом-то мой там…

— Очень хорошо. Мы так и поступим, не позднее завтрашнего дня все необходимые документы будут у вас. Да! Чуть не упустил: 1 ноября открывается сессия Генеральной ассамблеи ЮНЕСКО. В Дели. Мы очень рассчитываем на вас.

— Буду, буду, непременно буду.

Судьба! Но никогда не надо спешить жаловаться на нее, особенно когда тебе всего двадцать шесть лет.

Поезд уносил нас с женой на Родину в отпуск перед тем, как начнется новая страница нашей жизни. Вдвоем. Впрочем, вдвоем ли? Совсем скоро, в середине сентября, у нас появится дочь Наташа — наше самое ценное приобретение, сделанное в первый год жизни в Париже. Видимо, Наташа через работу родителей впитала в себя интерес ко всему, что могло быть связано с культурой, включая и творческую жилку. Она окончит с отличием тот же МГИМО, что и мы с женой, переведет пару повестей французских писателей, сложный философский опус Луи Арагона и книгу воспоминаний Жискар д'Эстена. Затем увлечется политологией и защитит диссертацию. Но вскоре, оставив эти занятия, каждое из которых могло стать делом жизни, создаст нечто такое, о чем она, оказывается, мечтала с детства, — детский персонаж — девочку под именем Клепа. Это уменьшительное от Клеопатры — дочери Солнца.

Жизненная цель этой маленькой Клепы, которую мы теперь рассматриваем не иначе, как одну из наших внучек, — сближать и объединять людей. Поэтому Клепа и дала свое имя новому детскому журналу (я не перестаю удивляться, как могут хрупкие женские плечи выдерживать такую ношу, как его издание в наше время), который в 1994 году получил премию Комитета по делам печати как лучший детский журнал года. Но это уже жизнь следующего поколения.

Под стук колес я увозил в Москву самые теплые чувства о годе моей работы в культурной службе посольства. Я прожил его на едином дыхании. След в профессиональном моем формировании он оставил глубокий. Я всегда в дальнейшем старался уделять как можно больше внимания работе в области культуры, особенно в качестве посла и в Испании, и в Соединенных Штатах Америки, и во Франции, советовал дипломатам не чураться, а наоборот, искать возможности

прикоснуться к этой увлекательной и благодарной деятельности.

* * *

На сессию Генеральной ассамблеи ЮНЕСКО мы вылетали из Парижа 29 октября 1956 года. Международная обстановка обострилась. Грянули венгерские события с последовавшим вводом советских войск в Венгрию. Нарастал кризис на Ближнем Востоке.

Скоростные реактивные лайнеры еще не завоевали небо, и поэтому на пути в Дели предстояло сделать две посадки. Высота полета поменьше, чем теперь, и я любуюсь величественной красотой массива Монблан, а немного позже — Олимпа. Летим мы вместе с однокашником, а теперь и коллегой Ю. Кривцовым, большой группой работников секретариата ЮНЕСКО, несколькими сотрудниками советского представительства при этой организации.

Первая посадка — Цюрих. Прогуливаемся по зданию аэровокзала. Меня давно манили хорошие швейцарские часы, причем почему-то фирмы «Омега». Скорее эстетически, потому что доморощенная «Победа» вполне отвечала жизненным потребностям. Но раньше это был умозрительный интерес, а теперь, оказавшись перед вполне уместной для Швейцарии витриной этой фирмы, я сопоставил цены с командировочными в кармане и вдруг обнаружил, что они, при известной широте подхода к жизни, оказались совместимыми: зарплата моя стала побольше, чем в посольстве. Подбадриваемый спутниками и продавцом, я увлекся и отошел от стойки с последним криком моды и техники на руке — самозаводящимся позолоченным экземпляром, которому, как известно, должно хватать хода круглосуточно, даже если вы не будете махать рукой по ночам. Новинка, конечно, стала мишенью остряков, последовали вопросы насчет того, какие упражнения рекомендованы, каждый ли день нужно рубить дрова, чтобы сообщить необходимый заряд энергии этому чуду техники, хотя люди посерьезнее отнеслись с доверием к штампу «Made in Swiss».

Следующая посадка в Каире. Это уже хотя и Северная, но Африка. Прикосновение к целому новому континенту в моих странствованиях по миру. Время позднее, но все равно жарко. Гигантского роста суданские негры разносят в больших кувшинах замечательный лимонад. Остановка и здесь техническая, на какой-то час, но она затягивается. В начале на это никто большого внимания не обращал, но по мере того, как нас клонит

в сон, нас все больше заботит, когда же мы окажемся в своих креслах на борту самолета. Никаких толковых пояснений никто не дает: вроде бы что-то с мотором или с заправкой горючим — ничего внятного не добиться. Странно. Между тем первый этаж аэровокзала начинает заполняться необычными пассажирами. Это европейцы, целыми семьями, с детьми, с чемоданами и сумками, словно переселенцы или, может быть, даже беженцы. Тем более что производят они впечатление наскоро собравшихся в путь людей, да еще в ночь. Лица у них озабоченные. Нам же вежливо рекомендовано не выходить из отведенного нам зала на втором этаже. И как бы в напоминание об этом у выхода появляется египетский полицейский с пистолетом на боку. И так часов до четырех-пяти утра, когда вдруг следует команда: в самолет! Быстро! Еще быстрее! Вылет немедленно. И в самом деле. Моторы взревели. Мы уже в воздухе, когда командир корабля объявил, что между Израилем и Египтом началась война. Мы будем пролетать над зоной возможных боевых действий. Сводки о развитии событий нам будут регулярно сообщаться по ходу полета. Вот она, причина задержки, объяснение и толчеи в аэропорту, откуда англичане и французы срочно эвакуировали женщин и детей своих резидентов.

Я захотел взглянуть на часы, чтобы точно отметить для памяти, когда нам объявили обо всем этом, бросил взгляд на свою «Омегу» и… обнаружил, что она стояла. Я по-всякому вертел руку — никакого эффекта. Я снял часы и так, чтобы не привлекать внимания сидевшего рядом товарища, начал трясти, пытаясь их вернуть к жизни: ведь наутро мои коллеги будут интересоваться, как отсчитывает время новое изобретение. А эти зубоскалы за словом в карман не полезут. Но часы были мертвы. К счастью, на них был механический завод и я воспользовался им. Секундная стрелка бодро побежала, время я поставил, что называется, на глазок: ведь его-то должны были бы узнавать у меня — не особенно спросишь. В течение полутора месяцев пребывания в Индии я регулярно, никому не говоря ни слова, заводил вручную свои самозаводящиеся часы, они точно отсчитывали время, и вокруг меня росло число желающих приобрести точно такие же…

По прибытии в аэропорт Нью-Дели нам сообщили, что наш самолет был последним гражданским авиалайнером, взлетевшим в ту ночь из Каира. Вскоре после этого аэропорт разбомбили. Напряжение на Ближнем Востоке вылилось в войну: Англия, Франция и Израиль нанесли удар по Египту.

* * *

Первое участие в большом международном форуме представляло несомненный интерес, так же как и познание переводческой профессии на практике: одно дело внимать преподавателю и сдавать экзамены или даже спорадически переводить то устно, то письменно тексты, главным образом на общеполитические темы, другое — заниматься этим профессионально, имея дело с документами по специальной тематике с устоявшейся терминологией, да еще в условиях Генеральной ассамблеи, где, внося проекты документов или произнося экспромты, делегаты никогда не задумываются над тем, какие последствия это может повлечь для переводчиков. Многие из них, словно тот ребенок, который еще не знает, почему и как появляются дети, вообще не представляют, в результате каких действий на их Лолы через несколько часов, или во всяком случае наутро, ложатся необходимые тексты на всех рабочих языках конференции. Но случись, что нужного текста перед «кем-то» не оказывается, этот «кто-то» не преминет вписать свое имя в стенографический отчет о заседании какой-нибудь язвительной репликой по адресу секретариата. Встречаются и более «квалифицированные» острословы. Те, для кого ляп, допущенный в переводе, — находка. Они не замедлят оживить свое выступление каким-нибудь перлом или ученым советом на тему «как лучше». Об этом нужно помнить.

Но главное — профессиональная честь и личное клеймо переводчика в виде росписи под каждым выпущенным документом. Если говорить совсем всерьез, то надо иметь в виду, что неправильно употребленная терминология, пусть даже и «улучшенная» по сравнению с прежней, может и в самом деле внести сумятицу, а то и вызвать недоразумение, если речь идет о чем-то деликатном. Одним словом, требуется постоянное «ковыряние» в прецедентах, внимание к уже принятым или изданным документам, штудирование всяких толковых или специализированных словарей, обращение к мудрости старожилов.

Случается, что и всего этого недостаточно. Кто-нибудь из выступающих может запустить вдруг какую-то такую витиеватость, что все слова знакомы, а что хотел сказать делегат, даже бригаде переводчиков не понять. Выход — крайний — бывает в том, чтобы войти в прямой контакт с самим выступающим с вопросом в деликатнейшей облатке и тогда вырулить на уже фактически авторизованный вариант. К тому же не будем забывать, что ЮНЕСКО — это организация и по культуре, и по образованию, и по науке. А еще Чехов говаривал, что труднее всего служить по ученой части. Все это в условиях,

когда тебе на стол ложатся то текст насчет почвоведения, то предложения по реформе образования в стране икс, то исследование по океанографии, то, наконец, острая реплика Кеменова насчет того, что Эванс содержит за счет бюджета ЮНЕСКО, то есть кровных средств государств-участников, а стало быть, и Советского Союза, свою любовницу (женщину, впрочем, весьма, весьма…), создав специально для нее удобную должность издательницы журнала о внутренней жизни секретариата ЮНЕСКО. Вот и извольте перемалывать все это с учетом грифов срочности.

Чтобы со всем этим справиться получше, работа ведется в два этапа — все подготовленные переводчиками тексты поступают на стол редакторов, а хлеб этих умудренных бывалых волков — во-первых, в том, чтобы учить молодых, в чем они заинтересованы уже в силу того, что после «ученого» самому меньше работы, а во-вторых, и это конечно главное, действительно выдавать как можно более высокое качество.

Требуется и еще одно условие для такой работы — слаженность, взаимопомощь. Это все в какой-то степени имеется. Сама жизнь диктует, но есть и нюансы: что же вы хотите, если слово «целенаправленный» никто в секции до 1956 года не слышал.

Пусть не думает читатель, что я «нагнетаю» или «набиваю цену». Я далек от этого. Место переводчика в шкале общественных ценностей хорошо известно. Просто я хотел подтвердить, что это сложный труд! Во время крупных событий — сессий Генеральной конференции или Исполкомов работа наша могла быть — во всяком случае в те времена — поточно круглосуточной или близкой к этому, а в промежутках нудно регулярной: дневная норма — восемь страниц оригинала по семнадцать строчек в каждой. Много ли это? Да вроде бы и нет, если в охотку, но вот каждый день, да так, чтобы в конце месяца (когда подсчитывают) средняя получилась… В общем, работать надо.

* * *

Мы стремились использовать свободное время, чтобы познакомиться с Индией. Агра с гимном любви — сказочным Тадж Махалом, Джайпур с Дворцом ветров, сам Дели. В общем привычные вехи туристического знакомства. За одним исключением. Как-то я поехал на экскурсию не с юнесковскими коллегами, а с работниками нашего посольства. И, конечно,

автобус наш сломался среди полей. На индийскую жару наш доморощенный мотор рассчитан не был. Водитель открыл капот, вытащил инструменты, произнес диагноз: не смертельно, но надолго. Наш умелец никогда не унывает, да и куда ему деваться? И мы побрели по окрестным дорогам. Вокруг поля арахиса. Крестьяне удивительно смиренные и приветливые. Снуют обезьяны, беспрепятственно поедают на полях что нравится. Забредет корова — ей позволено тоже. Почему так? Нам поясняют убежденно, но без желания сделать нас единомышленниками: так велел Кришна. Небольшая деревушка. Впечатление страшное: не дома, а глиняные мазанки-конурки ниже человеческого роста, вместо окон и дверей отверстия, все убранство — несколько истертых циновок на утоптанной земле — полу, к этому нехитрая тарелка с зернами, какие-то черепки. Одежда — куски заношенной ткани. У многих детей трахома. При этом удивительная приветливость и внутреннее спокойствие. Вполне понятно, что все это были лишь первые впечатления, да и давно это было — четыре десятка лет назад! В единственном в деревне доме — одноэтажном помещении для полицейского — чрезвычайное происшествие. Впрочем, чрезвычайным оно, вероятно, показалось только нам: туда просто-напросто заползла змея. Сам полицейский из помещения ретировался, там хозяйничала змея, а несколько парней не спеша ее оттуда выпроваживали. В конце концов они преуспели. Нам сказали, что была она действительно опасной. Полицейский вернулся к своим делам, парни разошлись. А тут завелся и наш автобус, и мы двинулись дальше к дворцу-музею какого-то магараджи. Здание было сравнительно недавней постройки, причудливой архитектуры, словно сложенное ребенком из различных размеров кубиков без всякого плана-замысла, просто чтобы поднимались кубики повыше и не рассыпались. Мы забирались по пандусам кубиков все выше и выше, пока не оказались в святая святых бывшего владельца всех окрестных богатств — в открытой на четыре стороны света комнате, где нога утопала во многих слоях положенных друг на друга ковров. Повсюду, куда хватит глаз, долина. Такая плоская, будто создатель ровнял ее с помощью гигантского сверхточного катка. Все залито светом, светом какого-то едва не сверхъестественного сияния, такого в наших северных краях никогда и не бывает; его-то Рерих и передал в своем гениальном творчестве, посвященном Индии. Для него, как и для нас, это, вероятно, было поразительное открытие, а для жителей Индии просто каждодневная обыденность.

Сам Дели — кладезь бесконечных впечатлений. Вот столб, носящий имя Ашоки — знаменитого древнеиндийского царя,

жившего более двух тысяч лет назад. При нем Индия достигла особого могущества, и слава о ней разнеслась далеко за ее пределы. Гид, повествуя об этом, делает акцент на том, что к концу своего правления Ашока настолько устал от войн и побед, что потерял интерес к усилению своего влияния и укреплению власти, стал мечтателем, проповедником мира и новых отношений с народами завоеванных государств. По убежденности, сквозившей в высказываниях гида, можно-было видеть, что такая молва об Ашоке довольно глубоко укоренилась в Индии. Хотя серьезные исторические источники отрицают такую трактовку его царствования. Ашока, по оценке историков, лишь изменил методы своей политики, да и это сделал после того, как превратил свою страну в одну из крупнейших на древнем Востоке империй. Наши специалисты подшучивают в связи с этим: мол, Ашоке удалось за пару тысяч лет до наших дней не только провозгласить, но и внедрить «новое политическое мышление».

Столб Ашоки культового предназначения сделан из особого сплава железа, секрет которого остается неразгаданным — железо это не ржавеет (где-то в Швейцарии мне показывали металлические перила лестницы под открытым небом. Они тоже были из железа, которое не ржавеет, секрет которого вроде бы тоже потерян). Столб довольно объемистый. Существует поверье, что если, став к столбу спиной, суметь полностью охватить его, соединив руки позади столба, то исполнится любое загаданное желание. Понятно, сколько людей пытается сделать это, и столб поэтому отшлифован до блеска. А вот соединить руки, как и исполнить все желания в жизни, удается очень немногим.

После окончания Генеральной конференции наш обратный путь из Дели пришлось прокладывать из-за войны на Ближнем Востоке по новому маршруту: Бахрейн, Анкара и неизменная Швейцария, только теперь Женева. Там мы задержались на несколько часов, что дало мне возможность впервые пройтись по улицам этого города. Зашел в фирменный магазин «Омега». Рассказал о злоключениях с моей покупкой. Владелец, гордо вскинув голову, сухо произнес: «Не может быть!» Взял часы. Удалился. Вернулся быстро. Сказал: «Мсье, вы правы. Это одни случай из тысячи. В ваших часах действительно заводской дефект. Вы можете выбрать взамен любые часы равноценной стоимости. Либо такие же, либо классические, но золотые, потому что разницу в цене мы не возвращаем».

Повторять эксперимент мне почему-то не хотелось. Я вышел с золотыми часами на руке. Они, к чести «Омеги», идут у меня до сих пор, как, вероятно, ходят и 999 самозаводящихся из каждой

тысячи. Не так давно я сдавал их в небольшой ремонт в Париже. Взглянув на них, специалист заметил: «Как вам повезло с часами, мсье. У вас одна из самых лучших моделей, когда-либо выпущенных фирмой!»

Все, что ни случается, все к лучшему…

* * *

В Париже надо было обустраиваться. Прилетела из Москвы жена, теперь уже с маленькой Наташей. По старой памяти посол разрешил поселиться нам все в том же доме на улице Женераль Аппер, но только на короткое время, необходимое для того, чтобы найти квартиру в городе. Посольство быстро разрасталось, жилых помещений уже не хватало. Нам была выделена довольно большая комната с удобствами, общими с советником по технике по фамилии Победоносиков (должность эта была недавним приобретением посольства — результатом все того же стремления страны открыться и открыть мир). В комнате было три железных кровати (нам столько не нужно было, но завхоз запретил выносить лишнюю), стол и два стула, один из них без донышка в сиденье. Арифметически завхоз был прав, потому что Наташе было всего пара месяцев и третьего стула нам, строго говоря, не требовалось.

На все это мы большого внимания не обращали. Дипломаты за рубежом были обустроены тогда бедновато. Трудности были в другом. Как известно, в разгар агрессии против Египта Хрущев припугнул Англию и Францию, что если они вместе с Израилем ее не прекратят, то он пустит в ход атомную бомбу. Сейчас хорошо известно, что это был блеф. Но тогда отношение к этому окрику было самым серьезным с последствиями весьма разнообразными. О политических известно, и не моя задача останавливаться на них. Что же касается последствий бытовых, то они были своеобразными. Французский обыватель бросился в магазины, скупал все то, что во время еще близкой в памяти второй мировой войны составляло дефицит, — консервы, спички, сахар и… в особо больших количествах соль. Это последнее потому, что был пущен слух, а слух в обстановке паники сильнее любого правительственного заявления, будто ванны легкого соляного раствора лучшее средство от последствий радиации после взрывов атомных бомб. Когда угрозу атомного возмездия пронесло, обыватель оказался с обременяющими его запасами, особенно нелепыми в том, что касается соли. Можно представить, сколько чертей сыпалось на голову Советского Союза.

Все это сочеталось с бурной реакцией во Франции на действия Советского Союза в отношении Венгрии. Протестовали широкие круги французской общественности. Компартия, поддержавшая Советский Союз, попала под сильный удар. В разгар этих событий я был в Индии. Вернувшись, я узнал, как портились наши отношения со многими деятелями французской культуры, с которыми доводилось встречаться и мне.

И вот в этих-то условиях нам, нескольким новоиспеченным сотрудникам ЮНЕСКО, всего нас стало уже шестеро, приходилось бродить по городу и подыскивать себе квартиры, а заодно самым непосредственным образом ощущать настроения французов. Техника наших действий была проста. Узнав из газет, любых иных объявлений или от знакомых о существовании более менее подходящего предложения, нужно было звонить или являться по указанному адресу, представляться, потом осматривать, вести переговоры об условиях, попросту торговаться — деньги-то за квартиру мы платили тогда из своего кармана.

Однако для нас в те дни все, как правило, кончалось на первой же стадии — на представлении. Услышав, что речь идет о советском гражданине, француз либо вешал телефонную трубку, либо захлопывал дверь. Вежливость его заключалась в том, что он воздерживался от лобовых мотиваций. Я пускал в ход все знания французского, делал упор на том, что являюсь международным служащим. Это продвигало в ряде случаев операцию почти до заключения сделки, но, когда при подготовке контракта на стол выкладывались документы, удостоверяющие личность со всеми атрибутами, дело куда-то уходило, как вода в песок. А тут Победоносиков взбунтовался против писка Наташи и ее пеленок, подал челобитную послу. Тот мне: «Ты что же, хочешь меня рассорить с советником? С него, правда, проку никакого, он и языка-то не знает, но ты же понимаешь?..»

Значит, надо было понимать, а попросту поскорее съезжать.

Отдельную квартиру для себя мы так и не нашли, но зато нам удалось вместе с другим нашим сотрудником ЮНЕСКО С. Тангяном сиять на двоих отличную (худшей просто не было) четырехкомнатную квартиру на улице де Курсель. Такая коммунальная жизнь нам пришлась по душе, и, когда нам года через полтора пришлось менять квартиру, мы уже при утихших вокруг Советского Союза во Франции страстях нашли другую четырехкомнатную квартиру, опять-таки на двоих, на этот раз недалеко от Дома Инвалидов.

Нет худа без добра.

* * *

А как же шли дела на работе в ЮНЕСКО? Забыли ли там мое «милое» поступление на службу? Не могу утверждать это. Во всяком случае в том, что касается первого времени. К тому же не обошлось и без настораживающего инцидента. Как-то меня пригласил к себе англичанин Барнс, заведовавший всеми переводческими секциями — английской, французской и т. д.

На столе у Барнса лежал какой-то документ. Барнс демонстрировал высшую степень доброжелательности.

— Отлично написанный документ, господин Дубинин, — произнес он, расплываясь в улыбке.

— Простите, господни Барнс, но я не знаю, о каком документе идет речь?

— Так это же документ, совсем недавно переданный в ЮНЕСКО представительством Советского Союза. Он, конечно, писался вначале на русском языке, но в ЮНЕСКО представительство направило его в переводе на французский. Французский язык превосходный. Поздравляю.

— Я в первый раз слышу о таком документе, не понимаю, с чем вы меня поздравляете.

— Как же с чем, как же? Так хорошо на французский могли перевести только вы, кто же еще, господин Дубинин, мог оказать столь квалифицированную услугу господину Кеменову? Я, собственно, пригласил вас еще и для того, чтобы зачитать вам клятву международного чиновника…

Все стало ясным. Зачитать мне в таких обстоятельствах эту клятву было равнозначно выговору за нарушение этики сотрудника секретариата ЮНЕСКО, поскольку работать на кого бы то ни было, в том числе и на свое собственное государство — о чем я уже упоминал, — сотрудники секретариата не должны.

Я возмутился. То, что я впервые услышал о документе, лежавшем перед глазами Барнса, было святой правдой. Представительство вообще никогда не обращалось ко мне с просьбами о каких бы то ни было переводческих работах. Пришлось прервать Барнса.

— Повторяю, господин директор, что я не имею никакого отношения к тому, с чем вы хотите поздравить меня или в чем хотите упрекнуть. И если вы в самом деле после этого станете цитировать клятву, то, думаю, очень скоро оправдываться придется не мне, а вам.

В глазах у Барнса мелькнул злой огонек, но он совладал с собой и, забыв о клятве, примирительно закруглил разговор туманной фразой о том, что бывают, дескать, и неточные сведения…

Больше ничего подобного не повторялось.

Работа требовала, чтобы я овладел английским языком настолько, чтобы можно было «глазами», т. е. абстрагируясь от произношения, читать юнесковские документы на этом языке. Но основы языка так или иначе требовались, и я решил поступить на курсы в Британский институт в Париже. Однако и там нужна была предварительная подготовка, и для поступления следовало сдать экзамен. Тексты-задания такого вступительного испытания мне выдали на руки, предложив вернуть их через несколько дней. К сожалению, я быстро убедился, что моих весьма скромных познаний в английском было недостаточно даже для того, чтобы заготовить мало-мальски серьезные ответы дома и со словарем. Пришлось обратиться за помощью к коллеге из английской секции. Он и прошелся по моему заданию, после чего я отправил работу в Британский институт. Позже мне рассказали, что директор Института, взглянув на «мою» работу, заметил с улыбкой, что мое место не на первом курсе, а в его собственном кресле. Институтские грамматические экзерсисы и «топики» я старался дополнять всем, что могли дать непосредственно «производственные» знания. В этом отношении в ЮНЕСКО, заполненной документами на английском языке, как говорится, и стены помогали. И еще помогал обмен уроками с одним коллегой — австралийцем, изучавшим русский язык. Встречаясь с ним два-три раза в неделю, мы половину времени уделяли русскому уроку, другую — английскому. Через полтора года я начал работать с английскими документами и был назначен на престижную для человека моего возраста должность редактора — «П-4», которую приравнивали в то время к должности советника посольства.

* * *

Новое в советской внешней политике затрагивало не только содержание дипломатической работы, но и стиль поведения, сам образ жизни советских представителей за рубежом. Стали поощряться деловые связи с иностранцами, контакты с представителями все более широкого спектра политических и общественных тенденций. Было разрешено проводить ежегодные отпуска за границей в целях лучшего знакомства со страной пребывания.

Возможность провести отпуск во Франции мы с женой восприняли с энтузиазмом. Найти спутников оказалось проще простого. Ими оказалась семья наших коллег из ЮНЕСКО. Только что приобретенный «Пежо-403» являл собой великолепное

средство передвижения на четверых. Туда были загружены палатка наших сотоварищей (нашей с женой спальней призвана была служить сама машина с ее раскладными передними сиденьями и открывающейся крышей), столик со стульями, газовый примус, киносъемочные камеры и фотоаппараты. Материальные приготовления на этом были завершены. Другое дело разработка маршрута. Этим, в спорах и советах, мы занимались долго, стремясь отыскать во Франции как можно больше интересных уголков, особенно в стороне от наезженных нами к тому времени туристических магистралей. Путь получился длиной в пять тысяч километров с остановками главным образом в кэмпингах.

Первый бросок мы сделали сразу до Дордони. Это сказочной красоты район. Река вьется между зеленых холмов, увенчанных бесчисленными замками. Небольшой городок Сарлат сохранился в том первозданном виде, как построили его в XII–XV веках. Его, как и наш Суздаль, пощадила цивилизация. Памятники материальной культуры уводят нас все дальше в глубь веков. Вот пещера Ласко. Открыли ее сравнительно недавно, в 1940 году. Мальчик обнаружил яму-отверстие в лесу. Она позволила проникнуть в палеонтологическую пещеру со сделанными где-то за 15 тысяч лет до нашей эры изображениями диких лошадей, быков, оленей, бизонов и других животных. Росписи поражают мастерством их творцов, их высокой техникой, умением искусно пользоваться не только богатой палитрой и по наш день сохраняющих свою свежесть красок и их оттенков, но и неровностями, выступами скальной поверхности, по которой мастера работали.

Эта пещера, по свидетельству специалистов, — один из лучших образцов художественного творчества людей каменного века. Во времена нашего путешествия пещера была еще открыта для посетителей, всего пять-семь минут очереди, и мы переносились в глубь тысячелетий. Очень скоро, однако, пещеру в целях лучшей сохранности рисунков закрыли для общественного доступа, а вблизи создали пещеру-имитацию для туристов. Утверждают, что точную копию, да только, думаю, нам с друзьями повезло, что мы видели настоящую.

Но даже не на пятнадцать-двадцать тысяч лет простирается разведанная история жизни человека в этом благодатном крае. Под огромной нависшей скалой сохранились следы стоянок кроманьонского человека. Впечатление такое, будто своды хранят намертво въевшуюся в них копоть костров людей той эпохи. А может быть, так оно и есть? Ясно во всяком случае, что человек, которого порой называют примитивным, умел выбирать себе

места для обитания. Вот там поодаль среди долины, словно вздыбленный острием кверху утюг, высится гора. Гид рассказывает, что те самые первобытные люди загоняли на эту гору диких лошадей и преследовали их, обезумевших, до тех пор пока они не сваливались с крутого обрыва вниз, где их ждали готовые к действию костры. Кто не верит, говорит гид, тот может произвести раскопки у подножья, и не исключено, что он найдет там окаменевшие остатки костей животных тех времен.

Еще в середине прошлого века ученые установили, что район Дордони — один из наиболее крупных очагов зарождения человеческой цивилизации. Здесь, как считается, за 100–80 тысяч лет до нашей эры возникла так называемая Мустьерская культура, носителями которой были неандертальцы. Раскопки выявили такое большое число близко расположенных пещер, особенно по реке Везер, использовавшихся человеком, такое количество свидетельств его материальной культуры, находившейся в медленной, но неуклонной эволюции, что, по мнению специалистов, это были места длительного обитания большого населения, центр сосредоточения и контактов бесчисленных племен.

Еще одна достопримечательность Дордони — огромный провал-бездна под названием Падирак. Лифт спускает вас на глубину в сотню метров, где карстовые явления образовали вереницу гигантских украшенных сталактитами и сталагмитами залов с озерами, соединенными между собой подземной рекой. По ней вас прокатят на больших лодках.

* * *

В Ля Рошель, овеянную романтикой А. Дюма, мы попали в обеденное время и были рады оказаться недалеко от порта рядом с рыбным рестораном. Был он небольшим, чистеньким. Хозяин сам приветливо встречал посетителей, присматривал в течение всей трапезы, все ли идет как надо. Приняв у нас заказ, официант посоветовал взять еще и рыбный суп. Помня, что как-то у меня был не очень удачный опыт с этим блюдом, я не внял этому совету. Тотчас же около нашего стола появился хозяин.

— Как, дамы-господа, вы действительно не хотите отведать моего рыбного супа? Это невероятно!

Стараясь быть последовательным, я пытался как-то объясниться.

— Нет, в моем ресторане это невозможно. Не-до-пус-ти-мо! Я угощаю вас. Вместо денег я готов буду принять от вас только

ваше мнение насчет его вкуса. Ничего другого. Чтобы в моем доме кто-то не попробовал рыбного супа?!.

И на нашем столе появилась большая супница с дымящейся ароматной жидкостью.

О, что это был за суп! Он заставил нас забыть о вкусе всего остального, хотя могу заверить читателя, что дары моря во Франции стоят внимания. Тут я позволю себе перенестись на несколько лет вперед, в год 1963-й, когда я во второй раз попал на работу во Францию. Помня о рыбном супе, ждал первую возможность, чтобы махнуть в Ля Рошель. Оказавшись там, взялся разыскивать и наш заветный ресторанчик. Но что это? Название то же, но это уже не ресторанчик. Теперь заведение занимает первые этажи всех зданий квартала.

А перед входом толпятся туристы! Вот это успех! Наконец, мы за столом и суп в тарелках. Заказанный, разумеется, нами самими. Но, увы, это был совсем не тот суп, каким нас щедро угощал хозяин.

— А где же сам хозяин? Это мой старый знакомый, нельзя ли повидаться с ним?

— К сожалению, мсье, хозяина нет в ресторане, у него столько дел!

Успех!..

* * *

Шато Икэм. Название такого вина широко известно и в нашей стране. Может быть, и не случайно. Один из местных старожилов, узнав, откуда мы, охотно пускается в пояснения. Давным-давно, повествует он, белые вина из этого благословенного богом местечка пришлись по вкусу российскому императору. Память не сохранила его имени, но это в данном случае и не суть важно. Это были, конечно, отличные белые столовые вина, лучше, чем у соседей, хотя, доверительно сообщает собеседник, не намного. Во всяком случае, посыльный двора его императорского величества каждый год появлялся в замке и закупал большие партии этого самого белого вина. Он стал желанным гостем, и с тем большим сожалением в какой-то очередной его приезд хозяева владения вынуждены были сообщить ему, что, увы, на этот раз сделка состояться не могла.

— В чем дело? — с еще большим сожалением воскликнул представитель императора.

— Год был сырой, дождливый. К тому же и мы недосмотрели. Виноград пошел плесенью. Пришлось пустить его на вино для

персонала. Так что приезжайте в следующем году.

Но петербуржский посланец попросил угостить его тем вином, что получилось из «испорченного» винограда, а отпробовав, закупил все его для двора — настолько оно понравилось ему особым своим вкусом. И родился таким образом новый способ приготовления вина, известного теперь всему миру под названием Шато Икэм.

Легенда все это, скажет недоверчивый читатель, легенда с начала до конца. Может быть, и легенда, но вино-то существует, вино отличное, и появление его связывают с нашей страной. Что же в этом плохого?

* * *

Пиренейские горы мы пересекали от моря и до моря. Начали в Биаррице на западе и закончили в Каркассоне и Перпиньяне на востоке. Все время тянуло к испанской границе. Испания была в сознании людей моего поколения страной легендарной борьбы против фашизма, страной-жертвой. А может, это было предчувствие судьбы, которая заведет меня в Мадрид более чем на семь лет. Мы подъезжали к рубежам Испании в Стране басков, которую граница разделила надвое между Испанией и Францией, потом с севера всматривались в хребет в горном парке Гаварни, южный склон которого спускался в Испанию. Наконец, остановились у пограничного пункта на границе с Андоррой — государством-кондоминиумом между Францией и Испанией. Мы даже поинтересовались условиями переезда через границу.

— Это очень просто, — ответили нам. — Вы, наверное, французы? Замерьте у таможенников количество бензина в баке машины и езжайте.

Но мы французами не были. Всему свое время.

Через пару десятилетий я, как посол в Испании, завязал первые контакты с правительством Андорры, а недавно Российская Федерация установила с нею дипломатические отношения.

* * *

Канны предстали перед нами городом отдыха. Широкая набережная с мягко хрустящим названием Круазет плавной дугой обнимает просторный пляж золотистого песка.

Тогда он не был рассечен перегородками, резервирующими

места для клиентов дорогих отелей, расположенных через дорогу, не был загружен барами и кафе, что усиливало впечатление легкости и простора. А всего в четверти часа путешествия на катере под ласкающим бризом лежат Олеронские острова Сент Маргарит и Сент Онора. Второй поменьше. На нем давно обосновался монастырь, да еще был причал, больше ничего. Туда можно было приехать утром, найти пустынную миниатюрную бухточку и провести весь день рядом с кристальной чистоты водой, через которую видно всякое морское разнообразие — морские ежи, каракатицы и прочее и прочее. Единственное требование — на ночь не оставаться.

Монастырь мужской. Даже в качестве туристов вход туда женщинам категорически запрещен. Оказавшись перед таким неожиданным в наши дни преимуществом, мы со спутником не могли не возгордиться своей значительностью. Жены наши фыркают — дискриминация, в знак протеста они требуют бойкотировать строптивых монахов.

— Конечно, — отвечаем, — можно и уйти, но тогда для всех нас останется тайной все, что там, за стеной. Если же вы нас туда делегируете, то мы ведь все расскажем…

— Ну, хорошо, хорошо, идите…

Секретов за стеной нет. Разве что золотые рыбки в небольшом бассейне. Они хорошо выдрессированы. Достаточно монаху топнуть ногой (думаю, что монахом для этого быть в общем-то необязательно), как они собираются у края в ожидании порции хлебных крошек. Впрочем, нет. Еще утверждают, что бог, откликаясь на просьбу монаха, первым обосновавшегося на острове и давшего ему свое имя, очистил остров от змей, промыв его мощной морской волной. Сам Онора такую чистку пересидел на вершине пальмы, поэтому и символ острова — монах, повисший на пальмовом стволе. С тех пор уже никогда на острове не появлялось ни одной змеи. А вот соседний остров, вот там, через пролив, видите? — показывает рукой гид-монах. — Так он кишит змеями. Если хотите, съездите туда сами, проверьте, — говорит он. Ничего себе совет! Да кто же туда поедет после такой рекламы. Конкурирующая фирма повержена.

С последним катером мы возвращаемся в Канны. Набережная залита светом. Кажется, он исходит со всех сторон. Особенно красиво, когда подсветка снизу прорисовывает изумрудом экзотику, причудливость пальм, размашистость магнолий, пышность кедров. Как хорошо, что не надо никуда спешить, что можно слиться с бесформенным потоком людей, медленно фланирующих в какой-то ирреальности, где и воздуха не чувствуешь, так он легок и недвижим. В конце набережной

наталкиваемся на казино. Запретный плод. Но мы, оправдываясь перед самими собой, что оно совсем маленькое, заходим. Баккара. По сути это та же рулетка, только поскромнее: выиграть можно всего в восемь, а не в тридцать пять раз (так по крайней мере я понял). Как тут не попытать счастья. Ведь это же и не рулетка, да и не для обогащения. Я ставлю монету. Крупье крутит колесо, звучат его ритуальные слова, что игра сделана, и мы видим, как перст удачи замирает около моего номера.

Ницца величественна. Особенно если смотреть на город, на набережную под названием Променад дез Англе с холма на восточной оконечности огромной, как бы полуразогнутой подковы прибрежной полосы. Импозантная гостиница «Негреско». Сквозь широко открытые двери видны холеные швейцары в ливреях, расшитых побогаче парадного маршальского мундира.

— Вот здесь, кстати, — говорю я жене, — останавливался и я, когда сопровождал делегацию наших кинодеятелей, номер был с видом на море, в номере…

— Можешь дальше не объяснять. Выходит, как с артистами, так в «Негреско», а как со мной — в кэмпинге.

— Так в кэмпинге же лучше. Вот сегодня проснулись — над открытой крышей нашей автомашины свисают ветви апельсинового дерева, на них подсвеченные солнцем яркие плоды, а в «Негреско» над головой потолок. А еда? В «Негреско» тяжелые соуса, говорят, вредные для печени, а мы ходим в «Наутилус», прямо на кромке пляжа, в открытые окна дышит мягкий бриз. Креветки и салат (его в Ницце готовят по-особому) — память на всю жизнь. Мы ведь как бременские музыканты…

Не знаю точно, убедил ли я ее, но хотя бы оправдался.

В Ницце много связанного с Россией. Православный храм, открытый в 1912 году, Кронштадтская улица. На холме, возвышающемся над городом, на старом кладбище могила Герцена. Его фигура из бронзы. Во весь рост. Надпись: «Александру Герцену, Москва 1812–1870, Париж, семья, друзья и почитатели».

В пору подъема советско-французских отношений мы предприняли большие усилия, чтобы получить согласие на перенос праха Герцена на родину. Обращались к французам на самом высоком уровне. Французское правительство готово было пойти нам навстречу, но кто-то из потомков Герцена воспротивился этому, и Герцен остается в земле Франции.

До Монако от Ниццы рукой подать. Выбор из трех дорог — по нижнему, среднему и верхнему карнизам. Верхний зачастую следует трассе древней римской дороги — по вершине не очень

острого хребта, видимо, проще было строить и больше возможностей уберечься от засад и нападений. Красоты — лазурное море, то красные, то желтые прибрежные скалы, яркая зелень сосен, ущелья, обрывы, виллы, каждая из которых стремится показать себя не хуже манекенщицы на параде мод. Хочется ехать сразу по трем. Монако вырастает густо и причудливо застроенным массивом. Здесь каждый сантиметр земли — богатство. Океанографический музей, парк кактусов и самое знаменитое в мире казино.

Монако — это, конечно, прежде всего дворец принца. Как и все туристы, мы с любопытством рассматриваем средневековые костюмы вышагивающих перед воротами стражников.

Через четверть века в начале 1991 года я заехал в Монте-Карло в качестве посла Советского Союза с тем, чтобы выступить там с сообщением на международном симпозиуме об отношениях между Востоком и Западом, и решил воспользоваться случаем, чтобы нанести визит вежливости князю Ренье III. Советский посол делал это впервые. Свои внешние связи Монако осуществляло через Францию, но на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе это карликовое государство было равноправным участником вместе с Сан-Марино и Лихтенштейном. Все они и по сей день участники Организации по безопасности и сотрудничеству, и в принципе их голоса столь же необходимы для консенсуса, как и голоса всех остальных государств, вовлеченных в этот процесс.

Князь незамедлительно ответил согласием, и я проследовал во дворец мимо все таких же, что и в дни моей молодости, стражников. Ренье III принимал меня один. Внимание мира тогда было приковано к нашей перестройке. Большую осведомленность в политике Советского Союза проявил и князь. Он с удовольствием говорил о переменах в международной обстановке. И совсем увлекся, когда речь зашла о культурных связях. Наши артисты, особенно артисты балета, были желанными гостями Монако по случаю проводившихся там фестивалей или спектаклей. Одно из главных занятий князя — строительство на этом крошечном пятачке земли, и он взялся разворачивать передо мной проекты отвоевания все новых участков моря. Крошечных, но на вес золота. Еще одна его забота — ферма, которой князь владеет во Франции, и он со знанием дела вел разговор о том, как идут дела в его хозяйстве. Я покинул дворец, оставив там русский расписной самовар и унося книги по истории Монако и альбом монакских марок. Последние слова, которыми мы обменялись с князем перед прощанием, были словами о том, что нам следовало найти пути дальнейшего

развития контактов между нашей страной и княжеством и создания для этого какой-то постоянной основы.

Не так давно Российская Федерация и Монако установили консульские отношения. Защита наших интересов поручена Генеральному консульству в Марселе.

О Монако написано все или почти все. Туда любили заезжать русские до революции, и сейчас традиция возобновляется. Летом 1995 года открылось прямое воздушное сообщение Москва — Ницца, и теперь до княжества и до всего Лазурного берега рукой подать. Билеты на этот рейс достать в сезон непросто. Правда, деньги?.. Это, вероятно, проблема для подавляющего большинства наших соотечественников. Но не для всех. В отелях и ресторанах Ниццы — что подороже — снова, как когда-то, меню на русском языке и опять-таки, как в былые времена, находятся русские, готовые за ночь оставить в казино такие баснословные суммы, что это вызывает удивление даже у видавших виды крупье. Еще одна традиция?

* * *

Чем ближе к Парижу, тем длиннее наши перегоны. Многое здесь уже знакомо. Специальный крюк мы сделали только ради заезда в Во ле Виконт в полусотне километров от французской столицы. Взору нашему открывался большой красивый замок с раскинувшимся перед ним огромным парком, покрытым симметричными узорами аккуратно стриженного кустарника. Совсем как в Версале, вырвалось у нас восклицание. Как выяснилось, немного поспешное, хотя и не совсем неправильное. И вот почему.

Замок этот построил в XVI веке некто Никола Фуке — министр финансов Людовика XIV — короля-солнца, при котором абсолютизм во Франции достиг своей высшей точки. О влиянии и амбициях этого человека говорит уже то, что своим девизом он сделал слова: «Есть ли такие высоты, которых я не смог бы достичь?» Вкус у Фуке был, в расходах он не стеснялся, глубоко запуская руку в государственную казну. Для создания замка Фуке подобрал самых талантливых мастеров Франции того времени, и прежде всего архитектора Луи Лево, декоратора Шарля Лебрэна, специалиста по парковым ансамблям Андре Ленотра. Им он наказал возвести нечто такое, что поразило бы уже немало видавшую к тому времени Францию.

Они и создали шедевр. Ко всему этому Фуке по случаю окончания строительства закатил невиданный пир, куда прибыл и

король с королевой. Многочисленные гости восторгались творением, пили-ели из серебряной посуды, а за главным столом с королевской четой — из золотой. Представление, фейерверки, танцы. Ничего подобного Франция до той поры действительно не знала.

А что король? Он был взбешен. Такого замка не было даже у него, таких пиров не давал и он сам. Он хотел арестовать Фуке тут же, на празднике. Но королева отговорила его от этого.

Фуке был арестован через 19 дней. Следствие выявило гигантские хищения, замок стоил ему пожизненного заключения. И вот Фуке в тюрьме, но замок-то продолжал стоять… И во Франции знали, что это самый красивый замок страны. Оставлять так дело было невыносимо. Тогда-то и решил Людовик XIV построить Версальский дворцово-парковый ансамбль, взяв для этого тех же самых мастеров архитектуры — создателей Во ле Виконт с тем чтобы они возвели нечто более впечатляющее, чем замок, который осмелился построить дерзкий выскочка. Выходит, правильным было у нас впечатление о сходстве двух творений, только не замок Во ле Виконт был похож на Версальский комплекс, а наоборот. Поневоле задумываешься над тем, какие страсти правят миром.

* * *

«Пежо» скользит по дороге, но мы вдруг замечаем, что шины его передних колес соскоблены, словно рашпилем, так резко, что на заправочных станциях покачивают головой: «С этим на заводе надо разбираться». Путешествие машина, однако, выдержала. В Париже машину отправили на экспертизу. Пришло высокое заключение: все в подвеске в пределах нормы.

— Так наискось же стесано, это видно, зачем тут экспертиза? Попробуй ее перепродать — никто и смотреть не станет.

— Это да, мсье, но машина собрана с соблюдением всех допусков. У вас не может быть причин для жалоб.

— Стало быть, по мнению завода, машина в полной норме?

— Увы, мсье, именно так.

— И завод будет готов в тот момент, когда это будет мне удобно, купить ее у меня как машину без дефекта?

— Придется, мсье, нам придется поступить таким образом, раз уж экспертиза дала подобное заключение.

На том и решили, и несколько месяцев спустя при моем отъезде из Франции завод сдержал слово.

* * *

Участие Советского Союза в ЮНЕСКО явилось конкретным результатом тех усилий открыться миру, которые были предприняты во времена Н. С. Хрущева. Это несло выгоду как самой организации, так и Советскому Союзу. Что касается ЮНЕСКО, то она приобрела универсальность, ее пульс стал созвучен пульсу международной жизни. Советский Союз, в свою очередь, получил выход к таким сферам общения и сотрудничества, которые не только раздвигали для него возможности действий на международной арене, но и шаг за шагом приобретали значение для обогащения и раскрепощения интеллектуальной и общественной жизни внутри страны.

В Париже быстро складывался новый, необычный для советской колонии коллектив работников секретариата ЮНЕСКО и представительства при этом учреждении. Это были видные ученые, работники культуры, специалисты в области образования. Довольно скоро советский академик Ковда возглавил в качестве заместителя генерального директора департамент науки. Помимо несомненных личных достоинств этого широко известного в своей области научного деятеля-почвоведа, в этом его назначении на высокий пост нашел свое отражение поднявшийся круто в гору престиж советской науки, особенно как следствие поразивших мир достижений Советского Союза в завоевании космоса. Пошел в рост по служебной лестнице С. Тангян. Ему было суждено подняться от работника скромного уровня «П-3» до заместителя Генерального директора, руководителя деятельностью ЮНЕСКО в области образования. Наша землячка стала во главе библиотеки ЮНЕСКО. И это было только начало.

С позиций сегодняшнего дня шаг, предпринятый тогда нашей страной в отношении участия в ЮНЕСКО, может казаться простым и само собой разумеющимся. Но не так обстояло дело тогда. Однажды мы прочли в «Правде» разгромную статью про эту организацию. У меня нет ее сейчас под рукой, но запомнилось, что ЮНЕСКО изображалась в той статье не только никчемной, но и вредной для нашей страны и ставился вопрос о выходе из нее Советского Союза. Статья была написана Георгием Жуковым. Он и сам имел вес, но мы понимали, что за ним стояла влиятельная тенденция.

Нас набралось к тому времени в Париже — и в представительстве при ЮНЕСКО, и в секретариате — уже немало, и мы были единодушны в необходимости борьбы за сохранение участия Советского Союза в ЮНЕСКО. Обращение в Москву, телеграммы туда мы писали коллективно и своего добились.

* * *

Что касается меня, то через полтора года работы в ЮНЕСКО я получил пост редактора — «П-4» — немалое повышение для 27-летнего работника. Осенью 1959 года истекал срок подписанного мною трехлетнего контракта. Секретариат ЮНЕСКО сделал неожиданное для меня предложение не просто продлить контракт на новый срок, а заключить контракт постоянный. Для сотрудников из Советского Союза в то время это было довольно редкое предложение. В личном плане это сулило устойчивую карьеру международного служащего с безбедным материальным обеспечением. Правда, в то время на наших работников в международных организациях распространялась общепринятая для загранработников система чередования работы за рубежом и дома. Но это не меняло сути, поскольку постоянный контракт можно было прерывать по договоренности с руководством ЮНЕСКО с тем, чтобы по прошествии определенного срока возвращаться на работу в международные организации системы ООН снова. Это предусматривалось и практикой, принятой к тому времени в Москве.

Свое отношение к работе в ЮНЕСКО за пролетевшие три года я существенно изменил, особенно после баталии за продолжение участия в ней нашей страны. Однако, несмотря на это, я решил отказаться от продолжения моей работы в ЮНЕСКО и не стал подписывать постоянного контракта, чтобы не создавать сложностей для кадровых служб в Москве при решении вопросов о дальнейшем моем использовании. Меня влекла посольская работа.

При отъезде из Парижа были, разумеется, принятые в таких случаях проводы-коктейли. Главным прощальным мероприятием был обед, который в честь нас с женой дал у себя на вилле в домашней обстановке директор Делавне с супругой. Помните, тот самый, который председательствовал на мандатной комиссии. Мы расставались как добрые коллеги, а кто старое помянет — тому глаз вон — эта человеческая мудрость границ не знает.

Хрущев во Франции

Возвращались на родину мы поездом через Швейцарию, Австрию, Венгрию. Остались позади пригороды Парижа. Открываю прихваченную в дорогу газету за 29 октября 1959 года. Там сообщение о предстоящем визите Н. С. Хрущева во Францию. Большая новость. Мелькает мысль-мечта: вот бы попасть на такое событие! Что же, фантазировать никому не возбраняется, но все это далеко от реальности. Пока я даже не знаю, что ждет меня в Москве.

Случилось, однако, так, что несколько дней спустя я был направлен в Первый Европейский отдел Министерства во французскую референтуру. Должность у меня в моих глазах весьма достойная — 3-й секретарь. Стол в кабинете на трех дипломатов. В отделе действительно начинается подготовка к большому, небывалому за все годы после революции визиту во Францию на высшем уровне. Помимо прочего, подбирали целую команду переводчиков. Штатных, зарекомендовавших себя не было ни в МИДе, ни в госаппарате вообще. Пришлось организовать конкурс, которым руководил один из ветеранов дипслужбы, человек, побывавший послом в Париже, — А. Е. Богомолов. Я оказался в числе двух, которых отобрали для перевода переговоров между Н. Хрущевым и Ш. де Голлем. На меня же возложили переводческие функции при передвижении Хрущева по стране. Специальный переводчик нес ответственность за публичные выступления, еще один — за пресс-конференции. Дина Бабкина из нашего бюро переводов должна была помогать супруге Хрущева.

Как и когда возникла идея визита во Францию? В принципиальном плане этот шаг отвечал все более утверждавшемуся курсу Советского Союза на мирное сосуществование. Франции уделялось все большее внимание. Особенно это проявилось после вторичного прихода де Голля к власти. В январе 1959 года де Голль стал президентом страны, а уже в начале марта С. А. Виноградов по поручению советского правительства дал понять в беседе с ним, что советская сторона готова провести обмен мнениями между Советским Союзом и Францией на высшем уровне. Однако должного отклика в Париже, главным образом из-за германской проблемы, мы не находили. Вместе с тем осенью 1959 года Н. С. Хрущев совершил сенсационный визит в Соединенные Штаты Америки. Президент США был приглашен с ответным визитом в СССР. По инициативе Н. С. Хрущева была намечена встреча лидеров четырех великих

держав. Местом ее проведения был избран Париж. Во Франции обеспокоились. Там почувствовали опасность того, что если она не изменит свою позицию в вопросах развития отношений с СССР, то может остаться в стороне от решения важнейших международных проблем. Это обстоятельство не только дало толчок решению де Голля передать в октябре 1959 года Хрущеву приглашение посетить Францию, но и проявить подчеркнутую заинтересованность в том, чтобы визит состоялся.

Следует отметить, что разоблачение Н. С. Хрущевым культа личности Сталина, осуждение им репрессий сталинской эпохи, резко возросший динамизм советской внешней политики, при котором борьба за мир, за разрядку международной напряженности и разоружение стали облекаться в плоть конкретных инициатив, наконец, открытый, яркий стиль поведения советского руководителя способствовали быстрому росту его популярности за рубежом, повышали авторитет Советского Союза, внимание к его действиям, его слову. Это обещало успех визита, что было выгодно де Голлю с точки зрения повышения его престижа в самой Франции.

Принимая приглашение, в Москве исходили, в свою очередь, из того, что визит предоставит возможность советскому правительству составить более ясную картину о позициях Франции по главным международным вопросам перед намечавшимся на середину мая 1960 года совещанием руководителей четырех держав и попытаться найти взаимопонимание хотя бы по некоторым из них. Советское правительство надеялось также, что переговоры с французским правительством могут благоприятно сказаться на дальнейшем развитии отношений между двумя странами.

Я впервые наблюдал ход подготовки к визиту. Шла она непросто. Сказывались сложности формирования нового внешнеполитического курса Политика Советского Союза быстро уходила от скованности сталинских времен. Вместе с тем в ней рядом с масштабными инициативами, нацеленными на решение путем переговоров кардинальных проблем, стоявших перед миром, соседствовали акции волюнтаристского характера, заявления, звучавшие как ультиматум. Так, Н. С. Хрущев пригрозил подписать в одностороннем порядке мирный договор с ГДР, что воспринималось на Западе как посягательство на статус-кво в германских делах.

В советском руководстве шел многотрудный поиск сочетания, баланса между целями межгосударственного общения и идеологической окраской международной деятельности Советского Союза Проблема эта оказывалась в отношении

Франции даже более деликатной, чем в отношении США. Франция была страной сильного коммунистического движения. Отношения между французской компартией и де Голлем были весьма напряженными. Руководство компартии полностью поддержало идею визита Хрущева во Францию, что положительно воспринималось в Москве. Теперь вставал вопрос, как с учетом всего этого расставить акценты в программе пребывания распределить время и внимание между различными мероприятиями визита? В эту работу императивно вторгался Международный отдел ЦК, отвечавший за отношения с коммунистическим движением. Там зачастую давались настолько далеко идущие толкования понятия интернационализма, что даже обращение к категории национальных интересов, столь необходимое для отношений между государствами, воспринималось как ересь. МИДу, А. Громыко, не так давно назначенному министром иностранных дел, было непросто отстаивать позиции, отвечавшие задачам сближения по государственной линии.

Споры по этим вопросам заходили так далеко, что под угрозой срыва оказался сам визит.

9 марта 1960 года, т. е. за какую-то неделю до визита (было объявлено, что он начнется 15 марта), послу в Париже были отправлены указания для беседы с французскими представителями, в которых обращалось внимание на то, что во время поездки по Франции проведение официальных завтраков в честь Хрущева планировалось французской стороной в ряде пунктов не в муниципалитетах, а в префектурах.

Поясним сразу, что префектуры и руководящие ими префекты — институт, созданный еще Наполеоном, — являются представительствами президента и правительства в департаментах, на которые разделена вся Франция.

Наше руководство из французского предложения, вполне естественного для принятой во Франции практики, делало весьма своеобразный вывод. Эго значит, говорилось в упомянутом выше указании послу, что на этих мероприятиях будут присутствовать «непредставительные» (т. е. невыборные) лица И далее ставился вопрос о том, чтобы все завтраки и обеды (ужины) проводились в муниципалитетах. В указаниях подчеркивалась также важность организации встречи с профсоюзами, которой во французском проекте программы пребывания не оказалось.

Из всего этого видно, пояснялось послу, что французская сторона, вероятно, стеснена в приеме Хрущева Эго, дескать, особенно следует из того, что мероприятия, предусмотренные во время поездки по стране и выступления Н. Хрущева, целиком

берутся в руки префектурами, т. е. государственными чиновниками, а местные органы власти фактически устраняются.

Директива послу заканчивалась вопросом: не перенести ли визит Председателя Совета Министров СССР на более поздний срок, если французская сторона считает затруднительным такую организацию поездки, которая, как указывал в одном из своих посланий Хрущеву де Голль, дала бы советскому лидеру возможность установить действительный контакт со страной и ее людьми? Имелись в виду слова из послания, направленного де Голлем Хрущеву несколькими неделями раньше, в котором французский президент высказывался за то, чтобы Хрущев во время визита мог не только встретиться с ним самим и правительством, но и увидеть достаточно людей и многое другое с тем, чтобы этот визит явился подлинным установлением контакта с Францией.

Послу предписывалось, если наши предложения не будут приняты, согласовать вопрос о том, чтобы поездку отложить и либо сразу договориться о новых ее сроках, либо исходить из того, что новые сроки визита будут уточнены дополнительно.

У меня, как работника начинающего, возникал вопрос: разве нельзя было разобраться во всем этом в Москве, используя знания и опыт специалистов по Франции? Бывалые люди на это улыбались: конечно, можно. Но вопрос-то был поднят с подачи Международного отдела ЦК партии. Выдвинутые отделом аргументы и лежали в основе указаний послу. Они весили по тогдашним понятиям так много, что не было в Москве силы, способной опровергнуть их. Единственным авторитетом, если хотите, арбитром в такой ситуации мог быть только руководитель Французской коммунистической партии Морис Торез, с которым принято было советоваться по некоторым вопросам, относящимся к Франции.

Поэтому послу было направлено указание поставить в известность об упомянутой выше директиве и Тореза.

Получилось так, что с Торезом Виноградов встретился 10 марта, даже раньше, чем начал переговоры в соответствии с полученным указанием с французскими официальными лицами. Суждения руководителя Французской компартии были отмечены сбалансированностью и трезвостью. Проблема, где устраивать официальные обеды и завтраки, не носит столь принципиального характера, заявил он, чтобы ставить под вопрос сам визит. Конечно, было бы лучше, если бы мероприятия, о которых идет речь, проводились в муниципалитетах. Однако это не везде возможно, с одной стороны, по чисто техническим причинам, т. е. муниципалитеты в некоторых городах не имеют должных

представительских помещений, и, с другой, в силу того, что в ряде муниципалитетов есть враждебно настроенные деятели, находящиеся в оппозиции к де Голлю.

В то же время префект, продолжал Торез, является представителем центральной власти, своего рода губернатором. Здания префектур специально рассчитаны для приема высоких гостей и удобны для размещения в них руководителей иностранных государств. Весьма доходчивым подкреплением этих рассуждений для московских адресатов было замечание Тореза, что когда он сам был членом французского правительства, то при поездках по стране всегда останавливался в префектурах. Поскольку Хрущев является гостем президента, продолжал Торез, а не парламента, то он, по французским обычаям, должен останавливаться у представителя центральной власти, т. е. префекта.

Торез добавил, что обстановка во Франции для визита Хрущева хорошая и она с каждым днем улучшается, хотя в стране имеются круги, которые очень обрадовались бы, если бы визит не состоялся. Торез советовал действовать осторожно и не доводить дело до разрыва. Посольство сделало к этому приписку, что высказанные Торезом соображения заслуживают внимания и являются вполне обоснованными.

В тот же день Виноградов встретился с премьер-министром Мишелем Дебре и изложил ему точку зрения Москвы.

Премьер-министр поспешил заверить, что ни у де Голля, ни у французского правительства нет никаких намерений ограничивать возможности встреч Хрущева с общественностью.

Главу советского правительства будет принимать вся Франция. Он подчеркнул, что, поскольку префект представляет Францию на местах как государство, официальные церемонии в префектурах как раз обеспечивают гораздо более представительный характер участников, чем муниципалитеты. К тому же даны указания, что в префектуры будут приглашены выборные лица — мэры, муниципальные советники, депутаты, общественные деятели.

Если устраивать завтраки или обеды в мэриях, то политические противники мэра и правящих в муниципалитете партий или блока партий могут не явиться на такого рода мероприятие в силу местных политических распрей, В то же время там, где обстоятельства благоприятствуют этому, — в Марселе, Лионе, Дижоне, Лилле, других городах, — обратил внимание Дебре, помимо официальных обедов и завтраков в префектурах предусмотрены также приемы от имени муниципалитетов. К тому же речи на таких приемах — факт

исключительный — будут напрямую транслироваться по радио.

Казалось бы, все достаточно убедительно. Но у посла, увы, указания. Он настаивает на том, что предписала Москва. Дебре хоть и премьер-министр, но тоже не последняя инстанция в государстве: он вынужден сказать, что поинтересуется, что можно сделать, хотя вносить изменения трудно уже в силу того, что проведены подготовительные мероприятия. Что касается встречи с профсоюзами — вопроса нет. Хрущев может принять их делегацию у себя в резиденции, хотя включать такую встречу в официальную программу по французской практике не принято.

На следующий день Виноградов у министра иностранных дел М. Кув де Мюрвиля. Продолжает настаивать на принятии предложений Москвы.

12 марта ответ получен, но он передан не Кув де Мюрвилем, а директором его кабинета Ж. де Бомарше. Это как бы ответ по программе пребывания в целом, но он касается второстепенных вопросов, и в нем ничего не говорится о том, чему придано такое значение в Москве. До намеченного прилета Н. Хрущева остается всего три дня. Виноградов беспокоится, добивается новой встречи с Кув де Мюрвилем в 19.30 того же дня — 12 марта, настаивает на соображениях центра (куда же ему деваться!), но слышит в ответ: «Я как министр ничего не могу добавить к тому, что уже было сказано директором моего кабинета». Совет: «Обращайтесь непосредственно к де Голлю». Виноградов ночью информирует об этом Москву, уточняя, что после получения дополнительных указаний будет добиваться встречи с Ш. де Голлем. Он сполна осознает угрозу, нависшую над визитом. Но теперь это поняли и в Москве, и посланная из Парижа телеграмма расходится с немного раньше направленным из Москвы за подписью Громыко указанием, где послу предписывается срочно посетить де Голля или Дебре и сообщить, что ввиду заболевания Хрущева гриппом представляется невозможным осуществить поездку во Францию с государственным визитом в намеченный срок — 15 марта. Председатель Совета Министров СССР сожалеет, что так сложились обстоятельства. По заключению врачей, для выздоровления потребуется 7–10 дней. Поэтому советское правительство вносит предложение договориться с французским правительством об отсрочке визита Хрущева на 7–10 дней, если это приемлемо для французской стороны. О точной дате прибытия Хрущева в Париж можно было бы договориться дополнительно.

Поручалось также срочно условиться с французами о согласованном тексте сообщения для печати, исходя из того, что оно должно быть одновременно опубликовано в Советском Союзе

и Франции.

Послу удается передать все это Кув де Мюрвилю поздно ночью все того же 12 марта. На следующий день Виноградов был приглашен для беседы Ш. де Голлем. Президент сам предложил новые даты визита — с 23 марта по 3 апреля.

Во Франции, подчеркнул французский президент, Н. Хрущев будет принят исключительно тепло, и не следует обращать внимание на разного рода высказывания отдельных безответственных личностей. Президент Франции заявил: «Я, де Голль, заверяю вас и прошу передать это Хрущеву, что Франция примет главу советского правительства не только с должным достоинством и уважением, но и с чувством глубокой дружбы, которая характерна для франко-русских отношений. Я также прошу передать Хрущеву, что я придаю большое значение его визиту во Францию и переговорам с ним. Франция ждет его».

Все еще находясь под гнетом тяжелых указаний насчет префектов и префектур, посол высказал в конце беседы соответствующие пожелания по программе, но де Голль мягко посоветовал договориться обо всем с М. Кув де Мюрвилем, что значило спустить вопрос на тормозах.

Больше об этом никто не упоминал.

Вручая несколькими днями позже посольству последний вариант программы, де Бомарше подчеркнул, что на приемах в муниципалитетах будут присутствовать не только официальные представители, но также общественные и политические деятели.

Последний штрих: накануне начала визита де Голль передал просьбу, чтобы в его загородную резиденцию в Рамбуйе, где предполагались переговоры с Хрущевым с глазу на глаз, советский руководитель приехал вместе с супругой, что придало бы встрече там теплый характер.

Вместе с моими коллегами по Первому Европейскому отделу мы с беспокойством следили за этой дуэлью двух столиц. Были моменты, когда мало кто брался предсказать ее исход. Не знаю доподлинно, была ли болезнь Хрущева дипломатической, придуманной для того, чтобы выйти из тупика, или же настоящей, так удачно случившейся в необходимый момент. Оставляю возможность рассказать об этом другим. Однако, во всяком случае, оказавшись в конце концов в специально построенном для встречи Хрущева павильоне в аэропорту Орли — павильоне, навсегда получившем название «изба», — я не удивился тому, что первая фраза, обращенная де Голлем к Хрущеву, была:

— Итак, вы здесь! Могу вас заверить, что мы весьма рады этому!

* * *

Встреча Хрущева французами была впечатляющей.

На всем пути кортежа из аэропорта Орли до Парижа люди, люди, люди. Очень много. У одних плакаты с добрыми пожеланиями, советские и французские флажки, цветы. Они машут руками, встречают головную машину приветственными возгласами. Другие более сдержаны. Но интерес всеобщий. И так в течение всех одиннадцати дней пребывания Хрущева во Франции. В разных ее концах. Невероятно! В своей оценке визита, отправленной из Парижа, Хрущев отметил, что встречи с народом по теплоте и дружественному отношению к нам и нашей стране превзошли все ожидания.

Конечно, постарались Морис Торез, коммунисты. Но этим всего не объяснить.

Визит советского премьера в Соединенные Штаты в сентябре 1959 года прозвучал как событие мирового значения. Советский лидер, заявил де Голль, «растопил там лед». Теперь он здесь, в сердце Западной Европы. Руководитель страны-колосса, центра гигантского политического массива, начало которого в каких-то трех сотнях километрах от Рейна, а конец — на далеких берегах Тихого океана. Он предстает впервые на французской земле в плоти земного человека В открытой машине. Рядом с президентом Франции. Улыбается. Живо реагирует на то, что происходит вокруг.

Может быть, и в самом деле в мире повеяло чем-то новым? Во всяком случае, даже намек, надежда на это всколыхнули людей. Разрядка — слово, в общем, не новое — стало вызывать к себе внимание, заставлять задуматься.

…В программе следует короткая пауза, только для того, чтобы советский премьер взглянул на свою официальную резиденцию на Кэ д'Орсе — здание рядом с Бурбонским дворцом, развернутое фасадом к Сене.

В 12.45 де Голль уже ждет гостя в Елисейском дворце. Я рядом с Хрущевым, чтобы выполнить свою роль переводчика С острым интересом наблюдаю встречу этих двух людей, столь разных по происхождению, по взглядам, по манере поведения, по внешнему облику.

Французский президент неподдельно рад Он, человек, известный своим хладнокровием и невозмутимостью, сдерживает волнение. Хрущев широко улыбается, ведет себя раскованно. Первая беседа совсем короткая. Хрущев преподносит де Голлю копию вымпела, незадолго до этого доставленного советской ракетой на Луну, и модель ракеты, с помощью которой была

сфотографирована невидимая часть Луны. Де Голль шутит, что лететь на Луну не собирается, но добавляет, ему будет приятно иметь у себя такие подарки. Все это — короткий миг, открытый для репортеров. Затем следует разговор. Непродолжительный. Присутствуют переводчики — по одному с каждой стороны, никого больше.

Были времена, говорит де Голль, когда Россия и Франция могли вершить судьбы на Европейском континенте. Сейчас положение иное. Позиции Франции не те, что были раньше. Что же касается России, то ее значение возросло, она стала сильнее. В связи с этим Франция не может не быть настороже.

Поэтому, поясняет де Голль, мы и состоим в лагере, который называется западным. Если бы Франция была так сильна как при Наполеоне, ей не нужно было бы участвовать ни в каких блоках. Мы могли бы обеспечить мир с вами и без участия в блоках. Тем более, что между нашими государствами нет никаких территориальных споров. Президент делает паузу и после того, как перевод окончен, выделяет главную мысль этой беседы.

Тем не менее, говорит он, диалог между нашими странами остается важным для национальных интересов. Я приветствую в вашем лице руководителя советского правительства, говорящего от имени вашей великой страны. В свою очередь, как президент Французской республики я буду говорить от имени Франции и ни от чьего больше.

Что это? Форма протокольного приветствия с налетом ностальгии по прошлому или нечто более содержательное? Теперь серьезный разговор по международным делам требует участия как минимум четырех великих держав. Кстати, их встреча здесь же, в Париже близка: она намечена на 16 мая. Быть может, де Голль своим заявлением подчеркивает, что, несмотря на это обстоятельство, он не может предвосхищать совместный разговор четырех, ограничиваясь лишь своего рода прикидкой, подготовкой к встрече путем двусторонних бесед? Видимо, такое понимание не лишено оснований. Но все ли оно исчерпывает? В самом деле, в то время, когда в международной жизни консолидируются два гигантских блока-спрута с центрами в Москве и Вашингтоне, из уст де Голля, руководителя одной из ключевых стран Атлантического пакта, раздаются слова о том, что Франция будет говорить с Советским Союзом своим собственным языком. Конечно, вряд ли у кого-то могут быть сомнения насчет того, насколько един французский президент с западным лагерем. Однако заявление сделано, пусть даже содержание его пока не раскрыто.

Хрущев отвечает коротко. Он говорит, что Советский Союз

учитывает сложившуюся в мире обстановку и наличие двух социальных систем, но не Советский Союз был родоначальником блокового построения международных отношений. Мы считаем, заявляет Хрущев, что даже в этих условиях можно было бы добиться ликвидации военных блоков и НАТО, и Варшавского договора.

Потом он добавляет: нам понятны ваши устремления как президента Франции. Они нисколько не противоречат нашим интересам. Наши пути, я бы сказал, наши шпаги нигде не скрещиваются. Политика возвеличивания Франции не только не противоречит нашим интересам, но, более того, она импонирует нам.

Ответ в унисон, хотя идет дальше рассуждения президента Франции, да и как могло быть иначе?

Хрущев и де Голль встают из-за невысокого столика удовлетворенные. Большой разговор намечен на следующее утро в Рамбуйе. А пока они переходят в салон Мюра, где их ожидает совсем небольшая группа приглашенных на завтрак в узком кругу. Представители протокольной службы показали и места для переводчиков. Стул для меня стоял позади стула президента Франции, стул князя К. Андронникова — французского переводчика — за стулом Хрущева (по просьбе французской стороны, на советских переводчиках лежала обязанность перевода с французского языка на русский, на французских — наоборот; эта необычная практика делала меня фактически переводчиком де Голля). Место вне стола, а следовательно, и завтрак вприглядку, явились для меня неожиданностью, но было не до сантиментов и я активно включился в работу. Атмосфера приподнятая. Разговор идет легко. Вот и конец трапезы. Мы выходим. Рядом со мною оказывается работник французского протокола. Он успевает поинтересоваться, все ли хорошо. «Конечно, — спешу ответить я, — не хорошо, а превосходно. Лиха беда начало! Правда, по советскому протоколу переводчиков располагают за столом. Но это мелочи. У каждого свои правила. До скорой встречи».

Мне надо продолжать переводить, что я и делаю. Едва оказавшись в нашем посольстве, я отправляюсь в комнату шифрсвязи для того, чтобы немедленно — такое было указание — составить подробнейший отчет о беседе. Работу мою прерывает звонок по внутреннему телефону — меня спрашивают из французского МИД. Приходится сворачивать блокнот, выходить к городскому телефону. Звонит шеф французского протокола. Он произносит нечто неожиданное:

— Я приношу извинения за рассадку за столом во время

завтрака. Мы просто были не в курсе деталей советской практики.

— Это не заслуживает внимания, — отвечаю я. — Не придавайте этому никакого значения. Спасибо за звонок, но действительно никакой проблемы нет.

— Нет-нет, — настаивает собеседник. — В течение всего дальнейшего визита это будет иначе. Переводчики получат места за столом. Правда, кроме сегодняшнего официального обеда в Елисейском дворце, и то лишь в силу того, что план рассадки участников обеда уже составлен, и для того, чтобы поместить за стол двух переводчиков около первых лиц, потребовалась бы столь большая работа, что на нее просто не остается времени.

Я выражаю полное понимание. Но француз продолжает:

— Однако, поскольку так неловко получается с сегодняшним обедом, президент поручил передать вам и еще одному из ваших коллег-переводчиков приглашение приехать в Елисейский дворец на пару часов раньше этого мероприятия с тем, чтобы заранее отобедать с его личным адъютантом. Надеюсь, вы примете приглашение и сообщите, кто будет вторым советским переводчиком.

Я ответил, что конечно буду сам и перезвоню, чтобы сообщить имя моего товарища. Нашел Ф. Ф. Молочкова, непререкаемого законодателя наших протокольных правил. Рассказал. Он улыбается: «Конечно, надо идти».

В шесть часов мы с напарником в Елисейском дворце. Встречены, расположены в небольшой гостиной. С нами генерал из окружения президента с женой. С французской стороны также были приглашены два переводчика, но пришел один: князь К. Андронников почему-то уклонится.

Мы были в середине нашего оживленного застолья, когда открылась дверь. Появился де Голль, уже облаченный в парадный мундир для торжественного мероприятия. Он интересуется, все ли в порядке. Говорит несколько любезных слов и, добавив, что не хотел бы мешать, удаляется. Французский президент явно демонстрирует этим, что все, связанное с визитом, он держит под своим личным контролем.

Официальный обед в Елисейском дворце по традиции место произнесения основных политических речей во время визитов руководителей иностранных государств.

Хозяин и высокий гость задают таким образом тон публичному звучанию их переговоров и отношениям между странами, которые они представляют. К тому, что будет сказано в этот вечер 23 марта, внимание особое. Фактически Советский Союз и Франция как два государства в лице первых, облеченных всей полнотой власти руководителей встречались первый раз

после 1944 г., когда де Голль посетил Советский Союз, состоялись его переговоры со Сталиным и между СССР и Францией был подписан Договор о союзе и взаимной помощи.

Речи в конце. Под шампанское.

Первое слово, естественно, за де Голлем как за хозяином. Он ставит вопрос остро: «Во времена, в которые мы живем, времена, полные беспокойства, наша встреча может вызвать немало вопросов».

Впрочем, так ли уж остро говорит французский президент? Холодная война, кризис вокруг Берлина, быстро прогрессирующая гонка вооружений, французская война в Алжире… Все это на фоне жесткой идеологической конфронтации. Так что действительно может возникнуть вопрос: зачем эта встреча, что может она дать? Развязать эти проблемы? Немыслимо. Об этом французский президент и не говорит. Он даже не называет конкретных проблем. К тому, что требуется международному сообществу, в чем могут быть полезны Советский Союз и Франция, он подходит шире.

— В условиях, в которых оказался мир, Россия и Франция испытали необходимость увидеться друг с другом, — говорит де Голль, — …увидеться и даже, может быть, положить начало сотрудничеству.

На чем строит свою надежду французский президент?

Прежде всего на ценностях непреходящего значения, характерных для отношений Франции и России. Он говорит о «двух народах, чья душа сложилась в лоне одной цивилизации, народах, которые издавна испытывают друг к другу особое влечение», говорит о «двух государствах, у которых нет непосредственно между собой никаких территориальных споров, никаких неотмщенных обид и которые были союзниками, когда дважды в течение столетия их континент оказался под угрозой в результате чрезмерных амбиций, которые с тех пор исчезли».

Хрущев внимательно следит по тексту перевода (он около каждого советского гостя).

Де Голль заявляет, что имеется и другое, сегодняшнего дня основание для надежды. «Мы предполагаем, — говорит он, ссылаясь на деятельность Хрущева, которая привлекает большое внимание, — что целью вашей политики, целью политики великой страны, которой вы призваны руководить, является разрядка, а быть может, как знать, и согласие». И далее подчеркивает: «Если это так, будьте уверены, что вы найдете в лице Франции народ и государство, полные здравого смысла, силы и решимости для того, чтобы трудиться с полной отдачей во имя мира во всем мире и международного примирения…»[3].

Сегодня, оценивая сказанное после трех с половиной десятилетий, через которые прошел мир и наши отношения с Францией, нельзя не воздать должное трезвости и дальновидности де Голля, стремившегося откликнуться на перемены в политике нашей страны. В тот вечер особая сила слов была, помимо прочего, в их новизне и контрасте с тревожным фоном международной обстановки.

Что касается Хрущева, то он главный акцент делает на европейской ситуации, концентрирует внимание на необходимости заключения мирного договора с Германией. Чтение заранее заготовленного текста, перевод которого тоже разложен на столах, закончен. Однако Хрущев, видимо, решил, что произнесенное им не совсем неадекватно тому, что принесли даже первые часы визита, и усилил сказанное, добавив:

«Я с большим вниманием выслушал вашу речь, господин президент, и я согласен с тем, что вы сказали. Я глубоко убежден, что если Франция и Советский Союз так же, как все миролюбивые страны, объединят свои усилия для того, чтобы обеспечить дружбу между народами, эта цель будет достигнута».

Потребуется немало лет и усилий, взлетов и спадов в советско-французских отношениях, чтобы из мыслей, прозвучавших в тот вечер в блеске Елисейского дворца, сложилась целая полоса политического сближения СССР и Франции, сближения международной значимости, чтобы родилось одно из осевых направлений осуществления политики разрядки. Но слово было сказано тогда.

Обед и особенно последовавший за ним прием были грандиозными. Ничего подобного никогда потом я во Франции в честь представителя Советского Союза не видел. Супруга де Голля, принимавшая гостей вместе с президентом и четой Хрущевых, продемонстрировала в конце свои лайковые перчатки, правая насквозь протерлась от рукопожатий. Расположившись затем для того, чтобы послушать небольшой концерт в креслах (их было четыре — для Хрущева с де Голлем с их супругами, и лишь поодаль несколько десятков стульев для именитых гостей), собеседники говорили между собой уже как давние знакомые.

— Как много времени отнимает протокол и сколько в нем условностей, — заметил Хрущев.

— Эго так, — согласился де Голль, — но в то же время он ограждает от множества ненужных вещей…

* * *

24 марта. Рамбуйе. Начало большого разговора Хрущев — де Голль. Как принято говорить, один на один. Переводчики не в счет. Бесед будет несколько, сначала до поездки Хрущева по Франции, которая начнется 25 марта, затем после возвращения в Париж 1 апреля. Оба собеседника ведут разговор без каких-либо бумажек, не обращаясь ни к каким заранее заготовленным текстам. Разговор размеренный, тема за темой, но обсуждение принимает и неожиданные обороты с соответствующей корректировкой в подаче позиций.

Де Голля интересует, каким образом они с Хрущевым могли бы подготовить своими переговорами предстоящую встречу четырех. В этой связи главное внимание в беседах будет уделено центральной проблеме, стоявшей в международной повестке дня, — германскому вопросу.

Позицию Франции по этому вопросу де Голль излагает в увязке с его пониманием развития ситуации в Европе и роли в этом процессе Франции, Германии и России. Он отмечает, что Германия была на протяжении истории основным противником Франции. Мы благодарны, подчеркивает президент, что в решающие моменты — в 1875 году, в 1914 году и, наконец, в 1940-м Франция находила в лице России верного и надежного союзника, и союз Франции с Россией играл во всех этих случаях решающую роль.

Я закончил перевод этой фразы и жду следующей, когда вдруг князь К. Андронников поднимает руку с карандашом в руке и, обращаясь прямо к Хрущеву, говорит: господин Председатель, президент де Голль назвал не 1875 год, а год 1871-й. И далее для пущей убедительности добавляет от себя как неопровержимый аргумент: ведь франко-прусская война была не в 1875 году, а в 1871-м. Эго, дескать, хорошо известно. Сказал и умолк, уткнувшись снова в свой блокнот, даже не бросив взгляда в мою сторону. Всякое бывает в переводческом деле. Но это вторжение в мой перевод, к тому же с первых фраз разговора, прозвучало особенно неприятно. Де Голль, конечно, не понимая причину заминки, поскольку реплика была на русском языке. Хрущев посмотрел в мою сторону, спокойно, но все-таки с вопросом. Меня же задели как несправедливость замечания, так и вольное обращение с историей.

— Я перевел правильно, Никита Сергеевич, — сказал я, — президент назвал именно 1875 год. Это был год так называемой «военной тревоги», когда Бисмарк намеревался нанести еще один, вторичный удар по Франции, и уберегла от этого Францию решительная поддержка со стороны России. — Затем, повернувшись к де Голлю, я попросил его повторить только что

названную им дату:

— 1875, — сказал де Голль.

— Прошу прощения, — стушевался князь, наконец, обративший на меня внимание.

Далее де Голль напоминает, что в 1944 году, стремясь предотвратить возрождение германского милитаризма, он предложил Сталину не допустить восстановления централизованного германского государства, расчленить Рейх путем создания конфедерации германских земель. Согласие на это он не получил.

Свою поездку к нам во время войны де Голль вспоминает часто. Она глубоко запала в его памяти.

А потом, продолжает де Голль, в восточной части Европы Советский Союз создал огромный блок. Что же касается Западной Европы, то здесь были Германия, лишенная реальных возможностей осуществить какие-либо экспансионистские претензии, и сильно ослабленная войной Франция.

В этих условиях единственной реальной политикой для Франции, продолжал де Голль, стала политика создания равновесия в Европе. При этом мы предполагаем, что между Францией и Советским Союзом будут развиваться хорошие отношения, и исходим из заинтересованности в разрядке в отношениях с Советским Союзом. Германия должна быть с нами не для каких-то агрессивных планов, а наоборот, для того, чтобы в Европе было спокойно. Если такого рода равновесие в Европе будет достигнуто, то нам не нужны будут Соединенные Штаты. Мы, конечно, хотим остаться с Соединенными Штатами друзьями, но не будем нуждаться в такой, например, совместной организации, как НАТО.

И далее: если реальная разрядка в отношениях между Советским Союзом и капиталистическими странами будет достигнута то германский вопрос, как вопрос производный, можно будет решить без труда в новой атмосфере, которая будет таким образом создана — в атмосфере, в которой мы не чувствовали бы никакой угрозы.

Хрущев, в свою очередь, отмечает, что Россия и Франция всегда были вместе, когда Германия развязывала войну. Эго важно и сейчас, поскольку германский вопрос остается нерешенным, а это таит в себе угрозу.

Он критически относится к политике Франции в отношении Германии. Если Франция играет с Германией на французских нотах, то Германия играет с Францией на нотах германских, и нам нужно, подчеркивает Хрущев, быть очень внимательными и осторожными, чтобы наши страны не проиграли от этого.

Хрущев разъясняет, что Советский Союз желает, чтобы создавшееся в Европе положение приобрело правовую основу. С этой целью мы предлагаем заключить мирный договор с Германией. Эго позволило бы закрепить установившиеся границы и решить вопрос о Западном Берлине, поскольку договор положил бы конец оккупационному статусу.

В то же время он отметил, что если советскому правительству не удастся доказать союзникам необходимость заключения мирного договора с Германией, то оно пойдет на заключение сепаратного договора с Восточной Германией.

Хрущев привез в Париж небольшую новизну в позиции — промежуточное решение германского вопроса Суть его в заключении временного соглашения о Западном Берлине с заменой режима оккупации новыми принципами. Советскому правительству, добавляет Хрущев, хотелось бы вместе с бывшими союзниками разработать статус вольного города для Западного Берлина. Если же западные страны не подпишут с Советским Союзом соглашение о Западном Берлине, то «мы декларируем в одностороннем порядке статус вольного города».

У Советского Союза и Франции, подчеркнул Хрущев, целый ряд общих точек зрения по германскому вопросу. Насколько мне известно, поясняет он, Франция не стремится к воссоединению обеих Германий, и закрепление сложившегося положения было бы полезно не только для Москвы, но и для Парижа.

Де Голль с соображениями Хрущева насчет заключения мирного договора с Германией не согласился. Хотя и отметил достоинство промежуточного варианта, поскольку из него вытекает, что западным странам больше не угрожают. От того, что мы подпишем какую-то бумагу, заявил он, положение в Германии не станет лучше.

Проблема, уже много месяцев не сходящая с первых полос газет, здесь обсуждается спокойным тоном, ровным голосом. Но оба собеседника внимательно вслушиваются в слова друг друга, четко формулируют свои позиции. Западные державы не могут воспрепятствовать заключению договора между Советским Союзом и Восточной Германией. Но все это не означает, что они одобрят подобный акт или присоединятся к нему.

Если Советская Россия, заключив договор с Восточной Германией, скажет, что с этого момента союзники не могут оставаться в Западном Берлине, то я не думаю, заявляет де Голль, что мы согласимся на это, как, по-видимому, и наши союзники.

Де Голль поясняет, что Франция не относится с полным доверием к Германии, и ее политика в германском вопросе исходит не из доверия к этой стране, а из стратегических

интересов. Он активно откликается на мысль Хрущева о совпадении точек зрения Франции и Советского Союза по германскому вопросу.

— Что касается объединения двух германских государств, то, действительно, мы, — заявляет де Голль, — не стремимся добиться этого. Когда-нибудь оно, может быть, и произойдет, но мы не спешим.

Границы Германии по Одеру — Нейссе, подчеркнул французский президент, не подлежат никакому пересмотру Франция считает важными имеющиеся соглашения с ФРГ, которые запрещают этой стране иметь некоторые вооружения, и мы не хотим пересматривать эти соглашения.

В целом, обобщает де Голль, Франция в своей политике в отношении Германии исходит из существующего положения, и разница между нами состоит в том, что это положение Советский Союз предлагает оформить юридически.

К чему же следовало бы стремиться в европейской политике? Де Голль говорит, что его цель — добиваться когда-нибудь единой Европы, в которую входили бы и восточная и западная ее части. Но для этого нужно, чтобы Западная Европа стала сильной и организованной, а это предполагает нахождение в ней и Западной Германии. Если страны Западной Европы будут разобщены, то в них будут сильны чувства страха перед огромной и организованной Восточной Европой. И это будет толкать их к американцам.

Хрущев соглашается с заявлением относительно установления контактов между Западной и Восточной Европой. Я это понимаю, говорит он, как экономическое и культурное сотрудничество между организованной Восточной Европой и организованными странами Западной Европы, включая, разумеется, и Западную Германию. Экономическое и культурное сотрудничество явится хорошей основой для улучшения всей международной атмосферы. Он считает также благотворным такое положение, когда США не имели бы возможности оказывать давление на западноевропейские страны.

Пройдет совсем немного времени после этой беседы, и де Голль провозгласит ставший легендарным лозунг создания Европы от Атлантики до Урала.

Переговоры по германскому вопросу завершаются выводом Хрущева о том, что по сути дела позиции Советского Союза и Франции совпадают.

Де Голль кивает головой в знак согласия.

* * *

Следующая крупная тема переговоров — проблема разоружения и безопасности. Самым значительным моментом разговоров по этой тематике становится разъяснение французским президентом политики самостоятельности, к которой во все большей степени переходит Франция, Он обращает внимание на то, что в марте прошлого года средиземноморская эскадра Франции выведена из-под командования НАТО, Мы закрыли, говорит он, доступ во Францию американскому ядерному оружию, отказали Вашингтону в разрешении размещать во Франции их ракеты.

Это известные факты, но важно то, что о подобных вещах, касающихся самых деликатных сторон отношений Франции с США, французский президент говорит с советским руководителем. Еще важнее, что эти факты выстраиваются де Голлем в четкую концепцию новой внешней политики, неотъемлемым элементом которой, судя по всему, должно стать и улучшение отношений с Советским Союзом.

Вдруг он произносит нечто неожиданное для нас: я считаю, что пребывание Франции в НАТО — явление преходящее. Франция намеревается не всегда оставаться в НАТО и основывать на НАТО свою политику.

Н. Хрущев не меняет выражения лица, хотя по какому-то неуловимому движению ясно, что сигнал услышан. Короткие высказывания де Голля в отношении НАТО в предыдущих беседах приобрели теперь значение одной из практических целей его политики.

Французский президент уже давно интригует мир новыми идеями политико-стратегического характера. Еще в июне 1958 года он заявил: «В рамках западного мира, к которому мы принадлежим, не будучи обязанными ограничиваться им, мы должны занимать свое собственное место, осуществлять свою собственную деятельность, чтобы служить миру и безопасности»[4]. Шумную реакцию вызвал направленный де Голлем в сентябре 1958 года руководителям США и Англии меморандум, в котором предлагалось осуществить глубокую реформу НАТО, с тем чтобы ответственность этой организации была распространена на весь земной шар, а за Францией было бы признано право участвовать во всех политических и стратегических решениях наряду с США и Англией. Все это, конечно, анализировалось в Москве. Однако действия де Голля давали возможность для двоякого толкования: либо как средство воздействия Франции на своих союзников для достижения цели увеличения роли Франции в рамках Атлантического союза, либо как нечто другое. При этом вариант выхода Франции из НАТО

представлялся почти невероятным. Теперь об этой возможности де Голль сказал сам, сказал лидеру Советского Союза. Он не уточнил, как, когда и что именно он намеревается предпринять, но это в конце концов не важно для начала.

Хрущев не задал уточняющих вопросов: слишком щекотливая это была материя. Он, однако, не преминул отметить, что советское правительство с пониманием относится к политике де Голля и с симпатией встречает соответствующие решения Франции в отношении НАТО. В информации, содержащей оценку своих переговоров в Париже, заявление де Голля по данному вопросу Хрущев вынес на первое место.

Пройдет еще почти шесть лет прежде, чем 21 февраля 1966 года Ш. де Голль объявит о намерении Франции полностью выйти из военной организации НАТО. Отметим попутно, что в тот момент шла подготовка к его официальному визиту в Советский Союз. Две линии, а точнее, два направления единого курса — политики независимости Франции и сближения с Советским Союзом развивались параллельно. Беседы лидеров двух стран в тиши Рамбуйе были важной вехой этого процесса.

Один из ключевых элементов политики независимости де Голля — обладание Франции ядерным оружием, создание на этой основе так называемой ударной силы. Во время пребывания Хрущева Франция производит свой второй атомный взрыв Де Голль проинформировал об этом Хрущева в беседе 1 апреля. Проинформировал и добавил: я знаю, что ни русские, ни американцы, ни англичане не выражают никакой радости по поводу французских испытаний атомной бомбы. Но мы, французы, обязаны это делать, поскольку это дает нам известную автономию среди западных стран.

Хрущев заметил: мы понимаем ваши чувства. Мы тоже радовались, когда удачно проводили наши атомные испытания. Однако в связи с тем, что сейчас успешно развиваются переговоры о запрещении испытаний ядерного оружия, мы лишены возможности поздравить вас с успехом. Мы искренне стремимся к разоружению.

Лучше было бы, сказал он, объединить усилия наших стран в области мирного использования атомной энергии.

На это предложение французский президент отвечает согласием, подчеркивая: мы готовы непосредственно сотрудничать с вами в деле мирного использования атомной энергии в такой степени, в какой вы этого пожелаете. Мы готовы даже публично заявить об этом.

Хрущев подчеркивает, что развитие отношений между Советским Союзом и Францией в области мирного использования

атомной энергии не только способствовало бы улучшению отношений между нашими двумя странами, но и создавало бы лучший общий фон в международных отношениях в целом.

Как известно, подписание соответствующего соглашения — первого соглашения такого рода между Советским Союзом и западной страной — явилось одним из важных результатов визита.

Что касается проблемы разоружения, то это несомненно одна из тем предстоящего совещания четырех держав. Оба лидера согласны с необходимостью разоружения. Де Голль не возражает даже против того, что особую важность представляет ядерное разоружение. Это само по себе существенно для тех времен. Вместе с тем у де Голля, начавшего процесс создания французского ядерного арсенала, нет интереса к практическим шагам в этой области, даже если речь идет только об ограничительных мерах в отношении ядерных испытаний.

* * *

Видимо, не всякому современному читателю интересно углубляться в ознакомление с пусть даже сокращенным изложением бесед двух государственных деятелей более чем тридцатипятилетней давности. Но тогда это было важно для них самих, для Советского Союза и Франции. За этим следил мир, из этого складывалась большая политика. Что же может объяснить обращение к этому сегодня? Думаю, то, что в тех беседах были высказаны взгляды, на долгие годы, а в чем-то, пожалуй, и до сегодняшнего дня определявшие главное содержание отношений между Советским Союзом и Францией, а во многом и ход дел во всей Европе. И для того, кого это интересует, знакомство с истоками, ознакомление с этими материалами может сделать более понятным все последующее, в том числе и реакцию руководства Франции на события августа 1991 года. И еще: если при описании дипломатической жизни не заглядывать в суть того, о чем говорят дипломаты и политики, она и в самом деле предстанет для широкой публики в искаженном виде, как бесконечная череда протокольных мероприятий.

Между тем руководители Советского Союза и Франции делают перерыв в беседах, и Хрущев отправляется в поездку по Франции. На шесть дней. Никогда потом ни один из высоких представителей нашей страны таких поездок не совершал. Ни у кого программа знакомства с Францией не была столь насыщенной и разнообразной. Бордо, Тарб, Лак, По, Истр, Арль,

Ним, Марсель, Дижон, Мец, Верден, Вальми, Реймс, Эперне, Рубэ, Лилль, Серке, Руан, Флэн — это лишь простое перечисление основных этапов пути. Казалось, Франция стремилась показать Хрущеву все, чем она богата, а французы спешили увидеть его, независимо от того, светило ли солнце или шел дождь. В течение многих последующих лет мне довелось видеть множество визитов во Францию представителей Советского Союза, в том числе и самого высокого уровня, и я отмечал, как слабел и затухал интерес к руководителям советского государства. Конечно, визит Хрущева был первым, и сам эффект новизны имел очевидное значение. Верно и то, что практика нормальных рабочих контактов лидеров различных стран имеет свое преимущество, свидетельствуя о деловом характере отношений. Однако это не исчерпывает проблемы, о которой я говорю. Визиты руководителей Советского Союза в ту же Францию в последующие годы неизменно привлекали внимание общественности и средств массовой информации. Однако и интерес этот, и тональность оценок со стороны общественности менялись в сторону критического, негативного отношения. Долгое время должного внимания это важное для оценки политики страны и ее образа обстоятельство в Москве не вызывало. Эго было свидетельством очевидной недооценки значения общественного мнения в политике.

Вернемся, однако, в 1960 год, к поездке по Франции. С Хрущевым его семья. Помимо жены Нины Петровны, сын и три дочери, и, конечно, зять — Аджубей. Хрущев — человек многих крайностей. Подобное семейное сопровождение — одна из них. Из Парижа реактивный лайнер средних дистанций — «Каравелла» — гордость французской авиационной техники тех лет, круто набрав высоту, взял курс на Бордо. Не могу не отметить радости Хрущева, когда он оказался в квартире одной из новостроек в пригороде Бордо. Даже с небольшим ростом Хрущева ему достаточно было поднять руку, чтобы достать до потолка. Хрущев стал громко созывать А. Н. Косыгина, других сопровождающих его именитых людей. Смотрите! — восклицал он. Вот видите, люди довольны; им вполне достаточно двухметровой высоты, а в Москве все сопротивляются: не хотят меньше двух метров сорока! Не понимают!

— А где у вас ванная? — спрашивает Хрущев хозяйку квартиры.

— У нас нет ванной, — отвечает она, — у нас душ.

— И вас это устраивает?

— Да, конечно, — отвечает, оглядываясь по сторонам, скромная женщина, оказавшаяся вдруг на первом плане какого-то

огромного события.

— Ну вот, видите, — продолжает воспитывать своих Хрущев, — и ванны не надо, достаточно душа!

Все это приводит его в отличное расположение духа. Еще одно проявление крайностей.

Путь от Бордо до газовых месторождений Лака и дальше на юг мы проделываем на автомашине. Эго серийный «ситроен» лучшей марки, который в посольстве называют «лягушкой» за своеобразие формы. Эта модель по многим своим конструкционным особенностям обогнала время, однако размера эта машина небольшого. В салоне сам Хрущев и сопровождающий его французский министр: туда больше никого не втиснешь. Впереди, рядом с водителем, одно место. Его отдают для переводчика потому, что разговор в пути не умолкает ни на минуту. Для переводчика, но для какого? Советского или французского? Я принимаю предложение моего французского коллеги князя Андронникова чередоваться по этапам: не делить же нам вдвоем одно сиденье?! — гордо заявил он. Первый перегон достался князю, на второй отправился я. Но вдруг на первой же остановке князь подбежал ко мне со словами:

— У меня большие неприятности. Начальство строго приказало мне быть рядом с Хрущевым все время, не упускать ни одного произнесенного им слова. Я согласен, — продолжает он, — всю дорогу сидеть рядом с вами на этом единственном месте рядом с водителем.

Я, конечно, тоже не против, и мы на протяжении многих километров поочередно выворачивали головы назад в ритм реплик, которыми обменивались позади наши высокие собеседники.

Марсель — город людей с южным темпераментом. Когда Хрущев и я как неотступный его спутник вышли на улицу после одной из чинных встреч, огромная толпа, собравшаяся перед зданием, вдруг прорвала заслоны и, как волна, покатилась на нас. Вся охрана бросилась ей навстречу, но вмиг была поглощена восторженными сторонниками советско-французской дружбы. На какой-то миг премьер и я остались одни перед стремительно приближавшейся лавиной людей. Наша машина была в нескольких метрах. Я подтолкнул Хрущева к ней. Он, сполна оценив опасность, юркнул на переднее, «мое», сиденье. Я едва успел вскочить на «его» место в салоне и крикнуть французскому водителю «вперед», как в открытое стекло рядом с Хрущевым втиснулся целый букет рук. Они схватили руку Хрущева, в то время как машина делала рывок, и мне пришлось двумя руками помогать ему тянуть его руку в обратную сторону. В глазах у

Хрущева промелькнул неподдельный испуг. Машина вырвалась, отделавшись вмятиной на моей дверце, и помчалась по марсельским улицам, не зная куда, пока ее не догнали и мотоциклисты, и машины охраны, и кортеж, и местные власти и т. д. и т. п. Помятый «ситроен» был заменен на другой, и, насколько мне известно, это вообще было единственное приключение, связанное с обеспечением безопасности. Позже я слышал, что за отличную работу во время поездки советского лидера по Франции работники соответствующей нашей службы получили высокие награды…

Была, разумеется, в поездке и кукуруза. Хрущеву показали связки чудесных початков, а он, сияющий, не мог удержаться от замечания, что урожаи-то могли быть и повыше. В общем, эпоха и человек были представлены во всех деталях.

Сопровождавшие Хрущева французские министры держались предупредительно и скромно, острых проблем не поднимали. Исключение составил лишь член французского правительства Луи Жакино, который оказался рядом с Хрущевым на севере, где все — и Верден, и Реймсский собор — говорило о сложном прошлом в отношениях между Францией и Германией. На свою беду, Жакино пустился на этом фоне в пропаганду франко-германской дружбы. Слово за слово, и Хрущев разошелся настолько, что от чинности, которую я видел во время переговоров в замке Рамбуйе, не осталось и следа Наступил момент, когда князь Андронников, имевший указание не пропускать ни одного слова Хрущева, стал вполголоса уточнять некоторые из пускавшихся в оборот советским лидером словечек, пока, наконец, не опустил руки совсем, попросив меня: «Переведите, пожалуйста, этот оборот сами».

В конце концов Хрущев подвел итог перепалки кратким выводом, звучавшим примерно так: вам, французам, дружить с немцами хочется не больше, чем сесть голой… на ежа. Аргумент этот оказался неотразимым. Жакино умолк, но он так завел Хрущева, что тот в Реймсе, быстро зачитав в префектуре заранее заготовленный текст, произнес затем экспромтом, быть может, одну из самых зажигательных своих речей, которую громкоговорители разнесли над площадью перед префектурой, где собралось много людей, выражавших немалое одобрение.

Супруга Хрущева держала себя весьма скромно. Мне довелось ехать в одной машине с нею и с супругой де Голля из Парижской оперы. Нина Петровна обратила внимание на то, как много людей приветствовали, несмотря на поздний час, Хрущева и де Голая. При этом она была настолько далека от того, чтобы переносить в какой-либо степени этот успех на себя лично, что супруга де

Голля — правил тоже строгих — сочла тем не менее необходимым заметить: «Но ведь здесь и мы с вами, давайте помашем рукой».

* * *

После возвращения из поездки переговоры возобновились. Снова Рамбуйе.

Болевая точка де Голля — Алжир. Бушующая там война. Конечно, не будь алжирского кризиса, кто знает, может, и не было бы второго пришествия самого де Голая, не стал бы он вновь во главе Франции в 1958 году. Но это как бы доказательство от противного, парадокс истории, требующий отдельного разговора.

Де Голль уже сделал попытку как-то подкрепить свои позиции в алжирском вопросе, использовав визит Хрущева во Францию. При разработке программы одна из линий, прочерчивавших маршрут перемещения Хрущева по Франции, была протянута Парижем через Средиземное море до района Хасси-Мессауд. Там, в центре Алжирской Сахары, французы вели крупномасштабную разработку нефтяных месторождений.

— Это в порядке ознакомления с французскими достижениями, — вкрадчиво пояснили нашим представителям на Кэ д'Орсе. — Мы предлагаем, чтобы Хрущев посмотрел, как мы добываем газ в Аквитании, на западе Франции, производим кукурузу в Провансе, так вот еще и это наше начинание… — Сказали, сумев так глубоко спрятать улыбку, будто и сами поверили в то, что говорили. Карандаши в Москве также без улыбок тех, кто держат их в руках, неизменно обрубали это бросок за Средиземное море. Советское руководство вело себя в алжирском вопросе осмотрительно, стремилось предельно оградить отношения с Францией от негативного воздействия этой войны, но пойти на политическую поддержку политики Франции в отношении Алжира Москва не могла по причинам принципиального характера.

Париж же настаивал на поездке в Хасси-Мессауд. Он не ограничился разговорами через наше посольство во Франции. Незадолго до визита французский посол в Москве, многоопытный М. Дежан получил аудиенцию у Хрущева. Посол завел разговор о программе визита. Вернее, об одном ее элементе — полете в Хасси-Мессауд.

Хрущев вместо ответа задал вопрос:

— А будет ли Франция готова признать Германскую Демократическую Республику?

Дежан улыбнулся. О Хасси-Мессауде больше не вспоминали. Для признания Парижем ГДР время еще не пришло, посещать советскому лидеру т. н. алжирские департаменты Франции было уже поздно.

Но в Рамбуйе де Голль алжирскую тему поднял. Вернее, поднял более широкий вопрос о трансформации французской империи. Французский президент утверждает, что готов поддержать тенденцию к приобретению самостоятельности у африканских народов, но при условии, что события будут развиваться не против Франции, а с ее участием. Именно поэтому, поясняет де Голль, мы создали Французское сообщество, т.е. объединение Франции с целым рядом африканских государств.

Разумеется, эта эволюция проходит не так идиллически, как можно было бы представить, признает французский президент.

Перейдя затем к алжирскому вопросу, де Голль говорит, что делает исключение для Хрущева. Мы не любим обсуждать эту тему с иностранцами, пояснил он. Алжирский вопрос — это дело Франции и алжирцев.

Характеризуя обстановку в Алжире, де Голль заявил, что там в ряде пунктов продолжается, хотя и в ослабленной форме, «восстание». Восстаний там было много, но на этот раз оно приняло особенно серьезный и затяжной характер. И поэтому он считает необходимым создать для Алжира новую перспективу.

По мнению де Голля, из возможных вариантов в конце концов будет выбрана форма ассоциации Алжира с Францией.

Этот вывод президент пытается подкрепить своими представлениями об истории Алжира и его возможностях. В Алжире, говорит он, никогда не было государства, В Алжире, как он выразился, существовала какая-то «человеческая пыль».

Де Голль, как известно, мастер необычных дефиниций. Хотя, как мы можем убедиться, они не всегда верны.

— Таким образом, — продолжал он, — в этой стране не сложилось никаких местных кадров. Положение осложняется тем, что на территории Алжира с давних пор проживает миллион французов. Если Франция уйдет из Алжира, — продолжает де Голль, — в Алжире воцарится хаос.

— Я, конечно, не хочу сказать, — уточняет де Голль, — что эта страна не способна ни к чему вообще. Когда-нибудь, может быть, лет через 25, она сможет организоваться. Но не сейчас. Более тою, уход Франции из Алжира может превратить эту страну в яблоко раздора между Востоком и Западом, и я не исключаю возможности возникновения между ними войны из-за Алжира.

Это аргумент, специально рассчитанный на советского

лидера, но президент хватил через край.

Хрущев не видел большого интереса в обсуждении этой проблемы. Поэтому он ответил коротко:

— Благодарю за изложение позиции. Мы ее понимаем.

Но де Голль захотел добиться чего-то большего и продолжил разговор.

— Во Франции, — заявил он, — не все думают как я, но именно президент, правительство выражают официальную позицию страны. — Кого имел в виду де Голль, говоря о раскладе сил в стране вокруг алжирского вопроса: коммунистов, которые резко клеймили войну в Алжире, или крайне правых, не мысливших себе Алжира иначе как французским? Он не уточнял. Видимо, больше первых.

Разговор пришлось продолжить.

— Вы, вероятно, заметили, — сказал Хрущев, — что после того, как в Алжире началась война, мы заняли очень сдержанную позицию, чтобы дать возможность Франции справиться с трудностями в решении алжирского вопроса. Но война в Алжире становится все более кровопролитной и затяжной. Это все более вредит Франции.

Разногласия обнажились.

— Мы заявили, — говорит далее Хрущев, — что были удовлетворены заявлением Франции о праве алжирского народа на самоопределение. По нашему мнению, это заявление может служить основой для решения вопроса. Алжирское правительство за несколько дней до моего отъезда во Францию проявило инициативу с тем, чтобы добиться нашего содействия в решении алжирского вопроса.

Это новый элемент: готовность помочь Франции своими добрыми услугами, если хотите.

Последовала реакция де Голля. Более чем прохладная.

— Мне неприятно слышать ваши слова о том, что война идет между Францией и Алжиром, На самом деле проблема там между Францией и некоторой частью алжирцев. Не существует и алжирского правительства Есть группа людей, которые выдают себя за алжирское правительство. Но Франция не признает их в качестве такового.

— Я понимало, — говорит Хрущев, — что не все алжирцы поддерживают алжирское правительство в борьбе против Франции. Учитываю также и тот факт, что в Алжире живет более миллиона французов. Однако приходится считаться с тем фактом, что вот уже 6 лет в Алжире не прекращаются военные действия.

Де Голль замечает, что он не хотел бы спорить с Хрущевым по

алжирскому вопросу. Он хотел лишь изложить свою точку зрения.

В это время до нас доносится звук сильного удара и шум падающих осколков стекла.

Французский президент вроде бы не обращает на это никакого внимания.

Завершая разговор на алжирскую тему, он говорит, что принимает к сведению все то, что было сказано Хрущевым. Пока я переводил, он нажал на кнопку. Появился адъютант. Он вполголоса доложил президенту, что порыв ветра разбил окно в соседнем помещении.

— Узнайте, не пострадал ли там кто-нибудь, и скажите мне, — дает ему указание де Голль.

Беседа продолжается.

Хрущев делает затем важное для де Голля заявление. Он заверяет его, что Советский Союз не хочет в какой бы то ни было степени разрушать Французское сообщество.

Де Голль удовлетворенно кивает головой. Для Франции такая позиция Советского Союза значила тогда много.

Французский президент переводит беседу на более широкую тему отношения к арабскому миру. Собеседники быстро вычленяют два аспекта проблемы — оказание экономической помощи и продажу оружия. При этом они приходят к единому мнению, что об этой проблеме следует говорить применительно не только к арабским, но и вообще к слаборазвитым странам.

Хрущев предложил на широкой основе договориться о запрещении продажи оружия всем странам, не производящим его. Это способствовало бы разрядке международной напряженности. Такое соглашение должно быть обязательным для всех стран, входящих в оба военно-политических блока.

Де Голль с этим согласился и высказал мнение, что эти вопросы следовало бы обсудить на предстоящем совещании четырех.

Беседа завершилась на позитивной йоте.

Де Голль находит момент для того, чтобы посоветоваться по такому крупному вопросу, как отношения с Китайской Народной Республикой. Он признается, что плохо знает эту страну, просит Хрущева поделиться, что он думает о развитии Китая и его будущем.

Хрущев отмечает, что Китайская Народная Республика бурно развивается, рассказывает о большой помощи, которую оказывает ей Советский Союз.

У де Голля звучат нотки опасения: к чему приведет это развитие? Какую, по мнению Хрущева, роль будет играть Китай во всемирном плане, когда станет мощной державой? Он

рассказывает Хрущеву об озабоченности, которую испытывают в отношении Китая некоторые африканские страны, например Мадагаскар. Представители этих стран говорят: Африка — малонаселенный континент, и Китай может наводнить его за счет своего избыточного населения.

Хрущев отвечает, что население Китая действительно быстро возрастает, но мы на эти вещи смотрим иначе, В Китае существуют огромные возможности для увеличения производства продуктов питания. Он делает акцент на том, что нормализация отношений между Китаем и западными странами затянулась. Западные страны не признают Китай, и сами же терпят от этого ущерб, так как не знают этой страны, но от Китая отвернуться нельзя.

Много времени прошло после этих бесед, и они любопытны для сравнения того, как мыслили себе развитие событий сильные мира сего и что произошло на самом деле.

* * *

Большие переговоры в Рамбуйе завершаются на той же теме, с которой начались, — развитии советско-французских отношений.

Да, во Франции и Советском Союзе разные социально-экономические системы. Но де Голль подчеркивает: я придерживаюсь того мнения, что со временем между социализмом и капитализмом будет все меньше и меньше разногласий. Он полагает, что в дальнейшем в социалистических странах получат большее развитие свобода и либерализм. Таким образом, различия между двумя системами будут не углубляться, а наоборот, сглаживаться. Ничто не мешает нам уже сейчас начать сотрудничество. Нужно, разумеется, действовать постепенно т.е. начать нужно с начала.

Хрущев за всяческое развитие сотрудничества. В его словах тоже звучит нечто, обгонявшее время: нам следует, подчеркивает он, умножать встречи не только между руководителями, но и между простыми людьми двух стран. Тогда народы Советского Союза и Франции лучше поймут друг друга. Оба они приходят к выводу, что развитие отношений между СССР и Францией в духе дружбы и сотрудничества и установление лучшего взаимопонимания между ними будут содействовать дальнейшему ослаблению международной напряженности и укреплению мира в Европе и во всем мире.

Следует прогулка по парку, катание на лодке. Обстановка

непринужденности, взаимного удовлетворения. Подходит к концу и весь визит. Позади гладь автострад, перелеты, скоростные поезда и встречи, встречи. Они казались бесчисленными: синие спецовки рабочих заводов «Рено», хитроватые взгляды крестьян, королева красоты, приветствовавшая Хрущева в Арле, депутаты и министры, коммунисты и правые. Километры подземных подвалов с шампанским, горы золотистой серы, водохранилища, гидростанции, блеск Гран-Опера, острая приправа знаменитого марсельского буйабеса — всего не перечесть — и все это на фоне расцвеченной весной Франции-сада. Франция была воистину щедра своим гостеприимством, кстати, щедростью, которая больше никогда не повторится при приеме кого бы то ни было из именитых иностранных гостей. Такое решение будет принято после того, как Национальное Собрание страны ознакомится с расходами на визит Хрущева.

Де Голль произвел большое впечатление на Хрущева. Советский лидер счел необходимым поделиться этим со своими коллегами по руководству даже в краткой информации, отправленной из Парижа. Он написал о французском президенте как о человеке очень внимательном и обходительном, подчеркнул умение де Голля глубоко анализировать политические явления, четко излагать мысли, смотреть на вещи широко. И особую концентрацию де Голля на европейских проблемах.

Перед гем как подняться на борт самолета, Хрущев заявит: «Мы увозим с собой глубокое убеждение, что между Советским Союзом и Францией могут и должны сложиться отношения большой и прочной дружбы».

Де Голль об этом моменте прощания напишет: Хрущев «улетает 3 апреля, сердечный и радостный, оставляя меня — не могу не сказать этого — под глубоким впечатлением от силы и яркости его личности, готовым поверить в то, что, несмотря ни на что, у мира есть шанс на мирную жизнь, а у Европы на будущее, с мыслями о том, что в вековых отношениях между Россией и Францией свершилось нечто по-настоящему важное и значительное»[5].

* * *

Время и практика бесстрастным мерилом и непререкаемым авторитетом отбирают из деяний лидеров то, чему суждено стать частью истории, войти в летопись стран и народов. Не всегда то, что задумывалось, инициировалось ими, свершается так, как они это замышляли. Но подлинно значимым из дел их суждено жить и

нести печать их авторства. Сегодня во сто крат зримее содеянное Хрущевым на XX съезде как начало целой полосы преобразований, через вихри которых проходят и сегодня народы нашей страны, да и только ли нашей. Может быть, придет время, и мир признает, что в дни пребывания Хрущева в Организации Объединенных Наций главным был его страстный призыв покончить с колониализмом, давший возможность переложить на язык решений этой организации то, чего требовала история, равно как и небывалая раньше по масштабу постановка вопроса о разоружении.

Что касается Шарля де Голля, то его роль уникальна уже в силу того, что он дважды вывел свою страну из катастрофического положения.

Встреча таких двух людей в 1960 году — мы возвращаемся к тому, что и как они говорили друг другу, как прислушивались один к другому, и особенно охватываем взглядом годы, прошедшие с тех пор, — эта встреча дала немало странам, которые они представляли, и последующему развитию международных отношений. Де Голль сумел подняться до согласия с полной независимостью Алжира, пойти на признание Китайской Народной Республики. Хрущев не перешел рубеж крайностей в его порывах в германском вопросе. Главное же в том, что отношения между Советским Союзом и Францией встали на маршрут сближения.

Между двумя этими людьми в уединении Рамбуйе зарождалось согласие в том, что решение самых трудных, самых проклятых проблем следует искать не в лобовой конфронтации позиций, не в споре вокруг формулировок, неизбежно и неотвратимо более бедных, чем жизнь, а в изменении атмосферы международных отношений, в такой новой политике, когда самая крупная конкретная проблема может быть сведена, подчинена в своем разрешении общей благотворной динамике.

Ни Хрущеву, ни де Голлю не довелось дожить до принятия Хельсинкского заключительного акта, идеи которого значили так много для изменения обстановки в Европе, сближения между всеми европейскими государствами. Они не дожили до этого временного рубежа в формировании Большой Европы, если использовать терминологию де Голля, но они, несомненно, внесли свой вклад в развитие этой тенденции в мировой политике, и что особенно примечательно — в самом начале ее зарождения.

В ряду и в сочетании, вкупе с усилиями многих других деятелей, многими другими акциями? Да, конечно. Но признание этого не должно заслонять их заслуг.

Однако международной политике, а с нею и советско-французским отношениям предстояло развиваться непростыми путями.

Де Голль в Советском Союзе

Раннее утро 14 мая 1960 года. У трапа самолета «Ил-18» во Внуковском аэропорту собралось несколько членов политбюро, еще какие-то ответственные чины. Между ними юрко скользил А. Аджубей. С пачкой газет под мышкой он раздавал свежий номер «Известий» всем знакомым. Подъехал черный лимузин. Из него появился Хрущев. Началась суета. Сопровождающих попросили занять места в самолете. Но Хрущев с членами политбюро удалился на какое-то время в правительственный павильон аэропорта. Оттуда вышел улыбающийся, поднялся по трапу. Взлет, и мы взяли курс на Париж, где 16 мая должно было состояться совещание четырех держав — СССР, США, Франции и Англии — на высшем уровне. Я был рад новой возможности побывать во французской столице для участия в таком крупном событии снова в роли переводчика советского премьера. Кстати, в качестве переводчика американского президента в Париже выступал полковник Уолтерс, с которым судьба снова свела меня через 26 лет, когда оба мы оказались в Нью-Йорке в качестве постоянных представителей наших стран при ООН.

Встреча в верхах уже в течение нескольких месяцев концентрировала на себе главное внимание мира. Она следовала за двумя масштабными визитами Хрущева сначала в США, потом во Францию. Казалось, в мировой политике открывается новая страница. В нашей стране эти визиты были встречены с оптимизмом. Новый внешнеполитический курс начинал давать результаты. Теперь надежды переместились к четверке великих. Вскоре после парижской встречи должен был состояться ответный визит в СССР президента США Эйзенхауэра. Его готовились принять радушно. На Байкале спешно возводился особняк для невиданного броска гостя в глубь страны. Приглашен в Советский Союз и президент Франции Шарль де Голль. Думали, что он тоже сможет побывать у нас тем же летом 1960 года.

Люди в стране хотели верить, что действительно рождается что-то новое, может быть, даже доверие в международных делах?!

И вдруг Пауэрс! Об имени этом никто, конечно, ничего не знал и не слышал. Был сбит американский разведывательный самолет. Сбит не где-нибудь вблизи границ, а около Свердловска — в самом центре страны. Сбит к тому же 1 мая, то есть в большой праздник. Новость эта прозвучала резким диссонансом тому, на что надеялись люди. Возмущение было глубоким. Вашингтон запутался в нелепых, ничего общего с действительностью не имевших версиях случившегося. Они

только усиливали чувства разочарования и раздражения.

Детали оставались неизвестными широкой общественности. О судьбе летчика не сообщалось, хотя распространенное предположение состояло в том, что он, конечно, погиб. Хрущев был полон негодования. Я переводил его беседу с французским послом М. Дежаном. Хрущев рвал и металл. М. Дежан кивал головой, поддакивал. Его основной интерес состоял в том, чтобы выяснить, поедет ли советский руководитель в таких условиях на встречу в Париже.

— Да, поедем, — отвечает Хрущев, — но мы выступим там с такими разоблачениями, что мир ахнет!

Какими? Позже стало известно: Хрущев как сенсационную бомбу приберегал для раскрытия уже в Париже, на самой встрече четырех то, что американский летчик остался жив. Но Хрущева лишили этого эффектного политического оружия. Как известно, проговорился заместитель министра иностранных дел Я. Малик. Сделал он это вопреки всякой логике, здравому смыслу, не говоря уже о том, что разгласил сведения, носившие в высшей степени закрытый характер. Хрущев неистовствовал. В адрес мидовцев летели сочные эпитеты, и чувствовали мы себя все, даже нисколько не причастные к этому абсурдному промаху, крайне неуютно. Вместе с тем расправы над Маликом не последовало. Полученное им порицание было весьма снисходительным. Говорили, что какую-то роль сыграло то, что он сам, сразу после злосчастной беседы с иностранным послом на дипломатическом приеме, сделал запись этой беседы, где зафиксировал свои слова о том, что летчик остался жив. Это., конечно, исключало возможность худшего толкования его поступка — тайной передачи секретных сведений иностранцу, однако главное было не в этом: просто времена были уже не сталинские…

* * *

Ровно гудят моторы. Я сижу в салоне в передней части самолета. Здесь разместились сопровождающие лица «средней руки». Далее главный салон, где сам Хрущев. С ним А. А. Громыко, Р. Я. Малиновский, Ю. Жуков, может быть, кто-то еще, сын Сергей. А в отсеке ближе к хвосту — охрана, обслуживающий персонал.

Вдруг начинается какое-то движение. Одною за другим моих спутников по салону вызывают в глубь самолета. В конце концов нас остается всего два-три человека. Возвращаются вызванные не скоро, в легком возбуждении, но не многословные. По не совсем

ясным признакам чувствуется, что в большом салоне был какой-то серьезный разговор, но какой?

Приземлились. Хрущев приготовился к выходу. Стоит, ждет, когда откроется дверь. Я рядом, чтобы помочь там, внизу, с переводом. На лице премьера блуждает улыбка. Взглянув на стоящего тут же Громыко, он спрашивает его полушутливо: так зачем мы сюда прилетели?

— Давать МАТивированное объяснение, Никита Сергеевич?

Хрущев оценивает солоноватую игру слов министра, смеется, говорит:

— Министр понимает задачу правильно.

Через много лет из воспоминаний Сергея Хрущева я узнал, что именно во время перелета Москва — Париж советский руководитель окончательно уточнил, как ему вести себя на встрече в Париже, хотя принципиальное решение на этот счет было принято в аэропорту Внуково на короткой встрече членов политбюро.

Во французскую столицу Хрущев прилетел с запасом времени и накануне встречи нанес визит де Голлю. Это был не просто визит вежливости, а часть разработанного плана действий. Премьер сказал де Голлю, что хочет заранее ознакомить его с тем, что намеревался заявить в начале заседания на следующий день. Я зачитал по его указанию несколько страниц текста, сформулированного в самолете и отредактированного уже в Париже. В нем содержалось разоблачение шпионской акции Соединенных Штатов. Изложение завершалось, или, вернее, как бы обрывалось, на резкой критической ноте в отношении американского президента.

Наутро следующего дня перед самым выездом в Елисейский дворец, где состоялось заседание, мне, как переводчику, была вручена вторая часть заявления, о которой де Голлю не было сказано ничего. В ней ставился вопрос об извинениях со стороны Эйзенхауэра за полет Пауэрса и о том, чтобы Соединенные Штаты взяли обязательство не совершать подобных акций в будущем. От этого зависело, быть или не быть самому совещанию.

Выступая на самом заседании, Хрущев зачитал заявление полностью, то есть вместе с последним добавлением. Эффект неожиданности от такой концовки заявления Хрущева был полным. Было видно, что изучение текста, переданного Хрущевым накануне де Голлю (такая же акция была предпринята и в отношении английского премьера Мак Милана), настроило западных лидеров на бурное начало встречи, но не на такой крутой разворот событий. Началось обсуждение. Хрущев вел себя напористо, подчеркивая голосом и без того выразительную

позицию. Эйзенхауэр растерялся. Лицо его покраснело от возбуждения. Он оказался в глухой обороне, не лучшим образом реагируя на натиск советского лидера. В острый момент дискуссии он вдруг попросил своего госсекретаря Гертера задать Хрущеву вопрос: остается ли в силе в сложившихся условиях договоренность о его визите в Советский Союз, сроки которого приближались? Вряд ли уместно было это делать на заседании четырех, а тем более в такой накаленной обстановке. Это только подлило масло в огонь и поставило американского президента в еще более тяжелое положение, поскольку из ответов Хрущева было ясно, что визиту этому не бывать. Де Голль как хозяин и председатель заседания пробовал внести примирительную нотку, мол, со спутников все равно скоро можно будет снимать все, что угодно и у кого угодно. Хрущева он попросил говорить тише, поскольку, дескать, небольшой размер помещения, где проходило заседание, позволял слышать ораторов и без повышения ими голоса, всех призывал искать выход. Поскольку Эйзенхауэр удовлетворить требования Хрущева был не готов, стала очевидна угроза срыва совещания, точнее, этот срыв тут же на глазах и происходил.

Не очень продолжительное это заседание завершилось достаточно ясным результатом: если Эйзенхауэр не пойдет навстречу Хрущеву, совещание должно закончиться, так по существу и не начавшись. Вечером того же дня Хрущев изложил свою позицию публично на многолюдной пресс-конференции, подчеркнув, что будет ждать ответа американского президента. Сам же на следующий день утром отправится в сопровождении министра обороны маршала Малиновского Ю. Жукова, посла и меня в Шампань искать деревню, в которой стояла часть Малиновского во время первой мировой войны, когда русский экспедиционный корпус был направлен во Францию для помощи французским войскам. Хрущев был в отличном расположении духа. Он нашел адекватную его на строениям развязку мучившей его в последние недели проблемы, порожденной Вашингтоном, так некстати заславшим в советское небо Пауэрса. В момент, когда мы в открытой маши не выезжали из ворот посольства, он, нагнувшись к спутникам, со смаком произнес: «Ну, вот мы и сделали Эйзенхауэра».

Перед отлетом в Москву Хрущев еще раз посетил де Голля. Он подробно разъяснил мотивы своих действий. С учетом несомненной досады де Голля в связи с тем, что Пария из-за столкновения между СССР и США стал местом «совещания-выкидыша», как его окрестили журналисты, советски: премьер специальное внимание уделил тому, чтобы оградит советско-

французские отношения от негативных последствие случившегося. Де Голль Эйзенхауэра не оправдывал, хотя и не разделял полностью оценок, которые Хрущев давал президенту США. Что же касается отношений между Францией; СССР, то он, казалось, тоже проявлял заботу о них и даже подчеркивал, что «провал совещания в верхах не должен оказать какого-либо отрицательного влияния на дальнейшее и развитие». Все намеченное во время визита Хрущева в марте апреле, говорил он, остается в силе.

* * *

После срыва совещания в верхах в мае 1960 года в международной обстановке последовала полоса усиления напряженности. Она захватила и отношения Советского Союза с Францией. По германскому вопросу и в кубинском кризисе, который стал высшей точкой противостояния СССР и США, де Голль не только занимал сторону США, но и порой придавал своим заявлениям особую жесткость. Негативную реакцию в Москве вызывало форсированное сближение Франции и ФРГ. В свою очередь, Париж остро отреагировал на признание Советским правительством де-факто временного алжирского правительства в октябре 1960 года. Из Франции последовало предупреждение: если Советский Союз признает алжирское правительство де-юре, это повлечет за собой разрыв дипломатических отношений между Францией и СССР. 18 марта 1962 года между французским правительством и временным правительством Алжирской Республики были заключены соглашения о прекращении военных действий в Алжире на условиях осуществления самоопределения алжирского народа. На следующий день Советское правительство признало временное правительство Алжирской республики де-юре и заявило о готовности установить с ним дипломатические отношения. В ответ французское правительство отозвало из Москвы своего посла Дежана. Советскому послу было заявлено, что он «должен вступить в прямой контакт со своим правительством». Эта элегантная формула означала требование отъезда посла из Парижа. Отношения были, таким образом, снижены до уровня поверенных в делах.

В январе 1963 года был подписан франко-западногерманский договор о сотрудничестве. Этот шаг вызвал взрыв критики в Советском Союзе.

Я не отношу себя к знатокам германского вопроса. Как и многие, на веру воспринимал проводившуюся тогда нами линию

резкого осуждения политики ФРГ. В то же время чем дальше, тем больше было видно, что Париж набирает очки перед ФРГ, выступая в роли непреклонного защитника ее интересов, а это, в свою очередь, отравляет наши отношения с самой Францией. Вместе с тем проблема гармоничного сочетания двух этих направлений — французского и германского — одна из важнейших задач для внешней политики нашей страны. Об этом свидетельствует более чем вековая история. Во время, о котором я веду рассказ, мы только начинали нащупывать пути придания динамизма нашим действиям в этой области, их правильной увязки в современной международной обстановке. А пока отношения СССР и с Францией, и с ФРГ были очень плохими.

Политические контакты с Францией оказались сверну ми. В проблему превращалось даже получение виз для го док во Францию по линии общественности.

В июле 1963 года меня направили на работу в посольство в Париже в качестве первого секретаря. Послы Советского Союза и Франции после отсидки в течение нескольких месяцев в столицах своих государств успели к этому времени вернуться на свои прежние места, и то, что ни одна из сторон пошла на назначение новых послов, было проявлением известной преемственности в отношениях, однако в остальном картина продолжала оставаться мрачной.

С. Виноградову, как и тем, кто убежденно поддержал его в посольстве, — к очень немногим таким дипломатам относился и я — положение, складывавшееся в наших отношениях с Францией, представлялось иррациональным. Алжирская война была перевернутой страницей, сближение Франции с ФРГ не снимало внутренней противоречивости отношений между этими странами. К тому же оно не могло быть процессом изолированным и нуждалось в некоем балансе в Европе, который без Советского Союза был невозможен. Наконец, провозглашенная де Голлем самостоятельность внешней политики Франции, а стало быть, ее дистанцирование от Соединенных Штатов, не могли проявиться должным образом без придания нового качества ее отношениям с Советским Союзом. Учитывали мы в своих рассуждения большой капитал симпатии к нашей стране во французском народе, давние традиции отношений двух стран. Возник сложности представлялись нам преходящими, вызваны обстоятельствами конъюнктурного характера. Из этого мы делали вывод, что поворот к лучшему в отношениях с Францией не только желателен, но и возможен. Ближайшей задачей мы считали осуществление визита в Советский Союз генерала де Голля. Что же касается цели наших усилий, то мы хотели видеть

ее в заключении политического договора между двумя странами.

Даже первая задача — визит де Голля в нашу стран представлялась весьма амбициозной. Что же касается второй, то она была близка к политической фантастике. Добавьте к этому, что не только в Москве, но даже в нашем посольстве, то есть среди тех, кто находился в прямом контакте с французской действительностью, люди, скептически относившиеся к таким замыслам, составляли подавляющее большинство.

Более того, и в Москве, и в Париже было немало и активных противников такой политики. Одни из них считали советско-французское сближение недопустимым по идеологическим соображениям, другие полагали, что в мире, скованном холодной войной, две страны из противостоящих лагерей не способны сказать какое-либо живое слово, третьи, наконец, будучи подвержены силе инерции, полагали, что спокойнее жить по старинке, без попыток перемен.

Однако, движимые энтузиазмом, мы были настроены оптимистически.

С. Виноградов активно использовал тот факт, что не так давно я побывал во Франции в роли переводчика Н. Хрущева во время столь успешного визита туда советского руководителя. Он брал меня с собой на самые ответственные свои беседы с де Голлем, с ведущими политическими деятелями страны, предоставляя большой простор для действий мне самому, Я обратил главное внимание на контакты на Кэ д'Орсе, затем на аппараты премьер-министра и Елисейского дворца. Уже первые знакомства показали, что двери там открываются, и я быстро, даже в положении первого секретаря, оказался вхож в кабинеты руководителей основных департаментов и служб министерства иностранных дел. Посол поддержал мое предложение о создании в посольстве специального реферата по советско-французским политическим отношениям, в задачу которого входило выявление квинтэссенции наших отношений во всех областях и подготовка предложений о том, как двигать их вперед. Мою работу посол замкнул на себя, что придавало мне уверенность, хотя и требовало немалой деликатности в отношениях с посланником и советниками посольства.

Одним словом, направление усилий посольства было определено, но в конце августа того 1963 года С. Виноградов отправлялся в очередной отпуск все еще без багажа каких бы то ни было достижений. Они пришли, и пришли, как это бывает, даже в такой, казалось бы, организованной области деятельности, как дипломатия, неожиданным образом. Случилось это так.

* * *

Посольство получило из Москвы информацию о том, что в марте 1963 года жюри некоей «премии Галабера» присудило эту премию за выдающийся вклад в развитие астронавтики первому в мире космонавту Ю. А. Гагарину. Правда, не одному. Другими лауреатами были американский космонавт Глен, два советских и несколько французских ученых. Основатель премии Галабер выражал надежду, что лауреаты смогут лично получить награды в Париже в период проведения во французской столице большого международного астрономического конгресса в конце сентября — начале октября. Москва спрашивала наше мнение, как отнестись к этому.

Имя Гагарина гремело по всему миру. Он был желанным гостем в разных концах земного шара. Его приглашали монархи, президенты, правительства. Но на такую возможность во Франции, с учетом рассказанного выше о состоянии наших отношений с этой страной, рассчитывать не приходилось. Вместе с тем у посольства не было сомнений в полезности приезда Ю. Гагарина во Францию, о чем мы и поспешили сообщить в Москву. Но выдаст ли французское правительство визу советскому космонавту? Москва поручила нам выяснить это прежде, чем принимать окончательное решение. Мне было поручено детально разобраться во всем этом.

И вот 29 августа мы вместе с работником группы науки и техники Поленовым беседуем с Галабером. Милый, очень приветливый человек. Он сам и его жена страстно увлечены всем, что связано с космосом. Галабер фабрикант средней руки. Свои накопления он вложил в премию его имени. При выборе первых ее лауреатов жюри сочло за честь присудить ее первооткрывателю космоса.

Уверенности у Галабера, что виза для Гагарина будет получена, нет. Напротив, ему известно, что МИД Франции, то есть политические инстанции страны, тормозят дело.

Я отправляюсь к Жаку де Бомарше, с которым успел неплохо познакомиться, ставлю вопрос. Слышу в ответ: поинтересуюсь. Уходят дни, недели, ответа нет. Его мы получили лишь 20 сентября, всего за неделю до намечавшегося прибытия Гагарина. «Виза выдана будет», — говорит мне Бомарше. Правда, добавляет: «Мы надеемся, что во время своего пребывания во Франции Гагарин не будет выходить за рамки обозначенных целей его приезда». Не только для нынешнего читателя, но и для нас, современников той эпохи такое предупреждение в отношении человека, имени которого суждено было навсегда остаться в

истории человечества, звучало кощунственно. Добавлю большее: французское правительство полностью самоустранялось от приема Гагарина, отказалось организовывать какие-либо официальные контакты с ним и даже обеспечивать полицейское сопровождение в целях безопасности. Однако акцент я хочу сделать не на всех этих нелепых ограничениях и оговорках, а на том, что решение французских властей было положительным, и это приобрело в тот момент большой политический смысл. Что же касается всего остального — посмотрим, что произойдет дальше.

27 сентября самолет Аэрофлота с Гагариным на борту приземлился в аэропорту Бурже. С ним, прервав отпуск, во Францию вернулся и С. Виноградов. Уже около трапа Гагарина встречала толпа парижан. Если до этого о визите Гагарина писала только газета французских коммунистов «Юманите», то тут разом, как порох, этой новостью вспыхнули все средства массовой информации Франции. Как бы соревнуясь друг с другом, газеты публиковали на первых страницах крупные фотографии Гагарина, материалы о нем и его визите, о советских достижениях в космосе. Даже информация о турне по одному из районов Франции де Голля в этот и последующие дни была отодвинута на второй план, С каждым днем, с каждом часом сам Гагарин усиливал благоприятный эффект своей открытостью, меткостью своих замечаний, благожелательным стилем общения с печатью, умением прекрасно ориентироваться в обстановке, быть интересным собеседником в обществе людей самого разного общественного положения.

Успех его пребывания нарастал, как снежный ком. Уже на третий день Гагарина в торжественной обстановке и совершенно официально принимал в мэрии фешенебельного французского курортного города Довиля его мэр — видный деятель деголлевского движения граф д'Орнано. Затем последовали мэрии рабочих пригородов Парижа и, наконец, самого Парижа, встречи в Национальном Собрании и Сенате Франции, не говоря уже о завтраке от политбюро французской компартии во главе с Морисом Торезом. Премия Галабера, участие в астрономическом конгрессе — все это отошло на второй план. Французская общественность самого высокого уровня с энтузиазмом встречала первого в мире космонавта, посланца Советского Союза. Французское правительство вынуждено было подправлять положение по ходу дела. Никто из официальных лиц, разумеется, не вспомнил о несуразных ограничениях для пребывания Гагарина. Около автомашины Гагарина появился эскорт мотоциклистов. Министр иностранных дел Кув де Мюрвиль,

принимая посла в дни визита Гагарина, счел необходимым выразить надежду, что пребывание Гагарина проходит нормально. Первооткрывателю путей в космос выпала миссия открыть и новый, длящийся по сути дела по сей день, период сближения между двумя странами. Старт был красивым. Правда, это был только старт, Впереди нас ждала непростая борьба и много усилий.

* * *

Мы развернули работу в пользу развития отношений между Советским Союзом и Францией с широким спектром государственных и общественно-политических деятелей Франции.

Главное внимание уделялось, разумеется, де Голлю. Почва для этого была неплохо подготовлена. Была история с боевым содружеством во время войны. Но была и прозорливость С. Виноградова, который в течение нескольких лет, когда де Голль, по мнению многих в самой Франции, навсегда ушедший от дел, жил вдалеке от политической жизни страны, сумел установить с ним контакт и время от времени посещал его. И по сей день свидетели тех лет во Франции помнят, что после второго пришествия де Голля к власти за С. Виноградовым прочно утвердилась характеристика самого голлистского из послов — визитная карточка большой ценности.

Я был участником официальных бесед с де Голлем как С. Виноградова, так и сменившего его В. А. Зорина. Они отличались подчеркнутой корректностью, были лишены какой-либо фамильярности. Де Голль вел беседы, оставаясь за своим письменным столом. Всегда внимательно выслушивал посла. Сам де Голль был в высказываниях предельно четким, демонстрировал глубокое знание состояния советско-французских отношений, никогда не привносил в разговоры идеологической остроты, был уважителен к руководителям Советского Союза. Правда, в этом отношении у него чувствовалась своя шкала ценностей. Он не понимал советскую манеру смешивать с грязью каждого предыдущего лидера, будь то и Сталин, встречи с которым явно произвели на него большое впечатление. В 1964 году, выслушав рассказ С. Виноградова об установлении, как тогда говорили, коллегиального руководства в СССР после смещения Н. Хрущева, де Голль позволил себе откровенно выразить недоумение. «В стране, — сказал он, — обязательно должен быть один человек, несущий ответственность за государственные дела». В беседах с советскими

представителями он оставался очень сбалансированным в оценках третьих стран и их руководителей, хотя умел краткими замечаниями выразить свое мнение. «Ох, уж эти американцы, — заметил он в одной из бесед с А. Н. Косыгиным, — они смеют утверждать, что производят шампанское». В устах француза этим было сказано очень многое.

Де Голль любил обращаться к категориям исторического и глобального характера. В этом отношении он несомненно занимал по глубине и определенности суждений выдающееся место среди французских государственных деятелей. Эти его качества с особой силой проявлялись в драматических ситуациях. Вместе с тем от него ускользали многие важные элементы развития обстановки в самой Франции, в особенности в том, что касается экономических проблем, настроений молодежи, региональных интересов. Для него оказался неожиданным тот факт, что на президентских выборах 1965 года ему не удалось победить уже в первом туре. Просмотрел де Голль назревание кризиса, который потряс Францию в 1968 году, и поступил опрометчиво, связав в 1969 году свое имя с малопопулярной реформой государственного управления Франции, что стоило ему президентского поста. Что поделаешь? Франция — труднопостижимая страна даже для самых выдающихся ее сыновей! Но если уж забегать вперед, то следует принять во внимание, что де Голль вошел в историю как государственный деятель, олицетворявший дружбу между нашей страной и Францией. Тогда, в середине 60-х годов, мы были убеждены в этой миссии де Голля.

Из ближайшего окружения де Голля все большую роль во времена, о которых я веду рассказ, играл директор его кабинета Ж. Помпиду. В государственном аппарате Парижа пост этот был значимым сам по себе, но помимо этого мы видели в Ж. Помпиду перспективного государственного деятеля и весьма дорожили контактами с ним. Беседы с Ж. Помпиду были ценны возможностью напомнить президенту о советско-французских делах, подготовить какие-либо решения, и даже самые скупые высказывания Помпиду — он был немногословен — были важным барометром настроений де Голля. Мы видели повышавшийся интерес Помпиду к отношениям с нашей страной, и это было хорошим показателем. Взлет Помпиду до поста премьер-министра Франции был стремительным, но для нас неожиданности не представлял. Вместе с этим возрастал и его интерес не только к тому, чтобы поднять на новый политический уровень наши отношения с Францией, но и наполнить их как можно более весомым содержанием в экономической области.

Этой особенностью, отличавшей Помпиду от де Голля, будет отмечена в дальнейшем и его деятельность, когда он сам станет в 1969 году президентом Франции. Заглядывая в будущее, отметим сразу, что в стратегическом плане Ж. Помпиду последовательно выдержал в годы президентства курс в советско-французских отношениях, сложившийся в своей основе при де Голле. Будучи тяжело больным, отмеченным печатью смерти, Ж. Помпиду свой последний зарубежный визит совершил в Советский Союз.

В ту пору звезда Валери Жискар д'Эстена только начинала поблескивать на парижском политическом горизонте. Он был молодым выдвиженцем де Голля на посту министра финансов. Однако его компетентность, уверенная политическая поступь говорили в пользу того, что человек он был многообещающий. В. Жискар д'Эстен с интересом приобщился к советско-французским делам в экономической сфере, предпринимая смелые шаги в отношениях с нами. В дальнейшем он возглавил Большую советско-французскую комиссию по экономическому сотрудничеству. В. Жискар д'Эстен не делал публичных критических заявлений в адрес Советского Союза. Особенно благоприятное отношение к себе он вызвал посещением мавзолея Ленина. Это случится много позже, а в то время «открытие» В. Жискар д'Эстена было удачным политическим предвидением. Первой крупной темой наших контактов с В. Жискар д'Эстеном стало обсуждение вопроса о предоставлении долгосрочного кредита Советскому Союзу, но мы постарались расширить и характер общения, и содержание наших бесед с ним за рамки текущих дел, относившихся к его министерству. Особенно мне запомнился завтрак С. Виноградова с В. Жискар д'Эстеном в посольстве где-то в середине 1964 года, в котором принял участие и я. С. Виноградов сумел создать непринужденную обстановку. За кофе он навел разговор на тему о президентских выборах во Франции. До конца 1965 года, когда они должны были состояться, было еще далеко, и в голлистских кругах господствовало мнение, что на этих выборах, конечно же, победит де Голль, и даже в первом туре. Так считал и В. Жискар д'Эстен. Но что будет дальше, после того, когда истечет второй срок президентства де Голля? С. Виноградов заглянул так далеко, правильно прикинув, что нашего собеседника с учетом его молодости и амбиций может интересовать именно эта перспектива. Расчет оправдался.

— Да, в самом деле, — оживился В. Жискар д'Эстен, — кто же потом? Дальше кто?

И тогда С. Виноградов, расплывшись в улыбке, от которой, казалось, потеплело во всем посольском обеденном салоне, глядя

прямо в глаза В. Жискар д'Эстену, многозначительно изрек:

— Вы!!!

Обычно строгое, невозмутимое лицо В. Жискар д'Эстена дрогнуло, засветилось таким глубоким удовлетворением от услышанного, что всякие другие слова делались совершенно излишними.

Расставание было самым дружественным.

Нашим естественным и достаточно частым собеседником был М. Кув де Мюрвиль, занимавший пост министра иностранных дел. Он был из плеяды крупных французских дипломатов-протестантов, традиционно занимающих видное положение на Кэ д'Орсе. Почти никогда не улыбающийся, с мягкими размеренными движениями и всегда ровной, лишенной эмоций тональностью голоса, он, казалось, родился моделью идеального, в глазах многих, дипломата. На этот счет его близкий друг, один из послов Франции в СССР Роже Сейду любил острить:

— Я знаю Кув де Мюрвиля, — говорил он, — с девятилетнего возраста, и можно сказать, что с тех пор он нисколько не изменился.

Как дипломат французской школы Кув де Мюрвиль придавал подчеркнутое значение анализу фактов, логическим выводам. Как-то в неофициальном разговоре со мной он в ироническом ключе проиллюстрировал примером из своей практики отличие в этом отношении американского и французского подходов. Случай имел место в бытность Кув де Мюрвиля послом в Вашингтоне. В воскресный день он играл за городом в гольф, когда специальный посыльный тогдашнего госсекретаря Джона Фостера Даллеса передал ему просьбу срочно приехать в госдепартамент.

Даллес рассказал Кув де Мюрвилю, что Насер обратился к США с просьбой о предоставлении кредита на строительство Асуанской плотины. Но Вашингтон денег Насеру давать не хотел.

— Вы были послом в Каире, — сказал госсекретарь. — Как вы думаете, что предпримет Насер в ответ на наш отказ?

— Он национализирует Суэцкий канал, — сходу ответил Кув де Мюрвиль.

Даллес воспринял такой прогноз как невероятный, замахал руками и распрощался.

Что лежало в основе такого ответа М. Кув де Мюрвиля? Сопоставление политической линии, проводившейся Египтом, и возможностей, которыми эта страна располагала. Одним словом, его ответ был логическим выводом из оценки ситуации.

Как известно, все произошло так, как предполагал Кув де Мюрвиль. Пикантность истории состояла в том, что, когда Насер действительно объявил о национализации Суэцкого канала,

Даллес, как рассказали французскому послу, воскликнул:

— Какая же сильная разведка у этих французов!

М. Кув де Мюрвиль последовательно осуществлял линию де Голля в международных делах. Наши всегда корректные отношения с ним были важны и тогда, когда он стал премьер-министром Франции.

В общем, посольство в середине шестидесятых годов далеко и точно просматривало горизонты французской политики, соответственно строя свою работу с государственными деятелями Франции.

Этому помогали постоянные усилия посла и нескольких наиболее активных дипломатов посольства, поддерживавших отношения с руководителями основных политических партий Франции. Частыми гостями в посольстве были лидер соцпартии Ги Молле, видный ее деятель Гастон Деффер, руководитель партии радикалов Морис Фор, такие крупные фигуры, как Эдгар Фор или Жан-Жак Шабан Дельмас. Да разве всех перечислишь?

Специальное место в этой сфере занимали отношения с руководством Французской компартии и, прежде всего, с ее руководителем Морисом Торезом. М. Торез был убежденным сторонником как можно более тесного сближения Франции и Советского Союза. Он прочно удерживал в этом лидирующее место среди всех других французских государственных и политических деятелей. Как-то он припомнил в этой связи в беседе случай с печальной памяти П. Лавалем. Тот, как известно, подписал в Москве в 1935 году Договор о взаимопомощи с Советским Союзом. Вернувшись после этого в Париж, П. Лаваль постарался подать дело так, будто он сумел перехватить пальму первенства в дружбе с Советским Союзом у французских коммунистов. Прямо у трапа самолета Лаваль торжествующе заявил, что теперь французские коммунисты у него в кармане. На это последовал публичный упрек Мориса Тореза П. Лавалю в том, что тот сделал недостаточно для сближения с Советским Союзом и что идти следует значительно дальше.

Я был неизменным спутником С. Виноградова в его контактах с М. Торезом. Видя доброе отношение М. Тореза ко мне, С. Виноградов не раз посылал меня к нему с небольшими поручениями. М. Торез всегда завязывал в таких случаях разговоры на свободные темы. Они, как правило, касались истории Франции, литературы, событий культурной жизни. Он был тяжело болен, но сохранял большой запас жизнерадостности. Торез глубоко любил Францию, гордился ее ролью в развитии прогресса. Ему нравилось угощать советских гостей лучшими блюдами французской кухни, хорошими винами. Во всем этом он

знал толк. Он демонстрировал знание протокола и даже считал своей обязанностью собственноручно выписать фамилию каждого гостя на карточках, которые расставлял на столе, хотя рука его плохо держала карандаш и буквы выходили корявыми. В доме Тореза — в пригороде Парижа Иври — я попал как-то в забавную историю. Он принимал Ю. Гагарина. В семейном кругу. Кроме Юрия Алексеевича там были С. Виноградов и я. По приезде поднялась суета. Домочадцы сами открывали ворота, показывали квартиру, вовлекли в водоворот забот и меня, обращаясь с просьбами что-то передать, где-то помочь. И вдруг утром следующего дня я обнаруживаю в кармане связку всех ключей от дома Тореза. Пришлось срочно отправляться в Иври, где обнаружение ключей — их, конечно, уже хватились — было встречено с облегчением.

Политика Н. С. Хрущева раскрепостила наши отношения с социалистами. Новое качество стали приобретать контакты с их лидером во Франции Ги Молле. Он стал появляться в посольстве для бесед с С. Виноградовым. Сам посол к нему не ездил, посылал меня. В вопросах общей направленности внешней политики Франции нам больше импонировали взгляды де Голля. Вместе с тем было важно, что руководство соцпартии положительно подходило к развитию советско-французских отношений. Гастон Деффер, выступавший в качестве основного соперника де Голля на президентских выборах 1965 года, счел необходимым специально рассказать нам об этом, встретившись с С. Виноградовым в неофициальной обстановке.

Социалисты, разумеется, приветствовали взятую Н. С. Хрущевым на XX съезде линию на разоблачение культа личности Сталина. Соцпартия взялась за издание книги о Хрущеве. В Москве эту инициативу высоко оценили, помогали материалами. В Париже этим занимался Кристиан Пино — бывший министр иностранных дел в правительстве социалистов. В посольстве эту работу посол поручил мне. Я часто встречался с Пино. Человеком он был интересным, со склонностями к литературной деятельности. Написал много сказок для детей. Как всякий француз, любил вкусно поесть, но при этом был искусным кулинаром и сам готовил изысканные блюда для дружеских ужинов у себя на квартире. Подготовка книги быстро продвигалась, но вышла она из печати уже после того, как Н. С. Хрущев был снят, и Москва проигнорировала ее.

С. Виноградов считал полезным иметь как можно более широкие связи с представителями разных политических тенденций. Был среди наших знакомых и наследник французского престола — граф Парижский. Правда, обстоятельно

мы беседовали с ним лишь один раз. Связано это было с тем, что на выборах 1965 года он выставил свою кандидатуру в президенты и проявил настойчивое желание разъяснить свою платформу С. Виноградову за завтраком в своем особняке, расположенном недалеко от Версаля. Посол взял меня с собой. Дом был небольшим, но удобным, с оригинальным внутренним убранством. Протокол за столом, естественно, королевский: сначала блюда подаются графу, потом уже первому гостю. Граф был отцом 13 детей, один из сыновей погиб на войне в Алжире. Хозяин он был внимательный и обходительный. В изложении своей программы делал упор на уважении демократии и республиканского строя. Явно стремился произвести благоприятное впечатление на советского посла. Помимо вполне естественного познавательного интереса этот эпизод был показателем растущего нашего престижа во французском обществе.

* * *

Работа в высоких политических сферах несомненно представлялась нам важнейшим элементом нашего дипломатического присутствия. Однако недостаточным, особенно на этапе поворота этих отношений к предметному сотрудничеству. Здесь оказались весьма полезными мои контакты в ключевых звеньях французского государственного аппарата. По договоренности с генеральным секретарем Елисейского дворца де Курселем моим постоянным собеседником там стал дипломатический советник де Голля Сен-Лежье, на Кэ д'Орсе я был в контакте с доверенным человеком Кув де Мюрвиля Ж. де Бомарше, с директорами особо важных департаментов, в первую очередь с теми, кто занимался Европой, — Франсуа Пюо и Клодом Арно. Вскоре доверие возросло настолько, что в случае необходимости для меня не представляло сложности общаться по телефону или при встречах со вторыми лицами аппарата Елисейского дворца и МИДа, что для первого секретаря и даже советника посольства, которым я стал после года пребывания во Франции, было с учетом французской практики большим исключением.

Дело было в содержательной стороне этих контактов. Поначалу они были ценны для нас главным образом как источник добротной, из первых рук информации о позициях Франции по международным проблемам, что все больше обогащало наши телеграфные доклады в Москву.

Один из моих знакомых в руководстве Кэ д'Орсе пригласил меня заходить к нему в неофициальном порядке без предварительной договоренности, когда я бывал в МИДе. Я время от времени стал делать это. Из наших свободных с ним разговоров следовало, что провозглашенная де Голлем политика независимости преследовала далеко идущие цели, касавшиеся укрепления позиций не только самой Франции, но и Западной Европы в целом.

По мере формирования этой политики все яснее прочерчивались расхождения между Францией и США, да и не только США. Причем касалось это не только НАТО, где Париж не хотел мириться с доминирующей ролью Вашингтона.

Мы с послом понимали, что высокопоставленный сотрудник Кэ д'Орсе не мог вести такие беседы без ведома руководства, а это означало, что слова де Голля в беседе с Хрущевым насчет преходящего участия Франции в НАТО жили не только сами по себе, но и присутствовали в советско-французском дипломатическом диалоге.

Тематика моих бесед в госаппарате расширялась — германская проблема и европейская безопасность, разоружение, положение в Юго-Восточной Азии, африканские проблемы. На первых порах я использовал в этих беседах рассылавшиеся центром циркулярные ориентировки о наших оценках и позициях по соответствующим вопросам. Однако их было мало, и они уступали с точки зрения конкретности информации и ее оперативной значимости тому, что мне говорилось на Кэ д'Орсе. Там некоторые наши собеседники вели разговор, обращаясь к самым свежим телеграммам французских посольств. Мы привлекали к этому внимание центра, передавали вопросы, которые ставили французские собеседники, и вскоре из Москвы стали поступать специально предназначенные для французского МИДа оценки хода дел по той или иной проблеме. Я обращаю внимание на этот факт еще и в силу того, что для центра, для советской дипломатии вообще эти методы действий были тогда необычными. Вместе с тем все очевиднее становилось, что речь идет не просто о взаимном информировании друг друга, а о начале процесса выявления близких или совпадающих точек зрения, а позже и о фактическом согласовании подходов двух сторон по целому ряду международных проблем.

Позже, в 1966–1967 годах, французам было передано на доверительной основе более двух десятков информаций по различным вопросам, в том числе о советско-американских контактах, о нераспространении ядерного оружия, об отношениях между СССР и ФРГ, о политике в Юго-Восточной Азии и на

Ближнем Востоке и т. д. В то же время французская сторона информировала нас об итогах сессий НАТО, переговорах между Францией и ФРГ, положении в КНР и в некоторых других странах Африки и Юго-Восточной Азии и т. д. Стала проявляться готовность Парижа идти не только на обсуждение комплексных проблем, интересовавших обе стороны, но и на согласование позиций по некоторым из них, таким как положение в Юго-Восточной Азии, финансовые трудности ООН, международные валютные проблемы.

Из всего этого родится практика консультаций — новое понятие не только для отношений между Советским Союзом и Францией, но и для отношений между странами Востока и Запада вообще. В 1970 году в итоге переговоров советских руководителей с президентом Ж. Помпиду в Москве был подписан советско-французский протокол, цель которого состояла в том, чтобы придать политическим консультациям регулярный характер.

* * *

Много давало для понимания жизни Франции и ее политики общение с журналистами. Советская дипломатия тогда еще не выходила на рубежи активной публичной работы через своих представителей за рубежом, поэтому контакты с представителями печати использовались, главным образом, для понимания французской политики и разъяснения нашей. Андре Фонтен, Жак Фернью, г-жа Юбер-Родье, многие другие составляли круг постоянных моих знакомых. Но была среди них и своя королева — легендарная Женевьева Табуи. Ей перевалило тогда за восемьдесят. Но голос этой неутомимой, подвижной охотницы за новостями каждый день звучал во французском эфире. Свои репортажи она начинала просто: «Я узнала…» — и следовала первая новость с комментарием. «Я еще узнала…» И так далее. Это полностью соответствовало ее методам работы. Утро она начинала с обхода кабинетов на Кэ д'Орсе. Там никто не брал на себя смелость отказать ей в приеме. Когда во французском МИДе было введено правило принимать журналистов только по специальной договоренности, Женевьева сказала: «Это не для меня». И так оно и было. После МИДа она отправлялась по нужным ей посольствам. Она разносила услышанное ею на Кэ д'Орсе, вполне возможно, иногда и по подсказке, и, в свою очередь, собирала урожай дополнительных сведений. Тут доходила очередь и до меня. Являлась она, как правило, без предупреждения. Я узнавал об этом от дежурного коменданта,

который сообщал, что моя «барышня» пришла. Усевшись в салоне, она как сенсацию подавала какую-нибудь всегда рассчитанную на интерес со стороны советского посольства новость.

Но вот как-то она стала восторгаться тем, что удалось урегулировать какую-то проблему между Францией и НАТО. Она увлеклась и не сразу заметила недоумение на моем лице.

Когда же это стало явным для нее, она с досадой хлопнула себя по лбу и воскликнула: «Ах, Дубинин, я ошиблась! Я же должна была сказать это не вам, а в американском посольстве!»

Не забывал я и своих друзей из мира культуры, разнообразя встречами с ними профессиональные разговоры на политические темы. Приобрел и одного нового — писателя Мориса Дрюона. К этому времени я перевел «Французскую волчицу» — одну из книг его серии «Проклятые короли», и это сблизило нас. Во время моего пребывания во Франции он был избран в академию и мне было приятно принять участие в церемонии вручения ему друзьями золотой шпаги «бессмертного», как принято величать во Франции академиков.

Морис Дрюон был очень доволен огромным успехом его книг в нашей стране, но никак не мог понять, как можем мы публиковать их, ничего не платя авторам.

— Объясните Москве, — просил он меня, — что для писателя издание его книги за рубежом — это нечаянная радость, что-то приятное, на что он не рассчитывал. Это, конечно, добавляет ему удовольствия. Но писатели — люди, и получение в дополнение к этому какой-то суммы денег ни для кого не лишняя вещь. Пусть в Советском Союзе подумают, сколько недоуменных вопросов среди зарубежных деятелей литературы можно было бы снять, сколько друзей приобрести, если бы ваша страна стала действовать как большинство других.

Ответить на такие вопросы было трудно. Используя поддержку посла, я настойчиво ставил их перед Москвой.

За связи в области культуры я ответственности в эту командировку не нес, но по старой памяти следил за ними. Интерес французской публики к нашим художественным коллективам, исполнителям оставался очень большим. Обмены в этой сфере стали лучше планироваться, приобрели систематичность. Что же касается отношений с творческой интеллигенцией Франции, то они осложнились. Пресловутый пленум ЦК партии по идеологическим вопросам не был понят даже в руководстве компартии. Ее позиции среди деятелей культуры левых настроений были довольно сильными. Коммунисты это ценили, способствовали, например, созданию великолепного музея Ф. Леже на Лазурном берегу. И вдруг

вторжение КПСС в свободу творчества, удар как раз по тем школам живописи, представители которых во многом сочувствовали деятельности ФКП. Само руководство ФКП хранило молчание, но член политбюро Ролан Леруа, отвечающий за связи с интеллектуалами, открыто выражал в беседах с представителями посольства свое несогласие.

В проблему выросло вручение ленинской премии мира П. Пикассо, который жил во Франции. Ни на какую торжественную церемонию он не соглашался. Москва старалась как-то решить этот вопрос, действовала через разных наших деятелей культуры, которых принимал Пикассо на дружественной основе, чтобы уговорить его принять премию. Особенно много этим занимался С. Юткевич. Он рассказывал мне, что как-то Пикассо, выслушав его в очередной раз, бросил ему в ответ, стоя перед мольбертом и не оборачиваясь:

— Ну где у тебя медаль? В кармане? Давай ее мне…

Для выразительности он даже протянул в сторону Юткевича руку.

С. Юткевич возмущался у нас в посольстве. Я не требую, говорил он, чтобы там (он поднимал палец вверх) любили или понимали то, что рисует П. Пикассо. В конце концов это дело вкуса. Но хотя бы уважали великий подвиг труда этого человека. Ведь он работает каждый день, с утра до ночи. За одно это он герой, а Советский Союз — страна труда.

Портились отношения даже с такими нашими друзьями как Ив Монтан и Симона Синьоре, которые занимали все более критическую позицию в отношении Советского Союза.

Ритм моей работы в посольстве был высоким. Оба посла предпочитали держать меня под боком, поэтому поездки по стране стали для меня большой редкостью. Хотя сама по себе поездка дипломата по Франции — далеко не прогулка. Большинство политических деятелей страны крепко привязаны к своим избирательным округам. Даже занимая высокое положение в Национальном собрании или Сенате, они пуще всего дорожат постом мэра, пусть даже какой-нибудь совсем небольшой деревушки, потому что там корни всей их политической карьеры и лишиться их весьма опасно. Контакты с этими деятелями в их родных местах очень полезны. У меня сложилась хорошая дружба с заместителем председателя Национального Собрания Пальмеро. Он был мэром средиземноморского города Ментоны. Я там бывал неоднократно и даже получил почетную грамоту от мэрии этого города, который стали все больше посещать наши артисты. Побывал там и Ю. Гагарин. В Ментоне, как известно, умер Луначарский. Попав в сталинскую эпоху в опалу, Луначарский

был направлен послом в Испанию, но по дороге сдало сердце. При Хрущеве Москва решила воздвигнуть в память о нем стелу в Ментоне, и меня отправили на эту церемонию. Там не обошлось без приключения. Мэр придал церемонии максимальную торжественность: собрались все городские власти, строй жандармов и полицейских и даже толпа не почитателей, конечно, Луначарского, а любопытствовавших посмотреть на необычное для города мероприятие. Выступили сам Пальмеро, дочь Луначарского, я. Оркестр бодро исполнил «Марсельезу». Наступила очередь нашего гимна. Музыканты его не разучили, и поэтому была включена звукозапись. И что же? Над площадью поплыла «Калинка» в замечательном исполнении Краснознаменного… Я пробежал взглядом по присутствовавшим: все они застыли в позах полного уважения, как это и требуется, когда исполняется гимн дружественной страны. Все военные чины — навытяжку, руки вздернуты к козырькам. А Калинка-малинка все набирала и набирала свой залихватский темп.

— Дубинин, — прошептал обомлевший Пальмеро (он рядом со мной, конечно, тоже навытяжку), — это, кажется, не совсем то?

— Совсем не то, Пальмеро.

— Что же делать?

— Не шевелиться!

Церемония благополучно завершилась. Последовал бокал шампанского, тут и выяснилось, что кто-то поставил пластинку не той стороной…

Как-то незадолго до отъезда из Франции мы вырвались всей семьей в Авиньон. Кроме нас с женой, старшая дочь — ей лет двенадцать — и две другие — двойняшки — они еще и до трех лет не доросли. Всем этим караван-сараем мы посещали небольшие населенные пункты в окрестностях. В каждом — прием в мэрии. На каждом приеме многочисленные приглашенные. Конечно, речи и, конечно, вино, вино, вино: «Бокал в честь почетного гостя», — как говорят французы. Тем более, что это район знаменитых вин Шатонеф дю пап. Детей наших французы обязательно приглашали в зал, и те устраивались в сторонке, оставаясь, как мы думали с женой, по крайней мере, в отношении малышек, безразличными свидетелями занятий взрослых. Но, как оказалось, мы ошибались.

Прошло несколько лет. Наши близняшки доросли до того первого возраста, когда взрослые начинают задавать детям серьезный вопрос: кем вы будете работать, когда вырастете? Задал кто-то из знакомых этот вопрос и нашим. Те ответили:

— Мы будем, как папа.

— А кем работает папа?

— Дипломатом.

— А что значит работать дипломатом?

— Пить вино на приемах.

Кстати, о приемах. Наиболее крупными были для нас, разумеется, собственные приемы по случаю годовщины революции и новогодние приемы в Елисейском дворце, куда от каждого посольства приглашалось по пять человек. Если в нашем посольстве одежда была обычной, то к французскому президенту требовали фрак, а женщинам — вечернее платье. Фрак — не проблема — его без труда можно взять напрокат, а бухгалтер оплатит счет. Жена с длинным платьем, увы, так не поступит. Может быть, купить? Но достойный Елисейского дворца наряд будет стоить нескольких моих зарплат. Жена находила выход в другом. Отрез модной ткани, замысловато обернутый вокруг ее фигуры, превращался в оригинальный наряд при полной уверенности, что второго такого даже на все две тысячи приглашенных не будет. По принципу творческой взаимопомощи женщины создавали себе и прически, не вызывавшие подозрений даже самых придирчивых ценителей.

* * *

Движение по восходящей в отношениях между СССР и Францией не было стремительным, но опережало процесс улучшения отношений нашей страны с какой-либо иной страной Запада.

Весной 1964 года характер крупного события приобрел визит во Францию более чем на десять дней советской парламентской делегации во главе с членом политбюро Н. В. Подгорным. Я стал участником всех мероприятий этого визита. Он оказался важным потому, что прием, оказанный нашей делегации, — и это было сделано Парижем специально — вышел за рамки приемов, обычно оказывавшихся во Франции такого рода делегациям. В разговоре с Подгорным де Голль подчеркнул, что между Францией и СССР действительно нет каких-либо особых взаимных претензий. Нет между ними и непосредственных противоречий. Беседы возвращались к тональности лучших периодов в отношениях между двумя странами.

После нескольких лет отсутствия между двумя странами каких-либо встреч на правительственном уровне в 1964 году состоялся обмен визитами членов правительств, ведавших вопросами экономики, торговли и научных исследований. Председатель Госкомитета по координации научно-

исследовательских работ К. Н. Руднев, министр внешней торговли Н. С. Патоличев были приняты с большим вниманием.

В октябре 1964 года по инициативе французской стороны было подписано долгосрочное торговое соглашение на 1965–1969 годы. Несмотря на противодействие со стороны США и ФРГ, Франция предоставила Советскому Союзу банковский кредит в размере 325 млн. долл, сроком на 7 лет из расчета 5,95 % годовых для закупок французского оборудования. В то время это было событие международной значимости, поскольку опрокидывало запрет на предоставление долгосрочных кредитов в экономических отношениях Запада с СССР, навязанный Соединенными Штатами Америки.

* * *

Летом 1964 года я возглавил группу по внешней политике. В нее входили первые секретари посольства Б. Червов, В. Шведов, позже С. Богомолов. Мы поставили своей задачей развитие постоянного диалога с Францией по международным проблемам с подготовкой практических предложений на этот счет для Центра. Это была существенная ломка укоренившихся методов и содержания работы, которая раньше замыкалась, как правило, на подготовке для Москвы информации о политике Франции.

Уезжая в отпуск в августе 1964 года, С. Виноградов оставил меня временным поверенным. Существует мнение, будто период отпусков — это мертвый сезон для политической жизни и дипломатии. Глубокое заблуждение. Факты говорят об обратном. Так было и в то лето. Соединенные Штаты нанесли удар в Тонкинском заливе, положивший начало вьетнамской войне, под их воздействием Организация американских государств приняла меры по ужесточению экономической блокады Кубы, в Париже собралась конференция трех лаосских принцев, и надо было представлять при них советское правительство. Дел было огромное количество. Вместе с тем основные работники отправляются отдыхать, как правило, одновременно с послом, поэтому крутиться приходилось с одним-двумя энтузиастами. При этом в Москве и в самом посольстве достаточно завистников, шептавших за занавесом, что С. Виноградов доверил посольство мальчишке. Так смотрели тогда на мои 33 года. Но преимущество молодости — в уверенности, что крылья выдержат любую бурю. Все обошлось нормально. Вернувшийся посол был доволен, что испытание я выдержал, и признавался, что случись хоть какая-либо оплошность — неприятности были бы обоим. Правда, сам он

ворчал за то, что я опустошил представительскую смету, задав прием в честь крупной делегации советских ветеранов, посетившей в то лето Францию. Такова жизнь. Из всех положений, в которых оказывается растущий дипломат в своей карьере, оставаться за посла — одно из самых деликатных.

Главное внимание в положении поверенного я старался концентрировать на ключевых и взаимосвязанных вопросах — германских делах и визите де Голля в Советский Союз. Было видно, что во Франции все более пристально следят за состоянием и возможным развитием советско-западногерманских отношений. Тем более, что в газетах появились сообщения о возможной встрече Хрущева с канцлером Эрхардом. Такое внимание Парижа к нашим делам с Бонном объяснялось тем, что французское правительство в значительной мере строило свою политику в отношении ФРГ с учетом напряженности между Советским Союзом и ФРГ. Однако курс Франции на быстрое сближение с ФРГ не давал ей желаемых результатов, что стал публично признавать и сам де Голль.

Определенное беспокойство вызывала у французов и перспектива расширения советско-западногерманских экономических и торговых связей. В лице ФРГ здесь видели динамичного конкурента. Наши французские собеседники высказывали озабоченность тем, как бы Советский Союз не отдал предпочтение ФРГ в деле размещения заказов на комплексное промышленное оборудование, даже несмотря на готовность Франции предоставить под эти заказы долгосрочные кредиты.

Внимание Парижа привлекла и статья Эрхарда, появившаяся 31 июля, о желательности улучшения отношений между Востоком и Западом. Эту статью рассматривали в Париже как определенный признак улучшения климата в советско-западногерманских отношениях и практически как начало диалога между Советским Союзом и ФРГ.

Официальные круги публично интерпретировали сообщения о возможной встрече Хрущева с Эрхардом в спокойных тонах. Газета «Монд», по всей вероятности, в инспирированной статье старалась охладить интерес западных немцев к СССР. Эта встреча, писала она, способна дать лишь ограниченные результаты, поскольку для Эрхарда главный вопрос — объединение Германии, а советское правительство «вряд ли намерено сделать ему сегодня такой подарок». Вместе с тем на Кэ д'Орсе у нас настойчиво интересовались, в том числе и мой постоянный собеседник Ф. Пюо, что могла бы означать встреча Хрущева и Эрхарда, когда она могла бы состояться и к каким политическим последствиям она могла бы привести.

Обо всем этом я подробно информировал Москву, стремясь помочь повышению маневренности нашей политики. В Москву на эти телеграммы обращали внимание. А. Громыко рассылал их по так называемой большой разметке, то есть докладывал всем членам политбюро.

* * *

В тот год французы отмечали пятидесятилетие битвы на Марне. Я получил приглашение от французского президента принять в сентябре участие в торжественном мероприятии по этому случаю в Реймсе. Елисейский дворец уточнил, что поверенный в делах СССР в этой церемонии будет с протокольной точки зрения пользоваться всеми правами посла. Значение того уточнения мне станет ясно на самой церемонии. Как известно, битва на Марне 1914 года имела решающее значение для спасения казавшегося обреченным Парижа, к которому приближалась немецкая армия. Французские войска оказывали упорное сопротивление, но силы были неравными, Франция попала в критическое положение. Она обратилась с призывом к России спасти ее от катастрофы. Действительно, помощь ей могла прийти только оттуда. Требовалось расстроить замысел начальника германского генерального штаба генерала Мольтке, автора плана разгрома Франции, ядро которого состояло в захвате Парижа до того, как русская армия будет в состоянии развернуть наступление против немецких войск в Восточной Пруссии. Расчеты Мольтке были теоретически безупречны. Русская армия в момент, когда обозначилась угроза для Парижа, действительно была еще не готова к широкомасштабным действиям. Но произошло то, чего Мольтке никак не допускал, мысля строго по науке: русская армия была брошена в наступление, несмотря на то, что она не была готова к нему. И не только пошла вперед, но и сумела создать столь реальную угрозу разгрома немецких войск в Восточной Пруссии, что немецкий генштаб вынужден был снять с Марны войска, предназначенные для штурма Парижа, и экстренным порядком перебросить их для того, чтобы противостоять натиску русской армии. Цена, которую заплатила Россия за эту операцию, была неимоверно высока, но Париж устоял, и Франция была спасена от разгрома. Об этом написано много исследований. Я не стремлюсь к каким-то новым оценкам. Для моего рассказа важно, что де Голль сполна признавал роль России, и именно этим во многом объяснялось приглашение советского представителя во Франции в Реймс и

отношение французского президента к нему во время самой церемонии.

В тот день — это был воскресенье — я с утра вместе с секретарем президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе вручал в городе Мобеже на севере Франции ордена и медали, которыми наша страна наградила большую группу участников французского Сопротивления. Оттуда, не дождавшись окончания официального завтрака, я на машине отправился на большой скорости в Реймс, пользуясь затишьем на дорогах Франции в момент, когда французы обедают. Дипкорпус на церемонии в Реймсе был немногочисленным — представители союзных по первой мировой войне стран: Бельгии, Англии, Югославии, как наследницы Сербии. Мне было указано первое среди них место на официальной трибуне — рядом с президентом.

Началось с небольшого военного парада, в котором приняли участие французское и английское подразделения. Де Голлю надлежало поприветствовать застывший перед трибуной строй, а затем, поднявшись на трибуну, принять парад. День стоял жаркий. Небо безоблачное. Почетные гости наслаждались тенью от натянутого над трибуной тента. Перед солдатами появился де Голль, и именно в этот момент неожиданно налетела туча и хлынул ливень. На солдат, на двух генералов, стоявших навытяжку друг перед другом, приложив руку к кепи, — того, кто рапортовал, и де Голля, слушавшего его, низвергался сплошной поток воды. Де Голль не дрогнул. Под такими же тугими струями дождя он обошел строй и поднялся на трибуну промокший до нитки. В это время дождь прекратился так же внезапно, как начался. Перед трибуной войска промаршировали под засиявшим снова солнцем.

Сразу после парада президент выразил желание переговорить со мной. Он пояснил, что счел своим долгом пригласить на церемонию представителя России, принимая во внимание союзные узы, связывавшие в те трудные времена обе страны. «Мы этого не забываем, — сказал де Голль. — Мы думали и думаем о вас. Я хочу, чтобы об этом знали в Москве».

В свете тех усилий, которые предпринимало посольство, это был положительный сигнал.

К тому же я получил и расшифровку этого сигнала. Меня посетил весьма близкий к де Голлю человек, его представитель в Москве во время войны Шмитлэн. Мы через него пытались разведать настроения де Голля насчет поездки к нам, задали ему интересовавшие нас вопросы. Теперь он принес ответ. Достаточно определенный. Де Голль, заявил он, хочет совершить такую поездку. В принципиальном плане вопрос он для себя решил.

Более того, наметил и удобный для него период визита — после президентских выборов, которые должны были состояться в конце 1965 года. «Де Голль, — подчеркнул собеседник, — хочет побывать в Советском Союзе не в положении президента, заканчивающего свой срок, а в качестве президента, победившего на выборах». Перспектива прояснилась. Я проинформировал Москву, и там было решено действовать, исходя из этого ориентира.

В начале 1965 года С. Виноградов подтвердил французскому президенту приглашение посетить Советский Союз с официальным визитом, сделанное еще в 1960 году Н. Хрущевым.

В Советский Союз был приглашен также министр иностранных дел М. Кув де Мюрвиль, В начале февраля 1966 года Ж. де Бомарше пригласил меня и передал пожелание французской стороны, чтобы до визита М. Кув де Мюрвиля к нам советский министр иностранных дел А. А. Громыко посетил Францию. С этим Москва не замедлила согласиться. Стоит отметить, что министры иностранных дел двух стран ни разу не встречались несколько лет, начиная с 1962 года. Политический сдвиг в отношениях стран начинал приобретать конкретные формы. О точных сроках визита французского президента еще ничего не говорилось, но и в Москве, и в Париже утверждалось понимание, что обмен визитами министров иностранных дел был призван подготовить эту акцию.

Незадолго до прилета А. А. Громыко С. Виноградов должен был покинуть пост посла во Франции. В связи с Этим мне пришла мысль добиться награждения его орденом Почетного Легиона. Я был убежден, что в политическом отношении это хорошо вязалось бы с процессом улучшения отношений между Советским Союзом и Францией. Зная настроения С. Виноградова, я не сомневался, что ему это было бы приятно и в личном плане, но, конечно, не могло быть и речи о том, чтобы завести об этом разговор с ним самим. Вообще я не видел в таком деле советчиков ни вокруг, ни в Москве. Поэтому я отправился прямо в Елисейский дворец, вернее, в очередной раз встретился с обычным моим там собеседником — де Сен-Лежье в одном из ресторанов на Елисейских полях. Ему я и поведал замысел. Личная реакция собеседника была сразу самой положительной, с той лишь оговоркой, что инициатива такой акции должна была исходить по французским порядкам от Кэ д'Орсе и поэтому требовалось «подбросить» эту идею Кув де Мюрвилю и поработать с ним. К счастью, эти хлопоты де Сен-Лежье взял на себя. Однако он, в свою очередь, задал мне вполне естественный вопрос: уверен ли я в положительном отношении Москвы, если Париж выступит с

соответствующим предложением? Дело-то было необычное. Это поставило меня в непростое положение. Я бы предпочел, чтобы Париж выступил с инициативой, не задавая мне подобных вопросов, хотя отдавал себе отчет, что хочу слишком многого. В складывавшихся обстоятельствах благоприятную реакцию в Москве можно было предполагать с большой степенью уверенности, но для того, чтобы дать ответ, необходима была полная ясность, а это требовало в Москве решения руководства. Для такого решения надо было написать в Москву телеграмму. Телеграмму же мог подписать только посол. Вот и пришлось мне, вернувшись в посольство, поведать Виноградову обо всем. Он не проронил ни слова, что я истолковал как хороший признак, и отправился писать телеграмму. Москва ответила согласием. Сергей Александрович стал кавалером ордена Почетного Легиона высшей степени. Вручил ему этот орден позже в Москве во французском посольстве Кув де Мюрвиль по случаю своего визита к нам. Напряженная программа визита не давала возможности организовать специальную церемонию. Вечером того же дня Кув де Мюрвиль, увидев меня на ужине, воскликнул:

— Смотри-ка, вот и Дубинин, — и, обернувшись к стоявшему рядом Бомарше, добавил:

— Жак, как же это мы не догадались пригласить его в посольство вместе с Виноградовым? Это же все его дела!

Хорошо, подумал я, что он не сказал «проделки».

* * *

Провожая Виноградова, президент Франции на завтраке в его честь отметил наличие «общей и расширяющейся зоны согласия и сотрудничества» в политике советского и французского правительств и подчеркнул, что народы двух стран «вдохновляет теперь необходимость сосуществования и мира». В складывавшихся тогда советско-французских отношениях президент Франции усматривал «начало успеха европейской, а тем самым и международной политики».

С. Виноградов проработал во Франции почти 12 лет, проявил себя как последовательный сторонник дружбы двух стран. Стоило это ему немалых неприятностей в Международном отделе ЦК КПСС, где идеологическим соображениям, в частности при оценке де Голля, зачастую придавалось чрезмерное значение. В самом посольстве в большое испытание превращались для него ежегодные выборы в партийный комитет, на которых число получаемых им голосов против приближалось к критической

отметке, за которой могло последовать неизбрание со всеми неприятными для тех времен последствиями. И содержание его политической линии, и методы работы, в основе которых лежали широкие контакты с французскими представителями, не воспринимались многими сотрудниками посольства или, во всяком случае, были связаны с таким уровнем требований, к которому они оказывались не готовыми.

Поскольку я открыто и активно следовал той же линии поведения, доставалось порой и мне, правда, как правило, исподтишка, потому что при публичных наскоках я спуска не давал.

Так, когда прибыл новый посол В. А. Зорин, резидент, имевший, как и я, положение советника посольства, предпринял мелкую диверсию в возне за старшинство. Дело в том, что, оставляя меня временным поверенным в делах во Франции, С. Виноградов должен был официально заявить меня французскому МИДу в качестве первого советника через голову более чем десятка других советников посольства, назначенных на их должности раньше меня. Резидент, как мне было известно, протестовал и тогда, но безуспешно. Теперь же он дал указание сотруднику, ответственному за протокол, — им был замечательный молодой латыш Яундземс — поставить его фамилию в списке советников при очередной информации Кэ д'Орсе о составе посольства выше, чем мою. Амбициозность этого человека противоречила всякому здравому смыслу, но его требование было жестким, и Яундземс, разводя руками, пришел ко мне с вопросом, как ему быть. Я посоветовал все честно доложить послу, которому и надлежало утвердить соответствующую ноту в МИД Франции. В. Зорин все оставил, как было при Виноградове.

С новым послом мы никогда не были знакомы раньше, но он ценил мою работу. Особым достоинством этого было то, что внутренне он не был готов в полной мере воспринять складывавшийся в отношениях между СССР и Францией курс, но уважал защищавшиеся мною позиции, почти всегда соглашался с ними, хотя советники из-за угла порой сбивали его с толку. В контактах с французами он был суховат, не мог вести с ними бесед на французском языке даже на протокольные темы, как это делал С. Виноградов. Эти обстоятельства еще в большей степени расширили мои связи во французском обществе за счет знакомых С. Виноградова.

С. Виноградов по возвращении в Москву получил ничем не примечательное назначение заместителя начальника управления по планированию и оценкам МИДа (начальником был

заместитель министра). Работа эта носила кабинетный характер, мало соответствовала опыту и склонностям Сергея Александровича. Своей настойчивой дипломатической работой он подготовил крупные события в отношениях между Советским Союзом и Францией, но остался в стороне, когда пришло время свершиться им. В значительной степени это было проявлением одной из особенностей дипломатической профессии: каждая новая волна дипломатов подвержена стремлению писать книгу как бы с чистого листа, забывая о предшественниках. В Советском Союзе к этому добавлялось еще и отсутствие традиций уважения к заслуженным деятелям государственной службы. Во Франции, например, дипломат, получивший ранг чрезвычайного и полномочного посла (таких там, правда, совсем немного), автоматически входит в число лиц, непременно приглашаемых на торжественные мероприятия государственного уровня, к которым, естественно относятся и основные протокольные мероприятия, устраиваемые от имени президента по случаю официальных визитов глав иностранных государств. Нам до этого еще расти и расти.

* * *

Время до июня 1966 года, когда состоялся визит де Голля в Советский Союз, было заполнено интенсивной дипломатической работой. Готовя советско-французскую встречу на высшем уровне, мы одновременно наполняли новым содержанием советско-французские отношения. В апреле 1965 года А. А. Громыко побывал в Париже, в сентябре-октябре того же года Кув де Мюрвиль посетил Советский Союз. Обмен визитами министров иностранных дел проводился впервые в истории отношений между двумя странами, что само по себе было знаменательным. Москва вызывала меня из Парижа по случаю визита французского министра, что сделало меня участником обоих этих мероприятий. В дальнейшем в посольстве я занимался подготовкой визита де Голля, выезжал в Советский Союз для завершения этой подготовки и на время пребывания у нас французского президента был в числе сопровождавших его в поездке по стране.

Сообщение о визите де Голля в Советский Союз было опубликовано 4 февраля 1966 года.

Пройдет немногим более двух недель, и 21 числа того же месяца французский президент объявит о решении Франции выйти из военной организации НАТО. К 1 июля 1966 года Франция прекратит участие в военных штабах НАТО, а

французские войска, расположенные в ФРГ (две дивизии и целый ряд других частей), будут выведены из-под натовского командования. 1 июля был день возвращения де Голля из его поездки в Советский Союз. Действия де Голля в отношении НАТО придавали новое качество политике Франции, повышали внимание к ней и в мире, и в Советском Союзе, и в США особенно, представляли собой серию мероприятий, международные последствия которых ощущаются и по сей день.

В связи с переговорами с французским президентом в Москве ставились большие задачи: сопоставить интересы СССР и Франции по мировым проблемам, определить степень готовности французского правительства к параллельным и совместным действиям с СССР в интересах укрепления мира и безопасности, особенно в Европе, наметить направление практических мероприятий по усилению воздействия советско-французских отношений на ход мировых дел и, опираясь на положительные моменты внешней политики Франции, продолжать развитие советско-французских отношений.

Французский президент пробыл в СССР с 20 июня по 1 июля. Он пролетел 14 тыс. км над советской территорией, посетил кроме Москвы Ленинград, Киев, Волгоград, Новосибирск, встречался с учеными, рабочими, представителями советской культуры и искусства. Программа была насыщенной и разнообразной. Строгие официальные обеды соседствовали с угощением раками-исполинами в шампанском во время прогулки на корабле по Волгоградскому водохранилищу, залы переговоров сменялись цехами заводов. В Ленинграде де Голль всем преподнес сюрприз. Когда его машина поравнялась с крейсером «Аврора» (его посещение программой не предусматривалось), он неожиданно попросил сделать остановку. Огромный кортеж замер. Де Голль поднялся на борт, обошел корабль и, вернувшись в машину, продолжил путь. Все произошло так быстро, что за ним не успели последовать сопровождающие даже из первых машин, не говоря уже о многочисленной армии журналистов из хвоста кавалькады, которые, сообразив, в чем дело, стремглав бросились за сенсационными снимками, но, увы, им оставалось запечатлеть только сам крейсер. Говорили (не ручаюсь, правда ли это), что крупнейший французский еженедельник «Пари матч» обещал пятьсот тысяч франков любому, кто смог бы продать ему снимок де Голля на «Авроре». Таких не нашлось.

С повышенным интересом французы ожидали посещения Новосибирска. Сибирь! О ней так наслышана Франция. Даже Жюль Верн приложил руку к ее описанию, впрочем, как и многие другие французы, бравшиеся за это, никогда там не бывавший.

Стереотип известен. Поэтому, когда наш самолет пошел на снижение, мои спутники — это была основная группа сопровождавших де Голля — пришла в необычное движение. Защелкали замки дипломатов, оттуда стали появляться не папки с документами, а специально припасенные добротные шерстяные пуловеры, которые французы тут же взялись натягивать на себя. Я робко заметил, что был разгар лета, но услышал ответ, звучавший как абсолютная истина: так Сибирь же!

Но из самолета мы выходили под ослепительным солнцем, которому не мешало ни одно облачко. Температура под тридцать градусов.

В Волгограде де Голлю показывали плотину. Советские сопровождающие прилетели туда заранее. Я с интересом рассматривал уникальный лифт, предназначенный для того, чтобы помогать поднимающимся вверх по Волге осетрам преодолевать преграду, возникшую на их тысячелетиями апробированном пути. В газетах об этих лифтах писали как о чудо-технике: осетры сами находили их, набивались туда, после чего лифт шел вверх и высаживал пассажиров с другой стороны плотины. В момент, о котором я веду рассказ, лифт находился в нижнем положении, и сквозь тонкий слой воды было видно, что он полон красивейших рыб, которые только и ждали генерала, чтобы быть поднятыми и проследовать своей дорогой. Я не мог скрыть своего восторга. На это один из ответственных местных деятелей по секрету шепнул мне, что всех этих путешественников выловили в Волге накануне и еще с вечера засадили в подъемник, в который (по крайней мере, в то время) осетры сами, увы, почему-то не шли.

Киев встречал де Голля огромным транспарантом с гигантскими словами «Добро пожаловать…», и дальше, естественно, следовало имя президента, которому украинцы не додали одной буквы «Л». Внимание шеф протокола украинского МИДа Цыба (он, кстати, проработал несколько лет в нашем посольстве в Париже) обратил на это, когда самолет с де Голлем уже катил по посадочной полосе. Цыба, умевший выглядеть подтянуто-молодцеватым, был в полной растерянности, и я старался успокоить его тем, что генерал по-русски не читает. Впрочем, сердечность киевского приема была такой, что, если бы генерал и читал по-русски, он все равно бы зла на Украину не затаил.

В публичных высказываниях в ходе визита советская и французская оценки исторического опыта взаимоотношений двух стран были отмечены значительным сходством. В самые трагические моменты истории, подчеркивалось с нашей стороны,

народы наших стран неизменно обретали опору друг в друге, их оружие служило защите общих жизненных интересов, говоря на своих национальных языках, они руководствовались сходными целями и намерениями.

Союз двух стран, вторил французский президент, «во время мировых войн, и в частности величайшая роль Советского Союза в решающей победе во второй мировой войне, лишь усилили у французов чувство этой солидарности».

Заметим попутно, что де Голль, всегда называвший Советский Союз Россией, во время этого визита, изменив своему правилу, впервые произнес Советский Союз. Находясь в Ленинграде, он обратился, как обычно это делал в своих зарубежных поездках, к языку страны, которую посещал, и продекламировал по-русски: «Люблю тебя, Петра творенье».

Переговоры, естественно, сконцентрировались прежде всего на проблеме европейской безопасности и германском вопросе.

Л. И. Брежнев подчеркнул, что самое важное для нашей страны в германском вопросе заключается в том, чтобы Германия никогда не смогла развязать новую войну.

Он говорил о необходимости считаться с фактом существования двух германских государств и с тем, что в обозримом будущем нет перспективы их объединения. Признание Францией ГДР, по мнению советской стороны, способствовало бы нормализации положения в Европе, ослабило бы американское влияние на решение европейских дел.

Де Голль отвечал, что Франция, которая сильно пострадала в результате развязанных Германией войн, по-прежнему настороженно относится к ней. Что касается вопроса о ее воссоединении, то для Франции он не актуален, с его решением нет нужды торопиться. Но Франция не намерена признавать ГДР, поскольку такое признание создало бы впечатление увековечения этим раскола Германии. Де Голль полностью согласился с тем, на чем делался акцент с советской стороны: ФРГ не следует допускать к ядерному оружию. Он совершенно определенно подтвердил свою позицию об окончательном характере германских границ.

Германский вопрос, заявил он, следует превратить в проблему, рассматриваемую в обстановке доверия и взаимопонимания всеми европейцами, включая немцев. Когда установится согласие между всеми европейцами в отношении Германии, необходимо, чтобы и США согласились с решением, которое будет найдено и гарантировано Советским Союзом, Англией и Францией.

Де Голль занял критическую позицию в отношении войны

США против Вьетнама.

Было достигнуто согласие, что на Ближнем Востоке все должны признать существующее там положение вещей.

Советско-французские отношения заняли в переговорах особое место. Подход Советского Союза и Франции был сформулирован как постоянная, принципиальная линия, вытекающая из понимания большого значения советско-французских отношений для судеб мира в Европе и во всем мире.

Де Голль заявил, что развитие сотрудничества с СССР отвечает национальным интересам Франции и является важным и принципиальным элементом ее политики.

Была создана постоянно действующая советско-французская комиссия с целью развития экономических и научно-технических связей, подписано соглашение о сотрудничестве в космосе.

Советская сторона выразила готовность к самому широкому, далеко идущему развитию связей между двумя странами при том понимании, что это развитие будет зависеть от состояния политических отношений.

Была достигнута договоренность о регулярных консультациях между Советским Союзом и Францией по международным вопросам и вопросам советско-французских отношений.

Советско-французские отношения вступали в новый этап.

В каком документе можно было бы выразить содержание советско-французских отношений? Это был один из главных вопросов при подготовке визита. Естественно, изучалась возможность заключения политического договора между двумя странами. Были проведены зондирующие беседы. Вопрос был поставлен А. А. Громыко в его разговоре с де Голлем в апреле 1965 года. Французский президент заявил на это: ничто не исключается в отношениях между Францией и СССР, и если бы был заключен новый договор, то он явился бы не первым договором между нашими странами. Де Голль добавил, что заключение договора следовало рассматривать в то время как цель будущих совместных намерений и усилий, хотя, по его мнению, этот вопрос не являлся актуальным.

Как мне представлялось, правильное толкование этой позиции состояло в том, что заключение договора в ближайшее время было нереальным, однако в принципиальном плане такая возможность не исключалась. Но были и крайние понимания французской позиции. Одно состояло в том, что если поднажать, то можно было добиться договора уже в то время. Другое — этот вопрос следует вообще снять с повестки дня советско-французских отношений. Но это отдельная тема — о ней чуть позже. В тот момент было сочтено целесообразным пойти по пути

подписания насыщенного документа политического характера — советско-французской декларации. Я не ставлю себе задачей анализ всего содержания этого новаторского для своего времени документа. Хочу выделить лишь главное содержание договоренностей, посвященных Европе.

«Для Советского Союза, как и для Франции, — говорилось в декларации, — первой целью является нормализация, затем постепенное развитие отношений между всеми европейскими странами при уважении независимости каждой из них и невмешательстве в их внутренние дела. Эта деятельность должна проходить во всех областях, идет ли речь об экономике, культуре, технике и, естественно, о политике». СССР и Франция ставили совместную задачу — способствовать тому, чтобы за нормализацией положения в Европе последовало плодотворное сотрудничество всей Европы. Это была весьма насыщенная по содержанию формула. Помимо широких целей европейской политики она включает указания на два принципа, которые следовало соблюдать при развитии межгосударственных отношений.

Постепенно в дальнейших переговорах Советского Союза с Францией, равно как и с другими странами, круг принципов взаимоотношений европейских государств будет расширяться и конкретизироваться. На основе того, что было зафиксировано в Уставе ООН в других международных документах, а также на базе реалистического подхода к обстановке в Европе несколько лет спустя сложится тот свод принципов взаимоотношений между государствами, который найдет свое отражение в хельсинкских договоренностях.

В декларации 1966 года участники переговоров ставили задачу действовать так, чтобы сотрудничество СССР и Франции могло внести «решающий вклад» в благоприятную эволюцию обстановки в Европе. Это, в частности, подразумевало готовность так строить впредь свои взаимоотношения, чтобы они становились своего рода примером отношений государств с различным социально-экономическим строем. Было заявлено о стремлении постепенно «приобщить к своим усилиям все европейские страны».

Разрядка из идеи и отдельных акций превращалась в политику, которую намеревались продвигать на международной арене две такие крупные державы, как Советский Союз и Франция.

* * *

В столицах обоих государств анализировали итоги визита де Голля, делали выводы в отношении дальнейшего развития советско-французского сотрудничества, прежде всего политического.

Французскую оценку изложил мне дипломатический советник президента Сен-Лежье.

Визит французского президента, сказал он, носил необычайный характер для всей истории отношений между Советским Союзом и западными странами и приобрел в связи с этим исключительное значение. Де Голль совершил поездку в Москву не для обсуждения какой-то конкретной проблемы или урегулирования спорных вопросов. Его визит был задуман и осуществлен как визит дружбы, и в Париже убеждены, что визит ознаменовался успехом.

Подписанные в Москве документы имеют весьма большое значение. Однако не ими определяются главные и наиболее важные итоги этого визита. Речь идет, прежде всего, об отправной точке новых советско-французских отношений, рассчитанных на длительный период, значимость которых выходит далеко за рамки франко-советского сближения, затрагивая обстановку в Европе в целом и многие другие проблемы мирового значения. Для Франции вопрос состоит в том, чтобы по-новому взглянуть на оценку существа советской внешней политики. Если в разгар холодной войны на Западе существовало единое мнение о том, что с Советским Союзом возможны лишь мероприятия тактического характера и что Советский Союз в отношениях с западными странами тоже ограничивается отдельными акциями, всегда подчиненными логике и задачам ведения соперничества между блоками, то в настоящее время Франция пересмотрела свою точку зрения. Отныне мы видим в Советском Союзе своего партнера и считаем, что Франция и Советский Союз находятся в одном лагере, при условии, что слово «лагерь» получит новое понимание. Он пояснил: все, что касается внешнего вмешательства в дела Европейского континента и европейских стран, все, что может исходить от сил, чуждых Европе, должно, как полагают в Париже, вызвать со стороны Советского Союза и Франции сходную реакцию.

Собеседник обратил внимание на особый акцент, который делался де Голлем во время визита на выражениях «согласование позиций», «согласование политики». Такие выражения необычны для французской дипломатии в отношении Советского Союза, означают нечто большее, чем консультации, и выражают суть новых отношений между Советским Союзом и Францией.

Важной стороной визита явилось то, что он позволил

укрепить взаимное доверие на базе нормальных отношений, открыть с учетом происходящего как в Советском Союзе, так и во Франции новые перспективы отношений, разумеется, с ясным пониманием особенностей традиций, присущих как Советскому Союзу, так и Франции.

Эти рассуждения перекликались с настроениями в Москве.

На следующий день после возвращения из Советского Союза де Голль побывал в Бонне. Жак де Бомарше, передавая мне информацию о беседах там французского президента с канцлером Эрхардом, обратил специальное внимание на сделанное Эрхардом сразу после беседы с де Голлем заявление о готовности ФРГ к прямым контактам с СССР.

Менялся и наш подход к отношениям с ФРГ. В сентябре 1966 года Ф. Пюо с удовлетворением отмечал в беседе со мной, что лобовая атака против западногерманского реваншизма и милитаризма была заменена в советской политике на более гибкий подход к ФРГ.

Ф. Пюо обратил мое внимание на то, что Франция со своей стороны сняла в своей политике лозунг самоопределения и свободных выборов в Германии, учитывая негативное отношение к нему Советского Союза. Франция перешла к тактике поощрения контактов между ФРГ и ГДР.

Конечно, и Эрхард, и Шредер были далеки от поддержки идей, защищавшихся Советским Союзом и Францией, говорил Ф. Пюо. Однако Париж констатировал, что под воздействием новых веяний, вызываемых, в частности, советско-французским сближением, и в Западной Германии происходят важные политические процессы. В частности, стремление к обладанию ядерным оружием — линия Шредера — не находило поддержки немецкого народа.

А что же с признанием Францией ГДР? Жак де Бомарше говорил: думаю, мы не признаем ее никогда. Ф. Пюо высказал как-то в частном порядке нечто парадоксальное: это был бы шаг к объединению Германии. Требуется ли это?

Увы! Неисповедимы пути политики: как известно, после подписания в Хельсинки Заключительного акта общеевропейского совещания Франция и ГДР установили между собой нормальные дипломатические отношения.

Договоренности, достигнутые в Москве, действовали. В Европе начинал складываться новый стиль взаимоотношений.

Менялись и отношения Советского Союза с США. Было видно, что Франция пристально следит за этим и что де Голля беспокоит характер и возможные последствия советско-американского сближения. Явное удовлетворение у де Голля вызывало в связи с

этим заявление А. Н. Косыгина во время его визита во Францию в декабре 1966 года о том, что советское правительство является принципиальным противником гегемонии двух держав — СССР и США.

В Совместном заявлении по случаю этого визита Франция согласилась упомянуть о возможности созыва общеевропейского совещания. Тем самым была открыта новая важная область осуществления европейской политики, сформулированной во время визита де Голля в СССР.

В ноябре 1967 года Франция делает новый шаг в развитии политики независимости. Начальник генерального штаба генерал Айере заявляет о том, что, поскольку Советский Союз больше не является противником Франции, ее ударные силы, то есть ядерное оружие, должны быть направлены «по всем азимутам», а не в одну сторону (то есть в сторону СССР).

Советский Союз и Франция вступили на путь развития контактов по военной линии.

Отмечая это, я не ставлю в данных записках цель изложения всех событий, которые вели к быстрому расширению советско-французского сотрудничества.

* * *

Что касается работы посольства, то она перестраивалась, приобретала все более практический характер. Произошло расширение состава посольства. Приехало десять новых дипломатов. Остро встал вопрос о новом здании посольства. Оно располагалось в прекрасном особняке, носящем имя «дворец Эстре», на улице Гренель Сен-Жерменского предместья. Он был построен в 1711–1713 годах первым архитектором французского короля Робером де Коттом. В одном из французских описаний этого здания говорилось, что его отличают «прекрасные пропорции внешнего облика, изобретательное расположение внутренних помещений, красивые интерьеры и богатая меблировка». И по сей день дворец Эстре значится в числе памятников французской архитектуры. Вокруг немало других особняков той же эпохи.

На одной только улице Гренель расположились министерства народного образования (особняк Рошешуар), промышленности, труда (особняк Шатле). На параллельных улицах Варенн, Сен-Доминик, Юниверсите, бульваре Сен-Жермен находятся резиденция премьер-министра («Отель Матиньон»), министерства торговли и ремесел, обороны, наконец, смотрящее на Сену

министерство иностранных дел. С юга-востока к Сен-Жерменскому предместью примыкает Люксембургский дворец, где заседает Сенат, а на Западе — Бурбонский, местопребывание Национального собрания. По соседству с дворцом Эстре находятся посольства Нидерландов, Италии, чуть дальше — Швейцарии, ФРГ. В одном из особняков этого же квартала разместился музей Родена, в котором перед войной 1812 года временно располагалось посольство России.

Россия приобрела дворец Эстре в 1864 году за золотые франки, и с тех пор это здание остается символом нашего присутствия во Франции. Забота о сохранении красоты и богатства этого дворца стала традицией многих поколений наших дипломатов. В изданной в 1966 году роскошной книге «Сен-Жерменское предместье» отмечалось, что здание содержится «со вкусом». В восьмидесятых годах усилиями посла С. В. Червоненко зданию был сделан капитальный ремонт, обновлены интерьеры, заново произведено их золотое покрытие. Сегодня это один из самых блистательных по своей красоте и состоянию домов Парижа. Там располагается резиденция российского посла.

Но во времена, о которых я веду разговор, там ютилось все посольство. Персонал разбухал, и по соседству со сверкающими залами приемов располагались кабинеты, все больше переполнявшиеся столами, шкафами, книгами, подшивками газет, досье и прочей канцелярщиной. Жизненное пространство для каждого дипломата сдавливалось и сужалось.

Дипломатические приемы тоже становились проблемой. Мы обзаводились все новыми знакомыми, но, если пробовали при этом сократить число приглашавшихся ранее, следовали обиды, а это не красит посольство. Кому-то пришла в голову мысль разделить приглашенных на прием по случаю национального праздника на два потока, с указанием времени для каждого из них. Эффект получился плачевный — недовольными остались все. Каждый подозревал, что его включили в менее престижную группу. В узких прилегающих улицах было крайне мало стоянок для машин, не говоря уже о пробках, которые возникали на подъезде к посольству в дни наших больших протокольных мероприятий.

С квартирами для сотрудников еще хуже. Мы как бы перенесли наш коммунальный быт на берега Сены: например, в доме на улице Женераль Аппер одним санитарным узлом пользовался десяток семей. Это бывшее посольство одной из прибалтийских стран никак не было приспособлено под житье-бытье.

Положение наших французских коллег в Москве было

примерно таким же. На Якиманке у них был эффектный дом для представительской работы, а тесные кабинеты сотрудников находились во дворе, в том числе в бывших подсобных помещениях, первый этаж которых был когда-то конюшней.

Каждая из сторон время от времени ставила эти вопросы, искала пути их решения, однако по-настоящему систематическая работа была начата только в 1964 году. Посол поручил ее мне. Моими собеседниками стали все те же Жак де Бомарше и Франсуа Пюо. Нам с послом представлялось логичным решение проблемы на основе взаимности, сердцевину которой должно было составлять безвозмездное предоставление Советским Союзом и Францией равноценных зданий или земельных участков друг другу соответственно в Париже и в Москве.

Французы относились к этому негативно, настаивая на другой формуле: каждый решает свою проблему в соответствии с обстоятельствами, существующими в каждой из стран. Иными словами: мы в Париже должны были приобретать земельный участок за свой счет. Это, с учетом стоимости земли во французской столице, закрывало для нас возможность решения проблемы. В Москве же, где земля не продавалась, французы рассчитывали решить свою проблему на льготных условиях.

Пришлось мне провести предельно искренний разговор с моими собеседниками, откровенно рассказать, в каком положении мы находились, и честно пояснить, что, если не будет решена наша проблема в Париже, французам будет трудно найти в Москве понимание их проблемы.

Отклик был положительный. Бомарше сообщил мне, что МИД Франции запросил у правительства деньги для покупки в Париже здания или участка с целью дальнейшей передачи нам в обмен на блок домов или участок под посольство Франции в Москве. Мне было предложено параллельно с усилиями самих французов заняться подыскиванием в Париже того, что могло бы нам подойти. Окрыленный, я занялся этой работой. Выбор был небольшим, тем более что размер запрашиваемого нами участка был полтора гектара. Но вот один из посредников приглашает меня осмотреть владение известной аристократической семьи в хорошем районе Парижа около парка Монсо. Владение с замечательным зданием и парком. Мы осмотрели его с послом — им был уже В. А. Зорин. Он остался доволен. Интересуемся ценой. По парижским понятиям, она представляется умеренной. Посредник просит меня довести эту цену до сведения Кэ д'Орсэ, дескать, это прибавит веса в его торге с французскими властями. Я возражаю. Объясняю, что деньги должна платить французская казна и не дело иностранного дипломата вторгаться в такие

деликатные дела. Я обещаю лишь сообщить, что подходящий участок найден, и все дальнейшие контакты должны вестись между самими французами.

Что я и сделал, получив заверения Пюо, что МИД Франции проведет необходимую работу и даст ответ.

Ответ мы получили в конце марта 1966 года, но ответ неутешительный. Участок стоил примерно 40 млн. франков, а правительство выделило МИДу примерно 23 млн. Как мне пояснили, этих 23 млн было бы достаточно для покупки весьма приличного участка в любой столице мира, в том числе в Вашингтоне и Лондоне, и поэтому эта сумма являлась предельной с точки зрения министерства финансов для участка под посольство Советского Союза, что по сути означало приобретение земли для строительства посольства Франции в Москве. Было добавлено, что на большие расходы французская казна пойти не может.

Сообщив это, Пюо изложил два возможных варианта действий.

— Либо Советский Союз сам доплачивает разницу между стоимостью участка, то есть 40 млн франков, и суммой, выделяемой Францией, — 23 млн франков. Либо следует найти новый участок, на который хватило бы 23 млн, то есть размером примерно 0,6 га.

Правда, при этом собеседник оговорился, что в Москве Франция намеревается получить большой, полноценный участок, поскольку там земля, дескать, стоит дешевле, чем в Париже.

Я ответил, что это не несет решения проблемы ни в Париже, ни в Москве. Что же касается земли в Москве, то там она вообще не продается, однако ценность ее по этой причине не падает, и в центре Москвы подыскать хороший участок для Франции не легче, чем для нас в Париже.

Мой собеседник развел руками:

— Тогда я не вижу выхода.

— Выход есть, — ответил я.

— Какой?

— Передать нам участок, принадлежащий государству или мэрии Парижа.

— Но такого участка в Париже нет.

— Есть! — заявил я.

— Мы такого не нашли, — ответил Пюо. — Сомневаюсь, что вы тоже сможете указать на такой участок.

— Смогу, — сказал я. — Это участок около Булонского леса, рядом со зданием штаб-квартиры НАТО.

— Этого не может быть!

— Это так, поверьте, — настаиваю я.

— Проверим, — заявил Пюо.

Участок там действительно был. Мне приглянулся он, поскольку я иногда водил туда гулять своих детей по воскресным дням. Наведенные нами справки показали, что принадлежит он мэрии Парижа, то есть выкупать его французскому правительству не требовалось, хотя необходимо было урегулировать непростой внутренний административный вопрос.

Поэтому я не удивился, когда некоторое время спустя Бомарше с улыбкой сказал мне:

— Дубинин, вы выиграли. Такой участок в самом деле имеется.

На решение вопросов, связанных с его выделением нам, ушло много времени, и это стоило еще немалых хлопот и волнений. С огромными сложностями столкнулись и мы для того, чтобы удовлетворить французскую сторону в Москве. И в одном, и в другом случаях потребовалось вмешательство высшего руководства обоих государств.

И все же к марту 1968 года вопрос о выделении земельных участков для строительства зданий посольства СССР в Париже и Франции в Москве был решен. Французский посол в Москве Роже Сейду поведал мне позже, что в разговорах и во внутримидовской переписке на Кэ д'Орсе выделенная нам земля получила название «участка Дубинина».

Сейчас на нем стоит новое здание нашего посольства. Его архитектура мне не нравится. По-моему, она не годится ни для Парижа, ни для Москвы, но я к этому отношения не имел.

Рядом шумит Булонский лес — зеленые легкие Парижа, откуда во французскую столицу приходят потоки свежего воздуха с океана. Невдалеке, вкрапленные в XVI округ Парижа — едва ли не самый комфортабельный для жизни, — разбросаны другие принадлежащие нашей стране дома, где разместились Торгпредство, представительство при ЮНЕСКО, квартиры наших сотрудников.

В здании штаб-квартиры НАТО после выхода Франции из ее военной организации расположен университет.

В нескольких сотнях метров начинается авеню Фош — величественный проспект, ведущий на площадь Этуаль, а за ней на Елисейские поля. Теперь всякая рабочая поездка в Елисейский дворец — это одновременно прогулка по всемирно известному туристическому маршруту — части архитектурного ансамбля длиной в два десятка километров от Лувра до дворца Сен-Жермен ан Лей. В дни весеннего и осеннего равноденствия наступает момент, когда луч солнца пронзает его, проходя под створами

Триумфальной арки на площади Этуаль и арки Карусель в Тюильри. Уверен, что это один из самых красивых ансамблей в мире.

* * *

Вторая моя командировка приближалась к завершению. Меня приглашали работать заместителем заведующего Первым Европейским отделом, продолжать заниматься французскими делами. Дата отъезда была определена — 5 июня 1968 года. Перед отъездом мне была дана возможность совершить по приглашению общества Франция — СССР поездку по долине реки Луары с заездом в знаменитый центр фарфорового производства Франции Лимож. Находясь там, я услышал о начале студенческих волнений. Вспыхнули они в университете пригорода Парижа Нантерра, оттуда перекинулись в Сорбонну. Тон задавали экстремистские левацкие организации, последователи модной тогда философии Маркузе. Столкновения студентов и полиции приняли ожесточенный характер. В них участвовали тысячи. Были сотни раненых. Полиция вошла в Сорбонну, что еще больше обострило обстановку: там ее по традиции не бывало даже в период фашистской оккупации. Требования поначалу касались университетских свобод, реформы университетского образования, но превалировали в них лозунги чисто разрушительного характера.

Я участвовал в подготовке регулярных информаций о происходящем для Центра и, чтобы лучше почувствовать пульс событий, отправился с женой в Латинский квартал. На подъезде туда полицейский, увидев дипломатический номер на моей машине, стал давать заботливые советы, где было бы безопаснее припарковать ее. Потом он показал на выгружавшихся поблизости из фургонов жандармов и предупредил, что через несколько минут в том месте, где мы разговаривали, могут полететь гранаты со слезоточивым газом.

— Держитесь правее, там будет спокойнее.

Мы поблагодарили.

Весь район вокруг был похож на восставший город. Во многих местах мостовая разворочена. Брусчатка в Париже по размерам меньше нашей и поэтому использовалась студентами как для баррикад, так и в виде снарядов против полицейских. То в одном, то в другом месте возникали схватки. Полицейские образовывали живые стенки. Со щитами, в касках и противогазах, они теснили студентов, швыряя в них слезоточивые гранаты, молотя

резиновыми дубинками. Толпы студентов все время перемещались. Смельчаки вырывались вперед, чтобы запустить один-два булыжника в служителей порядка, потом опять возвращались в толпу. Повсюду перевернутые или сожженные машины, поваленные деревья, разбитые витрины магазинов.

Захваченный студентами театр Одеон — котел возмущения. Вокруг него плотная толпа — не пробиться. Вдруг один из дюжих парней обращает внимание на мою жену и громко восклицает:

— Дорогу женщине! Расступитесь!

Толпа приходит в движение, образуется узкий проход, жене любезно протягивают руку. За ней, пользуясь неистребимой ничем французской галантностью, протискиваюсь и я. В фойе на первом этаже разложена огромная палатка. На нее сносят приношения протестующим. Она завалена фруктами, овощами, сырами, хлебом вперемежку с какими-то ящиками, носильными вещами. Целая гора. В зрительном зале идет митинг. Бесконечный. Поднимаемся в ложу — там мы все-таки не в самом водовороте и обзор побольше. На сцене табуретка и некто, пытающийся играть роль председателя с минимальной претензией: он всего лишь хочет, чтобы говорили не все сразу. Партер переполнен молодежью в постоянном движении. Выступления, скорее набор выкриков — зажигательные: все прогнило, все надо смести, потом разберемся, что делать дальше.

Но вот начинается атака на председательствующего.

— Что это за демократия, когда кто-то присваивает себе право давать или не давать слово?

— Такая свобода нам больше не нужна!

— Долой председателя!

Тот пробует что-то объяснить. Его слова тонут в сплошном крике.

— Доло-о-о-о-й!!! — протяжно гудит зал.

Смущенный неудачливый председатель покидает сцену, унося с собой табуретку, и митинг, вернее не митинг, а вакханалия, потому что теперь, кажется, говорят все сразу, разгорается с новой силой.

Мы отправляемся дальше, в Сорбонну. Ее двор — бивуак всех и вся. Экстравагантность самоподачи — важный атрибут протеста. Она проявляется и в музыке, и в политической символике: маоисты, троцкисты, анархисты, еще и еще всякие. Флаги красно-черные, черно-белые с черепом и скрещенными костями, типажи босяком, но с розой на майке — все весьма красочно. Тут же, забыв о революции, целуются влюбленные…

Волнения перекинулись на другие города, стали детонатором выступлений трудящихся. 13 мая Всеобщая конференция

трудящихся (ВКТ) и другие профобъединения проводят 24-часовую забастовку. В ней участвует более полумиллиона человек. Требования социально-экономические. 19 мая в забастовке участвует уже около двух миллионов. 22 мая — 8 миллионов. Начинается стихийный захват заводов. Жизнь страны серьезно нарушена, в Париже из-за отсутствия бензина стал транспорт, людей перевозят в кузовах армейские грузовики.

24 мая де Голль выступил по радио и телевидению, чтобы повлиять на события. Неудачно. Разочарование от его слов только усилило движение протеста.

28 мая мой хороший знакомый — член руководства правящей деголлевской партии Лео Амон (позже он войдет в состав правительства) срочно пригласил меня на завтрак. Тема — события. Он дает хорошо продуманный анализ обстановки с четкими выводами.

До 27 мая, говорит он, обстановка была сложной, тяжелой для правительства, однако не угрожавшей самому деголлевскому режиму и де Голлю лично. На волне широкого забастовочного движения ВКТ, за которой, по убеждению Амона, стояла ФКП, предъявила правительству очень высокие требования, но в то же время ВКТ вступила в переговоры с правительством, вела их жестко, но конструктивно. Это давало основания считать, что ВКТ и ФКП стремятся к достижению своих целей без свержения де Голля.

Однако после 27 мая положение радикально изменилось. Бастующие рабочие отвергли договоренность, достигнутую между профсоюзами и правительством. Каков может быть поворот дел?

Далее собеседник говорит, чеканя слова:

— Нынешняя ситуация в какой-то степени напоминает ту, которая существовала в России в предоктябрьский период 1917 года. Однако международная обстановка иная: существует НАТО.

Собеседник сделал паузу.

В договоре о создании Североатлантического пакта действительно имеется статья, предусматривающая вмешательство Союза в случае дестабилизации внутриполитического положения в одном из государств-участников. Выйдя из военной организации НАТО, Франция осталась, однако, стороной политического договора об образовании Союза. Но не в этом дело. Слова Л. Амона — показатель серьезности обстановки в стране, того, как ее оценивает руководство Франции.

Далее Л. Амон говорит, что одним из вариантов разрешения кризиса мог бы стать уход деголлевского правительства, возглавлявшегося Ж. Помпиду, с созданием правительства новой

политической ориентации либо с участием коммунистов — хотя условия для этого, по его мнению, не созрели, — либо без них. Он считает такой путь опасным, ведущим, в частности, к пересмотру не только внутренней, но и внешней политики Франции.

Наиболее приемлемым Амону представляется сценарий с преобразованием правительства Ж. Помпиду и заменой нескольких министров, возобновлением переговоров со Всеобщей конфедерацией труда и другими профсоюзами на базе повышенных, но не заведомо неприемлемых требований, с достижением договоренностей путем максимальных уступок со стороны правительства и проведением этих договоренностей в жизнь правительством и ВКТ каждым со своей стороны, что предполагает работу по прекращению забастовки с постепенной изоляцией и дискредитацией экстремистских элементов. Для осуществления этого варианта, говорит Л. Амон, потребуется, чтобы ВКТ вновь стала на путь переговоров, чем было бы восстановлено негласное взаимопонимание между правительством и ВКТ в условиях борьбы.

Я молчал. Мне не надлежало комментировать внутренние дела Франции. Л. Амон и не ждал от меня комментариев. Но он добавил нечто неожиданное. Нам известно, сказал он, что вы собираетесь покинуть свой пост во Франции. Это дело вашего руководства. Однако мы рассматриваем беседы с вами как надежный канал связи. Мы ценим его и исходим из того, что можем использовать его и впредь, если в этом вдруг возникла бы необходимость. Поэтому мы хотели бы, чтобы до конца событий вы оставались во Франции. Передайте послу, что это не только личная просьба Л. Амона.

Я передал, и В. Зорин согласился. К тому же и ехать-то было не на чем. Железные дороги Франции стояли. Были у меня в те дни и другие важные контакты, связанные с тем, что говорил Лео Амон.

29 мая де Голль, взлетев на вертолете прямо из Елисейского дворца, исчез из Парижа на 5 часов. Возник своеобразный вакуум власти. В Елисейский дворец могла войти любая политическая сила. Но не вошла. Де Голль побывал во французских войсках в ФРГ, которыми командовал генерал Массю, крутой парашютист, балансировавший во время алжирских событий 1958 года на грани лояльности правительству и бунта, в силу чего он попал «на отсидку» в ФРГ. В тот же день прошла мощная демонстрация ВКТ. 30 мая де Голль выступил с речью, демонстрируя твердость и решимость навести порядок. Он объявил о роспуске в 17 часов 30 минут Национального Собрания. За этим последовала внушительная демонстрация сторонников де Голля. Она

спускалась по Елисейским полям к площади Согласия. Это был кульминационный момент в развитии кризиса.

В этот же день посольство давало прием по случаю моего отъезда. Гостей было много. Вначале пришли деятели оппозиции, они в этот день были свободны от крупных акций, затем стали появляться представители правящих сил. Они подходили по мере того, как завершали свое шествие в демонстрации. Здесь — в этом была уникальность места — встречались и те, и другие. Руководители деголлевской партии пожимали руку всегда жизнерадостному и улыбающемуся Жаку Дюкло — одному из ведущих деятелей коммунистического движения Франции. Для того они и существуют, дипломатические приемы, чтобы предоставлять возможность общаться всем.

Де Голль провел глубокую реорганизацию правительства Ж. Помпиду, заменив девять министров. Правительство, профсоюзы и предприниматели провели упорные переговоры и сумели достигнуть к 6 июня нелегкого согласия, которым, однако, были удовлетворены все. Жизнь во Франции начала входить в нормальную колею.

8 июня поезд с Восточного вокзала увозил нас на Родину. До Москвы теперь не пять, а меньше двух суток пути. Столицы наших стран, Советский Союз и Франция за последние годы стали ближе, и не только с точки зрения пассажирского сообщения.

Газета «Монд», дав информацию о моем отъезде, сопроводила ее короткой фразой-оценкой: «Дубинин способствовал развитию франко-советских отношений». То, ради чего я работал в течение почти пяти лет, оказалось замеченным.

В семье нас стало пятеро: мы увозили с собой в Москву двух дочерей-близняшек, двух парижанок Иру и Таню — главное наше личное приобретение за второе пребывание во Франции.

Хельсинки

У работы в центральном аппарате в Москве свои правила. В посольстве от зарождения инициативы до завершения работы над ее оформлением в виде постановки вопроса перед Москвой время уходит главным образом на предварительную прикидку замысла с местными собеседниками. Для центра это не более, чем исходный материал. Если он представляет интерес, то тем, кто трудится в центре, требуется позаботиться, чтобы предложение попало на все необходимые столы, чтобы по нему были даны соответствующие поручения, чтобы подготовленные проекты решений были доложены начальству. Причем желательно, чтобы это было сделано помощниками начальников не под горячую руку, а в благоприятный момент, а еще лучше с благожелательным комментарием. Это всего лишь один из вариантов. А согласования с коллегами по министерству? А с другими министерствами? Одним словом, эта работа требует освоения того, что принято называть внутренней дипломатией, которая отличается от дипломатии вообще тем, что она труднее.

Кто может оказаться сильнее и влиятельней в аппаратном раскладе? Тот, кто придумал оригинальную, смелую акцию, новый подход к вопросу? Не обязательно. Вполне возможно, другой — тот, кто первый узнал настроение руководства. Некоторые мастера утверждения собственной значимости, раздобыв сведения о том, что и как требуется наверху, не прочь устроить совещание, «остро» поставить вопросы подчиненным, язвительно покритиковать тех, кто высказывал мнения, идущие вразрез с уже известным им мнением начальства, затем от себя изложить мудрость, услышанную сверху, и потом, когда бумага с такой мудростью получила одобрение, демонстрировать свою гениальность перед посрамленными оппонентами, укрепляя тем самым собственный авторитет.

Я не могу сказать, что все в правилах внутренней дипломатии достойно критики. Многое, вероятно, неизбежно для придания какой-то гармонии работе госаппарата. Кроме того, при удачном сочетании качеств тонкого царедворца с хорошими профессиональными навыками порой получаются полезные работники, делающие карьеры. Но у меня с этим бывало немало неприятностей. Я старался и в работе в центре пробивать дела, которые казались мне необходимыми не с точки зрения настроений начальства или требования момента, а с позиций государственного интереса. Это приводило к трениям, особенно со страшим помощником А. А. Громыко, который считал себя

едва ли не таким же значимым, как сам министр.

Трудность моя состояла еще и в том, что я не принадлежал ни к одной сложившейся группировке в мидовском аппарате. Я старался строить наилучшие отношения со всеми, но даже с теми, с кем меня связывала близость профессиональных убеждений и замыслов, я был готов к дискуссии, если, как мне казалось, этого требует дело. Правда, я был готов уступить более сильному аргументу.

Главной моей заботой оставалась Франция, наши с нею отношения. Заведует Первым Европейским отделом А. Г. Ковалев. Он тоже большую часть времени уделял Франции, искал пути ведения дел с нею по-новому. Его участие в командах ответственных работников партийного и государственного аппарата по подготовке проектов важных документов КПСС помогает формированию подходов к советско-французским отношениям в руководящих кругах.

Много и самоотверженно работает на французском направлении нашей политики В. Кизиченко — будущий посол в Тунисе, С. Шавердян — будущий генеральный консул в Марселе, А. Слюсарь — будущий посол в Греции, А. Глухов — будущий посол в Люксембурге, Н. Афанасьевский — будущий заместитель министра иностранных дел, К. Мозель — будущий руководитель управления культурных связей МИДа.

На отношения с Францией многие в МИДе смотрели косо. Почему? Поди, разберись. Есть элемент простой зависти: в Париж многим бы хотелось поехать, да не многим это удается. Есть фактор соперничества между разными направлениями нашей политики. Отсюда разговор: что вы, дескать, можете решить с Францией? Другое дело США, без них никуда. Ко всему этому французы в дипломатии непростые партнеры. Они умеют цепко защищать свои позиции, и это тоже не всем и не всегда нравится. Я помню, как А. А. Громыко — человек, которого природа не обделила выдержкой, — в сердцах бросил французскому министру иностранных дел Сованьяргу: «Почему с другими проще договариваться, а с вами всегда так трудно?»

Государственная политика определяется решениями руководства страны. Курс на сотрудничество с Францией к концу шестидесятых годов был закреплен в документах партийных съездов, в многочисленных постановлениях политбюро, французское направление нашей политики было выделено как наиболее перспективное в отношениях с западными странами. Это повышало ответственность в практической работе. От отношений с Францией требовалось добиваться результативности, отвечающей политическим надеждам. Такой

результативности, которая, помимо сути дела, давала бы аргументы в борьбе с соперниками и оппонентами у себя же дома. Стремление к этому делало непростыми переговоры с французами, в ходе которых эту результативность требовалось добывать.

Между тем обстоятельства вновь осложнили проведение дальнейших встреч на высшем уровне. Ввод войск в Чехословакию нанес большой урон отношениям Советского Союза с Западом. Французское руководство, дорожившее сближением с Советским Союзом, постаралось самортизировать негативные последствия этой акции в официальном плане. Но во французском общественном мнении, включая и коммунистическое движение, след остался глубокий. В самой Франции Ш. де Голль потерпел поражение на референдуме по реформе конституции и ушел с политической арены. В связи с этим там были проведены досрочные президентские выборы. Со всем этим нельзя было не считаться.

В ноябре 1969 года Ш. де Голль умер. Я сопровождал Н. В. Подгорного, вылетевшего по этому случаю во Францию. В соответствии с пожеланием де Голля его похоронили в Коломбе ле дез Эглиз — небольшой деревне, где находилось его имение. После официальных мероприятий в Париже мы совершили поездку туда, возложили венок, поговорили с близкими.

Де Голль занял особое место в современной истории Франции. Дважды — в годы второй мировой войны и войны в Алжире он оказывался у государственного руля и выводил страну из глубоких кризисов, хотя и одного было бы достаточно для того, чтобы навсегда остаться в памяти потомков. Имя де Голля французы дали в качестве второго названия знаменитой площади Этуаль, где горит вечный огонь на могиле неизвестного солдата. Возвышающаяся на этой площади величественная Триумфальная арка связана с именем другого небезызвестного человека — Наполеона. Но Наполеон оставил Францию после себя обескровленной и поверженной, а де Голль вывел Францию на первый план созидательной международной политики. При этом не следует опускать одно важное обстоятельство. Вражда с Россией оказалась роковой для Наполеона. В то же время дружба де Голля с нашей страной помогала возвеличить Францию.

* * *

В октябре 1970 года новый президент Франции Ж. Помпиду нанес официальный визит в Советский Союз. Визит проходил в

обстановке позитивных перемен в Европе. Весной 1969 года государства — участники Варшавского Договора обратились ко всем европейским странам с предложением приступить к конкретным действиям по подготовке Общеевропейского совещания. В результате подписания договора между СССР и ФРГ 12 августа 1970 года в европейской политике открывались новые перспективы. Велись переговоры о договоре между ПНР и ФРГ, четырехсторонние переговоры по Западному Берлину. Политическими наблюдателями во Франции и в других западных странах остро ставились вопросы о том, как может впредь складываться советско-французское сотрудничество, каков будет его вес после того, как ФРГ включится в полную меру своих возможностей в процесс нормализации, развития экономических и политических отношений с Советским Союзом. Ставились и вопросы о роли Франции в международных делах вообще.

Большое значение имело в этих условиях отмеченное в печати стремление Ж. Помпиду «делать упор на то, что отставка генерала де Голля нисколько не изменила решимости Франции уклоняться от союзов, которые могут оказывать сдерживающее влияние, и что по-прежнему будут открыты окна как на Запад, так и на Восток».

С советской стороны во время визита было подчеркнуто, что невозможно представить себе современную Европу, ее мирное будущее без советско-французского сотрудничества. Его невозможно чем-то заменить, оно лишь может сочетаться и дополняться мирным сотрудничеством обеих стран с другими государствами.

В принятой по итогам визита советско-французской декларации СССР и Франция заявили «о своем положительном отношении к предложению об общеевропейском совещании и считают необходимым… приступить к активной и всесторонней подготовительной работе как путем двусторонних контактов, так и — как можно скорее — в рамках многосторонних контактов». СССР и Франция подчеркивали готовность «внести свой вклад в усилия по подготовке такого совещания».

Эта советско-французская договоренность была расценена как открывающая «зеленую улицу» Совещанию и имела большой международный эффект.

Если первые советско-французские контакты на высшем уровне были связаны с началом процесса разрядки, то теперь речь шла о том, чтобы направить, насколько будет возможно, усилия двух стран на развитие этого процесса.

На XXIV съезде КПСС, состоявшемся весной 1971 года, было обращено внимание на важные политические последствия

улучшения советско-французских отношений для всего хода европейских дел. Съезд указал на возросшие возможности сотрудничества Советского Союза и Франции и на наличие у двух государств обширной области общих интересов. На съезде была принята программа внешнеполитической деятельности Советского Союза, «Программа мира». Программа отличалась конкретностью и реалистичностью задач, которые наша страна намеревалась осуществить в ближайшие годы. Она была с интересом встречена на Западе.

На осень 1971 года был намечен визит во Францию Л. И. Брежнева. К этому времени я был назначен заведующим Первым Европейским отделом.

Это был первый визит Брежнева в качестве руководителя Советского Союза не только во Францию, но и на Запад вообще. Он был призван стать крупным событием для советской внешней политики. Визиту придавалось особое значение для реализации задачи осуществления коренного переворота к разрядке и миру в Европе.

Если говорить коротко, в Париже имелось в виду сказать новое слово в международных делах. Готовились к визиту основательно и серьезно. Небольшую группу работников ЦК и госаппарата отправили на известную по многим описаниям дачу в Завидово. В нее был включен и я.

В течение всего нашего пребывания в Завидово там был и Л. Брежнев. Примерный план нашей работы согласовывался каждое утро совместно с Л. Брежневым, затем либо вдвоем-втроем, либо каждый в отдельности (нас было совсем немного) мы готовили проекты тех или иных бумаг. Результаты обсуждались вместе с Л. Брежневым во второй половине дня. Разговоры продолжались и за столом, поскольку все трапезы, включая и утренний завтрак, были общими. Стремились, прежде всего, нащупать и выразить главное политическое содержание визита. Это очень заботило Л. Брежнева. Он активно участвовал в дискуссиях на эту тему, всякий раз возвращаясь к проблеме мира в Европе. Помню, что ему не понравился первый вариант посвященного Европе раздела материалов, написанный кем-то из нашей бригады изысканной дипломатической вязью округлых фраз и профессиональных терминов. У самого Л. Брежнева формулировок взамен не было. Но он говорил о масштабности и драматизме европейской истории, о Европе как о континенте, где рождались всемирно значимые цивилизации, где возникали и рушились империи, перемещались гигантские людские массы, проносились смерчи насилия и войн. Все это сочеталось у него с воспоминаниями о войне, через которую прошел он сам, и

выливалось в повторяемую на разные лады мысль о том, что этой Европе надо, наконец, дать мир и спокойствие, которые она и выстрадала и заслужила.

«Вот мы на фронте мечтали, — пояснял он, — о том дне, когда смолкнет канонада, можно будет поехать в Париж, подняться на Эйфелеву башню, возвестить оттуда так, чтобы было слышно везде и повсюду, — все это кончилось, кончилось навсегда!.. Надо вот так, как-то ярко написать про это. И не просто написать и сказать, а сделать…»

Я далек от того, чтобы небольшой крупицей воспоминаний рисовать или даже дорисовывать, дополнять портрет этого человека, претендовать на то, чтобы давать ему какие-либо характеристики. Мне хотелось лишь подчеркнуть, что желание сделать что-то большое, масштабное для Европы глубоко укоренилось в сознании этого деятеля, оказавшегося волею судеб во главе такого могущественного государства, как Советский Союз.

Ко времени того визита во Францию, который мы готовили в Завидово, советская внешняя политика во все большей степени концентрировалась на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе — одной из основных задач «Программы мира». Шла активная работа, нацеленная на то, чтобы убедить всех возможных участников как можно скорее заняться практической подготовкой такого Совещания. Неудивительно, что в Завидово, а позже уже во Франции, во время самого визита главное внимание было отведено именно ему. И не только с точки зрения организационных вопросов, но и под углом зрения возможного содержания работы Совещания, его результатов.

В конце концов мы решили предложить французам подготовить в качестве основного политического итога визита оригинальный документ — «Принципы сотрудничества между СССР и Францией». Он замышлялся с дальним прицелом не только стать основой советско-французских отношений, но послужить прообразом главного содержания решений Общеевропейского совещания.

Французы дали принципиальное согласие на подготовку проекта «Принципов сотрудничества». Работу эту было решено провести в Москве и полностью завершить до вылета в Париж. Переговорами с самого начала занялся сам А. А. Громыко. Это было большим исключением из нашей практики. Его партнером стал посол Франции в СССР Р. Сейду — опытный дипломат, державший прямую связь в Париже с генеральным секретарем Кэ д’Орсе Эрве Альфаном. Переговоры оказались очень трудными. Дважды они затягивались до 4–5 часов утра.

Главной проблемой было определение набора принципов отношений между европейскими государствами, неукоснительное соблюдение которых было бы необходимо в целях укрепления европейской безопасности. В Москве сложилась твердая позиция, что первым среди этих принципов должен быть принцип нерушимости границ. Причем в наших документах, подписанных с соцстранами, этот принцип не только ставился на первое место, но ему обязательно предшествовал проставленный порядковый номер — «1». Французы были не против упоминания этого принципа, но ни в коем случае не на первом месте. Они соглашались расставить и порядковые номера, но только с учетом того, что принцип нерушимости границ на первом месте стоять не будет.

Проходит время, и, когда сегодня листаешь желтеющие страницы документов уже далеких дней, задумываешься над тщетностью многих дипломатических баталий, однако дело выглядит совсем иначе, когда политика только рождается и в коротких формулах государства стараются выразить большие и вполне реальные интересы. Именно так случилось с этим спором о месте принципа нерушимости границ: трудно было бы нашему министру доказать политбюро и Л. Брежневу, что Франция стоит мессы, если не будет находиться принцип нерушимости границ там, где хотело видеть его в тот момент советское руководство. А Париж тоже был тверд. Переговоры были горячими, хотя время перевалило далеко за полночь. Под утро тупик был полным и неприятным, поскольку, повторив по нескольку раз самые, казалось бы, убедительные аргументы, стороны иссякли. Вместе с тем, куда же идти в переговорах выше министра? Тогда Р. Сеиду — прошедший через пост представителя Франции при ООН и знаток Организации Объединенных Наций, где сложные дела любят сбрасывать в комиссии и подкомиссии, — предложил поручить мне и своему советнику-посланнику уединиться и поискать вдвоем развязку. А. А. Громыко согласился, и мы с посланником отправились в комнату, находившуюся между рабочим кабинетом министра и небольшим приемным залом, где велись переговоры. Было ясно, что спорить и препираться дальше бесполезно, поэтому мы с посланником пили чай и поначалу говорили неизвестно о чем. С этим приходило расслабление, и мозг начал работать не под воздействием указаний и запрограмированной извне воли, а как бы сам по себе, самостоятельно выискивая решение на базе накопленной информации.

— Дорогой мой друг, — сказал я собеседнику, — мне пришла в голову нехитрая развязка: мы снимем порядковый номер «1»,

стоящий перед принципом нерушимости границ, а вы согласитесь поставить этот принцип на первое место. Для того же, чтобы не «обижать» все остальные принципы, о иерархии которых можно спорить до бесконечности, мы расположим их в столбик, дадим каждому по строчке и перед каждым поставим дефис.

Мой собеседник отхлебнул чаю и сказал:

— Пожалуй. Только давайте спокойно допьем наш чай и не будем спешить к начальству: так наш поиск будет выглядеть солиднее.

А. А. Громыко и Р. Сейду, которым мы доложили результаты своих изысканий, с радостью одобрили их, одобрило их и руководство двух стран. В документе изложение принципов выглядело следующим образом:

— нерушимость нынешних границ;

— невмешательство во внутренние дела;

— равенство;

— независимость;

— отказ от применения силы или угрозы ее применения.

Вскоре после визита, выступая в Варшаве в декабре 1971 года, подчеркнув важность проведения Общеевропейского совещания и процитировав приведенные выше принципы, Л. И. Брежнев, заявил: «На наш взгляд, все государства и народы Европы только выиграли бы, если бы подобные принципы стали общепризнанной нормой международной жизни во всей Европе».

Кстати, на самом Общеевропейском совещании, после нескольких лет споров, какой из принципов важнее, участники пришли к выводу, что все они имеют равное первостепенное значение.

В Москве же в те непростые ночи нас с посланником еще несколько раз отправляли на чаепитие за поисками развязок, но по менее значимым вопросам.

Подготовленным в конце концов документом в столицах двух стран были довольны. В Париже его подписанию было решено придать максимальную торжественность. Однако заведующего договорно-правовым отделом, который обычно готовит такие церемонии и подает документы на подпись, А. А. Громыко в Париж почему-то не взял. В Париже, накануне подписания, А. Громыко пригласил нас в свою квартиру в посольстве для обсуждения текущих дел и в конце разговора вдруг спросил меня:

— Дубинин, а где ставится подпись нашего представителя под документами?

— На нашем альтернате, с левой стороны.

— Вот вам лист бумаги, — не унимался министр, — покажите это место пальцем.

Я показал. После такого экзамена мне последовало указание подавать на следующий день документы на подпись.

В тот же день вечером я воспользовался приемом в нашем посольстве, чтобы сообщить об этом шефу протокола Кэ д'Орсе, который выступал в такой же роли с французской стороны, и попросил его помочь мне как новичку, а быть может, даже устроить небольшую репетицию непосредственно на месте, в Елисейском дворце, перед подписанием. Он, конечно, согласился.

— Кстати, — заметил я, — как будет с ручками для подписания?

Тут мой француз гордо вскинул голову и суховато произнес:

— Что за вопрос? Вы — гости Франции!

Я поспешил поблагодарить. Однако, отойдя, я тотчас подозвал нашего советника И. А. Большагина и сказал ему:

— Подписание «Принципов» состоится завтра в 11 часов. С утра зайдите в магазин, купите пару приличных ручек, проверьте, пишут ли они, и заранее приезжайте к Елисейскому дворцу. Я договорюсь, чтобы вас пропустили в зал подписания. Устройтесь где-нибудь за шторой и следите за мной. Если я подам вам знак, подойдите ко мне с ручками.

Я и сейчас не готов объяснить, почему я так поступил. Просто подчиняясь какому-то внутреннему импульсу, желанию ничего не упустить в новом для меня задании.

Следующий день начался с беседы в Елисейском дворце в расширенном составе, затем перед самым подписанием был небольшой перерыв, и шеф французского протокола пригласил меня в зал подписания для репетиции. Зал был ослепительно освещен. Специально устроенная трибуна напротив стола, за которым должны были расположиться Л. Брежнев и Ж. Помпиду, была переполнена журналистами, телекамеры и фотоаппаратура наготове. Одним словом, «театр уж полон»…

— Вот, Дубинин, место Брежнева, — элегантно показал мой коллега, — вот — Помпиду. После того, как каждый из них поставит первую подпись…, — и далее следовало разъяснение классического пируэта, который принято исполнять в таких случаях, передавая папки с документами для подписи руководителям государств.

— Вот и все, мой дорогой друг, — закончил мой собеседник с легкой улыбкой, которая как бы говорила: все очень просто, не так ли?

— А что ручки? — спросил я.

— Так вот же они. — Француз показал на две стоявшие на столе ручки.

— Но пишут ли они?

Шеф встрепенулся, как от чего-то досадного, но все-таки вынул из кармана листок бумаги и взял первую ручку. Увы, она не писала. Видимо, слишком долго в Елисейском дворце не было нужды в ее услугах. Лицо француза начало бледнеть. Он нервно взял вторую ручку. Она тоже не писала. Он взглянул на меня обмякший и растерянный. В это время юпитеры засветились еще ярче: в зал входили руководители и все, кто был вместе с ними.

— Ничего страшного, — сказал я. Обернулся и подал знак выглядывавшему из-за шторы И. Большагину. Тот вышел из своей засады, бодрым шагом подошел к столу и поставил на стол две закупленные им ручки.

Шеф французского протокола смотрел на это, как на чудо. Но Л. Брежнев и Ж. Помпиду уже за столом, уже «скрипят» ручки. Мы передаем папки, следуют рукопожатия, аплодисменты, залпы фотовспышек и сразу команда: по машинам, в аэропорт! У меня в руках наша папка с текстами, я набрасываю плащ и вдруг вижу, что тоже торопящийся привратник Елисейского дворца уносит ручки к себе. Наши ручки! Нет, так дело не пойдет. Я объясняю ему ситуацию, исходя из незыблемого принципа частной собственности, засовываю эти ставшие сувенирными орудия труда дипломатов и политиков в карманы и вскакиваю в уже начинающую движение машину. И снова в путь…

* * *

Итак, Общеевропейское совещание.

Историки достаточно убедительно доказали, что «европейская идея», «идея Европы» живет едва ли не с глубокой древности. К ней обращались в различные периоды развития Европы, стремясь найти практические пути реализации концепции сближения европейских государств, обретения этим континентом своего единства. Особенно в современную эпоху.

Общеевропейское совещание — порождение этой тенденции. И поскольку идея не нова и корни у нее глубокие, вроде бы нет ничего удивительного в том, что она вновь оказалась на поверхности дипломатической жизни. Это, мол, настолько естественно, что иначе и быть не могло. Вроде бы это и так, но в то же время вряд ли достаточно для того, чтобы понять ход событий. Огонь в природе тоже явление естественное, всегда присутствующее либо в ярком пламени или в тлеющей головешке, либо в потенции, например, в виде огнива, спичек или готовой к действию зажигалки. Но для того, чтобы ему вспыхнуть, возгореться, скажем, в очаге нашего дома, требуется, чтобы была

высечена искра или поднесено пусть совсем слабое, колеблющееся пламя спички к сухой щепке, нужен достаточный запас дров. И только тогда свершится огонь, наберет силу, даст тепло. Одним словом, необходим какой-то изначальный толчок, чтобы идея, даже с большой историей и потенцией, превратилась в действие, в данном случае в дипломатическую инициативу Советского Союза, которой суждено было — это случалось крайне редко с начинаниями, исходившими от Советского Союза, — быть принятой теми, кому она адресовалась, превратиться в форум, ставший центром международной жизни.

Исследователи, вероятно, точно установят, где, когда и как случилось это первоначальное действие, откуда, из какого одного или, может быть, и не обязательно одного источника все это началось. Я хочу поделиться тем, как это видится мне.

Одна из главных целей усилий нашего посольства в Париже в середине шестидесятых годов состояла в том, чтобы превратить советско-французское взаимодействие в динамичный фактор международной жизни. Это представлялось особенно важным, когда, казалось, многое становилось возможным в наших отношениях. Однако возникал вопрос: как реализовать такой замысел, в каких делах выразить, в какие формы облечь? Первые же контакты, контакты, которым обе стороны хотели придать новый характер, встречи не для перебранок, а во имя созидания, в том числе и уже состоявшийся визит А. А. Громыко в Париж, показали, что это непросто. Дипломатической амуниции явно недоставало. Новая политика требовала реалистично сформулированных задач и соответствующего инструментария. Прежде всего в европейских делах. Это было очевидным.

Меня это беспокоило еще и потому, что на мне лежала разработка предложений для Москвы. Своими заботами я поделился с В. Зориным. Он согласился со всеми рассуждениями. Спросил: «Что можно было бы сделать?»

— Хорошо бы поискать вместе с французами.

— Как?

Я предложил провести одну-две встречи в неофициальной обстановке с моими собеседниками на Кэ д'Орсе, с тем чтобы сопоставить идеи и предложения, выдвигавшиеся в различные годы с советской стороны, с новыми взглядами на международные проблемы, излагавшимися де Голлем. Наше внимание привлекло в этом плане сделанное французским президентом незадолго до этого заявление относительно германского урегулирования. «Речь идет о том, — подчеркнул тогда французский президент, — чтобы было признано, и прежде всего Германией, что урегулирование, предметом которого она

могла бы стать, обязательно включало бы урегулирование вопроса о ее границах, о ее вооружениях путем соглашения со всеми ее соседями как на Востоке, так и на Западе»[6]. Кстати, когда перечитываешь эту формулировку сейчас, невольно думаешь о том, что это были пророческие слова.

В. Зорин с моим предложением согласился. Поскольку никаких вопросов перед французскими властями ставить официально мы не собирались, решили действовать без запроса центра. Однако предварительно поделились в общем плане задумкой с М. Кув де Мюрвилем, который ее одобрил. Тем самым был открыт путь к обстоятельному разговору с Ф. Пюо. Я решил провести его за завтраком, чтобы подчеркнуть неформальный характер беседы, 7 июля 1965 года. Но, увы, примерка множества советских инициатив к французской политике положительного результата не давала. Ни отлично зажаренное филе под романтическим названием «шатобриан а ля беарнез», ни тонкое бордосское вино не помогали. За первой встречей последовала вторая, 15 июля, но ситуация повторялась.

Существует поверье, будто дипломаты не говорят «нет». Не верьте. «Нет», правда, мягкое, с пояснениями, но все-таки «нет» звучало с французской стороны стола до самого десерта. Самое досадное было в том, что оба мы чувствовали, что по существу, во всяком случае в том, что касается геополитики, интересы и позиции Советского Союза и Франции были весьма близки, а может быть, и совпадали.

Наконец, я выкладываю последнюю из моих домашних заготовок. Спрашиваю: «А как относится французская сторона, дорогой коллега, к вопросу о созыве конференции европейских государств?»

Мой вопрос не с потолка. Еще в 1954 г. Советский Союз выступал с таким предложением, предлагал проект общеевропейского договора.

Идея была припасена на конец разговора, поскольку мне представлялось, что конференция как форма могла быть удобна для того, о чем думали не только в Москве, но, вероятно, и в Париже, — для закрепления территориального статуса в Европе, как он сложился в результате войны и послевоенного развития.

Ф. Пюо задумался. Что значит его молчание? Согласие? О согласии он не говорит. Но вместо «нет» произносит нечто другое: «До сих пор никто перед Францией этого вопроса не ставил». Потом, после паузы, добавляет: «Мы изучим этот вопрос, и ответ я дам на следующей встрече».

Мы расстаемся. Значит — может быть!

Ответа не последовало. Но не последовало никакого ответа.

Если не было сказано «да», то не было сказано и «нет». Видимо, высказанная с нашей стороны идея лежала в русле французской политики, но в Париже, поразмыслив над нашим разговором, сочли, что еще не пришло время занимать в отношении этой идеи четкую позицию. Отметим попутно, что довольно скоро Франция скажет «да». Так что не доверяйте присказкам насчет того, что «может быть» в устах дипломата равнозначно отрицанию. Нужно только проявить выдержку и поработать. Но ведь это верно не только в отношении дипломатов.

Во всяком случае в тот момент, в июле 1965 г., нам в посольстве стало ясно, что идея конференции или совещания — принципиальной разницы здесь нет — перспективная. Мы решили, что называется, зацепиться за нее и привлекли к ней внимание Москвы.

Подробную запись беседы я отправил в Москву. На нее сразу же обратил внимание А. Ковалев. Он написал на записи: «…надо послать на ознакомление министру». Тот, кто знаком с мидовской кухней, знает, министру докладывают далеко не все отчеты о беседах послов, пусть даже посланные шифрсвязью. Случай же доклада ему пришедшей диппочтой записи беседы советника посольства — явление крайне редкое. В архивном экземпляре, с которым я ознакомился, готовя этот очерк, обратил на себя внимание синий карандаш министра, выделивший на полях слова о «конференции европейских государств»… Старт был дан!

Постепенно Общеевропейское совещание из идеи превратилось в предложение Советского Союза. Вокруг него развернулась активная деятельность нашей дипломатии. В центральном аппарате эту проблему вел А. Г. Ковалев, который после моего возвращения в Москву стал все чаще привлекать меня к этой работе.

В июле 1973 года, когда в Хельсинки собрались министры иностранных дел государств — участников Совещания, я был в числе сопровождавших А. А. Громыко.

Задача этой встречи в Хельсинки состояла в принятии документа под названием «Заключительные рекомендации консультаций в Хельсинки», в обиходе Совещания названного по цвету его обложки Синей книгой. В Синей книге на трех десятках страниц были определены правила процедуры Совещания, исходившие из фундаментального принципа — решения принимаются на основе консенсуса, то есть при отсутствии какого бы то ни было возражения, высказываемого каким-либо государством-участником.

В этом документе было определено, что Совещание проводится в три этапа. Первый — сама встреча министров в

Хельсинки. Второй, в Женеве — работа делегаций всех государств-участников над подготовкой проектов заключительных документов Совещания. Наконец, третий, заключительный этап был призван одобрить подготовительные проекты заключительных документов.

Синяя книга содержала своего рода план-задание, которым следовало руководствоваться при составлении проектов заключительных документов на втором этапе Совещания. Была названа и дата начала работы второго этапа — сентябрь 1973 года. Вместе с тем в ней ничего не говорилось ни о месте, ни о времени, ни — и это было, пожалуй, главным — об уровне проведения третьего, заключительного этапа Совещания, а этот этап мыслился как основной.

Это было не случайным. Все относящееся к третьему этапу было поставлено в зависимость от того, что будет наработано на втором, то есть какие по содержанию проекты документов будут во время этого этапа подготовлены. В случае успеха заключительный этап мог состояться при участии высших политических руководителей государств-участников. Стало быть, этот третий этап мог превратиться не просто в апофеоз многотрудных дипломатических усилий, но и открыть… тут фантазия даже в то время давала простор для самых смелых определений. Скажем: открыть новую страницу в отношениях между европейскими государствами или больше — положить начало новой эпохе в международной жизни, и не только в Европе. Точной дефиниции никто дать не мог, но ощущение, что свершиться может что-то неординарное, по настоящему крупное для будущего, было.

Однако все это — повторимся — лишь в случае удовлетворяющих всех результатов в подготовке проектов заключительных документов, и, стало быть, работа второго этапа приобретала решающее значение для успеха Совещания в целом.

Я к этому времени стал членом Коллегии и был включен в делегацию СССР, направлявшуюся в Женеву для подготовки проектов заключительных документов, которую возглавил А. Г. Ковалев. По неписаному, но прочно установившемуся правилу я был заместителем главы делегации. В моем непосредственном ведении находились гуманитарные проблемы — третья комиссия, или, как прочно вошло в терминологию Совещания, пресловутая «третья корзина».

* * *

Работа в Женеве затянулась. Это вызывало беспокойство в Москве. На самом верху. Импульсы оттуда передавались Министерству иностранных дел и затем во все более императивных формах докатывались до нашей делегации в Женеве.

По первоначальным наметкам в Москве, на подготовку документов могло уйти два, ну, пусть даже три месяца. Теперь месяцам потеряли счет, а конца-края баталиям нескольких сотен дипломатов, собравшихся в Женеве, нет и не видно.

Работа шла беспрецедентная. Образно говоря, тридцатью пятью (столько государств участвовало в Совещании) ручками сразу писались тексты, которые считались принятыми лишь тогда, когда никто не возражал даже против последней запятой, то есть на основании консенсуса. Но попробуй объяснить это в Москве, где Л. Брежнев все чаще задает вопрос: «Когда же?»

В июне 1975 г. к нам в Женеву специально заехал С. Червоненко. Он — посол во Франции, а главное, вхож к Л. Брежневу. Был в Москве. И здесь, в Женеве, на пути из Москвы к месту своей работы он по специальному заданию. Он ведет с А. Ковалевым и со мною продолжительную беседу, смысл которой в том, чтобы в дополнение ко всем другим письменным и устным указаниям передать пожелание Л. Брежнева по возможности скорее идти к окончанию встречи, заверить, что в Москве со вниманием будут относиться ко всем предложениям делегации о действиях, в том числе и через столицы, которые могли бы этому способствовать. Для нас это не новость, но тот факт, что перед нами личный эмиссар, делает картину настроений в Москве особенно рельефной.

* * *

Справедливости ради, следует отметить, что работа к тому времени, о котором идет речь, была проделана огромная. И, разумеется, не только делегациями. Совещанием занимались все дипломатические канцелярии и руководители участвовавших в нем государств.

Прежде всего был найден тот баланс интересов между Советским Союзом и странами Восточной Европы, с одной стороны, и странами Запада, с другой, который сообщил мощную силу взаимного тяготения, пружину этого уникального дипломатического раута: ни одна из сторон не хотела ни прекращать, ни покидать его, несмотря ни на какие сложности или кризисы, будь то в рамках Совещания или вне его. Суть этого

баланса сводилась к достаточно простому уравнению. Если Восток стремился утвердить нерушимость границ, как они сложились после войны, то Запад, соглашаясь на это, ставил задачу прошить, пронизать эти границы за счет свободы в движении идей и контактов, транспарентности в военной сфере. Борьба на международной арене и в идеологической и в политической сферах, особенно с учетом того, что различие в социальных системах протагонистов сохранялось, призвана была в итоге переместиться в новую плоскость, приобрести новые формы, несомненным достоинством которых должен был стать отказ от применения силы.

Но одно дело принять правила игры в принципе, другое — определить конкретные параметры этого баланса. Тем более, что речь шла о больших и деликатных интересах многих государств, в частности Советского Союза. Борьба вокруг этого шла жестокая.

К концу июня была проделана большая часть работы по формулированию принципов взаимоотношений между государствами, раздела, который по праву был призван стать одним из китов Заключительного акта Совещания. Близилась к концу работа по третьей корзине, а это был еще один кит решений Совещания. Более того, эта, казалось бы, наиболее конфликтная комиссия первой завершила к 4 июля редактирование порученного ей раздела Заключительного акта. Сложнее обстояло дело с разработкой мер доверия и стабильности (речь шла о военной области и третьем ките ожидавшихся итогов Совещания), и вокруг этой проблемы все больше концентрировалось внимание и делегаций, и правительств.

Но помимо этих главных, силовых линий Совещания были и другие, которые имели специальное значение для какой-то группы государств, скажем, Кипра, Греции и Турции в связи с кипрской проблемой или Мальты в силу особенностей ее политики. Эти проблемы для большинства других участников были как бы маргинальными. В самых высоких канцеляриях сполна осознавали, что поставить одну или две запятые в формулировке принципа нерушимости границ — это, как говорится, две большие разницы. Права человека — это тоже важно. Что же до предложений Мальты, то они казались по меньшей мере экстравагантными, и от них хотелось просто отмахнуться, так же как и от каких-то там локальных ссор. Правильно ли это было?

Посмотрим…

К июню 1975 г. удалось в принципиальном плане решить и

такой важный для исхода Совещания вопрос, как уровень представительства на третьем, заключительном его этапе.

Советский Союз с самого начала имел в виду, что финалом Совещания должна стать встреча руководителей участвовавших в нем государств. Не знаю, каковы были внутренние, скрытые от мира позиции на этот счет в других государствах. Но известно другое. Кто в дипломатических переговорах произносит первое слово, кто берет на себя инициативу предложить что-либо другим, а стало быть, обратиться к ним с просьбой сказать «да» его предложению, пусть даже не менее выгодному для них, чем ему самому, тот в глазах партнеров неизбежно становится просителем. И поскольку «это» для чего-то ему нужно, заявитель должен «заплатить» за согласие с ним. Так получилось и с советской идеей завершить Совещание на высшем уровне. Наши западные партнеры пустились в затяжные дипломатические маневры. Дескать, надо взвесить, стоит ли высоким лицам утруждать себя дополнительным перемещением. Прежде надо оценить результаты. В общем-то и в Москве мыслили примерно так же. Только под результатами на Западе, естественно, понимались прежде всего подвижки со стороны Советского Союза в тех вопросах, которым наши партнеры придавали особое значение. Эта тактика, а может быть, и больше, чем тактика, настолько увлекла делегации многих стран и дипломатические ведомства, руководившие ими, что стала напоминать азартную игру. Во всяком случае, к концу 1974 г. стало очевидным: ни на уровне делегаций, ни на уровне министров иностранных дел положительного решения нам не добиться.

Брешь в этой глухой стене удалось пробить с помощью Франции. Точнее, при содействии ее тогдашнего президента В. Жискар д'Эстена. Он раньше всех других западных лидеров увидел, что ставшие к концу 1974 г. достаточно ясными возможные политические итоги Совещания и их значимость для будущего неизмеримо важнее, чем какие-то отдельные дополнительные уступки со стороны Советского Союза, за которые продолжали вести яростный бой делегации западных стран в Женеве. В. Жискар д'Эстен склонялся к тому, чтобы прекратить торг с Москвой насчет уровня проведения третьего этапа Совещания, пойти навстречу Советскому Союзу в том, что этот этап должен быть проведен при участии руководителей государств-участников. В этом французский президент кардинально разошелся со своим собственным министром иностранных дел Ж. Сованьяргом, с Кэ д'Орсе в целом и, конечно, с французской делегацией на Совещании, увлекавшейся всякого рода тактическими увязками и комбинациями.

Произошел этот прорыв при следующих обстоятельствах. На начало декабря 1974 г. был запланирован визит Л. Брежнева в Париж — первая встреча советского лидера с В. Жискар д'Эстеном. В Москве чувствовали, что он готов сделать какой-то политический жест в отношении Л. Брежнева, предполагали, что этот жест мог касаться Совещания. В этой связи в нашу концепцию визита — меня вызвали в Москву для его подготовки — мы заложили в качестве главной цели задачу добиться от французского президента согласия на проведение третьего этапа Совещания на высшем уровне.

Что касается французской дипломатии, то она, будучи еще лучше нас осведомленной о настроениях собственного президента, постаралась сделать все возможное, чтобы помешать его задумке. Ситуация, прямо скажем, исключительная. Заградительный огонь развернула и французская печать. В. Жискар д'Эстену публично давались советы не уступать в вопросе об уровне завершающего этапа Совещания. Так, газета «Котидьен де Пари» писала: «Жискар д'Эстен явно хочет внести новизну в этот вопрос, отклоняясь от линии Запада, подобно тому, как поступил де Голль по поводу НАТО. Этот жест, если президент его сделает, повлечет меньшие последствия. Но достаточно вспомнить о препятствиях, создававшихся со стороны Ж. Помпиду ходу совещания, чтобы понять, какое удовольствие глава государства, быть может, намеревается доставить господину Брежневу»[7].

Оригинальный маневр с целью «обезвреживания» надвигавшейся угрозы был предпринят и со стороны Кэ д'Орсе. Накануне визита со стороны французского министерства последовало приглашение мне прибыть в Париж, чтобы заранее согласовать текст заключительного коммюнике. Москва, разумеется, откликнулась положительно, и вот я в кабинете одного из моих хороших знакомых, директора европейского департамента К. Арно. Он — сама любезность. Текст проекта коммюнике легко и быстро стелется по бумаге. Вместе с тем обращает на себя внимание особый интерес моих французских партнеров гладко написать раздел коммюнике, посвященный Совещанию. Я вчитываюсь в предлагаемую формулировку. Она полна изящных слов, одно лучше другого. Витиевато говорится и о заключительном этапе, но так, что глазу зацепиться не за что. Все мило, но только общие слова. При других обстоятельствах можно было бы с ходу согласиться. Однако перед нами задача добиться прорыва, четко записать, что третий этап будет этапом высшего уровня. Вместе с тем именно этого-то и нет в предложениях моих коллег. Вступать в спор? Я уверен, что это

бесполезно. Предлагаю им этим разделом коммюнике не заниматься вообще. Партнеры разыгрывают недоумение.

— Помилуйте, как же не заниматься? Ведь это же сейчас главное!

— Тем более. Оставим главное самим руководителям.

Следуют уговоры, аргументы, еще более утонченные формулировки, которыми готовы заменить свои же собственные. Звучат и упреки, стенания, дескать, за проект коммюнике с такой недоработкой начальство по головке не погладит.

Расчет моих коллег прост: пойти далеко навстречу, не уступая в главном, чтобы затем представить собственному президенту проект, как удовлетворяющий Москву, в силу чего, мол, никакого другого движения в сторону Советского Союза не требуется. В общем-то шито белыми нитками, но оборону держать приходится против такого сложного вида дипломатического натиска, как натиск улыбок и учтивости. И все-таки ко времени начала бесед Л. Брежнева и В. Жискар д'Эстена проект блистал пробелом на месте, предназначенном для Совещания.

Переговоры руководителей двух государств состоялись все в том же замке Рамбуйе. Не помню всех деталей программы, но для данного сюжета важно то, что В. Жискар д'Эстен предложил Л. Брежневу уединиться, захватив с собой министров иностранных дел, К. Арно и меня, а также переводчиков — с нашей стороны им был Н. Афанасьевский, с французской — уже известный князь Андронников.

Мы перешли в небольшой салон. Его стены покрыты деревянными панелями с изображениями охотничьих сцен. Большие кресла. Кофе, чай.

Французский президент заводит разговор о Совещании. Он прямо ставит вопрос, как видит Л. Брежнев раздел коммюнике по этой теме. Разговор между лидерами двух стран. Долгий разговор двух людей совершенно различного воспитания и жизненного пути, а главное — различной школы мышления. Л. Брежнев хорошо знал, чего хотел, но оперировал определениями общего характера, которые не втиснешь в каноны дипломатического коммюнике. В. Жискар д'Эстен с его картезианской строгостью мысли ждал формулировок. Он держался свободно. Внимательно вслушивался в перевод. Время же, заполнявшееся русской речью, использовал для того, чтобы любоваться великолепной резьбой на дубовых панелях, покрывавших стены. А. Громыко проявлял фантастическую выдержку. В разговор он включался короткими репликами только тогда, когда к нему прямо обращался Л. Брежнев или когда его коллега Ж. Сованьярг пытался подбросить что-нибудь совсем несносное. Его спокойствие и

невозмутимость поражали. У меня было больше чем достаточно времени для того, чтобы с учетом услышанного обдумать формулировку, которая, казалось, могла решить проблему. Я написал ее по-французски. Улучив момент, я попросил разрешения у А. Громыко предложить ее французам. Тот согласился. Л. Брежнев промолчал. Я зачитал совсем короткий текст. Едва я умолк, как выскочил князь Андронников.

— Не знаю, как по существу, — небрежно произнес он, — но фраза не годится с точки зрения французского языка.

К счастью, кроме князя был президент. Повернувшись в сторону Андронникова, он не спеша произнес:

— А по-моему, это хороший французский язык, и вообще формулировка подходящая.

Лидеры кивнули друг другу. Пробел в коммюнике заполнили словами: «…созданы хорошие предпосылки для завершения совещания в кратчайший срок, для проведения его третьего этапа и подписания заключительных документов на высшем уровне».

Выходим к другим членам делегаций. Те — и наши, и французы — спешат за новостями. В. Жискар д'Эстен прощается. Проходя мимо меня, роняет: «Если что, дайте знать».

Легкой походкой он спускается по лестнице. Садится за штурвал стоявшего на внутренней лужайке замка вертолета и через каких-то пару минут взмывает вверх, удаляясь в сторону Елисейского дворца в центре Парижа.

У оставшихся чувства, что называется, смешанные. У хозяев, а большинство их с Кэ д'Орсе, улыбки, вырубленные в камне. Их можно понять. У нас — понимание масштабного дипломатического успеха, но об этом и заикаться неловко. Перед ужином Ж. Сованьяргу сделалось плохо. Французского врача не оказалось. К счастью, академик Е. Чазов был, как всегда, наготове и во всеоружии…

А как обстояло дело с переговорами Л. Брежнева с В. Жискар д'Эстеном по другим вопросам? Как проходили они? Отвлечемся на мгновение от темы Совещания для того, чтобы сказать пару слов и об этом, поскольку мы оказались в замке Рамбуйе. Переговоры эти состоялись на другой день. В точном смысле слова это были не переговоры. У Л. Брежнева имелись добротные тексты с изложением того, что следовало сказать по каждому из намеченных вопросов. И эти тексты зачитывались. Когда вопросы, а тем более позиции, с нашей и французской стороны совпадали, эксперты испытывали чувство немалого удовлетворения, а когда выходила нестыковка, настораживались. Собственно, в наличии заготовок для бесед такого высокого уровня ничего предосудительного нет. Их готовят в той или иной форме все

канцелярии мира: слишком много значит для страны слово, сказанное на таком уровне. Другое дело, что происходит в случае возникновения неожиданных ситуаций. В Рамбуйе, помимо прочего, Л. Брежнев изложил нашу позицию по вопросу о Западном Берлине. Вообще-то вопрос этот был проклятым уже в силу своей запутаннейшей казуистики, на которой целое поколение экспертов сделало себе карьеру. Но все обошлось бы нормально, если бы Жискар д'Эстен не задал какой-то уточняющий вопрос, а Л. Брежнев не взялся сам на него отвечать. Завязалась дискуссия, во время которой французский президент вдруг воскликнул:

— Так это именно то, что я хотел сказать!

Л. Брежнев стал тогда ему доказывать, что он имел в виду совсем другое. Ввязались министры иностранных дел, но главы уже не уступали им поле боя. Все запуталось до предела, и, к счастью, с двух сторон стола хватило юмора, чтобы, поняв это, рассмеяться, махнуть рукой и перейти к следующей теме.

Но вернемся к Совещанию… Вскоре за В. Жискар д'Эстеном последовали президент США Форд, затем Брандт, Вильсон и другие. Рубеж, определявший уровень проведения заключительного этапа Совещания, был взят.

* * *

Теперь загвоздкой стало определение срока завершения Совещания. Еще большее число делегаций, чем в случае с определением уровня третьего этапа, увязывало решение этого вопроса с прогрессом в той или иной интересующей их области. Вместе с тем в Москве исходили из того, что динамизм работы по существу должен сочетаться с динамизмом организационного плана. Быстрейшее завершение Совещания диктовалось политической целесообразностью. К тому же наступало лето, и было очевидно даже с чисто человеческой точки зрения, что лидерам надо было успеть собраться до разъезда на каникулы. Позже съехаться всем вместе будет намного труднее. Наконец, к этому времени было условлено, что третий этап должен состояться в Хельсинки, и Финляндия — как страна-хозяйка — настаивала по причинам, весьма прагматическим, чтобы ей достаточно заблаговременно, хотя бы за две-три недели, был дан четкий ориентир, когда ждать гостей. Надо было определяться.

В конце марта 1975 г. Л. Брежнев обратился с посланиями к руководителям США, Франции, ФРГ, Англии, Италии с предложением определить в качестве даты завершения

Совещания 30 июня. Последовал вежливый отказ, сопровождавшийся замечанием о том, что скорее всего Совещание удастся завершить где-то во второй половине июля. Определенностью ответы не отличались.

В середине июня Л. Брежнев вновь обращается к лидерам ведущих стран Запада с письмами, в которых подчеркивается важность скорейшего окончания Совещания. Советское правительство направляет одновременно послания аналогичного содержания правительствам всех остальных государств-участников.

Активная работа по определению сроков третьего этапа развернулась и на самом Совещании. 27 июня делегация Канады предложила 28 июля в качестве ориентировочной даты начала заключительного этапа. Вокруг всего этого разгорелась напряженная борьба.

Все сказанное мною до сих пор никак не попытка рассказать об истории Общеевропейского совещания, пусть даже и отдельными штрихами. Это всего лишь некоторые составные части фона, на котором разыгрались две драматические ситуации, тесно увязанные с окончанием второго, женевского этапа Совещания, а значит, и всего Совещания в целом.

Одна из этих ситуаций возникла вокруг предложений Мальты по Средиземноморью.

Другая — за-за конфликта, связанного с вопросом о представительстве Кипра на третьем этапе Совещания.

Но обо всем по порядку.

* * *

Где-то в середине сентября 1974 г. делегация Мальты внесла на рассмотрение Совещания серию предложений по вопросам, относящимся к безопасности в Европе. Центральное место в них отводилось налаживанию органического сотрудничества между участниками Совещания и всеми другими государствами Средиземноморья, а также Ираном и государствами Персидского залива. В этих целях предполагалось создание специального руководящего комитета. Завершались эти предложения указанием на то, что с развитием «нового суверенного, независимого органа» США и СССР «постепенно выведут свои вооруженные силы из этого района».

При этом из доверительных источников нам стало известно, что документ внесен по прямому указанию премьер-министра Мальты Минтоффа, а делегации Мальты предписано любой

ценой, вплоть до блокирования всей работы Совещания, добиваться обсуждения и принятия мальтийского предложения.

Среди делегаций появление мальтийских предложений вызвало недоумение и беспокойство. Было очевидным, что по своему содержанию они не укладываются в те параметры, которые предусмотрены Синей книгой, и по этой причине вроде бы без труда могли бы быть отведены. Однако на Совещание уже был знаком напористый стиль ведения дел Минтоффом, и поэтому предвидели возможность сложных коллизий. Так и получилось.

В течение многих месяцев предложения Мальты старались «замотать», избегали серьезного их обсуждения. Но и Мальта ждала своего часа. В конце мая 1975 г., когда была почти закончена работа по согласованию документа общего характера по средиземноморским проблемам, Мальта внесла к этому документу свои дополнения, повторявшие основные идеи первоначального предложения. Все это вызвало резко негативную реакцию стран НАТО, в первую очередь США. Их задевало все, но особенно прямо занесенная угроза над пребыванием в Средиземном море их Шестого флота. Что касается Советского Союза, то, с точки зрения широких политических целей, многое могло бы быть приемлемым, в том числе и совместный с американцами вывод вооруженных сил из района Средиземного моря. Но в Москве понимали, что задача эта нереалистична и что все это способно лишь осложнить завершение Совещания. Делегация получила указание постараться нейтрализовать остроту ситуации за счет включения в документ по Средиземноморью текста общего, необязывающего характера.

Обстановка на Совещании осложнилась еще и тем, что для защиты позиции Мальты прибыл из Ла-Валлетты личный представитель Минтоффа посол Гудвилл. Среди делегаций быстро распространилась молва, что только он один — не делегация Мальты или кто-нибудь иной, а именно посол Гудвилл — располагает прямыми, только ему одному известными указаниями премьер-министра, как вести дела в поднятом Мальтой вопросе. А вел эти дела Гудвилл с предельно твердых, бескомпромиссных позиций. Согласие Мальты на завершение Совещания он ставил в прямую зависимость от отношения к ее предложениям. И когда в начале июля на заседании координационного комитета — своего рода высшего органа Совещания — в который раз дебатировался вопрос о дате завершения Совещания, со стороны мальтийского представителя последовало хлесткое заявление: «Мои власти не определили ни дня, ни месяца, ни года проведения третьего этапа Совещания».

Острее не скажешь. В сочетании с правилом консенсуса это означало полный тупик.

В бесплодных поисках компромиссных формулировок, какого-то выхода из положения уходили день за днем. Совещание гудело, как улей. Казалось, что все другие вопросы если не забыты, то отодвинуты на второй план.

Весь интеллектуальный потенциал Совещания был мобилизован на поиски какой-нибудь логичной формулы договоренности. Бесполезно. Для американцев Шестой флот — священная корова. С ними все натовцы. Для Мальты — ни шагу в сторону от сути представленных предложений. Пускались в ход резкие слова насчет шантажа, злоупотребления правилом консенсуса. Изощренные умы искали комбинации-лазейки, как можно было бы обойти правило консенсуса. Но это были не более чем эмоции, способные лишь накалить атмосферу, поскольку изменение правил процедуры само требовало консенсуса, т. е. согласия Мальты, а действовать без нее значило бы взорвать Совещание. К тому же правилом консенсуса дорожила не только Мальта.

Пробовали через столицы обращаться в Министерство иностранных дел Мальты, но там подтвердили, что операцию проводят двое: сам Минтофф и посол Гудвилл. Что же до Минтоффа, то он отправился в путешествие на яхте по Средиземному морю, и якобы, с ним нет никакой связи. Хочешь верь, хочешь нет, но оставался только посол Гудвилл.

9–10 июля проходила серия почти непрерывных заседаний координационного комитета Совещания. Работали и днем и ночью. Дебаты велись насчет даты завершения Совещания. Поскольку было ясно, что окончательно ее определить будет невозможно, ставилась цель договориться хотя бы о т. н. «целевой», т. е. ориентировочной, дате. Канада предложила в качестве такой даты 30 июля, имея в виду, что по этой дате в дальнейшем потребуется еще финальное, утверждающее ее решение, когда будет достигнуто общее согласие по оставшимся нерешенным вопросам. В ночь с 10 на 11 июля за принятие предложения Канады высказалось 30 делегаций. Но положение вновь обострилось из-за Мальты, выдвинувшей в качестве условия своего согласия принятие ее предложений. Ответом стран НАТО было категорическое «нет». Кризис был полным.

В разгар этих перипетий в Женеве должна была состояться встреча А. Громыко с госсекретарем США Г. Киссинджером.

А. Громыко прилетал накануне. В Женеву, где проходило сразу несколько конференций, собралось в это время немало мидовского начальства. Помню, долго обсуждался вопрос, кому

быть в аэропорту, чтобы встретить министра. Так как большое число встречающих министром не поощрялось, для поездки в аэропорт тщательно отбиралось несколько человек. В результате у трапа оказалось два заместителя министра, посол из Берна, постоянный представитель из Женевы, еще два-три высокого ранга дипломата. Не было только… переводчика с французским языком. А как раз такой работник и понадобился министру, как только он сошел с трапа. На его вопрос, кто бы помог с переводом в его приветственном обращении к швейцарцам, во главе столь представительной шеренги возникло конфузное замешательство. Один из замов суетливо обратился ко мне, не мог бы я помочь выйти из положения. Я, конечно, ответил, что готов. Тот бросился к министру со словами: «А вот Дубинин…» Но услышал сердитое: «Послы не должны выступать переводчиками». Кончилось тем, что Швейцария — страна французского, немецкого и итальянского языков — услышала слова А. Громыко в переводе на английский, поскольку такого переводчика А. Громыко захватил из Москвы для переговоров с американцами. Но это лишь забавная деталь.

Доклад министру о положении дел на совещании был кратким, а главное, неутешительным. Все на мертвой точке. Что же до предложений насчет того, как можно было бы выйти из положения или хотя бы как ставить вопрос о Совещании на следующий день в переговорах с Г. Киссинджером, — то их вообще не последовало, поскольку самые изощренные интеллекты уже иссякли. Вместе с тем вопрос о завершении совещания, и завершении скорейшем, был в тот момент основным для Москвы, и его имелось в виду обсуждать на встрече с госсекретарем США. Я на разговоре с А. Громыко на эту тему не присутствовал. Его вел А. Ковалев, но могу представить, что это был разговор не из приятных.

Поздно вечером А. Ковалев попросил меня зайти к нему и заговорил о мальтийской проблеме. Я был, разумеется, в курсе всех ее деталей, хотя непосредственно этот вопрос не вел. С мальтийским послом Гудвиллом я познакомился в кулуарах совещания скорее из любопытства, и, так как мне не приходилось ему ничего доказывать и вообще разговаривать по острому для него вопросу, отношения между нами установились неплохие.

А. Ковалев был немногословен.

— Завтра в 10 часов утра А. Громыко встречается с Г. Киссинджером. Вы знаете Гудвилла. Поезжайте в здание, где проходит Совещание. Пораньше. Может быть, вам удастся с ним повидаться. Поговорите. Если вдруг будет что-нибудь интересное, расскажем министру.

Вот и все, если не меньше того.

Гудвилл предпочитал разговор на английском языке. С английским я тогда был не в ладах. Поэтому я попросил отправиться со мной в здание Совещания В. Ф. Петровского, который был ответственным секретарем нашей делегации, с тем чтобы в случае необходимости он помог мне объясниться с мальтийским послом. Он охотно согласился.

Совещание начинало работу тоже в 10 часов утра, но дипломаты, особенно в те дни, начинали собираться там и раньше. Во всяком случае, мы с В. Петровским появились в здании сразу после девяти. Я расположился в одном из дальних уголков зала, попросив В. Петровского быть поближе ко входу и в случае, если Гудвилл действительно появится, пригласить его для краткого разговора со мной.

Все это выглядело необычно. Свидания не назначалось. Специально. Чтобы не придавать возможной встрече официального характера. Никакой уверенности, что Гудвилл собирается быть на Совещании, а тем более с утра, у меня не было. Но, как говорится, на ловца и зверь бежит. Я вдруг с радостью увидел, как с дальнего конца зала ко мне направляется не кто иной, как мальтийский посол в сопровождении В. Петровского. Мы усаживаемся, обмениваемся любезностями. Я решаю идти к цели самым прямым путем.

— Через каких-то пятнадцать-двадцать минут, — говорю я, — начнется встреча А. Громыко и Г. Киссинджера. Совсем рядом. В отеле «Интерконтиненталь». Это уникальный случай. Может быть, последняя возможность для того, чтобы решить интересующую Мальту проблему. Мы готовы помочь этому. Если вы, посол, сообщите мне сейчас вашу запасную позицию по спорному вопросу, я обещаю, что через несколько минут она станет предметом обсуждения А. Громыко и Г. Киссинджера со всеми вытекающими из этого последствиями.

Знал ли я, что у Гудвилла имеется запасная позиция? Нет, конечно! Но должна же она была быть! Или, во всяком случае, только при наличии запасной позиции, и запасной позиции разумной, был возможен компромисс, без которого в проигрыше остались бы все, в том числе и Мальта.

Напряженно жду реакции Гудвилла. Вдруг вижу: вместо ответа он достает бумажник. Раскрывает. Вынимает тонкую полоску бумаги, напоминающую телеграфную ленту. На ней — несколько от руки выписанных слов.

— Записывайте, — говорит.

И диктует короткую формулировку.

Мы записываем: «…с целью способствовать миру,

сокращению вооруженных сил в этом районе…» Сразу видно — это решение проблемы. Здесь нет ни Ирана, ни стран Персидского залива. Но главное, в этих словах нет требования к США выводить их вооруженные силы, их Шестой флот из Средиземного моря!

Но не мое дело втягиваться в разговор, к тому же дорога каждая минута. Я благодарю. Говорю, что надо спешить к месту встречи министра с госсекретарем. Прощаюсь.

Действительно, надо. Стрелка часов подходит к десяти. В машине так же от руки переводим формулировку на русский язык. Вот и отель «Интерконтиненталь». Пропусков у нас нет, но удается пробраться через все заслоны. Мы оказываемся в зале встречи, когда ее участники рассаживаются за столом переговоров. Говорю пару слов А. Ковалеву. Передаем формулировку А. Громыко. Без больших пояснений. Министр бросает взгляд на протянутый ему лист бумаги и воспринимает все с таким невозмутимым видом, что невольно мелькает вопрос, не требуется ли сказать что-то поясняющее.

Расселись. Я тоже устроился в конце стола. Пара шуток перед стартом. Затем А. Громыко размеренно произносит: «Предлагаю начать с вопроса об Общеевропейском совещании, вернее, с мальтийского вопроса».

Эти слова не вызывают у Г. Киссинджера никакого энтузиазма. С кислой миной он отвечает: «Я не возражаю, конечно, но говорить-то не о чем. На совещании полный тупик. Что же мы будем обсуждать?»

— Есть новое мальтийское предложение, — бесстрастно произносит министр.

Г. Киссинджер озадачен. Посерьезнел. Вместо ответа он наклоняется к соседу справа, затем к соседу слева. С дальнего конца к нему спешит глава американской делегации на переговорах посол Шерер, еще кто-то из сопровождающих. Шепчутся. Теперь Г. Киссинджер не просто озадачен, но явно смущен.

— О каких новых предложениях вы говорите? — спрашивает он. — У нас ничего нет. Мы даже ничего не слышали.

— Да и мы их получили совсем недавно, — поясняет А. Громыко.

— Но я надеюсь, — замечает Г. Киссинджер с недоверием, — что в новой формулировке нет намека на Шестой флот.

— Об этом там ничего не говорится, — отвечает А. Громыко.

Он предлагает Г. Киссинджеру прервать заседание и поговорить один на один. Оба они уединяются в дальнем конце небольшого зала, где идет встреча. Их беседа совсем непродолжительна. Каких-то несколько минут. Возвращаются к

столу довольные. Объясняют: «Мы договорились. Формулировка подходит. Теперь нашим делегациям следует провести ее через своих союзников. Сделать это надо аккуратно. Операция деликатная. Она ни в коем случае не должна сорваться. В то же время ни у кого не должно возникнуть подозрения, что мы действуем в каком-то сговоре. Тем более, что никакого сговора в точном смысле слова и нет».

Переговоры переходят на другую тему. Мне больше нечего делать на советско-американской встрече.

Остальное с мальтийским кризисом — уже техника. Хотя и непростая. Потребовалось еще несколько дней для того, чтобы в разворошенном муравейнике Совещания вынутые из бумажника Гудвилла слова были всеми признаны формулировкой проекта Заключительного акта. Группа НАТО заседала не только в Женеве, но и в штаб-квартире в Брюсселе, совещались и делегации Варшавского договора, велась работа с нейтралами. Надо было не только убедить в достоинствах аккуратно предлагавшейся формулировки, но и мягко отвести «еще лучшие» предложения, уговорить колеблющихся, дать возможность дождаться инструкций из столиц сомневающимся. Следует отметить, что для придания пущей достоверности всей этой операции руководитель нашей делегации никого из команды наших дипломатов, проводивших ее, не поставил известность об истинном происхождении предложения. Наконец, формулировка принята, одобрен и весь текст дополнение Вот он:

«Для содействия целям, изложенным выше (это часть документа Совещания по проблемам Средиземноморья. — *Ю.Д.*) государства-участники также заявляют о своем намерении поддерживать и расширять контакты и диалог, начаты Совещанием по безопасности и сотрудничеству в Европе с не участвующими средиземноморскими государствами, включая все государства Средиземного моря, *с целью способствовать миру, сокращению вооруженных сил в этом районе*, укреплению безопасности, ослаблению в этом районе напряженности и расширению сферы сотрудничества — задачам, в которых все совместно заинтересованы, а также с целью определена дальнейших совместных задач».

Пусть читатель не ломает себе голову над расшифровкой с таким трудом притертых друг к другу слов. Я подчеркну; лишь несколько из них. Те, которые позволили развязать мальтийский узел. Конечно, в таком виде они ни у кого не могли вызывать опасений. Но и Мальта получала удовлетворение. Без ее усилий в Заключительном акте вообще не появилось бы такого пассажа, а он в дальнейшем пригодится средиземноморским странам.

Перевал был взят.

14 июля дата 30 июля была определена в качестве даты начала третьего этапа Совещания. Однако только в качестве «целевой», предположительной даты!

* * *

Работа наша напоминала не просто восхождение на вершину, пусть даже и очень высокой категории трудности, а пересечение целой горной страны. Не успевали мы спуститься в долину, оставив позади одну горную цепь, как перед нами вставали новые кручи, требовавшие новых подъемов. Теперь необходимо было дату 30 июля из даты «целевой» превратить в дату окончательную. Заметьте, что было уже 14 июля. Наступил цейтнот, и флажок на отсчитывавших время часах пополз вверх.

Проблем оставалось много. Особенно в военной области. Решено было, что помимо еще работавших комиссий координационный комитет будет заседать ежедневно, проводя помимо дневных и ночные заседания, с тем чтобы не позднее 18 июля определить окончательную дату. Наши жены — Москва разрешила в виде исключения из существовавших тогда правил их приезд в Женеву — исправно снабжали нас после полуночи бутербродами и термосами с чаем.

Советская делегация многократно обращалась с призывом отказаться от попыток добиться под занавес односторонних уступок и преимуществ. Увы, это был глас вопиющего в пустыне. Именно в эти дни на поверхность вышла еще одна конфликтная ситуация, на этот раз связанная с Кипром.

Еще в конце марта 1975 г. делегация Турции поставила под сомнение правомочность кипрской делегации представлять Республику Кипр на Совещании. Свою позицию Турция аргументировала тем, что эта делегация представляет не государство Кипр, а только греческую общину. Из такой посылки делался вывод о том, что нельзя обойти молчанием серьезную проблему возможного незаконного участия руководителей греческой кипрской общины или их представителей на третьем этапе Совещания. Далее следовала концовка: «…если не в самое ближайшее время, то, по крайней мере, до окончания второго этапа должны быть приняты во внимание в интересах успешного завершения нашей работы серьезные осложнения, созданные этой проблемой».

Диспозиция развернута. Речь шла о том, что Турция будет возражать против участия архиепископа Макариоса в работе

третьего этапа Совещания, и этот вопрос они предлагают рассмотреть до окончания женевского этапа. В мае последовало уточнение: Турция хотела бы, чтобы делегацию Кипра на третьем этапе возглавил какой-либо иной представитель Кипра, а содержание высказываний, которые будут им там сделаны от имени Кипра, было бы согласовано между представителями турецкой и греческой общин.

Делегация Кипра отклонила турецкую позицию, подчеркнув, что она не даст никому возможности вмешиваться в вопрос о представительстве Кипра на третьем этапе. У Кипра к тому же был свой счет к Турции. Глава кипрской делегации А. Мавроматис говорил, что одобрение решений Совещания со стороны Кипра вместе с Турцией, т. е. участие Кипра в консенсусе вместе с Турцией — страной, которая нарушила в ходе Совещания те принципы, которые Совещанием вырабатываются, — представляет определенную проблему для правительства Кипра и его общественного мнения. Для того, чтобы решить эту проблему, считал он, важно было бы, чтобы Совещание отвергло попытки Турции вмешиваться во внутренние дела Кипра. Макариос твердо решил участвовать в работе заключительного этапа лично. Делегация Греции со всей энергией поддерживала Кипр.

Кости брошены. Совещание оказалось в сложном положении. С середины июня конфликт превратился в открытый и постоянный. Без жарких схваток по этой проблеме не обходилось ни одно серьезное обсуждение, связанное с окончанием Совещания. Причем каждая из сторон стремилась добиться от Совещания решения в ее пользу, но ни одна из попыток сформулировать какое-либо решение не проходила.

Наша делегация исходила из принципиальной позиции Советского Союза в пользу территориальной целостности и независимости Кипра, поддержки его законного правительства. Вопрос о представительстве Кипра мы считали искусственным, полагая, что его должно было решать само правительство Кипра. Позицию свою мы не скрывали, но стоило нам сказать хоть слово в этих дискуссиях, как число участвовавших в них незамедлительно расширялось за счет представителей какой-нибудь из натовских стран, что было делом привычным по тем временам. Развязки это не несло.

Совещание между тем привлекало все большее внимание не только руководства стран, в нем участвовавших, но и все большего числа других стран, международного общественного мнения. В фойе постоянно дежурило множество журналистов в ожидании новостей о его окончании. 18 июля струна, казалось,

натянулась до предела, но прошел и день, и ночь этой даты, а конца второго этапа не наступило. Даже терпению репортеров приходил конец.

20 июля А. Ковалев получил предписание срочно прибыть в Москву. Вылет был намечен на утро 21 июля.

Весь день 20 июля, как обычно, шла напряженная работа координационного комитета. Вся наша делегация была в зале заседаний. Председательствовал глава делегации Турции. Это обстоятельство имело для нас существенное значение. Дело в том, что в соответствии с правилами процедуры Совещания председательство на нем осуществлялось поочередно всеми делегациями в течение одних суток в порядке французского алфавита, причем председательствование переходило к следующей делегации в полночь. Советский Союз следовал в порядке французского алфавита сразу за Турцией, что означало, что в полночь председательское кресло должно было перейти от Турции к нам. Дискуссия в зале шла жаркая, и чем ближе стрелки часов приближались к двенадцати ночи, тем очевиднее становилось, что заседание будет продолжено и заполночь с коротким перерывом для смены председателя.

А. Ковалев оставался на заседании до полуночного перерыва. Однако затем, посоветовавшись с членами делегации, он решил передохнуть перед дорогой и отправился домой в полной убежденности, что надежды на завершение работы Совещания не было никакой. В связи с его отъездом руководство делегацией, а стало быть, и председательствование на Совещании было поручено мне.

Где-то в начале первого ночи я объявил начало нового заседания, которое по сути было продолжением предыдущего, а точнее, длинной череды непрерывных бдений. Мы условились в делегации, что в случае необходимости выступления от имени Советского Союза по существу обсуждаемых вопросов, это будет делать Л. Менделевич — член нашей делегации и, несомненно, один из опытнейших советских дипломатов. Это была общепринятая на Совещании практика для председательствовавшей делегации. Лев Исакович занял на председательском подиуме место рядом со мной и еще одним нашим дипломатом.

Повестка дня включала много разновеликих вопросов, все еще стоявших на пути завершения женевского этапа Совещания.

С самого начала я постарался задать максимально динамичный темп работы. Сама по себе эта задача деликатная. Дело в том, что председательствующий не располагает никакими властными полномочиями. Оставаясь во всех отношениях равным

со всеми остальными руководителями делегаций, он лишь как бы отдает себя в их распоряжение для того, чтобы, действуя в рамках правил процедуры и сложившихся традиций, обеспечивать необходимый порядок ведения заседания. При этом неэтично ни проявление какого-то политического или иного пристрастия с его стороны, не навязывание совещанию или каким бы то ни было делегациям своего мнения. Однако и при этих условиях возможности влияния на ход заседания у председателя имеются, и немалые. Точным ведением дискуссии он может избавить его от процедурных осложнений, в его руках немало средств способствовать деловому тону работы, вовремя способствовать смягчению страстей, если они возникают. Наконец, в его руках право — и это даже больше, чем право: этого ждут от него — предлагать коллегам решения по обсуждаемым вопросам, выводить заседание из трудных ситуаций. Мерило его действий — реакция аудитории. Малейшие недочеты или оплошности в действиях председателя незамедлительно становятся предметом замечаний из зала. На любом форуме находятся дипломаты, которые на знании нюансов процедуры делают себе реноме, и председательствующий постоянно находится под надзором их бдительного ока.

Но в ту ночь с 20 на 21 июля я с удовлетворением отмечаю, что коллеги мои не только не протестуют, но и охотно втягиваются в энергичный ритм. Мы сбрасываем один вопрос, другой, третий — много, в том числе и выбор Белграда в качестве места первой после Совещания встречи представителей государств-участников. Наконец, мы оказываемся лицом к лицу с кипрским вопросом. Время — далеко за полночь. Усталость делегаций очевидна. Но дискуссия вокруг этой проблемы вспыхивает с той же силой, как десять, двадцать, множество раз до этого.

Представитель Турции… Представитель Кипра… Представитель Греции… Кто-то еще. Значит, говорить и нам. Выступает Л. И. Менделевич. Не может, не должно быть даже попыток приостановить эту столь обычную перепалку. Любая такая попытка председателя вызовет удар по нему со стороны той делегации, которая сочтет себя ущемленной. Я ограничиваюсь стандартными фразами: «слово предоставляется уважаемому представителю…», «благодарю уважаемого представителя…» и т. д. В то же время у меня нарастает напряжение: рано или поздно все желающие выговорятся. Воцарится молчание. У всех в который раз встанет вопрос: «А как же быть? Где развязка? Где выход из тупика, блокирующего окончание работы?»

Хорошо, если кто-нибудь вдруг предложит проект решения

(наконец-то), с которым согласятся конфликтующие стороны. Но почему это должно случиться в эту ночь, если не случилось в течение многих предшествующих месяцев работы? Надежды никакой.

Скорее всего, в той тишине, которая последует за схваткой, взоры всех устремятся на председателя, ожидая, что, может быть, избавление придет от него. Но у меня нет никаких заготовок. И не потому, что еще какие-то три-четыре часа назад я и не помышлял, что окажусь на председательском кресле перед таким испытанием. Ничего не заготовлено, потому что ни наши делегации, никто другой не придумали ничего, дающего выход. Я жадно вслушиваюсь в перебранку делегатов в расчете уловить хоть какой-то новый поворот мысли, какой-то сигнал, ухватившись за который можно было бы составить какой-нибудь текст, способный получить консенсус. Но ничего подобного из зала не доносится. Известные, непримиримые позиции. Все тот же набор аргументов. Ситуация, которая рискует через какое-то количество минут превратиться в стандартный эпилог: «никакого решения не найдено, вопрос остается в повестке дня, следующее заседание состоится»… И тогда опять конца Совещания не видно. Печально. С этим не хочется мириться…

И вот наступает тишина. Оглядываю зал. Никто больше не просит слова. Предложений тоже нет. Объявить перерыв? Скажем, минут на тридцать. Но на часах начало четвертого утра. Делать такое предложение в таких условиях было бы обосновано только тогда, когда есть надежда, что перерыв что-то принесет. Но откуда она, эта надежда? Нет, лучше постараться разрубить узел с ходу. Пусть даже необычным способом.

Пододвигаю микрофон. Говорю:

— Уважаемые коллеги. Все вы слышали все, что здесь только что было сказано.

Пауза. Кто же с этим не согласится? Все всё действительно слышали. Это бесспорно. Продолжаю:

— Предлагаю перейти к следующему пункту повестки дня.

Председательский молоток уже занесен на виду у всех. Я опускаю его через несколько секунд, необходимых для того, чтобы мои слова были переведены синхронными переводчиками на остальные пять рабочих языков совещания.

Полная тишина в зале сменяется нарастающим шумом. Застывшие было делегаты приходят в движение.

Я еще в напряжении. Нет ли поднятой руки с протестом против такого решения, вернее, против такой развязки остро конфликтной ситуации, не оспаривает ли кто, что консенсус был, что проблема осталась позади?

Но нет, я вижу по лицам, что это гул удовлетворения. Это дает мне право предложить перейти к следующему пункту повестки дня — предпоследнему пункту: одобрение проекта Заключительного акта Общеевропейского совещания со всеми самыми последними к нему дополнениями.

Этот документ — теперь его знает весь мир, — только накануне сведенный вчерне воедино в толстый, многостраничный кирпич в мягкой обложке, принесен представителем исполнительного секретариата. Я показываю многим десяткам дипломатов, сидящим в зале, плод их многолетнего труда, результат усилий министерств иностранных дел, правительств, руководителей 35 стран Европы и Северной Америки, усилий народов этих стран. Его обложка зеленого цвета — это зеленый свет третьему этапу.

«Нет ли возражений против принятия нами этого проекта и представления его на утверждение на высшем уровне в Хельсинки?»

Одобрительные голоса.

Удар молотка! Очень сильный! Как выдержала ручка?! Второй этап общеевропейского совещания завершен. На пути в Хельсинки больше нет никаких препятствий.

Последний пункт нашей повестки дня я предлагаю снять. Он предполагал торжественную церемонию закрытия второго этапа Совещания. Для чего она, эта церемония? Торжество будет в столице Финляндии, в Европе, и больше чем в Европе.

Все соглашаются со мной.

В вышедшей в Италии книге «Дневники переговоров (Хельсинки — Женева — Хельсинки, 1972–75)» про финал нашей работы будет написано: «Ввиду позднего времени не было поздравительных речей, за исключением выступления представителя Святого престола. То, что было, однако, у всех на уме, это то, что после 22 месяцев работы переговоры в Женеве завершились наилучшим образом. Воды Женевского озера еще не успокоились, однако было ощущение, что хорошо, что все разногласия во всем объеме вышли наружу именно на втором этапе СБСЕ: ведь в ходе его запальный шнур был разрублен ради мирного завершения Совещания в Хельсинки, на котором действительно сосредоточилось бы внимание всего мира»[8].

Правильно будет написано. А пока мы все еще в Женеве. Выходим из зала заседаний в фойе. То самое, где в течение стольких дней и ночей нас поджидали многочисленные журналисты. Там пусто. Совсем разуверились. Потеряли надежду. Даже самые стойкие и прозорливые не думали, что эта ночь может стать последней в столь длительном и изнурительном

дипломатическом состязании.

Но нет. Вот кто-то появляется из дальнего конца фойе. Протирая глаза, приближается ко мне.

Это наш! Женевский корреспондент агентства ТАСС. Самый упорный в мире! Какой молодец!

— Ну как, Юрий Владимирович, когда следующее заседание?

— Все кончилось, — отвечаю. — Теперь надо ехать в Хельсинки.

Не верит. Неуверенно уточняет:

— И об этом можно сообщить?

— Конечно же, сообщайте. Я еду писать телеграмму в Москву.

Журналист исчезает. Итак, Телеграфное агентство нашей страны оказалось не только первым, но и единственным обладателем информации, которая интересовала весь мир. В этой связи мне рассказали позже следующее. Мы уже знаем: в Москве вестей из Женевы ждали с нетерпением. Ими интересовалось высшее руководство. Поэтому, как только тассовское сообщение поступило в столицу, его немедленно доложили руководителю ТАСС с вопросом, как им распорядиться. Это означало прежде всего — как доложить Л. Брежневу, ну и, конечно, передавать ли на весь мир. Последовал вопрос: что сообщают другие агентства? Проверили. Оказалось, ничего. Так что же, имеется только сообщение ТАСС? Да, только это. Случай показался столь необычным, что последовало указание: проверить в МИД правильность информации. Действовать только после этого. Но это к слову. Женевский корреспондент ТАСС был награжден орденом.

Вернемся, однако, в Женеву. Быстро попрощавшись с коллегами, мы спешим в представительство. Шифровальщик обычно ждал возвращения делегации. Я написал краткую телеграмму: 21 июля в 3 часа 45 минут второй этап Общеевропейского совещания завершил свою работу. Подумав, добавил: под председательством делегации СССР. Какую же поставить подпись? Формально руководство делегацией уже поручено мне, но Ковалев еще в Женеве. Будить его не хотелось. Зачем? Поставил подпись: А. Ковалев. Сказал, чтобы отправили немедленно.

Утром нам предстояло проводить А. Ковалева в аэропорт, и мы отправились к себе передохнуть несколько часов.

Захваченный с заседания молоток остался лежать на рабочем столе.

За утренним завтраком я рассказал А. Ковалеву о нашей бурной ночи.

Из аэропорта все мы — члены делегации — заехали в

представительство. Нам оставалось сделать в Женеве совсем немного: отправить телеграмму с кратким изложением последних событий, собраться, дождаться спецсамолета, который должен был прибыть за нами, и, как говорится, снять лагерь. По дороге из аэропорта мы обратили внимание на то, что, оказывается, стояла превосходная летняя погода.

Однако едва члены делегации расселись за столом, как заговорил Л. Менделевич. О прошедшей ночи и баталии вокруг кипрского вопроса.

«Чем больше я думаю, — заявил он, обращаясь ко мне, — тем больше утверждаюсь во мнении, что в итоге вчерашнего обсуждения можно было найти и провести решение, в большей степени благоприятствующее позиции Кипра».

Вот так сюрприз! Женевский этап совещания закрыт. В столицах несомненное удовлетворение. Об этом через час-другой зашумит печать всего мира. Делегации собирают чемоданы. И вдруг такое заявление! И даже больше, чем заявление: поставлен вопрос о том, что мы не все сделали для государства, позиция которого была нам понятна…

Как быть? Мои коллеги опустили головы. Отвечать надлежит мне. Председателем был я, и за главу делегации остался я, деваться некуда. Но что ответить?

Можно сказать, что успех Совещания даст столь положительный эффект, что это поможет решению всех проблем, в том числе и кипрской. Но это Лев Исакович знает и сам.

Или сказать, что мы же все были там вместе. Что же махать-то кулаками после драки.

Но для такой резкости должны быть сомнения в искренности Льва Исаковича, подозрения в том, что, ставя этот вопрос, он ищет чего-то иного, кроме наилучшего результата для нашей дипломатии. Нет, это не годилось. Лев Исакович — дипломат огромного опыта. В Женеве он вынес на своих плечах основную тяжесть разработки принципов взаимоотношений между государствами — участниками Совещания. И, наконец, он был ответственным за кипрский вопрос. Не годятся все эти варианты.

— Хорошо, — говорю. — Заседание позади, и Совещание закрыто. Но одна зацепка для продолжения действий здесь в Женеве все-таки еще остается. Она в том, что я, как председатель заседания, еще не подписал его протокол.

Действительно, практика предусматривала такую формальность, как подписание председателем протокола заседания. Это была именно формальность, так как в протокол вносился минимум сведений о заседании и его решениях, и, насколько я помню, никогда никаких проблем с этой операцией

на Совещании не возникало. Но в то же время, говоря строго юридически, до тех пор, пока протокол не подписан, председатель мог ставить вопрос о том, что заседание не закрыто, и поднимать вопрос о его возобновлении до истечения срока своих полномочий, т. е. до полуночи.

— Так вот, опираясь на эту формальность, я могу постараться возобновить заседание где-то во второй половине дня, но для этого надо иметь хоть какую-то минимальную уверенность, что подобная экстравагантность может быть оправдана.

Я вижу, что этот разговор рассеял усталость моих коллег.

— Для этого, Лев Исакович, я предлагаю вам срочно встретиться с главой кипрской делегации. Один на один. Выяснить, чего бы он хотел добиться. Дайте обещание, что наша делегация сделает все, чтобы помочь достичь того, чего он пожелает в сложившейся ситуации. Я же назначу на несколько более поздний час встречу с главой делегации Турции, послом Бенлером (я хорошо знал его) с тем, чтобы еще до заседания обсудить возможные варианты.

Дерзкий это был ход. Подобный внезапному ответному удару фехтовальщика не без риска для него самого. Но другого выхода не было. Я предложил членам делегации высказаться по предложенному плану. Все согласились. Мы разошлись в ожидании новостей после разговора Л. Менделевича с Мавроматисом. Заключительную телеграмму, стало быть, писать было рановато.

Прошла пара долгих часов. Наконец, последовал сигнал: Мавроматис, приглашенный к нам в представительство, уехал. Мы снова все вместе в кабинете. Все внимание к тому, что скажет Лев Исакович. Он, несколько смущенный:

— Мы говорили откровенно, — произносит он глуховатым голосом, — с разных сторон анализировали обстановку.

Говорили долго. Мавроматис сказал в завершение: исход вчерашнего заседания — наилучший из всех вариантов для Кипра, и ничего другого делать больше не следует.

Мудрый человек Мавроматис! Гора с плеч! Я даю отбой встрече с послом Турции. Мы отправляем телеграмму в Москву, не отягощая ее подробностями. Расходимся. Время запаковать и памятный председательский молоток. Но куда он запропастился? Не могу найти. Спрашиваю нашего ответственного секретаря, не видел ли он его. Тот, смешавшись, приносит молоток из своего кабинета. Немного сконфуженно объясняет, что, дескать, у него были свои планы насчет этого сувенира. Все бывает. Сейчас этот деревянный молоток пылится в моем кабинете и вызывает немалое любопытство внука, который норовит использовать его

по, казалось бы, прямому назначению: забить им гвоздь.

Самолет уносит нас на Родину.

* * *

Минуло пять лет. В Мадриде начала работу вторая встреча государств — участников Общеевропейского совещания, Я был послом в Испании и руководителем нашей делегации на подготовительной части встречи. В испанскую столицу съехалось много ветеранов женевских схваток. Встречи, воспоминания. Здесь и член мальтийской делегации на женевских переговорах, тоже мой старый знакомый. Нет-нет, не посол Гудвилл, который был личным представителем премьер-министра Мальты Минтоффа. Он стоял выше того дипломата, который постоянно руководил в Женеве мальтийской делегацией. Мне как раз было интересно узнать, что стало с послом Гудвиллом, и такой вопрос я задал моему мадридскому собеседнику. Тот помрачнел, услышав вопрос. Молчал. Я повторил:

— Так что же посол Гудвилл? Что с ним, чем занимается?

— Я знаю вашу историю с послом Гудвиллом, — услышал я в ответ. — Она кончилась для него плохо. Совсем плохо.

Я не верю своим ушам.

— Но в чем же дело? Ведь он так много сделал не только для успеха Совещания, но и для Мальты? И к тому же Гудвилл поделился со мной позицией, которая исходила от самого Минтоффа.

— Это вы так считаете. Минтофф же рассудил иначе. Дело в том, что Гудвилл отдал вам в тот день действительно последнюю запасную позицию Мальты. Да, она была апробирована самим Минтоффом, но рассматривалась премьер-министром как крайняя уступка в надежде на то, что Мальте удастся получить что-то большее. Одним словом, Минтофф был раздосадован до предела и уволил Гудвилла не только из Министерства иностранных дел, но и с государственной службы вообще.

Мне стало грустно. Я призывал собеседника в свидетели того, что полученное тогда Мальтой было максимумом возможного.

— Не пойди Гудвилл на смелый шаг, не было бы ничего, ни для Мальты, ни для всех нас.

— Вы спросили меня про посла Гудвилла, я вам рассказал, — заметил собеседник и умолк.

Я остался под сильным впечатлением от услышанного, не раз мысленно возвращался к тому, что случилось с Гудвиллом, старался представить себе его чувства. Он действовал,

несомненно, разумно в тех условиях, в которых оказался, и… был за это наказан. Как оценить такой парадокс? Недостаточной осторожностью, психологическим просчетом или, может быть, издержками дипломатической профессии, которая порой обрекает человека на роль заложника всесильных обстоятельств или воли капризного начальника?

* * *

При всей остроте дипломатических схваток и драматичности ситуации в ходе Совещания превалировала вера в его успех. Может быть, с этим была связана и забота о том, чтобы загодя собрать кинематографический материал, имея в виду создание в дальнейшем документального фильма о Совещании. Не знаю, где родилась такая идея — в Москве или у А. Г. Ковалева, — но ближе к концу второго этапа Совещания в Женеву на длительное время приехал один из известных кинорежиссеров с тем, чтобы запечатлеть ход дел в их развитии. Как водится, при разработке сценария кто-то тщательно рассчитывал, на кого из участников и в каких обстоятельствах сколько кинопленки использовать, кому сколько экрана отмерить, кого показать крупным планом, кого мельком.

Кинорежиссер был оформлен как сотрудник делегации, что ставило его в привилегированное положение перед собратьями по профессии, позволяя присутствовать на заседаниях, куда кинорепортеры и журналисты не допускались.

В то памятное ночное заседание, которому было суждено стать последним перед встречей в Хельсинки, наш кинорежиссер находился в зале, что я случайно обнаружил во время заседания, скользнув в какой-то момент взглядом по рядам, далеко отстоявшим от мест для советской делегации…

Документальный фильм о Совещании был сработан в кратчайшие сроки. В нем трудно было обойтись без того финального эпизода с предварительным одобрением Заключительного акта, о котором шла речь выше. Эта проблема была решена «творчески». На экране мелькнула чья-то рука с председательским молотком, опустившая этот молоток в последнем ударе в Женеве.

Видимо, заранее задуманный сценарий предусматривал какой-то иной вариант концовки женевского марафона. В жизни случилось иначе. «Ну и что же из этого? — решил кто-то. — Пусть будет хуже для фактов».

Еще один штрих к профессии дипломата.

* * *

В московском аэропорту возвращающуюся делегацию встретил А. Ковалев. Он поведал о невероятной толчее в Москве и в МИДе, в частности, вокруг формирования состава делегации для поездки в Хельсинки по случаю подписания там Заключительного акта. Самые ярые противники Общеевропейского совещания, принципиальнейшие из принципиальных в твердости по отношению к Западу, кондовейшие из кондовых в области идеологии, спешили теперь покрасоваться в финской столице, чтобы говорить: «И я там был!» По словам А. Ковалева, ни меня, ни Менделевича в списках не оказалось. Объяснение было простым: «А чего им там делать?» Как будто в Хельсинки вообще у кого-либо была работа, кроме Л. Брежнева, которому надлежало произнести речь и поставить подпись под Заключительным актом. Будем, однако, справедливы: как сказал А. Ковалев, он добился, чтобы в Хельсинки мы с Львом Исаковичем были. Пребывание там было очень кратким, и в один из дней меня пригласил отобедать с ним А. А. Громыко. Значит, не все считали, что нам нечего было там делать.

* * *

Отдавал ли себе Л. Брежнев в полной мере отчет в том, что за документ он подписывает в Хельсинки? Смею утверждать, что нет. Я не ставлю вопрос о том, прочитал ли он весь стостраничный текст Заключительного акта. Думаю, что не так много людей, которые действительно проштудировали его от корки до корки. Дело не в этом еще и потому, что строго формально Заключительный акт весьма сбалансированный документ. Рядом со смелыми положениями соседствуют и необходимые противовесы. Так, если в нем сформулирован принцип уважения прав человека и основных свобод, то имеется и принцип невмешательства во внутренние дела. Наряду с принципом нерушимости границ, в нем записан и принцип самоопределения народов и т. д. Однако своим основным содержанием, духом и общей направленностью Заключительный акт провозглашал эпоху открытости государств, подписавших его, и если говорить о перестройке международных отношений, то она началась именно с его разработки и одобрения.

Адекватным ответом на этот брошенный в Хельсинки вызов времени мог быть только поворот в сторону реформ в Советском

Союзе. Мы знаем, что этого не произошло. Напротив, руководством Советского Союза была принята оборонительная стратегия в отношении проблем гуманитарного характера, которые приобретали все возрастающее значение для умонастроений людей. Это сказывалось на ведении международных дел. Так, когда при подготовке поездки В. Жискар д'Эстена в СССР осенью того же 1975 года я поставил вопрос о том, чтобы одной из тем разговоров с ним, а также итоговых документов визита, стала тема осуществления Заключительного акта, я получил замечание с лаконичным обоснованием: это не наша повестка дня. В неизмеримо большей степени эта тематика рассматривалась как чуждая внутреннему развитию Советского Союза.

* * *

Что же представляла собой вообще политика разрядки? Какого рода явлением она была?

Способна ли она была коренным образом изменить характер отношений между Востоком и Западом, положив конец холодной войне?

Или же представляла собой лишь новую тактику в борьбе между соперничающими группировками?

Примерно такие вопросы лежали в основе дискуссии вокруг политики разрядки после подписания Хельсинкского Заключительного акта.

Это был спор не просто о внешней политике стран. Ответ на возникшие вопросы следовало искать в плоскости готовности и способности наиболее крупных держав мира, и прежде всего Советского Союза и США, к пересмотру всей их стратегической линии поведения, что требовало преобразований с глубокими последствиями для жизни этих стран.

Непримиримые силы в США окрестили Хельсинки новым Мюнхеном, капитуляцией перед Советским Союзом. Они требовали упразднить сам термин «разрядка», поскольку он сбивает с толку.

Люди ортодоксальных настроений у нас исходили из того, что к разрядке и вообще к нормальному общению с миром Советский Союз не готов, не делая при этом вывода даже о том, как к этому следовало бы готовиться…

Не найти решения возникшей проблемы — значило обречь мировую политику в лучшем случае на застой, в худшем — на новую вспышку конфронтации, как тот огонь, который

возгорается из не до конца залитого костра. Сегодня мы знаем, каким путем пошли дела, но не об этом идет речь в этой книге.

Так или иначе, политика разрядки и без четких ответов на коренные вопросы оставалась провозглашенной политикой нашего государства, и для дипломатической работы возникал практический вопрос, как следовало действовать дальше в рамках заявленного курса. В частности, передо мной стоял вопрос, как может быть использован в этих целях фактор советско-французского сотрудничества? Если стремиться использовать советско-французское сотрудничество для движения вперед, то какой следующий шаг можно и нужно было бы предпринять? В полной мере этот вопрос встал, когда министр поручил мне подготовку визита Л. Брежнева во Францию в июне 1977 года.

Я предложил ему тогда выдвинуть перед французами идею разработки в качестве главного итогового документа визита заявления, полностью посвященного возможному содержанию политики разрядки. Я исходил из того, что выявленные таким образом совпадающие элементы могли бы помочь наполнить понятие разрядки предметным содержанием, что и вело бы к раскрытию смысла этой политики. А. А. Громыко согласился, но, отдавая себе отчет в сложности и даже рискованности предприятия, решил, прежде чем что-то предлагать руководству, отправить меня в Париж для зондирования настроений там по этому поводу. Встретили в Париже меня хорошо. В первый же вечер директор политдепартамента на Кэ д'Орсе, мой давний знакомый Жак Андреани пригласил меня в оперу, где я и поделился с ним замыслом. Я, конечно, не мог рассчитывать на четкую реакцию: в каждом государстве имеется свое руководство, своя «инстанция», без решения которой работник аппарата действовать не может. Но Андреани выслушал меня со вниманием, задав уточняющие вопросы. Одним словом, можно было понять, что он встретил идею с интересом.

Но я счел это недостаточным и добился приема у генерального секретаря Елисейского дворца, благо основание было серьезным: Л. Брежневу предстояло быть гостем его прямого начальника — президента Франции. Кабинет руководителя администрации президента — это не фойе Гран Опера, в изложении идеи я был четок, а сквозь даже более рафинированное, чем у Андреани, поведение собеседника я, тем не менее, почувствовал, что отторжения предложения нет, скорее, есть позитивное его восприятие. Об этом мне говорил весь мой многолетний опыт общения с французскими партнерами. Я все отписал в Москву и прямо из Парижа внес предложение о разработке и передаче французам проекта соответствующего

документа. Посол С. В. Червоненко меня поддержал.

В Москве А. А. Громыко предложил идею на рассмотрение Л. Брежнева. Тот одобрил.

Встал вопрос о разработке текста для передачи французам. Тут начались терзания. Требовалось охватить много проблем как концептуального характера, так и конкретных, составляющих основное содержание международной политики, от разоружения до прав человека. Это вело к необходимости многочисленных согласований, и по пути движения проекта мои заготовки шлифовались, как телеграфный столб. Что же касается американистов, а они в мидовском аппарате были едва ли не столь же влиятельны, как США в мире, то они вообще ворчали: «опять вы со своими французами отвлекаете от дел».

Дни уходили. Вскоре в Москву для подготовки визита должен был прибыть министр иностранных дел Франции Л. де Гиренго, а передавать французам было нечего: бумага все еще не доехала до стола министра. Наконец, она к нему попала, но ценой включения в нее ряда жестких формулировок и вымывания гуманитарной проблематики. А. А. Громыко ее утвердил, С. В. Червоненко срочно передал проект на Кэ д'Орсе и вскоре сообщил в Москву высказанную ему лично реакцию французского министра: мы ни о каком документе о разрядке не слышали и слышать не хотим.

Со скоростью, близкой к той, с которой телеграмма летела из Парижа в Москву, я оказался «на ковре» в кабинете министра. А. Громыко с трудом сдерживал раздражение. Вернее, сдерживал ли… Он не ставил под сомнение то, что я написал из Парижа, но бросил упрек, что я вышел во время поездки в Париж не на тех людей, то есть разговаривал не с теми, голос которых был достаточно значимым для понимания настроений во французской столице. Его, конечно, беспокоило то, что он уже сделал предложение генсеку и там идея понравилась, а теперь она оказывалась отвергнутой французами.

— Лучше сделать больше, чем обещаешь, чем не выполнить то, что пообещал, — бросил министр, и как истина общего характера это, конечно, было справедливо.

Я стоял на своем, утверждал, что речь идет хоть и об очень крутом, но все-таки лишь приеме в дипломатическом торге, который затевают французы вокруг содержания возможного документа. Борьба только начинается, и ее стоит продолжить.

Но приказывает министр, и я получил указание подготовить Л. Брежневу записку, в которой документ о разрядке снимался из числа ожидаемых в результате его визита. Записка была тут же подписана, а мне оставалось отправиться восвояси.

Прилетел Л. де Гиренго. С ним и Андреани. После встречи во

Внуково я пригласил его в свою машину. Он всю дорогу просидел с каменной физиономией. Даже о погоде разговаривал с опаской. В таких условиях я предпочел не вспоминать о документе о разрядке, чтобы не испортить дело вконец.

Министры уселись в особняке на улице Алексея Толстого за круглый стол. Я тоже там. Разговор о том, какие документы готовить к визиту. Насчет документа о разрядке французы не говорят ни слова. У меня неотступный вопрос: вспомнит ли о нем сам А. Громыко? Ведь он теперь свободен от обязательств перед Л. Брежневым и может решить не усложнять жизнь. Чем больше уходит времени, тем больше напряжение. Но вот вспомнил! Хорошо! Спросил. Гиренго небрежно ответил: не видим необходимости.

Продолжит ли настаивать наш министр? Ведь следующее его слово будет означать начало борьбы.

Продолжил. Мягко пояснил выгоды задуманной акции.

Француз свое: нет.

Что же, конец? Нет, Громыко продолжает:

— Мы вам передали проект. Скажите, вам что, сама идея не подходит или, может быть, есть какие-то соображения по проекту?

И вдруг Гиренго просит Андреани дать ему проект.

У меня гора с плеч. Дипломат, потянувшийся к бумаге, согласился на переговоры, а значит, договоренность возможна.

— Ну, вот, например, — бросает Гиренго, — вы пишете…

— Так это можно изменить, — говорит А. Громыко.

— А вот еще это… Что это значит? — спешит набрать очки француз.

— Давайте подумаем и над этим, — отвечает министр. — Что еще?..

Итог: Андреани не улетел с Гиренго в Париж. Его оставили в Москве. Днем и ночью мы провели с ним 60 часов, скрипя перьями, да и не только перьями. У каждого за спиной был весьма требовательный тыл, и это делало разговор непростым. И об одном, и о другом можно было сказать: какой же он трудный переговорщик!

22 июня в Париже руководители двух стран подписали Совместное заявление Советского Союза и Франции о разрядке международной напряженности.

На следующий день перед выездом в аэропорт для отлета в Москву А. А. Громыко пригласил меня на утренний завтрак в отведенную ему комнату в башне замка Рамбуйе. Жест с его стороны редкий. Он пил кофе, я чай. Разговор был обо всем и ни о чем: то об истории Франции, то что-то из нашей истории. О чем

еще можно было говорить, когда одна забота позади, а новые появятся только по возвращении в Москву. И когда надо как-то мягко загладить шероховатость, которую в общем-то можно было и не создавать, хотя дипломаты такие же люди, как и все, с нервами…

Как ставился вопрос о разрядке в Совместном заявлении, о котором идет речь?

Общая цель состояла в том, чтобы придать ей универсальный характер как с точки зрения охвата областей международного общения, так и с географической точки зрения.

Разрядка политическая должна была быть дополнена военной, в связи с чем говорилось о необходимости принятия «решительных инициатив» в направлении разоружения.

Прямо указывалось на то, чтобы развитию духа разрядки не препятствовали соображения блоковой политики.

В специальном положении документа говорилось об уважении «прав человека и основных свобод».

В интересах прекращения локальных войн и конфликтов был поставлен вопрос о необходимости соизмерения с потребностями разрядки действий государств в отношении других государств и во всех районах земного шара.

Заявление исходило из общей посылки о необходимости солидарности государств и народов мира перед лицом угрожающих им опасностей, предполагало проведение в жизнь Заключительного акта в Хельсинки и всех заложенных в нем принципов взаимоотношений государств.

Это Советско-французское заявление — первый двусторонний международный документ, полностью посвященный раскрытию понятия разрядки, приобрел характер стимулирующего фактора в международной жизни. Осенью того же года Советский Союз поставил вопрос об углублении и упрочении разрядки напряженности и предотвращении опасности ядерной войны на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Один из двух внесенных Советским Союзом в рамках этого вопроса проектов документов опирался на Совместное заявление Советского Союза и Франции о разрядке международной напряженности. Этот проект был встречен с интересом. Делегация Франции поддержала его. На его основе Генеральная Ассамблея приняла Декларацию об углублении и упрочении разрядки международной напряженности.

* * *

Активная политика Советского Союза на европейском направлении при предпочтительном развитии сотрудничества с Францией приносила существенные положительные результаты, превращала их в двигатель, дававший импульсы изменения к лучшему в международном плане в целом. Вместе с тем Европа продолжала оставаться главным узлом противоречий в противостоянии между Востоком и Западом. Именно там были сконцентрированы в непосредственном соприкосновении огромные вооруженные силы противостоящих военно-политических группировок. Дальнейшее сближение Советского Союза с Западной Европой требовало еще большего внимания руководства страны к этому внешнеполитическому направлению и таких практических шагов, которые способствовали бы преодолению укоренившихся в общественном мнении западноевропейских стран страхов перед непредсказуемым гигантом на бескрайних евразийских просторах. Это означало, в частности, необходимость масштабных инициатив в области разоружения, которые несли бы европейскому континенту разрядку в военной сфере.

Вместе с тем события, как известно, приняли другой оборот. В 1978 году внимание советского руководства во все большей степени замыкалось на отношениях с Соединенными Штатами Америки. Удельный вес западноевропейского, и в частности французского, направления снижался. Отдавая себе отчет в важности диалога с США, я тем не менее считал такое смещение акцентов неоправданным и использовал все свои возможности для того, чтобы не допускать снижения активности в нашей европейской политике. Свои взгляды я изложил в срочно подготовленной диссертации об опыте сотрудничества между СССР и Францией, по которой была издана книга. Сложностей для меня мои действия порождали немало, что же касается решений насчет ориентации внешней политики Советского Союза, то они принимались не на тех уровнях, которые были мне доступны. Эти обстоятельства привели меня к решению сменить работу в центральном аппарате МИДа и выехать в октябре 1978 года за границу в качестве посла в Испании, где я оставался до времен перестройки, когда весной 1986 года был назначен на работу в США.

Что последовало в европейской политике дальше, известно. Произошло непосредственное вовлечение Европы в гонку ракетно-ядерных вооружений. Развертывание наших современных ракет средней дальности СС-20, нацеленных на объекты в Западной Европе, ничего кроме ущерба в плане глобального военного противостояния с США Советскому Союзу не принесло.

Американские ракеты этого же класса, установленные в Западной Европе, будучи способными в считанные минуты достичь жизненно важных центров СССР, практически превратились в этих условиях в руках США в оружие стратегическое. Вместо военной разрядки Западная Европа получила обостренное ощущение все большего ее превращения в ракетно-ядерный полигон.

Вскоре пришел и Афганистан. Все это серьезно осложняло нашу политику в отношении западноевропейских стран, вело к растрате ранее накопленного капитала.

Застой в жизни Советского Союза в целом склерозировал и его внешнюю политику. Для преодоления такого положения необходимы были изменения, и изменения радикальные.

Франция двадцать лет спустя

Заканчивался четвертый год моей деятельности в качестве посла Советского Союза в Соединенных Штатах, когда в конце февраля 1990 года я получил телеграмму за подписью Э. А. Шеварднадзе, в которой мне предлагалось перейти на работу в Париж. Составлена телеграмма была необычно и содержала развернутое обоснование этого предложения. Как вы знаете, писал министр, в настоящее время в силу многих причин Европа вышла на первый план нашей внешней политики. Процессы в Европе развиваются настолько стремительно и неординарно, что только по-настоящему глубокое знание европейской проблематики может позволить правильно в них ориентироваться и соответственно участвовать в формировании политики на этом важнейшем для нашей страны направлении. Далее говорились лестные слова о моем опыте работы на европейском направлении и по Франции особенно.

Моя работа в Вашингтоне, куда я прибыл в июне 1986 года, пришлась на годы глубоких перемен во внутренней и внешней политике Советского Союза XXVII съезд партии, XIX партийная конференция принесли перестройку, демократизацию нашего общества. Впечатление в мире было огромным. Оно усиливалось динамичной и конструктивной деятельностью Советского Союза на международной арене. По нашей инициативе произошел поворот в отношениях между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Был сделан исторически важный шаг по осуществлению реального разоружения — ликвидировался целый класс ракетно-ядерного оружия — средней и меньшей дальности. Продвигались вперед переговоры о сокращении стратегических ядерных вооружений, спадала острота локальных конфликтов. Уходила в прошлое эпоха холодной войны и конфронтации. Мир с пристальным вниманием и надеждой следил за этими сдвигами, поскольку речь шла об отношениях между двумя супердержавами. Волна обновления, все выше поднимавшаяся в Советском Союзе, перешагнув через границы, охватила социалистические страны Восточной Европы. Существовавшие там политические режимы оказались неспособными к переменам, и их один за другим, как карточные домики, сметало движение народов, стремившихся к коренным изменениям. Рухнула берлинская стена. Все это означало крушение системы, порожденной эпохой противостояния. Европа оказалась в центре мировой политики. Требовался ответ на остро вставший перед Советским Союзом вопрос: как строить впредь его европейскую политику. В связи с

этим Москва назначала ряд новых послов.

Задача передо мной встала нелегкая. Вместе с тем никаких указаний, конкретизирующих мою миссию, при назначении я не получил. Э. А. Шеварднадзе ограничился краткой констатацией: делами с Францией мы недовольны. Ни ее, ни посольства в Париже в нашей дипломатии не видно. Судя по всему, недовольны и французы. Отправляться в Париж необходимо как можно скорее. В Москву, добавил он, через пару дней прилетает на несколько часов президент Франции Ф. Миттеран. Поучаствуйте в беседе с ним М. С. Горбачева и сразу же в Париж.

Упоминание об участии в беседе обрадовало меня. Может быть, думал я, хотя бы она даст мне ориентиры для размышлений. Познакомившись с программой пребывания Ф. Миттерана, я обнаружил любопытную деталь: и беседа, и обед М. С. Горбачева и Ф. Миттерана — должны были состояться в особняке МИДа на улице Алексея Толстого. Это удивило меня. Сам по себе этот особняк — один из наиболее интересных памятников архитектуры столицы. Удобен он и для дипломатических мероприятий. Но для встреч президентского уровня он никогда не использовался. Не тот калибр. Для этого существовал Кремль.

— Что случилось? — поинтересовался я.

— Кремль, — ответили мне, — будет в это время занят.

— Кем?

— Б. Н. Ельциным. У него там мероприятие по линии Верховного Совета Российской Федерации.

Пожалуй, более выразительную иллюстрацию менявшейся ситуации в Москве найти было трудно.

М. С. Горбачев приехал в особняк минут за десять-пятнадцать до французского президента. Напряженный и озабоченный. Как раз в это время на заседании Верховного Совета РСФСР шла напряженная борьба за пост его председателя. Не успел он сказать несколько слов с ожидавшими его советскими участниками встречи, как кто-то из помощников доложил ему, что председателем Верховного Совета избран Б. Н. Ельцин. Новость оказалась для М. С. Горбачева и неожиданной и неприятной и озабоченность переросла в раздражение.

Беседа с Ф. Миттераном была почти полностью посвящена теме перестройки в нашей стране. Впрочем, именно это, как было видно, больше всего и интересовало Ф. Миттерана. М. С. Горбачев напирал на то, что именно он начал этот процесс и процесс идет. Фразы, однако, были общего характера, особенно в том, что касается экономики. Видимо, стремясь тактично привлечь внимание М. С. Горбачева к тому, что экономика — это главное,

Ф. Миттеран заметил:

— Делить пирог, иными словами, делить то, что произвело общество, — большая забота политиков. К этому сводятся их основные усилия.

А что же насчет советско-французских отношений? Никаких идей. Французы в это время носились с одной инициативой — создания Европейской конфедерации. Инициативу эту связывали с именем Ф. Миттерана. Но сам он этот вопрос в беседе не поднял, а из разговоров представителей нашего МИДа с сопровождавшими Ф. Миттерана французскими дипломатами я понял, что у нас к этой инициативе отношение прохладное.

В общем, встреча М. С. Горбачева с Ф. Миттераном ничего не добавила к пониманию того, к какой конкретной цели мне следовало стремиться во Франции. Но искать новое было необходимо. С этими заботами я прибыл в Париж в июне 1990 года.

* * *

Из предыдущей командировки во Францию я возвратился в 1968 году, и, хотя часто бывал там накоротке и после отъезда, возвращение в Париж в 1990 году вполне подпадало под название романа А. Дюма «Двадцать лет спустя». Посаженные в шестидесятых годах деревья на Елисейских полях теперь поднялись и добавили им новой свежести. Силуэт города прорезали высотные сооружения. О том, украсили ли они облик Парижа или испортили его, ведутся бесконечные дискуссии, как не утихли до сих пор и отголоски споров насчет того, нужна ли Парижу Эйфелева башня, будто бы можно себе представить Париж сегодня без нее. Взгляд, брошенный на запад от Триумфальной арки, останавливается теперь на выросшем в нескольких километрах монументальном сооружении под названием Большая арка. Она, как и многое, что составляет архитектурное достояние Парижа, претендует на исключительность. О ее авторе — архитекторе, победившем на трудном международном конкурсе, ходит молва как о человеке предельно строгом и требовательном. Он гордился тем, что свою гигантскую конструкцию смог спроектировать с предельно экономным расходованием материалов и поэтому с особой тщательностью контролировал ход работ по воплощению проекта в жизнь. Но однажды, осматривая уже заложенные подземные конструкции, он обнаружил, что там установлены бетонные балки, немного превышавшие по толщине запланированные.

Архитектор устроил скандал и потребовал все переделать в соответствии с проектом. Его отговаривали, обращали внимание на то, что здание от этого не пострадает и что вообще никто никогда этого не увидит. Но он настоял на своем, кратко заявив:

— Это видит Бог!

Вокруг Большой арки вырос целый район современных зданий. При Ж. Помпиду было возведено оригинальное здание музея современного искусства: все его коммуникации вынесены наружу. Их сложное переплетение делает конструкцию похожей на произведение смелого художника-абстракциониста. В то же время внутри здания такое решение высвободило дополнительное пространство для экспозиций. В огромном здании бывшего железнодорожного вокзала д'Орсе теперь просторно расположился музей импрессионистов, а площадь Бастилии стала еще одним культурным центром столицы: там теперь вторая сцена Парижской оперы. Всего не перечислить.

Воспетые Ивом Монтаном Большие бульвары, где в дни моей молодости бурлила вечерняя жизнь, теперь выглядели остепенившимися, зато шумит еще больше, чем прежде, Латинский квартал.

Особенность французской столицы в удивительной ее способности, оставаясь всегда Парижем, быть в постоянном развитии, преображаться, поражать смелостью идей.

Но облик Парижа — всего лишь внешнее выражение французского характера, самой сути французской жизни, Франции.

* * *

19 июня я вручил верительные грамоты президенту Франции Ф. Миттерану. Французский протокол, группируя для такого рода церемоний по несколько послов, отводит для каждого из них строго выверенные 15 минут беседы с президентом. На большой разговор рассчитывать не приходится. И тем не менее беседа с Ф. Миттераном получилась содержательной.

Она состояла как бы из двух частей. Одна касалась взглядов французского президента на то, что происходило в Советском Союзе, другая — роли и места отношений двух наших стран в новой международной обстановке.

Активная поддержка Ф. Миттераном перестройки, его пристальный интерес к изменениям в СССР не были новостью. Но разговор на эту тему в стенах Елисейского дворца, где я много раз слышал и Ш. де Голля, и Ж. Помпиду, и В. Жискар д'Эстена,

подтолкнул меня к мысли о том, что теперь представители двух стран, Советский Союз и Франция, говорят друг с другом иначе, чем раньше. Можно ли было в прежние времена даже представить себе такую глубину участия, более чем участия — симпатий к тому, что делается советским руководством для обновления внутриполитической жизни страны? Конечно нет. Да мы никогда на это и не рассчитывали. Все общение проходило в том самом прокрустовом ложе, которое именовалось мирным сосуществованием. Мы хорошо знали отношение собеседников к идеологии, к политической системе нашей страны. Ценили, что по соображениям такта собеседники не касались в разговорах этих тем, но знали, что все они присутствуют у них не только в их политической деятельности, но и в подходах к отношениям с Советским Союзом. Даже возможности выражения широкого совпадения национальных интересов двух стран ограничивались тем, что было допустимо при глубокой несовместимости общественных систем двух стран, двух разных миров, к которым принадлежали Советский Союз и Франция: теперь положение менялось.

Другая часть беседы давала пищу для более конкретных размышлений. У французского президента сквозила созвучная нашей озабоченность по поводу того, как в новых условиях будет складываться европейская политика, как смогут влиять на нее Франция и Советский Союз.

В наши дни, говорил президент, когда в центре континента происходят столь глубокие изменения, со все большей очевидностью дают о себе знать соображения геополитического характера. Нам, видимо, требуется возвратиться к целому ряду постулатов традиционной для положения и интересов Франции и Советского Союза политики. Эго открывает большой простор для взаимодействия. Тут имеют, конечно, значение и богатое наследие культурного общения, и разносторонние контакты. Но еще важнее то, что на протяжении всей современной истории Франция и Россия были в добрых отношениях.

Беседа выявила совпадение мнений насчет того, что советско-французский фактор призван играть возрастающую роль в деле создания новой Европы. В сотрудничестве с другими странами? Бесспорно. Германия, Англия, другие европейские страны — все мы, — говорил президент, — были и остаемся на европейской земле. Все мы должны взаимодействовать. Однако многое обусловливает и диктует привилегированный характер отношений между Францией и СССР. Эта заключительная мысль была подана Ф. Миттераном особенно выпукло.

Это не было так ново, как то, о чем говорилось в первой части

беседы. Первый раз порог Елисейского дворца я переступил за тридцать лет до церемонии вручения верительных грамот, о которой идет речь. Его предшествующие обитатели — и Ш. де Голль, и Ж. Помпиду, и В. Жискар д'Эстен были людьми разных характеров. Каждый из них менял интерьеры дворца, но, когда разговор заходил о взаимодействии наших стран, их мысли, а во многом и обороты речи, были созвучны. Мысль о привилегированном характере отношений между двумя странами была рождена традицией. Теперь о том же говорил и Ф. Миттеран, но говорил, пожалуй, смелее.

Вся беседа создавала впечатление, что в поисках новизны в советско-французских отношениях, видимо, можно будет действовать с большим воображением, чем прежде.

* * *

Политическая и общественная элита Парижа во многом другая, чем двадцать лет назад. Я уезжал из страны, когда у власти были голлисты, теперь на их месте социалисты. Берут свое и годы. Но среди множества новых лиц немало и прежних. По ним прошелся неумолимый резец времени: одним отбелил волосы, других лишил их, кого-то пригнул к земле, а кого-то сделал более импозантным, добавив веса. Но все это бросается в глаза только с первого взгляда. Встреча старых знакомых доставляет радость с обычными возгласами: вы совсем не изменились! И контакт продолжается уже в новом облике. Но на самом деле мы изменились, и изменились не только физически. Меняется и отношение к нашей стране. Это меня интересует в первую очередь.

Мнение президента имеет, конечно, решающее значение для работы не только потому, что я как посол аккредитован при нем. Ф. Миттеран действительно крепко держит в своих руках штурвал государственной машины. В 1958 году, когда де Голль добивался принятия новой конституции, Ф. Миттеран резко критиковал ее, протестуя против того, что она дает слишком большие полномочия президенту, но, оказавшись в Елисейском дворце, он забыл об этом и сполна использует весь набор президентских прерогатив.

И тем не менее важно знать взгляды других политических деятелей, настроения в стране по отношению к Советскому Союзу, к нашим делам с Францией, как можно глубже познакомиться с Францией сегодняшнего дня.

Как и в Соединенных Штатах, которые я только что покинул,

Советский Союз на первом плане в средствах массовой информации, в дискуссиях на международные темы. Но палитра мнений и оценок политики перестройки, развития обстановки в нашей стране, пожалуй, богаче и нюансированнее, чем за океаном. Здесь шире спектр политических тенденций, больше общественных граней, и границы у них порезче.

Коммунистов беспокоит, что их связи с КПСС замирают.

— Я никак не могу добиться встречи с Горбачевым, — горячится в беседе со мной Жорж Марше. — В чем дело? Его книгу о перестройке, — продолжает он, — я прочел от корки до корки. Всю. Со всем согласен. Правда, посол (это только для вас): я не все понимаю в его конкретных действиях. Хорошо бы поговорить с ним лично.

Коммунисты рады открывающимся возможностям для более активного развития отношений между Францией и СССР.

Социалисты приветствуют перестройку, перемены. Мои беседы с руководителем соцпартии Пьером Моруа становятся все более частыми и продолжительными. Он усиленно приглашает меня посетить Лилль — крупный промышленный центр, мэром которого он является. Но у него тоже вопрос: представляет ли Горбачев, куда сам идет, куда ведет страну. Социалисты выражают надежду, что реформы, подлинные реформы, получат у нас дальнейшее развитие, но что это будут реформы, при которых будут ограждены интересы рабочего класса и трудящихся вообще.

Не раз я встречаюсь с Жаном Леканюэ — лидером право-центристских сил. В прошлом с представителями этой тенденции у нас дружбы не было. Леканюэ конфликтовал с де Голлем, был против выхода Франции из НАТО. Он и теперь в оппозиции. Положение в общественно-политической жизни Франции у него высокое — выше занимаемых постов, хотя и посты у него видные. Он мэр крупного портового города Руана и председатель комиссии по иностранным делам Сената. Леканюэ пригласил меня выступить перед возглавляемой им комиссией. Я, конечно, охотно откликнулся. Сенаторов собралось много. Среди них и Морис Кув де Мюрвиль. Как в прежние времена, он, увидев меня, произносит знакомую фразу:

— Смотри-ка, вот Дубинин.

Я пробегаю по лицам других почтенных участников встречи. Среди них много тех, чьи имена уже вписаны в летопись событий последних десятилетий. Уйдя с политической авансцены, эти люди здесь, в Сенате, занимают место достаточно видное и почетное, чтобы не чувствовать себя слишком бывшими и продолжать приносить пользу в общественно-политической жизни страны.

Сенаторы проявляют живой интерес к тому, что происходит у нас. В вопросах этих умудренных опытом, дальновиднейших из дальновидных государственных мужей сквозит подтекст: мы такого никогда не могли даже предположить. Но звучат и вопросы понажимистей.

— Как теперь у вас с военными расходами? Все-таки они остаются слишком высокими, посол. Это, конечно, дело в первую очередь ваше. Хотя нам не совсем ясно, не пойдут ли кредиты Запада, которые вы хотите получить на перестройку, в ваш военно-промышленный комплекс?

Провожая меня после встречи, Ж. Леканюэ говорит:

— Вы, посол, имеете постоянное приглашение в Руан. Приезжайте, как только у вас появится возможность.

И действительно, как только я там оказываюсь, он радушно принимает меня. После обеда приглашает пройтись по улице, показывает немалые свои достижения. Все это приметы новых времен.

В Сенате председательствует Поэр. Ему много лет. Он среднего роста, полноват, слегка сутулится. Мясистое лицо, добрый взгляд, мягкие движения. Говорит размеренно, тихим голосом. Познакомишься с таким человеком, не зная, кто он, подумаешь, наверное, это и есть средний француз с трезвым умом и хитринкой. Но, встречаясь с ним, я всякий раз вспоминал, что это на схватке с ним споткнулся генерал де Голль. Поэр и тогда, в 1969 году, был председателем Сената, а де Голль стремился Сенат ликвидировать вместе с коренным преобразованием системы местного самоуправления Франции. Де Голль проиграл, ушел с поста президента, и Поэр, в соответствии с конституцией, занял его место в Елисейском дворце, пока в результате выборов новым президентом не стал Жорж Помпиду.

Поэр всегда быстро откликается на просьбы о встречах с ним, нередко появляется на ужинах, которые дают в мою честь в Париже. Он любит повторять, что с удовлетворением наблюдает за новой советской политикой, и часто добавляет:

— Вообще, нам нужно побольше контактов.

В. Жискар д'Эстен позвонил мне по телефону уже на следующий день после моего приезда. Экс-президент приглашал меня на завтрак. Сама по себе весьма лестная, эта инициатива заставила вместе с тем задуматься. Невольно приходил на память случай, когда в качестве кандидата в президенты в 1975 году, соревнуясь с Ф. Миттераном — его соперником, — В. Жискар д'Эстен провел эффектную встречу с советским послом, придав ей широкую огласку. Эта встреча была расценена как острый предвыборный ход и, говорят, принесла В. Жискар д'Эстену

именно тот незначительный перевес в голосах, который обеспечил ему победу над Ф. Миттераном. Теперь обстановка была, конечно, несколько иной. Однако не считаться с тем, что я еще не успел вручить верительных грамот все тому же Ф. Миттерану, было невозможно. Что касается официальных мероприятий, французский протокол при таких ситуациях вообще очень строг: я не мог принимать в них участие. В данном случае речь шла о мероприятии неофициальном, но оно могло стать весьма броским и вызвать ненужные осложнения в отношениях с Ф. Миттераном. Эго было ни к чему.

Поэтому приглашение я решил принять, но уточнил, что был бы готов воспользоваться им в удобный для Жискар д'Эстена день после вручения мною верительных грамот президенту. Не знаю, была ли у В. Жискар д'Эстена задумка повторить операцию 1974 года. Во всяком случае, на этот раз все обошлось без сенсации. Некоторое время спустя такой завтрак тет-а-тет состоялся на квартире В. Жискар д'Эстена в небольшом переулке между улицами Спонтини и Фезандри. Нам было что вспомнить. В. Жискар д'Эстен с гордостью говорил, что в подписанной им в 1977 году Советско-французской декларации впервые для документов западной страны с Советским Союзом было выпукло сформулировано положение о соблюдении прав человека. Мне это было приятно, как автору проекта Декларации с советской стороны. Главный интерес В. Жискар д'Эстена состоял в том, чтобы понять, насколько глубоки были происходившие у нас изменения. Не витает ли над ними угроза движения вспять, спрашивал он? Было видно, что в серьезность начатых в СССР изменений бывший президент верил, но не был убежден, что они обретут действительно радикальный характер и завершатся успехом.

Большой интерес представляли контакты с Жаком Шираком. Он был основным наследником деголлевской тенденции в политической жизни Франции, руководил партией «Объединение в поддержку республики». Жак Ширак готовился к участию в очередных президентских выборах, которые должны были состояться в 1995 году, и я видел в нем наиболее вероятного победителя на этих выборах. Его мнение много значило и для сегодняшнего дня, и для будущего.

После неудачи на предыдущих президентских выборах Ж. Ширак сконцентрировал внимание на Париже. Его стараниями Париж получил пост выборного мэра. До этого столица Франции была лишена такого, казалось бы, совершенно необходимого атрибута демократии. Парижем руководил муниципальный совет, председателя которого меняли каждый год. Такая система была

введена после Парижской Коммуны. Это было и наказание, и страховка на будущее: буржуазия не доверяла парижанам. Жак Ширак стал первым избранным мэром. Полученные таким образом широкие полномочия он использовал для того, чтобы улучшить жизнь столицы. Занимался он этим с присущими ему энергией и размахом, и результаты такой деятельности становились все ощутимее. Завершалась масштабная реконструкция Елисейских полей.

Раньше они напоминали гигантскую стоянку для автомашин. Машины парковали повсюду: и вдоль проезжей части, что сокращало возможности движения, и на тротуарах, что мешало пешеходам. Теперь под Елисейскими полями строились вместительные гаражи, обновлялось покрытие этой артерии, ее украшали новые элегантные фонарные столбы. Немало делалось и в других районах столицы. Париж стал заметно чище и наряднее, особенно по праздникам.

Ж. Ширак приветливо принял меня в своем просторном кабинете в здании мэрии. Мы говорили о де Голле. Разговор идет легко, взаимопонимание было широким. Как и Шарль де Голль, Ж. Ширак придавал большое значение отношениям с Советским Союзом. Тепло вспоминал свой визит к нам в 1974 году в качестве премьер-министра Франции. Он подчеркивает, что и сейчас, как мэр Парижа, он старается во всем содействовать посольству.

— Вы, кажется, — говорит он, — заинтересованы в том, чтобы создать здесь свой культурный центр?

— Да, это так, — отвечаю. — Но у нас трудности с помещением для такого центра.

— Так вот, посол, я припас для вас сюрприз. Вы сможете расположить ваш центр на берегу Сены, там, где раньше стояли заводы Ситроена. Вы должны знать это место. Там будет новый квартал Парижа. Хороший. По первому вашему желанию вам покажут точнее место.

Я благодарю. Это и в самом деле проявление внимания.

— Отношения между Францией и Советским Союзом, конечно, нужно развивать. Возможности для этого теперь, когда у вас такие изменения, больше чем когда-либо, — заявляет Ж. Ширак и добавляет — и необходимость нашего сотрудничества тоже возрастает. Посмотрите, что происходит в Европе, в мире. Мы ведь всегда были вместе в переломные моменты.

Мэр говорит, что ему очень хотелось бы побывать в Москве, посмотреть, поговорить. Он принимает приглашение позавтракать в посольстве, и у нас завязываются контакты, частые, с обсуждением многого, чем живет Франция, Советский

Союз, что происходит в мире. Последняя моя встреча с Ж. Шираком состоялась в 1994 году, во время одного из моих посещений Франции. Я знал, что в студенческие годы он изучил русский язык настолько, что полностью перевел на французский язык «Евгения Онегина». Оказавшись вновь в кабинете Ж. Ширака, я высказал идею произвести между Парижем и Москвой обмен памятниками выдающихся литераторов, имея в виду, что Москва — на это был готов Ю. М. Лужков — преподнесла бы в дар Парижу скульптуру Пушкина. Ж. Ширак отнесся к этому с интересом.

* * *

В Тулон — главную базу средиземноморской эскадры французского военно-морского флота пришел отряд наших военных кораблей. Визиты военных кораблей — это всегда красиво. Торжественная встреча в порту, визит в мэрию, экскурсии. Командование Черноморским флотом хорошо изучило посещение русской эскадрой того же Тулона в 1893 году. В нашем распоряжении немало материалов, связанных с тем событием, — фотографий, журнальных и газетных вырезок. Помнят об этом и французы. В местном музее на этот счет множество экспонатов, в том числе свидетельство восторженного приема, оказанного русским морякам и офицерам не только в Тулоне, но и в Париже. Нашим адмиралам, прибывшим с эскадрой, хотелось бы того же, включая и поездку в Париж. Но программа организована иначе. И нужно ли сожалеть, что она иная? В те годы обменами визитами эскадр — русской в Тулон, французской в Санкт-Петербург — был отмечен крупный шаг в подготовке к первой мировой войне. Теперь хотелось бы продолжить движение к надежному миру. Что же касается сердечности, то ее с французской стороны достаточно. А в беседах с адмиралами и офицерами французского флота видишь искреннее стремление к сотрудничеству вооруженных сил двух стран. Лейтмотив их — нам следует дорожить традициями. Эго полезно и для сегодняшнего и для завтрашнего дня.

Та же забота о сохранении и развитии традиции живет вокруг полка «Нормандия — Неман». Война, породившая этот полк — инициатором его создания был Ш. де Голль — как практическое воплощение и символ боевого содружества Советского Союза и Франции, все дальше уходит в историю, а полк этот продолжает существовать. Вернее, это уже не полк. Имя «Нормандия — Неман» носит теперь целая авиационная дивизия французской

армии. Там чтут память французских летчиков, отличившихся в битве под Курском, прошедших бок о бок со своими советскими товарищами по оружию до самого Немана и со славою вернувшихся во Францию на подаренных им Советским Союзом лучших советских истребителях того времени. В этой дивизии торжественно принимали прибывшего во Францию с визитом командующего советской авиацией. На приеме в посольстве, который я дал в честь этого визита, собралось командование ВВС Франции, здесь же несколько ветеранов полка «Нормандия — Неман», на груди которых советские и французские награды. Здесь же и Жан-Луи Кретьен, ставший космонавтом в результате совместного полета с нашими космонавтами на советском космическом корабле. Французы нашли отличную формулу выражения традиции прошлого применительно к сегодняшнему дню и будущему. В самом деле, сотрудничество Советского Союза и Франции в области космоса быстро развивается. Поэтому естественным было решение причислить к движению «Нормандия — Неман» французских космонавтов, а Жана-Луи Кретьена поставить во главе этого движения.

В год моего прибытия во Францию отмечается столетие со дня рождения де Голля. Его последователи во Франции организовали большую научную конференцию в Париже, куда пригласили и меня. Я заблаговременно посылал в Москву предложения, чтобы у нас вокруг этой даты также были проведены достойные мероприятия. Предложил, чтобы одной из улиц или площадей Москвы было дано имя де Голля. Все предложения в Москве были приняты. Одно из них — приглашение к нам делегации из Франции. Ее возглавил внук де Голля, бывший в то время депутатом Национального собрания. Я несколько раз встречался с ним: по случаю открытия большой выставки, посвященной памяти генерала, устроенной в Лионе, перед вылетом делегации в Советский Союз. Потом он зашел ко мне в посольство после возвращения. Внук почти такого же большого роста, как и дед. Внешним обликом и манерами поведения он, пожалуй, даже больше похож на генерала, чем сын де Голля — адмирал и сенатор. В нем те же невозмутимость и уверенность. После пребывания в Москве он полон удовлетворения: вряд ли, говорит он, есть другая страна помимо Франции, где к памяти де Голля относились бы с таким уважением, как в Советском Союзе.

* * *

Знакомиться с менее официальным Парижем мне помогает посол Клод де Кемулярия. Мы подружились в Нью-Йорке в 1986 году, где оба были представителями при ООН и в Совете Безопасности.

Отец у де Кемулярия был грузином. Революция заставила его покинуть Грузию. Он обосновался во Франции и женился на француженке. Природа наградила Клода удивительной общительностью и темпераментным характером. Человек он правых взглядов, по профессии банкир и занимает видное положение в одном из крупнейших банков Франции — «Парижско-нидерландском». Несколько лет своей жизни он посвятил дипломатии. Особенности характера и свободный стиль поведения отличали его в Совете Безопасности от многих строгих профессионалов. Мне это импонировало, а Клод де Кемулярия шумно приветствовал появление там советского представителя, говорившего на французском языке. Наши оживленные диалоги вносили разнообразие в монотонность иных заседаний, особенно неофициальных консультаций членов Совета Безопасности. Дом де Кемулярия, точнее, небольшая вилла его дочери Элизабет недалеко от Версаля, поскольку он предпочитает принимать своих гостей там, — своего рода салон для многочисленных его друзей из Франции и со всего мира. Несколько раз мы ужинаем там с известным французским историком и политологом Элен Каррер д'Анкос. В начале моего пребывания она еще не была избрана во Французскую академию, но известность ее быстро росла. Она остро реагировала на все происходившее в Советском Союзе в больших статьях-анализах в газете «Фигаро». Много шума наделала ее книга, где она предсказала распад СССР тогда, когда в это никто не верил. Книга эта попала в цель не столько потому, что явилась результатом анализа реальных данных, а больше в силу того, что политическое кредо Элен Каррер д'Анкос всегда состояло в том, что Советскому Союзу следовало освободиться от «лишнего груза», как она говорила в беседах, — от среднеазиатских республик, Закавказья и Прибалтики и остаться в составе славянского ядра — России, Украины и Белоруссии — столь единого и прочного, по ее убеждениям, что естественное его дальнейшее сохранение и укрепление никаких сомнений у нее не вызывало. На самом деле ход событий оказался иным, но это уже расценивалось как деталь. Элен Каррер д'Анкос стала первым научным авторитетом по нашей стране и уже к концу моего пребывания в Париже заняла в ареопаге бессмертных кресло, некогда принадлежавшее Виктору Гюго.

К. де Кемулярия задался целью возвести меня в ранг рыцарей «Татевэна» — так называется братство любителей бургундских

вин. Таких братств во Франции немало. Эго организации виноделов, но созданные не для того, чтобы защитить их права или профессиональные интересы. Для этого имеются другие объединения. Задача братств — популяризировать и среди французов, и среди иностранцев французские вина и кухню, лучшие традиции веселого застолья, французскую историю. Их цель — показать, как может все это украсить жизнь людей. Братства эти подобны средневековым орденам с их иерархией, с Большим Советом и Гроссмейстером во главе, с командорами, гран-офицерами и офицерами, с рыцарями. У братств высокий престиж в общественной жизни Франции, а братство рыцарей «Татевэна», пожалуй, самое известное из них. Мероприятия, которые проводят братства окрашены юмором, молва о них идет широкая. Де Кемулярия пояснил, что входит в состав членов Большого Совета братства, рыцарей «Татевэна», и вскоре сообщил: Совет во главе с Гроссмейстером единогласно постановил, что такой акт состоится!

И вот мы в местечке Кло де Вужо, давшем свое имя одному из самых знаменитых вин мира. Если Франция — страна изысканнейшей кухни мира, то Бургундия претендует на то, чтобы быть самой достойной выразительницей французских достижений в этой области, а мероприятия типа того, о котором идет речь, призваны доказать это настолько убедительно, чтобы ни у кого не оставалось сомнений на этот счет. Лозунг братства рыцарей «Татевэна» краток и выразителен: «Да здравствует Рабле!» Кто же еще, если само слово «Татевэн» означает черпачок, как правило, серебряный, который французские виноделы используют для определения качества вина. Черпачок этот весь в замысловатых выпуклостях и углублениях, которые помогают по отблеску солнечных лучей, проходящих через налитое в него вино, судить о многих его качествах.

На церемонии много людей, человек 500–600. В основном это французы, знающие цену таким мероприятиям, но есть и туристы из разных стран. Все, что происходит, выдержано в стиле цветастого сочетания торжественности и юмора. Названия блюд, использование старофранцузского языка, убранство огромного зала — постоялого двора, мантии членов Большого Совета и все остальное должны будить интерес и веселье. Гвоздь программы — посвящение в рыцаря. Эта часть церемонии с речами и всеми внешними атрибутами призвана оправдать ожидания собравшихся. Вот и моя речь. Как хотите, но по-своему одна из самых ответственных за всю карьеру. К счастью, всеобщее одобрение, а ведь речь эта при всех приличествующих обстоятельствам обрамлении и подаче — не о чем-нибудь, а о

нашей новой политике. В конце следует небольшая артистическая часть: нужно опорожнить, стоя на подиуме перед всеми, огромный кубок вина Иначе — куда же в братство? Кубок темного стекла, и вина там налита капля, но изображать опустошение требуется убедительно, с трудом переводя дыхание, но не отпуская сосуд. Наконец кубок перевернут, и Гроссмейстер под аплодисменты украшает меня лентой Гран-офисье ордена.

Клод де Кемулярия доволен: ведь он нес ответственность за мою кандидатуру. Но не только доволен, а немного удивлен. Не раз в моем присутствии он повторяет своим знакомым: «Дубинина встретили на церемонии овациями! Вы только подумайте, советского посла!»

Морис Дрюон занял теперь пост пожизненного секретаря Французского института, по нашим понятиям — президента Академии наук. Он становится частым гостем посольства, устраивает ужин в честь нас с женой в своей квартире в здании Академии на Набережной Сены, знакомит с видными учеными, деятелями культуры. Всем с видимым удовольствием представляет меня словами:

— «Вот новый посол Советского Союза. Кстати, переводчик моей книги».

И в прежние времена М. Дрюон не скрывал добрых отношений со мной, но теперь он демонстрировал это не без гордости. М. Дрюон в восторге от перемен в Советском Союзе, подолгу расспрашивает о них. Думает, что они помогут вовлечь в культурное общение между двумя странами много новых имен и во Франции, и в нашей стране. Мы начинаем строить планы его поездки в Москву по приглашению Президента Академии наук СССР.

М. Дрюон — председатель консультативного комитета одной из самых престижных ежегодных премий Франции — «Премии послов». Премия эта основана в 1948 году, и ею отмечаются произведения или творчество в целом писателя, работающего на французском языке, вносящие вклад во французскую культуру в исторической или политической области.

Премию присуждает жюри, состоящее из двадцати послов. Требования при формировании жюри строгие. Обязательными качествами его членов должны быть свободное владение французским языком и очевидная причастность к французской культуре. Кандидатура каждого нового жюри в деликатных формах обсуждается действующими членами жюри с участием Мориса Дрюона, и в случае их согласия следует предложение соответствующему послу войти в состав жюри. Иными словами, участие в жюри не зависит от важности страны и не наследуется

преемником покидающего Францию члена жюри.

Я был рад, получив предложение войти в состав жюри, и оказался в этом маленьком ареопаге первым послом нашей страны. Вскоре я убедился, что сказанное выше насчет правил формирования жюри не пустая формальность. Оказалось, что посол одной очень большой державы проявляет настойчивое желание попасть в состав жюри. Его интерес еще больше возрос, когда туда вошел я, и вопрос о его кандидатуре был поставлен на обсуждение. Можно себе представить, какой филигранной тонкостью отличались ремарки собравшихся послов, пока один из них, посол Великобритании — страны весьма дружественной той, которую представлял абитуриент, не задал мягкий вопрос:

— Не создадим ли мы трудности для стремящегося в жюри коллеги участвовать в наших дискуссиях, когда в запальчивости будем говорить на французском слишком бегло для него?

«Сочувствие» коллег предохранило кандидата от таких неприятностей.

М. Дрюон умело организовал работу жюри. В течение всего года консультативный комитет, т. е. несколько специалистов высшей квалификации, отслеживал выход в свет во Франции новых произведений по тематике премии. Сколько-нибудь значительные из них распределялись между членами жюри. По полученной таким образом книге член жюри должен был составить краткий письменный доклад с рекомендацией включить или нет книгу в число претендующих на премию. Доклад рассылался всем членам жюри, и это было интересно уже тем, что позволяло быть в курсе наиболее примечательных книжных новинок.

Мне на изучение досталось объемное исследование Анри Лойретта о жизни и творчестве знаменитого французского художника Дега Я предложил включить ее в число книг, отобранных для конкурса Таких книг набралось за год одиннадцать, и по ним состоялось тайное голосование. На чем основывают свое мнение члены жюри, участвуя в таком голосовании? Как правило, на письменном заключении коллеги, прочитавшего книгу, и на устной дискуссии, предшествующей голосованию. Таким образом, в какой-то степени состязание авторов произведений дополняется соревнованием рецензентов. Поэтому я не без удовлетворения узнал результаты голосования. «Моя» книга оказалась на втором месте и по правилам процедуры прошла во второй, заключительный тур конкурса. Там ее опередил историк князь Габриэль де Бройль с его биографией Гизо. Он и стал лауреатом премии за 1991 год. Но и я получил поздравление за второе место. Такое органическое подключение к

культурной жизни Парижа было еще одним проявлением нового в отношениях между нашими странами.

Париж — законодатель моды. С этим связана и одна из важных отраслей французской промышленности. Ежегодное представление новых коллекций крупнейшими домами моды Франции — целая полоса культурной и деловой жизни столицы. У нашей страны в этой области есть один давний друг — знаменитый Пьер Карден. Мы с ним познакомились за год-полтора до моего приезда в Париж в Нью-Йорке, где он выступал спонсором постановки пьесы А. Вознесенского «Юнона и Авось». В Париже нас по прибытии уже ждало приглашение на ужин в принадлежащий Пьеру Кардену знаменитый ресторан «Ше Максим». Пьер Карден делится со мной, что новаторство в налаживании сотрудничества с нами далось ему с большим трудом. Теперь препон меньше. Он рассчитывает наладить настоящее производственное сотрудничество с нашей страной и — мечтает открыть «Ше Максим» в Москве. Этот человек — сам сгусток творчества — удивительно отзывчив на наши инициативы. Каждая встреча с ним порождает все новые идеи.

— Почему бы, мсье Карден, нам не сделать что-нибудь вместе и о вашей красивой профессии, и о нашей резиденции на Рю де Гренель, — спрашиваю я его. — Ведь дворец Эстре — тоже произведение искусства.

— В самом деле! Надо подумать, — отвечает он с искринкой в глазах.

А уже через несколько недель в наших залах появляются две красавицы — манекенщицы и команда телеоператоров. Созданный ими в рекордный срок телефильм смотрят миллионы наших телезрителей (и не один раз).

— Поначалу трудно было не только в Москве, — продолжает откровения Пьер Карден, — но и в Париже. Появляться раньше в советском посольстве… это было, знаете…

Он подыскивает слова поаккуратнее:

— В общем-то мало кто туда ходил из высокого парижского общества.

Дня меня это в первый момент звучит как-то странно. А как же многочисленные приемы в посольстве по случаю Октябрьской революции? Там яблоку негде было упасть. Разве не занимало наше посольство весьма высокого места в политической и общественной жизни Франции? И на приемах бывали люди очень видные. Впрочем, по правде говоря, не всегда. То случалась Венгрия, то Чехословакия, то Афганистан. К тому же, видимо, мы как-то свыкались, что немалая часть французского общества оставалась всегда вне контактов с посольством. Пьер Карден —

несомненно представитель этой категории. Но он-то исключение, и, кстати, поэтому-то ему и виднее все это…

— Теперь, — замечает Пьер Карден, — положение меняется. В добрый час.

Впрочем, мы с женой и сами чувствуем, что положение меняется. Мы получаем приглашения на представления коллекций почти от всех крупнейших домов моды Парижа. Нам отводят почетные места. Так почему бы не пойти дальше, думаем мы? Почему бы не пригласить законодателей моды в наше посольство? Например, по случаю первого участия советского представителя в официальной неделе мод столицы Франции. Это был молодой наш модельер Валентин Юдашкин, подготовивший коллекцию в сотрудничестве с французским домом Фаберже. Почему бы не помочь ему и не организовать демонстрацию этой коллекции не где-нибудь, а в залах посольства? Откликнется ли Париж на это?

Откликнулся. Активно и с интересом. Французские специалисты быстро превратили зал приемов в импозантный павильон для показа мод. В первых рядах зрителей — цвет одной из самых престижных и всемирно известных сфер французской активности — руководители таких домов, как Ив Сен-Лоран, Нина Риччи и многих других. Рядом с Пьером Карденом расположилась госпожа Карвен.

Триумф В. Юдашкина был блистательным. Аплодисменты зала, прекрасная печать. Перед начинающим модельером открылись дороги, ведущие в столицы мира. Пройдет не так много лет — всего шесть, но таких, которые изменили судьбы стран и людей. В ноябре 1996 года меня как посла Российской Федерации в Украине пригласили на презентацию коллекции В. Юдашкина в Киеве в зале драматического театра имени Леси Украинки. Богатый набор моделей. Видно, как далеко продвинулся В. Юдашкин в своем искусстве. Встретили В. Юдашкина киевляне тепло. Растроганный, он благодарил со сцены зрителей, семью президента Украины, присутствовавшую в зале, и… меня, как он выразился, первого посла в его жизни. «Вы открыли для меня Париж, — добавил он, обнимаясь со мной после презентации, — этого нельзя забыть». Конечно, Париж открылся В. Юдашкину благодаря его таланту. Но было приятно услышать, что он хранит память о том необычайном вечере в нашем парижском посольстве.

В Париже мы снова встречаемся с Мстиславом Ростроповичем. Но между нашим первым знакомством здесь и этой встречей было еще немало контактов в Вашингтоне. В 1989 году мне выпала честь проводить его с руководимым им

Национальным симфоническим оркестром США в их первую гастрольную поездку в Советский Союз. Пресс-конференция, которую мы тогда дали совместно, оповещавшая об этой новости, стала сенсацией международного масштаба. Здесь в Париже у М. Ростроповича квартира на бульваре Сен-Мартен, совсем рядом с посольством. В квартире собрано столько картин и других художественных ценностей российского происхождения, что она могла бы поспорить с крупным музеем. М. Ростропович занят их каталогизацией. В комнатах оборудование для фотографирования всего этого богатства, связанный с этим творческий беспорядок. Мы отмечаем шестидесятилетие маэстро. В узком кругу. Стол у него очень русский. Заботящаяся о домашнем хозяйстве женщина сама заготавливает отличные соленья, отменно готовит пирожки и кулебяки. За вином отправляемся в погребок в подвальном помещении дома. Там богатый выбор, и мы без труда находим бутылку года рождения юбиляра. Там тоже картина. И тоже русского мастера — Михаила Шемякина. В 1991 году М. Ростропович выдавал замуж одну из дочерей. Торжество состоялось в Гран Опера. Первый этаж этого престижного здания французской столицы был декорирован по этому случаю под березовую рощу. М. Ростропович повсюду оставался неразрывно связан с Россией. И в разговоре его заботы все время о делах на Родине. Он раньше других заговорил об ограниченности М. С. Горбачева как реформатора, может быть, точнее будет сказать, что никогда не верил в то, что тот сможет выполнить эту роль. Теперь же он предсказывал неизбежное и скорое его фиаско. Всякое появление М. Ростроповича в Париже — событие в культурной и общественной жизни французской столицы.

Мое знакомство с Михаилом Шемякиным началось в США. Во время встреч там я узнал и о драматической его судьбе, и о том нелегком пути, который ему пришлось пройти на Западе в своем становлении как большого мастера. В Вашингтоне мне случайно стало известно, что он работает над скульптурой Петра Первого. Я считал важным, чтобы она была установлена в городе, который был создан Петром. Стал уговаривать М. Шемякина сделать это. Он долго колебался, но потом согласился, и мы начали переписку с Москвой, с Ленинградом о том, как можно было бы это сделать. Завершить ее до моего отъезда из Вашингтона мне не удалось и я продолжил это дело — случай для дипломатической практики редкий — из Парижа до тех пор, пока скульптура не была установлена в Петропавловской крепости. Свою известность, после того как он вынужден был покинуть Советский Союз, М. Шемякин получил во Франции. Там жила его мать, и он нередко появлялся в Париже. Продажей его произведений

занимается галерея на Рю дю Бак — в двух шагах от нашей резиденции. Конечно же, мы с женой появляемся там на первом же вернисаже. Видим людей знакомых — например Марину Влади, но со многими знакомимся впервые — это новый для советского посла круг французской культурной элиты.

Талант М. Шемякина глубоко самобытен и ярок. Созданное им поражает богатством воображения и многообразием. Он признанный в мире мастер, и я убежден, что все это может стать ценным вкладом в культурные связи между Советским Союзом и Францией на этапе их развития в новых политических условиях. Я загораюсь идеей организовать выставку произведений М. Шемякина в Музее современного искусства Ж. Помпиду. К сожалению, мне не хватило времени осуществить ее до моего отъезда из Франции.

Вариант скульптуры Петра Первого М. Шемякин создал и для Франции. Это было вполне оправданным решением. Петр I, как известно, посетил Париж с 5 мая по 26 июня 1717 года. Людовик XIV к тому времени уже умер, страной правил за малолетнего Людовика XV регент Филипп Орлеанский. Кстати, останавливался российский император в том же Сен-Жерменском предместье, где потом обосновалось наше посольство. Он отказался от великолепных королевских апартаментов в Лувре и предпочел им скромный особняк Ледигьер, где поставил свою обычную походную кровать. После визита Петра I российские посольства в Париже окончательно приобрели официальный статус.

М. Шемякин предложил мне патронировать открытие скульптуры Петра I, установленной недалеко от Руана. Я охотно согласился. Почетное право сбросить полотно было предоставлено моей жене. Легкий рывок — и российский царь-новатор вновь во Франции, как бы призывая к тому, чтобы прорубленное им окно в Европу стало широко открытыми вратами сотрудничества.

На церемонии я знакомлюсь со знаменитым Владимиром Максимовым. Мы усаживаемся с ним за небольшой столик. Мне интересно послушать этого человека, совсем недавно активно боровшегося против системы, существовавшей в Советском Союзе. Он, разумеется, доволен сдвигами к лучшему Но теперь его заботит другое — отсутствие ясной перспективы у М. С. Горбачева, с одной стороны, и чрезмерная деструктивность многих из тех, кто стремится предстать в роли главных защитников демократии, — с другой.

М. Шемякин стремится быть полезен своей стране. Он самоотверженно работал над вызволением наших ребят из

афганского плена, помогает афганцам в Москве. Он живет надеждой на то, что прошлому в Советском Союзе возврата не будет, и готов всемерно содействовать утверждению нового.

* * *

Выдающегося нашего дирижера Владимира Спивакова пригласили руководить, а фактически создать в художественном смысле новый международный фестиваль в Кольмаре на севере Франции. Я с удовольствием принимаю приглашение отправиться туда по случаю открытия этого фестиваля. С В. Спиваковым мы в добрых отношениях с конца семидесятых годов, когда я был послом в Мадриде. Затем встречи в Вашингтоне. Там моя жена под впечатлением трагедии в Армении создала Фонд помощи детям, оказавшимся в беде. В. Спиваков любезно согласился тогда войти в состав руководящего совета фонда. За новое дело во Франции В. Спиваков взялся с большим увлечением. В фестивале участвует и наш оркестр под управлением В. Китаенко. Местные власти, организаторы фестиваля польщены всем этим.

Вскоре после этого В. Спиваков создает Фонд А. Д. Сахарова. Представление Фонда состоялось в Страсбурге. Я, разумеется, принял приглашение отправиться туда. Власти, французская общественность широко откликнулись на инициативу. Приехали и гости из Москвы. Большинство из них привезли накал разворачивающихся там политических схваток. Это накладывает отпечаток на их речи, что, вероятно, естественно, и французы со вниманием вслушиваются в слова ораторов, тем более что все они не просто сочувствуют преобразованиям в Советском Союзе, но по мере своих возможностей содействуют им. Правда, их коробит, когда с трибуны звучат упреки Франции, что она помогает демократии в нашей стране не так, как этого хотелось бы ораторам, не тому, кто, мол, действительно этого заслуживает. Французы делятся со мной своим недоумением.

Церемонию украсил великолепный концерт специально приехавшего в Страсбург оркестра В. Спивакова.

Встретивший меня через несколько дней в Париже М. Ростропович стал выражать удовлетворение по поводу моего участия в церемонии в Страсбурге.

— Так это было само собой разумеющимся. Еще пару лет назад, когда А. Сахаров был в Вашингтоне, я дал в его честь прием в посольстве.

— Нет-нет, — уточнил М. Ростропович, — важно, что живое присутствие там было замечено во Франции и об этом говорят.

К нам стали тянуться новые люди из мира культуры и искусства.

Среди них большой поклонник русского балета, меценат Рене Бокабза. Его увлечение — творчество Нижинского. Под его руководством несколько французских художников и скульпторов создали целую галерею картин, изображающих этого танцора в разных ролях. Жемчужина коллекции — большая бронзовая скульптура Нижинского. Несмотря на тяжесть металла, автору удалось передать динамичность и духовную устремленность знаменитого артиста. Это — вершина того, к чему стремился Бокабза в своем желании внести лепту с тем, чтобы увековечить память Нижинского. Скульптура только что отлита, и Бокабза приглашает нас с женой взглянуть на нее в специальной мастерской-салоне недалеко от площади Бастилии. Там он делится мыслью о том, что, наверное, лучшим местом для этого произведения была бы родная земля Нижинского. Я готов был бы преподнести ее в дар, говорит он, при самом простом условии, что она будет установлена в престижном месте.

Начинаем переписку с Центром. Она вроде бы конструктивная, но тянется, тянется, тянется. Едва получив принципиальное согласие, мы перевозим скульптуру в здание посольства. Теперь она возвышается рядом с парадной лестницей, но начинается новая переписка насчет того, как ее отправлять; нет ясности и насчет того, где именно она будет установлена. В это время — это был предпоследний день моего пребывания во Франции — в Париж заехал А. А. Собчак. Я рассказываю ему историю, приглашаю посмотреть скульптуру. Он в восторге. Заезжаем к Бокабзе, благо квартира его поблизости — на авеню Фош. Увы, его мы не застаем. Накануне с инсультом он попал в больницу. Но его супруга заверяет нас, что он будет рад возможности установить скульптуру в Ленинграде. Скульптура незамедлительно начинает свой путь туда. Сейчас она украшает Мариинский театр. Но Бокабза этого не дождался. Он не вышел из больницы.

Сейчас моя супруга обсуждает с дочкой Бокабзы возможность вывоза из Франции серии посвященных Нижинскому картин, которые Бокабза также завещал нашей стране.

Встречаемся мы и с Ивом Монтаном. Мы с ним почетные гости на матче нашей футбольной команды с французской «Олимпик де Марсель». Встречаемся как друзья, и не потому только, что личные отношения наши никогда не портились, но в силу того, что далеко уже ушло наше общество в своем раскрепощении и нет у Ива оснований высказывать прежние свои претензии.

Много различных мероприятий политического и общественного характера дают возможность почувствовать отношение к нашей стране французского общественного мнения, различных его тенденций. Одно из них — ежегодный праздник газеты французских коммунистов «Юманите». По традиции, туда всегда приезжает делегация газеты «Правда». В 1990 году она состояла из академика Фролова, Егора Гайдара, Людмилы Зыкиной. Вместе с ними мы проходили по многотысячному импровизированному городу палаток, павильонов, лавок, ресторанов, аттракционов, выставок, танцплощадок — чего там только нет, — разбросанных в огромном парке одного из пригородов Парижа. Как всегда, достаточно сказать, что мы из Советского Союза, чтобы вокруг сразу же собрались люди, возникли оживленные разговоры. Здесь всегда к нашей стране относились по-дружественному. Так происходит и на этот раз. При этом чувствуется и новый оттенок. Наши собеседники довольны тем, что под воздействием новой советской политики быстро меняется к лучшему взгляд на нашу страну во все более широких слоях французского общества: быть другом Советского Союза становится и проще и почетнее.

Но есть и вопросы недоуменного характера.

— Ваши средства массовой информации, телевидение особенно, раньше все на Западе подавали только в черном цвете. А теперь ударились в другую крайность, — говорит нам работник ЦК ФКП, отвечающий за связи с Союзом. — Показывают витрину «Фашона» (это едва ли не самый дорогой продовольственный магазин Парижа), а из комментария следует, что такими пользуются все французы! Впрочем, — добавляет он, — компартия тоже приложила руку к такому восприятию Франции. Мы, например, старались приезжающих из Советского Союза на отдых по обмену с компартией Франции людей размещать в дорогих отелях, угощать в первоклассных ресторанах, которыми сами, конечно, не пользуемся, посылать на Лазурный берег. Хотели получше отблагодарить за хороший прием в Советском Союзе. Но, думаем, ошибались. После отдыха ваши товарищи уезжали с неправильными представлениями о жизни здесь. Мы решили, — заключает собеседник, — подправить это и показывать нашим советским друзьям страну пообъективнее.

Много раз встречаюсь я с представителями ассоциации «Франция — СССР». В прошлом она была самой крупной общественной организацией страны, выражавшей интерес и симпатии к Советскому Союзу французов, независимо от их политической ориентации, хотя наиболее активную роль в ней играли коммунисты. У ассоциации непростые времена. Глубоко

трансформируется ССОД — ее партнер в Москве. Обрываются нити льготных поездок делегаций и тургрупп, направляемых ассоциацией в нашу страну. Меня приглашают на мероприятия ассоциации в Бордо — туда пришло советское парусное судно — в Лион, в Гренобль. Я попадаю в дружественную атмосферу прежних лет, но не без сожаления отмечаю, что участников мероприятий не так много как бывало, а молодежи среди них и совсем мало. Все отчетливее дает о себе знать новое явление: отношение к нашей стране в общественном мнении Франции становится все более открытым и благожелательным, и в то же время адекватных возможностей для выражения этих настроений недостаточно. Прежние формы выглядят все более устаревшими, новые еще только предстоит нащупать и создать.

* * *

А какие настроения теперь в деловом мире Франции? Как смотрят его представители на сотрудничество с нами? Особенно те, в чьих руках современное производство, новейшие технологии? Франция много и интенсивно работала по развитию своего научно-технического и экономического потенциала. Набрали силу наиболее динамичные старые компании, возникли гигантские новые объединения, которых раньше не было. Алькатель-концерн, в котором работает более двухсот тысяч человек. Меня он интересует, поскольку занимается передовой технологией в области телекоммуникаций. В Соединенных Штатах я много внимания уделял проекту создания глобальной, общемировой линии связи, основанной на использовании фибро-волоконной технологии. Для решения этой задачи в уже существующие системы такой связи требовалось включить территорию Советского Союза. Осуществлению задачи мешали пресловутые списки Кокома, запрещавшие передачу Советскому Союзу передовой технологии. Приехав в Париж, я задумал превратить проект из двухстороннего советско-американского (его в США вела фирма «ЮС-УЭСТ») в трехсторонний, т. е. с участием Франции. Американские партнеры, которые поддерживают связь со мной и в Париже, приветствуют это. Работа эта довольно скоро приносит первые плоды. В ноябре 1990 года удается подписать контракт на участие фирмы Алькатель в строительстве участка оптоволоконной линии в районе Байкала, которая должна была стать первым этапом «Транссоветской линии связи». Проект в целом я обсуждаю и во французских правительственных сферах, включая Миттерана. К сожалению,

приходится констатировать, что Франция тоже скована кокомовскими ограничениями, и работать приходится — французы на это идут — в надежде на лучшие времена. Напрашивается и более широкий вывод — требуются усилия политиков, чтобы все эти ограничения остались в прошлом.

Франция — страна высокоскоростного железнодорожного сообщения. Достижения ее в этой области признаны во всем мире. На расстояниях в 500–800 километров поезда категории «ТЖВ» успешно конкурируют с авиацией. Моя мечта дать импульс сотрудничеству двух стран в этой сфере, что помогло бы в модернизации наших железных дорог, а в перспективе прочертило бы всю Европу от Москвы до Парижа стрелой быстродействующего сообщения с разветвлениями по пути на Север и Юг. Отклик во Франции я нахожу большой и повсеместный, интенсифицируется переписка с Москвой, дело начинает двигаться вперед, но оно масштабно и трудоемко. Необходима мобилизация огромных финансовых средств. Даже создание первой высокоскоростной линии Москва — Ленинград потребовало бы по предварительным прикидкам восьми-девяти миллиардов долларов. Нужны усилия финансовых учреждений обеих стран, а может быть, и третьих стран, международных финансовых организаций, участие нашего и французского государств. Немало скептиков, но немало и людей, которые убеждены: без такого рода модернизации железнодорожного хозяйства Советского Союза — не обойтись. Значит, следует действовал». Я отношусь к этой второй категории.

Посещаю компанию «Блок д'Ассо». Эго частное предприятие. Компания давно выделяется своей динамичностью, умением быть на острие прогресса Ее специализация — авиация, ракетостроение, электроника. Меня охотно принимают, рассказывают о достижениях, возможностях. Эго уже само по себе поразительно. Руководители компании открыты к сотрудничеству. Они рассчитывают, что освобождающиеся у нас в связи с конверсией мощности оборонных предприятий могли бы быть использованы для того, чтобы с применением передовых разработок, имеющихся у «Блок д'Ассо», наладить промышленную кооперацию по производству различного оборудования, в котором находит применение электроника. Например, кассовых аппаратов. Для них, поясняют мне, помимо рынка Советского Союза нашлись бы весьма емкие рынки в третьих странах. Слышу жалобы на то, что делу мешают бюрократические препоны.

Еще больший интерес к нам я нахожу у руководителей авиастроения Франции. Эта отрасль французской промышленности испытывает все возрастающее давление из-за

океана.

— Чтобы выжить, — говорят французы, — надо объединяться. Много делается в рамках Западной Европы. Но без Советского Союза, без его достижений и возможностей, не обойтись.

При мне решается вопрос о лизинге первых пяти французских аэробусов. Но главное — в стремлении наладить промышленную кооперацию в такой чувствительной области, как авиастроение. Раньше об этом нечего было и мечтать.

Эльф-Акитен — крупнейшая промышленная многоотраслевая группа государственных и полугосударственных компаний, созданная для обеспечения Франции энергоносителями. Только импорт ею нашей нефти и нефтепродуктов составил в 1990 году 1,5 млн тонн. Компания проявила интерес к сотрудничеству с Советским Союзом по поиску, разведке и разработке месторождений углеводородов в Волгоградской, Саратовской и Актюбинской областях на условиях «разделения добычи». Зародилась эта инициатива еще до моего приезда во Францию, но я активно подключился к ней, привлекаемый ее масштабностью и новизной для нас. Хотя, конечно, не считал себя компетентным оценивать все аспекты операции с финансовой и технической точки зрения. Переписка наша по этому вопросу разбухала, делегации следовали за делегациями, вопрос давно поднялся до самого высокого уровня руководства страной. Однако чем дальше, тем очевиднее становилась неспособность нашего государственного аппарата выработать ясную позицию, чему все больше мешала возраставшая сложность согласований на местном, республиканском и союзных уровнях. Здесь также требовалось какое-то новое слово.

Строительная фирма «Буиг», химический концерн «Рон-Пуленк», работающая в области электроники группа «Томсон», нефтяная компания «Тоталь», фирма по производству авиационных моторов СНЕКМА, «Газ де Франс» и «Электрисите де Франс» — это далеко не полный перечень французских компаний, встречи с руководством которых порождают множество проектов сотрудничества. Стремится активно содействовать всему этому государственный банк «Креди Лионе», а в его руководстве — большой знаток всех операций банка с нашей страной и наш хороший друг Алексис Валькенштейн.

Рядом с гигантами прилежно занимались торговыми делами с нами и компании поскромнее. Но они порой весьма эффективны и располагают бесценными достоинствами традиций, опыта, верности рынку. Среди них выделялся ветеран сотрудничества с нашей страной, руководитель фирмы «Сого» Альбер Гобер. Он начал операции с нашим объединением «Химэкспорт» сразу после

войны. С тех пор деятельность его разрослась, способствовала развитию нашей парфюмерной промышленности. А. Гобер был награжден и орденом Почетного Легиона, и орденом Дружбы народов. Бизнесмены этой категории приветствуют изменения в нашей стране. Но обращают внимание на то, что уже начавшаяся ломка прежнего механизма торгово-экономических связей Советского Союза не влечет достаточно быстрого создания нового, что затрудняет их деятельность.

Трогательное внимание по всему, что происходит в нашей стране, проявляет Макс Эльбронн. В молодости он создал принципиально новую формулу организации торговли в универсальных магазинах и продолжает ее совершенствовать по сей день. Он владелец одного из самых больших торговых центров Парижа «Галери Лафайет» и сети этих магазинов, а также магазинов с самыми доступными ценами «Монори», разбросанных по всей Франции. Во время войны Макс Эльбронн был участником движения Сопротивления во Франции. Его арестовали. Из немецкого лагеря смерти Макса освободила советская армия. Он навсегда остался благодарен за это нашему народу и написал об этом в своей книге воспоминаний, переведенной на русский язык. Макс Эльбронн любитель нашей истории, нашей литературы. Его квартира, с которой открывается вид на Сену и Эйфелеву башню, — наполнена множеством предметов, связанных с нашей страной. Макс Эльбронн научился читать по-русски и в свободные часы страница за страницей переводит одну из книг В. Пикуля, не без труда выискивая в словарях смысл мудреных слов, попадающихся там.

Компания «Галери Лафайет» работает во многих странах мира, а Макс Эльбронн рад возможности открыть наконец небольшое отделение и в Москве. Он с радостью предоставляет свой престижный магазин для презентации выходящих во Франции книг наших авторов.

Появляются и первые ростки новых форм сотрудничества, порожденных развитием рыночной экономики в нашей стране.

Префект Шампани занялся организацией стажировок в своем районе для молодых специалистов сельского хозяйства из Орловской области. Организовал для этого краткосрочные курсы в Париже, добившись выделения необходимых средств. Стремится к тому, чтобы семьи молодых французских фермеров приезжали и работали у нас, а наши в Шампани. Мы поддерживаем его. Орловская область подружилась в связи с этим проектом с Шампанью. Туда несколько раз выезжаю и я. Район этот знаменит прежде всего производством шампанских вин. Известковые почвы дают наилучший для этого виноград. Но прогресс в развитии

земледелия, применение удобрений позволили сделать Шампань и крупным производителем зерна. Все работающие в этой сфере крестьянские хозяйства кооперированы, как, впрочем, и по всей Франции. Они сохраняют свою самостоятельность и собственность на землю, но ни одна тонна собранного зерна не продается вне системы кооперации, через эту же систему производятся закупки удобрений, химикатов и многое другое. Впрочем, все эти вещи известные. Я слежу за тем, как проходит стажировка первой группы молодых орловчан. Они быстро освоили необходимые знания по французскому языку, поработали в хозяйствах. Вместе с префектом мы вручаем им свидетельства об окончании стажировки. Вскоре после этого Торговая палата Парижа приглашает меня на торжественный акт вручения дипломов первой группе молодых советских и французских менеджеров, прошедших совместную подготовку на курсах, организованных Торговой палатой с нашей Академией внешней торговли. Эго кадры для новой эпохи в экономических связях двух стран.

Вывод ясен: в торгово-экономической области просторы для сотрудничества с Францией открываются большие. Хочется вникать, отбирать, поддерживать множество проектов. Все активнее включаются в эту работу группы посольства, занимающиеся экономическим, научно-техническим сотрудничеством с Францией, сотрудничеством в области сельского хозяйства. Все более интенсивной становится переписка с Москвой. Требуются новые соглашения с Францией, которые создавали бы правовую базу для движения вперед. Вместе с тем долгий уже опыт моей работы по этим вопросам в посольствах в Мадриде, в Вашингтоне, повторяющиеся и в Париже трудности в решениях проблем через тяжелую бюрократическую машину осуществления торгово-экономических связей в Москве наводят на вывод о том, что подлинно широкое развитие таких отношений в этой сфере требует глубокой реформы всей экономической жизни нашей страны и интеграции ее в мировую экономику на общепринятых началах.

* * *

Итак, двадцать лет спустя я нашел Францию далеко ушедшей вперед в своем развитии. Выход на арену открытой экономической и научно-технической состязательности, активное участие в Европейском Экономическом Сообществе принесли благотворные результаты.

Страна сталкивалась с серьезными социальными проблемами, она начинала уставать от долгого для французского характера пребывания на высшем государственном посту — посту президента — одного и того же человека, но она продолжала развиваться.

Возможности для взаимодействия Советского Союза и Франции представлялись мне небывало широкими, и в связи с этим еще настоятельнее, чем в Москве до вылета, в Париже вставал вопрос о том, чтобы создать адекватную политическую и правовую основу, которая обеспечила бы наилучшим образом развитие этих отношений в новых условиях.

Договор

Между тем развитие событий в Европе принимало все более стремительный характер. На встрече М. С. Горбачева с Г. Колем в Ставрополе в июле 1990 года были приняты решения о форсированном объединении Германии. Ставропольские договоренности оказались столь радикальными, что явились полной неожиданностью для всего мира.

По свидетельству таких авторитетных американских политологов, как М. Р. Бешлос и С. Телботт, госсекретарь США Дж. Бейкер, которому сообщили эту новость в аэропорту Шенона в Ирландии, где сделал посадку его самолет на пути в Европу, был поражен. До того, как стали известны результаты встречи в Ставрополе, госсекретарь вообще считал, что она не заслуживает внимания. Сопровождавшие госсекретаря в полете американские журналисты подкалывали его, что он был застигнут врасплох, Дж. Бейкер оправдывался тем, что если это и сюрприз, то «сюрприз великолепный». Он, пишут эти авторы, высказывал предположение, «что, за счет согласия принадлежать Германии к НАТО, Горбачев хотел продвигаться вперед как можно быстрее с тем, чтобы завоевать полное доверие немцев, которые отныне будут доминировать в Европе»[9].

Во Франции новость произвела огромное впечатление. Министр иностранных дел Р. Дюма заявил на пресс-конференции, что в Париже с большим удовлетворением восприняли итоги состоявшихся переговоров, поскольку они отвечают тому, к чему всегда стремилась Франция.

Несмотря на такие официальные заявления Р. Дюма, реакция французов была не столь однозначной. Французы усматривали, разумеется, положительные элементы в случившемся. Но они видели в то же время, что в долгосрочном плане им будет все сложнее конкурировать с нарождающимся гигантом. В отдельных высказываниях зазвучали напоминания о Рапалло. Один из французских государственных деятелей — Пьер Жоке — в беседе со мною говорил, что результаты недавних переговоров на Кавказе вызвали во Франции состояние, близкое к шоковому. Не то чтобы французы особенно тревожились по поводу самого факта германского объединения, утверждал он, но они пребывают в смятении. Их обуревают противоречивые чувства будущее Германии еще не просматривается, но зато ее прошлое слишком хорошо известно для того, чтобы безмятежно взирать на происходящие процессы.

Ставропольские договоренности предполагали, что сразу

после объединения Германии между СССР и ФРГ будет заключен «всеобъемлющий и основополагающий двусторонний договор, который на долгий срок и на основе добрососедства будет регулировать отношения» между двумя странами. Цель договора состояла в том, чтобы придать советско-германским отношениям стабильность, предсказуемость, утвердить в них доверие, открыть путь к взаимодействию в будущем. Имелось в виду вскоре начать интенсивную работу над договором с тем, чтобы, как заявил Г. Коль, «самое позднее через год заключить такой договор»[10].

Общее понимание сводилось к тому, что в результате «кавказских договоренностей», как их окрестили во Франции, в европейской и мировой политике произошли фундаментальные перемены. Известны и более резкие суждения. Так, З. Бжезинский считал, что главными победителями в холодной войне стали США и Германия, а проиграли прежде всего Советский Союз и Франция.

В Париже серьезно задумывались над новой ситуацией и будущим Франции.

Германское объединение становилось реальностью. В этих условиях проблема, по мнению французского руководства, заключалась в том, в каких рамках и на каких условиях это единство будет построено. Именно на этом должны были быть сосредоточены в тот момент дипломатические усилия.

Как добиться того, чтобы процесс строительства германского единства вписался в общеевропейский баланс, который еще предстоит определить в военном, дипломатическом и экономическом плане? В Париже рассчитывали, что в этом Советский Союз и Франция могли бы относительно легко выйти на нужное взаимопонимание.

В Париже исходили из того, что фактор единой Германии, расположенной в самом центре Европы, вновь побуждает всех ее соседей, будь то на Востоке или Западе, заниматься поисками основ для взаимодействия. Достигнуть этой цели, полагали во Франции, будет не так уж трудно, поскольку этот процесс развивался в условиях мирного периода, что отличало обстановку от той, что иногда складывалась раньше, на предыдущих этапах истории, когда действовать приходилось в кризисных ситуациях.

Взаимодействию Франции с Советским Союзом придавалось большее, чем раньше, значение.

В целом вставал вопрос о том, чтобы определить пути подъема советско-французских отношений на качественно новый уровень.

Прямо из Ставрополя министр иностранных дел СССР прилетел 17 июля в Париж на встречу министров иностранных

дел шести государств — знаменитая формула 4 + 2, — в задачу которых входила разработка договоренностей о внешних аспектах германского объединения и подготовка проекта Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии.

18 июля Э. А. Шеварднадзе был принят Ф. Миттераном. Беседа прошла в обстановке самого широкого взаимопонимания.

После беседы мы пешком отправились в резиденцию посла на рю де Гренель, где остановился министр. Был отличный летний день. Мы проходим между Большим и Малым дворцами. Возведенные для Всемирной выставки 1900 года, они стали органичной частью парижского архитектурного облика и местами самых престижных выставок. Приятно было вспомнить, что Малый дворец, сравнительно недавно с триумфом сломав устоявшиеся стереотипы, открыл для Франции богатство русской реалистической живописи XIX века.

Впереди Сена. Мост Александра III. Заложенный 7 октября 1896 года и открытый в 1900 году, он носит имя русского императора, при котором был разработан и заключен русско-французский союз (1891, 1893–1894 гг.). Этот мост — символ дружбы двух стран. Думаю, что вдохновение мастеров с российской и французской сторон, создавших его, брало свое начало во взаимном влечении самих народов обеих стран. Смею утверждать, что это самый красивый мост французской столицы.

Любуясь Парижем, мы находим время для обмена замечаниями насчет новой обстановки в Европе, планов на будущее в отношениях с Францией.

Я предлагаю министру заключить с Францией политический договор.

Объективные предпосылки для этого имеются. Время действовать, судя по всему, пришло.

«Это было бы хорошо», — говорит министр.

Я прошу согласия провести необходимый зондаж в Париже. Поскольку это делалось бы без предварительно го решения нашего руководства, беседы я мог бы провести от своего имени.

Министр не возражает.

Сразу же после отлета Э. А. Шеварднадзе я запросил встречи с министром иностранных дел Франции Р. Дюма и генеральным секретарем Елисейского дворца Жаном-Луи Бьянко.

Первым откликнулся Жан-Луи Бьянко. Что представляет собой пост генерального секретаря Елисейского дворца? После принятия в 1958 г. ныне действующей конституции — ее отцом, как известно, был генерал де Голль — этот пост приобрел особый вес в механизме французской государственной машины. На должность генерального секретаря назначаются люди,

пользующиеся особым доверием президента.

В Елисейском дворце кабинет генерального секретаря находится напротив кабинета президента Это просторная комната с богатым гобеленом на стене, с окнами в парк Елисейского дворца Около одного из них стоит небольшой круглый мраморный столик для беседы трех-четырех человек. В условиях острого кризиса с помещениями в Елисейском дворце такой кабинет лишний раз подчеркивает значимость его обитателя.

Итак, уже утром 20 июля мы вдвоем с Ж.-Л. Бьянко расположились за тем самым круглым столиком у окна. Я — с чашкой чая, он — кофе.

Оговорив доверительный характер беседы и предупредив, что я веду ее от себя лично, я высказал идею о том, что перед лицом новой исторической ситуации, складывающейся в Европе, видимо, стоило бы подумать над тем, как поднять и конкретно выразить роль советско-французского фактора в международных делах в расчете на длительную перспективу.

Пояснил, что в пользу этого говорит многое: история, география, политика, согласие Москвы и Парижа рассматривать их отношения в качестве привилегированных, их подход к преодолению раскола Европы на путях сближения между всеми европейскими государствами.

В случае согласия стоило бы подумать над тем, как сформулировать и представить идею советско-французского сотрудничества на новом этапе. Высказал мнение, что с советской стороны можно предполагать большую свободу и смелость действия в отношении содержания и формы возможного документа.

Далее говорю о факторе времени. Хорошо бы сделать так, чтобы проект соответствующего документа мог бы быть рассмотрен министрами иностранных дел на одной из их ближайших встреч. В таком случае можно было бы подумать о проведении специальной встречи глав наших государств еще до Парижского совещания государств — участников Общеевропейского совещания в ноябре 1990 года, с тем чтобы подписать советско-французский документ.

Получалось так, что с учетом имевшейся тогда прикидки с календарем заключения советско-германского договора советско-французская акция могла бы состояться раньше, и это, по моему замыслу, должно было представлять интерес и для Москвы, и для Парижа. Прежде чем направить предложения по этому вопросу в Москву, мне хотелось бы иметь определенность в отношении настроений в Париже.

Ж.-Л. Бьянко быстро реагирует. Ему лично идея

представляется и своевременной и приемлемой. Действительно, отдельных акций, пусть даже значительных, недостаточно для того, чтобы выразить весь потенциал, заложенный во взаимодействии Советского Союза и Франции. Отношения между двумя странами заслуживают большего, особенно перед лицом развивающейся геополитической ситуации и в деле создания новой Европы. Действуя только в рамках общеевропейского процесса, этого не сделаешь.

Собеседник просит времени для обдумывания, имея в виду доклад Ф. Миттерану и возможные консультации с Дюма. Он просит меня зайти к нему рано утром 25 июля. С учетом важности обсуждаемой проблемы мы договариваемся, как держать связь друг с другом в случае возникновения срочной необходимости.

Беседа заняла несколько минут, мне даже показалось, что это был всего лишь миг, в течение которого короткие фразы вели к быстрому взаимопониманию, хотя и не все говорилось прямо.

В моих многочисленных контактах с французскими государственными и политическими деятелями последующих дней я стараюсь, не раскрывая конкретно замысла, прочувствовать настроения собеседников в отношении договорного оформления советско-французских отношений.

Я часто обращаюсь в эти дни мысленно к позиции в отношении политического договора между нашими странами, занятой в 1965 году де Голлем, к спорам в Москве насчет ее трактовки. Так что же, может быть, наконец, настал час, в который верили оптимисты?

Я побывал в Бордо, где беседовал с одним из крупнейших политических деятелей Франции, сподвижником де Голля Ж. Шабан-Дельмасом. Свой политический взлет он совершил на посту премьер-министра, но продолжал прочно удерживать свою политическую крепость в Бордо, мэром которого он был не одни десяток лет. Ж. Шабан-Дельмас был предельно определенным в своих суждениях. Памятуя об уроках истории и в интересах своей безопасности, заявил он, Франции и Советскому Союзу требуется постоянно крепить взаимопонимание и взаимодействие между собой, В любых исторических условиях это должно быть основополагающим фактором мира и сотрудничества в Европе. Собеседник подчеркивал, что именно теперь созрели условия для реализации идеи де Голля о создании Европы от Атлантики до Урала, и ведущая роль в этом процессе должна принадлежать нашим странам. Его позиция была ясна мне без дополнительного уточнения.

Председатель Сената Франции П. Поэр, в свою очередь, видел

цель совместных советско-французских устремлений в придании нового качества Европе, не скованной закостеневшими идеологическими догмами, чуждой культивирования среди европейских народов образа врага. Было видно, что всякое сближение в этих целях между СССР и Францией вызвало бы одобрение с его стороны.

Ж. Ширак также делал акцент на сотрудничестве в масштабах всей Европы. Он подчеркивал, что советско-французское взаимодействие должно при этом замышляться не для того, чтобы составлять конкуренцию объединяющейся Германии, а прежде всего ради стабильности и надежного мира на европейской земле. Подобно тому, как Франция, сближаясь с Советским Союзом, стремится не создавать впечатления, будто Париж, перечеркивая плоды многолетнего французско-германского примирения, ищет «союза наизнанку» — с Советским Союзом против Германии, так и Москва поступит правильно, если у нее будет подобная политика в отношении как Франции, так и Германии. Его мнение имело особое значение.

Я находил много справедливого в словах Ж. Ширака Действительно, время заключения союзов, направленных против кого бы то ни было, уходило в прошлое. Задача состояла в том, чтобы объединить усилия в деле построения целостной, развивающейся по законам нормального человеческого общения Европы.

Да, общественное мнение Франции относилось, несомненно, положительно к укреплению советско-французского сотрудничества — такое заключение утверждалось у меня все больше.

Вот и 25 июля — день назначенной встречи с Ж.-Л. Бьянко. Рано утром, за час до начала рабочего дня, «Пежо-605», шурша по мелкой щебенке внутреннего дворика Елисейского дворца, доставляет меня к центральному входу.

Слово за Ж.-Л. Бьянко. Он говорит, что идеи, которые мы обсуждали во время предыдущей встречи, были доложены Ф. Миттерану и обсуждены с министром иностранных дел. Они представляют для Франции большой интерес, и отношение к ним положительное. Ж.-Л. Бьянко заявляет далее о готовности Парижа к тому, чтобы проект документа о будущем отношений между двумя странами был обсужден Э. А. Шеварднадзе и Р. Дюма во время их намечающейся встречи в августе и затем доработан с расчетом на его одобрение М. С. Горбачевым и Ф. Миттераном во время их встречи, которую стоило бы запланировать на октябрь. Во всяком случае, это желательно сделать до парижского саммита государств — участников Совещания по безопасности и

сотрудничеству в Европе, намеченного на ноябрь.

Ж.-Л. Бьянко просит рассматривать сказанное им как реакцию принципиального плана, имея в виду, что окончательное решение в Париже, как, вероятно, и в Москве, будет принято после того, как станет ясным содержание возможного документа. Заняться его разработкой, сказал Бьянко, в Елисейском дворце были бы готовы, не теряя времени, имея в виду, что сроки поджимают. Он сказал в этой связи о готовности Р. Дюма принять меня для беседы.

В ходе дальнейшего разговора мы в неофициальном порядке обменялись с Ж.-Л. Бьянко мнениями насчет возможных подходов к разработке задумываемого документа. Этот разговор выявил следующие совпадающие моменты: речь могла бы пойти о подготовке и подписании полномасштабного договора об отношениях между Советским Союзом и Францией, заключенного с соблюдением всех соответствующих атрибутов (en bonne et due forme), что должно предполагать его ратификацию. Названия договора мы не касались. При подготовке договора желательно учитывать уже накопленный в последние десятилетия опыт советско-французского сотрудничества, выраженный во многих совместных документах; идеи и опыт общеевропейского процесса; полезные элементы сотрудничества в рамках Европейского Экономического Сообщества; идеи, рожденные новым развитием событий самого последнего времени (на этом следовало бы сделать акцент). В договоре стоило бы отразить принципиальный подход СССР и Франции к их взаимоотношениям; главные цели их сотрудничества, области советско-французского взаимодействия с упором на новые сферы, которые выдвигаются на первый план забот Европы и международного сообщества; механизм взаимодействия. Наконец, желательно, чтобы договор был емким, понятным широким кругам общественного мнения, как бы несущим новое слово народам Советского Союза, Франции и Европы.

Было бы желательно одновременно принять в виде отдельного документа программу взаимодействия СССР и Франции в конкретных областях их взаимоотношений, прежде всего в сфере экономики.

Ж.-Л. Бьянко просит, чтобы обсуждение вопроса о договоре проводилось строго конфиденциально, особенно с учетом того, что речь шла о стадии зондирующих бесед.

Последнее замечание было вполне понятным. Кстати, в нашем посольстве на этом этапе в курсе данного вопроса был только заведующий референтурой, лично отправлявший мои шифртелеграммы в Москву.

Итак, высказанная в принципиальном плане реакция французской стороны была ободряющей, хотя я вполне отдавал себе отчет, что впереди объемная и непростая работа, поскольку, как говорится, дьявол в детали.

На мою телеграмму последовала незамедлительная реакция из Москвы, представьте соображения по существу вопроса Хороший сигнал.

Уже на следующий день я в кабинете Р. Дюма на Кэ д'Орсе. Министр весьма приветлив. Все так же в неофициальном плане я излагаю суть замысла, но теперь уже с прямым упоминанием понятия «договор». Отмечаю, что именно обсуждение этой проблемы было целью моего запроса к министру сразу после отлета Э. А. Шеварднадзе. Упоминаю, что у меня было два доверительных разговора с Ж.-Л. Бьянко. Подчеркиваю важность выяснения точки зрения руководителя внешнеполитического ведомства Франции.

Министр высказывается за то, чтобы продемонстрировать предпочтительный характер отношений между Советским Союзом и Францией, причем еще до объединения Германии.

Затем Дюма рассуждает насчет того, как это можно было бы сделать наилучшим образом. Вероятно, главное, говорит он, показать содержательность, значимость сотрудничества двух стран, сделать так, чтобы оно не выглядело носящим общий характер, не акцентировало внимания лишь на широких идеях, культуре, хотя, разумеется, и это важно, в то время как, скажем, сотрудничество СССР с ФРГ приобретало бы все более весомый и конкретный характер в экономической, научно-технической и других областях.

Как бы делая вывод, министр заключает, что достичь этого можно было бы путем принятия в результате франко-советской встречи на высшем уровне декларации общеполитического характера с одновременным подписанием серии соглашений в таких областях, как экономика, финансы, экология и т. д. Я с удовлетворением воспринимаю его слова, поскольку сам хочу того же.

Министр остановился, улыбнулся. Подали оранжад. Значит, беседа, а по сути дела переговоры, пусть и неформальные, только начинается.

Я говорю, что в Москве также хотят придать советско-французскому сотрудничеству как можно более содержательный и предметный характер. Поэтому в этом вопросе можно рассчитывать на широкое совпадение взглядов советского и французского руководства.

Далее перехожу к форме документа. Напоминаю, что за время

советско-французского сближения, т. е. с середины шестидесятых годов, было испробовано очень многое, пожалуй, все возможное в отношении формы договоренностей, кроме договора. Поэтому именно договор мог бы подойти для того, чтобы выразить качественной важности шаг вперед.

Р. Дюма внимательно слушает. По вполне понятной переговорной традиции, он вправе ждать по меньшей мере аргументации, обоснования инициативы, с которой перед ним выступает собеседник.

Если бы отношения между СССР и Францией остались на уровне общеполитической декларации, продолжаю я, в то время как отношения СССР с Германией поднялись бы до уровня договорных, то в чем же была бы предпочтительность советско-французского взаимодействия? С правовой точки зрения отношения между СССР и Францией оказались бы не на должной высоте.

Большой кабинет министра наполнен светом солнечного летнего дня. Его окна выходят во внутренний двор дворца министерства. Сюда не доносится шум бурлящего за стенами Парижа. Может быть, поэтому особую выразительность приобретают даже паузы в разговоре. Сказанное мною не назовешь просто аргументом. Это реальность.

Министр не реагирует, и я воспринимаю это как поощрение к тому, чтобы двинуться дальше.

В случае принципиального согласия, говорю я, надо было бы подумать над тем, каким должен быть договор. Либо краткий документ с конденсированным выражением новой сущности советско-французских отношений с приложением к нему или одновременным принятием отдельного документа, посвященного сотрудничеству в конкретных областях. Либо более развернутый договор, включающий в себя все — и политику, и отношения в других сферах. Это вопрос выбора.

Я останавливаюсь. Очередь за министром. Он говорит короткими фразами. В них нет больше возражений против договора. Напротив, мне врезаются в память его слова о том, что действительно речь могла бы идти о деле исторического значения. Р. Дюма соглашается с тем, что не суть важно — один или два документа, особенно если бы оба были приняты одновременно.

Это шаг вперед. Но все-таки у министра прозвучало сослагательное наклонение. Что это? Я напрягаю внимание.

Как бы рассуждая вслух, Р. Дюма ставит вопрос: а не лучше ли было бы Советскому Союзу вместо заключения договоров с Германией, Францией, возможно с Англией, пойти по пути

заключения одного договора — с Сообществом, с объединением двенадцати стран Общего рынка?

В словах министра, когда он говорит о договоре между СССР и Европейским Сообществом, конечно, есть резон. Более того, развитие сотрудничества с ЕЭС — одно из направлений политики Советского Союза, которому, несомненно, суждено будущее. Но это как бы взаимодополняющие линии действия по сравнению с тем, о чем идет речь. Отвечая министру, я делаю акцент на том, что разговор о договоре с Германией — реальность. В принципиальном плане это решенный вопрос. Что касается Англии (интерес министра к этому вопросу вполне понятен), то мне ничего не известно. Далее подчеркиваю, что, укрепляя свои двусторонние отношения со странами Западной Европы, Советский Союз стремится содействовать всем благоприятным процессам как на Западе континента, так и в общеевропейском масштабе, стремится все более широко и эффективно участвовать в них. На этот счет не должно быть сомнений. В то же время каждое из направлений действий имеет свою специфику.

— Но, может быть, было бы достаточно развития сотрудничества в рамках Хельсинкского процесса? — спрашивает министр.

— Одно будет дополнять и усиливать другое.

Р. Дюма не настаивает. Видимо, он удовлетворен, поскольку переводит беседу в другую плоскость.

— Как я понимаю, — говорит он, — возможный советско-французский договор могли бы подписать президенты.

Я с радостью отмечаю для себя, что разговор принимает практический характер. Что касается поставленного министром вопроса, то для меня ответ на него ясен, но, поскольку беседа пошла в благоприятном ключе, я, набираясь уверенности, в свою очередь решаю проверить министра Поэтому, уходя от авансов, я отвечаю: «О вашем вопросе я сообщу в Москву».

Р. Дюма быстро реагирует. Чеканя слова, он заявляет, что следовало бы сделать именно так. Более того, для подписания договора потребовалась бы специальная встреча президентов, которой пока в календаре советско-французских контактов нет. Она могла бы иметь место до встречи руководителей 35 государств в Париже.

Отлично. Теперь это уже предложение Франции.

Далее министр, проявляя настойчивость, проводит мысль о том, что Ф. Миттеран хотел бы оказать гостеприимство президенту СССР с учетом того, что сам он уже два раза подряд побывал в Советском Союзе.

Я убежден, что такая постановка вопроса справедлива и

поступить следовало бы именно так. Все эти высказывания Р. Дюма важны прежде всего как свидетельство того, что мы приблизились к принципиальной договоренности о подготовке договора.

Министр поясняет в заключение, что доложит о беседе президенту, которому и надлежит принять решение. Это решение он либо сообщит мне, если оно поспеет до моего отъезда в отпуск, либо привезет в Москву, где 25 августа должна состояться его рабочая встреча с советским министром иностранных дел.

Министр и я, мы оба в прекрасном расположении духа Р. Дюма делает необычный жест — провожает меня к выходу через великолепные залы дворца Орсе, что дает возможность сказать немало приятных слов друг другу.

Вслед за отчетом об этой беседе я направляю в Москву и запрошенные предложения по заключению советско-французского договора.

Через несколько дней я в Москве.

В кабинетах МИД я нахожу неоднозначные настроения в отношении договора.

Э. А. Шеварднадзе дал задание подготовить концепцию советско-французского договора но работа эта ведется вяло.

На среднем уровне руководства Министерства иностранных дел имеются разные взгляды. Восторгов я не слышу, но имеются и откровенные сомнения.

Спрашивают: к чему договор с Францией? Что может дать он Советскому Союзу? (Это мягкое выражение сдержанности.)

Или утверждают: Франции, дескать, не нравится то, что мы готовим договор с Германией. Переговоры с нами по договору она использует для того, чтобы постараться сорвать заключение советско-германского договора (крайнее выражение тех же взглядов). Приходится спорить, стремясь, по крайней мере, нейтрализовать такие настроения. Главное же состояло в том, что политическое решение в отношении договора в Москве было принято. Эго создавало основу для подготовки предварительной концепции договора в расчете на то, что окончательный ответ, который мы ждем из Парижа, будет положительным.

С этим я улетаю отдыхать на юг.

Накануне прибытия французского министра меня по ВЧ-связи просят быть в Москве для участия в переговорах 25 августа. Наш министр выезжает в правительственный аэропорт Внуково-II встречать Р. Дюма, что было оправданным обстоятельствами исключением из протокольной практики, по которой это поручалось обычно заместителю министра.

Из аэропорта мы ехали в одной машине с французским

послом. Тот с нескрываемым изумлением восклицает: «Оказывается, это чертовски важный визит!»

Я соглашаюсь, отмечая про себя, что слова посла после его краткой беседы с Р. Дюма в аэропорту — неплохое предзнаменование.

По обычаю, мы сопроводили Р. Дюма до резиденции французского посла, однако вместо чаще всего происходящего прощания перед входом в здание Р. Дюма пригласил Э. А. Шеварднадзе и меня зайти в резиденцию. Мы расположились в узком кругу в маленькой комнате на первом этаже, что рядом с парадной лестницей. Показывая на меня, французский министр заявил: «Ваш посол вел известные беседы в Париже. Я привез ответ президента Франции. Он положительный. Мы готовы заключить договор с Советским Союзом и открыты к тому, чтобы его подготовка началась незамедлительно».

Взаимное удовлетворение. Рубикон перейден. О решении Советского Союза и Франции заключить договор объявлено в печати.

После моего возвращения в Париж должна была быть проведена работа по подготовке текста договора.

Кстати, немцы, с которыми, по всей вероятности, разговаривали французы, сами, без каких-либо вопросов с нашей стороны, сообщили в Москву, что они приветствовали бы подписание договора между СССР и Францией. Это было свидетельством широкого подхода к европейским делам, отвечавшим идее гармоничного развития европейской ситуации.

12 сентября Р. Дюма вновь прилетел к нам, чтобы принять участие во встрече шести министров иностранных дел для завершения работы над Договором об окончательном урегулировании в отношении Германии и подписания этого документа.

Я находился в Москве и встретился в МИД с директором европейского департамента МИД Франции Ж. Бло, которому с французской стороны были поручены переговоры по договору. Ж. Бло привез соображения французской стороны, главным образом в отношении статей, относящихся к европейской политике. Мне они представлялись приемлемыми с тем, быть может, нюансом, что нам требовалось уточнить наш подход к французской идее создания европейской конфедерации.

Инициатива насчет европейской конфедерации была незадолго до этого выдвинута французской дипломатией. Ее связывали с именем Ф. Миттерана. Париж дорожил ею. Мне эта идея представлялась заслуживающей поддержки, но такой точки зрения придерживались не все в МИД. Французы это знали и,

поскольку они хотели, чтобы вопрос о конфедерации в Европе нашел должное отражение в договоре, были заинтересованы получить согласие на это на начальной стадии переговоров, т.е. во время пребывания Р. Дюма в Москве. Эго действительно облегчило бы работу в Париже. Для этого требовалась встреча Р. Дюма с Э. А. Шеварднадзе.

Для такой встречи была и другая, более существенная причина.

Дело в том, что в Москве наряду с подписанием Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии министрами иностранных дел СССР и Германии был парафирован Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между СССР и Германией. Эго означало, что темп событий нарастал. То, что сам Г. Коль в Ставрополе предполагал сделать примерно в течение года, теперь свершалось в несколько месяцев. Во Франции на это обстоятельство обратили серьезное внимание. Парафирование советско-германского договора было расценено как начало новой эры в отношениях между СССР и ФРГ. В то же время многие наши французские собеседники не скрывали своего разочарования тем, что немцам удалось опередить Францию, которая обсуждала с Советским Союзом аналогичный документ. Требовалось уточнить график подготовки и подписания советско-французского договора По поведению наших французских партнеров было видно, что без этого на поверхность вновь могли бы всплыть идеи подписания вместо договора политической декларации.

Такой поворот событий был бы неоправданным, поскольку анализ обстановки, советско-французские контакты предшествовавших недель свидетельствовали о том, что время для заключения советско-французского договора пришло.

Даже если подходить к делу с точки зрения увязки мероприятий, проводившихся в рамках двух линий развития нашей европейской политики: СССР — ФРГ, с одной стороны, и СССР — Франция, с другой стороны, — то и здесь развязка находилась, а именно: если советско-германский договор был первым парафирован, то подписан первым мог быть договор между СССР и Францией. Эго я и предложил Э. А. Шеварднадзе, с чем он согласился.

Заранее встреча министров иностранных дел СССР и Франции в Москве не планировалась. Но уже находясь в нашей столице, французы ее запросили. Для нее нашлось время непосредственно перед обедом, который Э. А. Шеварднадзе давал министрам иностранных дел ФРГ и ГДР в особняке на уд Алексея Толстого.

Р. Дюма пришел на встречу с большим опозданием, что привело к тому, что и начало обеда оказалось в конце концов сдвинутым. Сама беседа прошла хорошо. Было условлено продолжить работу над проектом договора, ведя дело к его подписанию в октябре. При этом министры договорились, что состояние дел с подготовкой договора должно быть доложено им во время встречи в Нью-Йорке по случаю их пребывания на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Тем самым заранее решался и вопрос о том, что такая встреча — впрочем, традиционная для советско-французских контактов — состоится.

Перед моим вылетом в Париж мы с коллегами подготовили цельный проект договора. Мы обращались ко многому тому, что было накоплено дипломатической практикой двух стран в течение последнего столетия. Акцент делался на том, чтобы документ намечал ориентиры на будущее. В то же время руководством МИД была поставлена задача постараться провести несколько таких идей в области безопасности, которые заранее делали задачу разработки текста весьма сложной. Конкретнее об этом будет сказано ниже.

В посольстве я сформировал для работы по договору узкую группу помощников: советник А. Кузнецов, первый секретарь А. Шульгин. Мы находились в постоянном контакте с центром — заместителями министра, Э. А. Шеварднадзе. Первый европейский отдел помогал решать вопросы с большим числом других ведомств. Команда Ж. Бло состояла главным образом из сотрудников европейского департамента и департамента разоружения. Работали мы в кабинете Ж. Бло, выходившем окном на эспланаду Инвалидов. График с учетом жестких сроков был весьма интенсивным.

Прежде всего вставала задача определить характер отношений между Советским Союзом и Францией. Отработка соответствующей формулировки велась на базе предложенных французской стороной понятий согласия, сотрудничества и солидарности и нашего пожелания строить впредь отношения на дружественной основе. Не вызывая разногласий по существу взятых ориентиров, эта работа заняла определенное время, так как с обеих сторон было вполне объяснимое желание тщательно отобрать необходимые характеристики и как можно более емко сформулировать статью первую договора. В конце концов договор получил название договора о согласии и сотрудничестве. В нем было подчеркнуто значение традиций и утвердившихся между СССР и Францией отношений предпочтительного характера, выражено решение обеих сторон придать проводимой ими политике согласия новое качество.

Что же касается статьи первой, то она гласила, что СССР и Франция «рассматривают друг друга как дружественные государства и основывают свои отношения на доверии, солидарности и сотрудничестве». Большой шаг вперед.

Полное единство взглядов было достигнуто в отношении концептуальной платформы международного общения, основанной на общих для всех ценностях, «свободе, демократии, справедливости и солидарности». Такому решению этой проблемы способствовал быстро развивающийся процесс все углубляющейся трансформации самих устоев общественно-политической жизни в Советском Союзе, в других странах Восточной Европы, эволюция общественного сознания на Западе, прежде всего в Западной Европе.

Далее вставал вопрос: что должно было составить ядро, главное содержание нового договора? В поисках ответа на этот вопрос мы обратились к истории русско-французских отношений, в том числе и соглашений, оформивших сто лет назад франко-русский союз — основу Сердечной Антанты. Как известно, их было два — договоренность, получившая название Консультативного пакта 1891 года, и военная конвенция 1893 года.

Нас интересовал Консультативный пакт, определявший основы политического взаимодействия двух государств, тем более что мы стремились укрепить основу сотрудничества во имя мира. Как известно, пакт был оформлен в виде обмена письмами между министром иностранных дел Франции и послом России в. Париже.

Сердцевиной взятых двумя государствами обязательств была договоренность консультироваться «между собой по каждому вопросу, способному угрожать всеобщему миру», а также в случае угрозы миру или угрозы нападения на одну из них «договориться о мерах, немедленное и одновременное проведение которых окажется» в этих случаях «настоятельным для обоих правительств».

С учетом важности этих положений для дальнейшего представляется полезным привести их текстуально (цитирую по письму французского министра иностранных дел послу России в Париже).

«1. В целях определения и утверждения сердечного согласия, объединяющего их, и желая сообща способствовать поддержанию мира, который является предметом их самых искренних желаний, оба правительства заявляют, что они будут совещаться между собой по каждому вопросу, способному угрожать всеобщему миру.

2. В случае, если мир оказался бы действительно в опасности, и в особенности в том случае, если бы одна из двух сторон оказалась под угрозой нападения, обе стороны уславливаются договориться о мерах, немедленное и одновременное проведение которых окажется в случае наступления означенных событий необходимым для обоих правительств»[11].

К этим истокам русско-французской договорно-правовой практики мы в последние годы обращались часто, трансформируя подходящие элементы для выражения советско-французского сближения, начавшегося со времен президента де Голля. Но до сих пор речь шла о документах политического характера. Теперь требовалось создать договорный текст. В силу этого значение прецедента для нас многократно возрастало, в частности при выборе ключевых глаголов, характеризующих сердцевину взаимных обязательств Советского Союза и Франции. Как мы видели из приведенной выше цитаты, Россия и Франция заявляли, что они будут «совещаться между собой по каждому вопросу, способному угрожать всеобщему миру». Но обмен письмами, составившими Консультативный пакт, был произведен в 1891 году на французском языке. Употребленный тогда французский глагол «se concerter» в современном языке имеет оттенок «консультироваться», «договариваться» или даже «согласовывать позиции». Мы с Ж. Бло сходимся на таком толковании и без сложностей при полном одобрении наших руководителей сформулировали раздел о консультациях между Советским Союзом и Францией. В нем говорилось, что Советский Союз и Франция будут «расширять и углублять проводимые между их правительствами консультации».

Далее уточнялось, что «предметом этих консультаций будут ключевые проблемы современности, укрепление безопасности и сотрудничества в Европе и мире, развитие двусторонних отношений, а также любые другие вопросы, представляющие взаимный интерес».

В отношении целей консультаций было определено, что «Стороны будут стремиться к максимально возможному сближению их позиций с целью осуществления совместных или согласованных действий».

Наконец, были сформулированы обязательства перед лицом осложнения международного положения.

Было записано: «В случае возникновения ситуаций, создающих, по мнению одной из Сторон, угрозу миру, нарушение мира или вызывающих международную напряженность, правительства Советского Союза и Франции незамедлительно вступят в контакт между собой в целях достижения

договоренностей по всем аспектам этих ситуаций, максимально возможной гармонизации своих позиций, достижения согласия в отношении тех мер, которые позволили бы улучшить положение или справиться с ситуацией и действовать совместно».

В договоре предусматривалось, что встречи на высшем уровне будут проводиться по меньшей мере один раз в год, а также всякий раз, когда в этом будет возникать необходимость, в частности путем осуществления неофициальных рабочих контактов.

Было условлено, что министры иностранных дел будут проводить консультации по мере необходимости и не менее, чем два раза в год.

Имелось в виду также проведение встреч между другими членами правительств и на уровне экспертов.

Раздел получился содержательным.

Требовалось также определить осевые политические линии такого взаимодействия, конкретизировать его содержание.

С точки зрения самого изложения относящегося к этому материала обсуждалось два варианта. Один — вынести на первый план проблемы глобальной безопасности и широкого международного сотрудничества Другой — начать с проблем взаимодействия в Европе и европейской безопасности.

Первый подход был характерен для большинства предшествовавших советско-французских документов. Заинтересованность в таком подходе в большей степени проявляла тогда Франция. Весомыми резонами в его пользу были принадлежность двух государств к клубу великих держав с участием на постоянной основе в Совете Безопасности, широкое участие в рассмотрении как глобальных, так и многих региональных проблем. У Парижа были в этом и соображения, связанные с борьбой за утверждение места и роли Франции в мировой политике, что находило понимание в Москве.

Вместе с тем именно французская сторона предложила на этот раз вынести на первый план в договоре европейскую тематику. Основным аргументом в обоснование было то, что именно в этой области взаимодействие двух стран приобретало подчеркнутую важность и актуальность и могло оказаться наиболее эффективным.

Мы были готовы к любому варианту и сочли вполне убедительными французские доводы, тем более что для нас, как говорилось выше, особенную актуальность приобретала именно европейская политика.

Работа по конкретизации основных направлений сотрудничества шла легко. В этом сказывалось стремление и

Москвы, и Парижа способствовать трансформации Европы в сообщество права, демократии, сотрудничества. Были, в частности, выделены следующие направления объединения усилий:

— преодоление раскола Европейского континента на блоки;

— преобразование Европейского континента в мирную и солидарную Европу, наделенную постоянными механизмами безопасности и сотрудничества;

— подчеркнутая важность в достижении этих целей Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе;

— признание вклада, который могут внести в обеспечение безопасности и стабильности в Европе другие европейские организации. Сотрудничество с ними в этих целях;

— продвижение процесса сбалансированного сокращения обычных вооружений, содействие выработке новых мер доверия;

— содействие Франции развитию отношений между Советским Союзом и Европейскими Сообществами.

В договоре конкретизировались принципы создания единого для всей Европы сообщества.

Сотрудничество СССР и Франции в европейских делах стало стержнем проекта договора.

Вместе с тем при работе в Париже над проблемами безопасности возникли большие трудности. В наш проект было включено две статьи, текст которых с учетом того, что произошло вокруг них в дальнейшем, я привожу полностью.

«Если одна из Сторон, — говорилось в нашем проекте, — станет объектом нападения, другая Сторона не будет оказывать нападающему какой-либо помощи либо иного содействия и примет все меры к улаживанию конфликта с использованием механизма ООН и европейских структур безопасности».

Другая статья такого рода «СССР и Франция не будут допускать на своей территории военной или какой-либо иной деятельности, направленной на ущерб интересам безопасности другой Стороны или ее дестабилизацию».

Французская сторона с самого начала заняла негативную позицию в отношении этих предложений. В течение всей работы в Париже французские представители не шли дальше обсуждения этих статей в общем плане и на все предложения провести редакционную работу по этим статьям согласия не давали. Они подчеркивали, что данные положения создают для Франции столь значительные трудности, что в отношении них требуется разговор на уровне министров иностранных дел. Все наши заходы, нацеленные на то, чтобы, как говорится, взять карандаши в руку, результатов не дали. Ж. Бло говорил, что в Париже вряд ли

смогут принять такого рода обязательства даже в измененной редакции. Высказывалось мнение о том, что ряд элементов этих статей если и подходит, скажем, для договора СССР и ФРГ, то чужд истории и специфике отношений Франции с нашей страной. Во французской точке зрения была правда, но для того, чтобы постараться вычленить из наших предложений то, что могло составить договоренность, свойственную советско-французским отношениям, требовалось начать работу по редактированию, а на нее партнеры не шли. В то же время мы знали, и об этом нам напоминали, что в Москве приведенными выше положениями дорожили.

Не оставалось сомнений, что ясность может быть внесена только на встрече министров иностранных дел в Нью-Йорке.

Другая сложность возникла при разработке проблематики разоружения. В отличие от положения дел с приведенными выше статьями работа над этим разделом велась очень интенсивно и конкретно.

Однако в наших позициях выявились глубокие разногласия. Суть их сводилась к тому, что мы исходили из концепции необходимости полной ликвидации ядерного оружия. Французская же сторона, базируясь на своей военной доктрине, не хотела отказываться от концепции минимального ядерного сдерживания, иными словами, от сохранения какого-то количества ядерного оружия. Исходя из этого в своих формулировках, наши партнеры по переговорам допускали лишь «снижение уровня ядерных вооружений до уровня, соответствующего концепции минимального ядерного сдерживания». Стремление найти компромисс было большим. Обе команды старались «выжать» все из имевшихся у них инструкций, как говорится, вытянуться в ниточку, чтобы договориться. Пускались в ход бесконечные количества словосочетаний, использовались предельно допустимые расхождения в переводе терминов и оборотов с одного языка на другой. Но время шло, а согласия достичь не удавалось. В самом конце сентября, уже после того, как наши министры вылетели в Нью-Йорк, Ж. Бло неофициально «подбросил» нам следующую формулировку: «Стороны признают стабилизирующую роль минимального ядерного сдерживания и подчеркивают важность поэтапного сокращения ядерных вооружений». При этом Ж. Бло пояснил, что этот текст должен быть предложен нами, а он будет стараться получить на него согласие («продать», как говорят в таком случае дипломаты) своему руководству.

Однако отношение в Москве к концепции минимального ядерного сдерживания было негативным, и поэтому вариант,

«подброшенный» Ж. Бло, там одобрен не был.

Вместе с тем и мои коллеги на Смоленской площади делали большие усилия, чтобы помочь нашим переговорам.

Они прислали мне телеграмму, разрешавшую на крайний случай в рабочем порядке и при сохранении в скобках, т.е. в подвешенном состоянии до утверждения в Москве (вот сколько оговорок!), предложить следующую формулировку:

«В этом контексте они будут учитывать возможное стабилизирующее влияние так называемой концепции минимального ядерного сдерживания в процессе поэтапного сокращения ядерных вооружений».

Теперь настала моя очередь «продавать» компромисс французским партнерам. Я сделал это в кульминационный момент переговоров. Не прошло. Тогда, выходя за рамки указаний, я попробовал снять слова «так называемой», чтобы отношение к концепции минимального сдерживания звучало уважительно. Не прошло и это.

Эго было вечером 28 сентября, на последнем нашем перед предполагавшейся встречей министров заседании. Французы заявили, что этот вопрос должен быть вынесен на «арбитраж» министров.

Я не касаюсь работы по другим разделам договора, в частности по вопросам двусторонних отношений. Объем ее был весьма значителен, но работу по этим вопросам в конце сентября удалось практически завершить.

Особое внимание было уделено договоренности о развитии и углублении контактов по военной линии. Уточнялось, что будут разрабатываться программы обменов между вооруженными силами двух стран и проводиться обмены по военным доктринам.

Теперь требовалось доложить результаты нашей работы министрам, получить от них решение по двум-трем оставшимся нерешенными вопросам с тем, чтобы на основании их указаний завершить в первых числах октября подготовку текста. Даже при таком графике времени оставалось очень мало, если учесть, что встреча президентов предполагалась в октябре.

Э. А. Шеварднадзе и Р. Дюма виделись накоротке в Нью-Йорке после заседания Совета Безопасности с их участием, но там вопроса о договоре они коснулись вскользь.

Основная их встреча, о которой было условлено в Москве, должна была состояться, как просили французы, за завтраком от нашего имени (такая была очередность) 2 октября.

Под встречу министров в Нью-Йорке мы передали в Москву все необходимые для анализа обстановки и беседы материалы — наработанные тексты, разбор оставшихся нерешенными проблем.

Из 27 статей, составлявших на тот момент проект договора, согласовано 23. Послал я и телеграмму с просьбой разрешить мне вылететь в Нью-Йорк, тем более что моего партнера по переговорам Жака Бло Р. Дюма специально вызвал туда, можно сказать, прямо из-за стола наших заседаний в Париже для участия в беседе по договору. Согласия мне не дали. Что же, такое бывает, и я истолковал это в наилучшем варианте: значит, посольство все расписало исчерпывающе, и у руководства имеется полная картина.

С этим я стал ожидать информации насчет того, как прошла встреча, в надежде, что она завершится благополучно.

Прошло несколько дней. На приеме в посольстве ФРГ я увиделся с Ж. Бло. Мне не терпелось узнать результаты разговора в Нью-Йорке, и я задал моему партнеру вопрос, постаравшись сформулировать так, чтобы не очень-то было видно, что мне из Москвы пока ничего не написали.

— Но встречи в Нью-Йорке не было, — ответил Ж. Бло.

Недоумение на моем лице сделало ненужным следующий вопрос.

— Да, не было, — повторил собеседник. — Мы обращались к сопровождавшим министра работникам, подтверждая нашу просьбу о встрече, тем более что мы договорились о ней еще в Москве, но даже не получили ответа.

Я поспешил выразить уверенность, что дело в каком-то недоразумении.

Так-то так, но мои контакты последовавших дней показали, что на Кэ д'Орсе обиделись, и обиделись крепко. Какая уж тут предпочтительность в отношениях?!

Что касается наших переговоров, то Ж. Бло прямо заявил мне, что, поскольку встреча министров не состоялась, указаний относительно дальнейшей работы у него нет.

Он, однако, там же на приеме сказал, что положения о безопасности настолько неприемлемы, что если мы будем настаивать на них, то для французской стороны может встать вопрос о том, чтобы вместо договора пойти на подписание политической декларации.

Дело оборачивалось из рук вон плохо. Указаний не было и у меня. Вместе с тем необходимо было действовать с удвоенной энергией.

Я отправляю телеграмму в Москву. Предлагаю либо пойти на радикальное изменение предложенных нами формулировок по безопасности, либо рассмотреть вопрос о том, следует ли дальше настаивать на их сохранении в договоре. В качестве варианта я предлагал перефразированное на базе наших статей положение

включить в раздел о консультациях.

По вопросу о разоружении я предложил снять на взаимной основе как положение о «минимальном ядерном сдерживании», чем дорожили французы, так и положение о «поэтапном сокращении ядерных вооружений», отражавшее нашу точку зрения.

9 октября был получен ответ. В нем давалось право исключить предлагавшуюся нами статью, в которой говорилось насчет действий сторон в случае, если одна из них станет объектом нападения. Однако требовалось при этом дать понять, что это снижает политическую насыщенность договора. Из этого было видно, что эволюция настроений в Москве шла медленно. Другое наше предложение по вопросу о безопасности изменялось следующим образом:

«Если одна из Сторон сочтет, что с территории другой Стороны ведется военная или какая-либо иная деятельность, направленная на ущерб интересам ее безопасности или дестабилизацию, Стороны будут проводить консультации на предмет того, как преодолеть возникшую ситуацию». Давалось также право включить это положение в договор не в виде отдельной статьи, а, например, в статью, посвященную консультациям между правительствами двух стран.

Что же касается разоружения, предписывалось искать развязки «в пределах имеющейся позиции».

Не так много, особенно по разоружению. Но и это давало основание не только для того, чтобы продолжить работу, но и для того, чтобы иметь простор для маневра. Правда, возникал вопрос, пойдут ли французы на редакционную работу по статьям, относящимся к безопасности. Они не делали этого раньше, видимо, придавая многоплановое значение встрече министров. Станут ли они менять свою позицию теперь, когда в Нью-Йорке со встречей министров произошел какой-то конфуз?

Забегая вперед, скажу, что то, что последовало, превзошло худшие предположения.

В тот же день, когда я получил указания из Москвы, мы вновь собрались в кабинете Ж. Бло. Однако наш собеседник вместо начала обычной работы попросил разговора со мной один на один и заявил, сославшись на поручение Р. Дюма, что в Париже, взвесив все обстоятельства, связанные с идеей заключения договора, пришли к выводу, что СССР и Франция существенным образом расходятся в вопросах, относящихся к безопасности.

С учетом этого Р. Дюма попросил передать, что в Париже предпочитают оставить идею договора и имеющееся согласие между СССР и Францией выразить в форме совместной

декларации.

Я, разумеется, подчеркнул нашу готовность продолжить работу на базе дополнительных инструкций, чтобы изыскать удовлетворяющие обе стороны договоренности.

Отметил я и вполне очевидную разницу между отношениями, оформленными в договорном порядке, и отношениями, которые не имеют такой основы.

Ж. Бло выразил личное сожаление по поводу такого оборота событий, но пояснил, что выполняет указание.

Наступил критический момент в работе над договором. Было ясно, что широкие интересы европейской политики и советско-французских отношений требовали продолжения дипломатической борьбы за его реализацию. Поэтому в заключение беседы с Ж. Бло я сразу же передал через него просьбу о личной встрече с Р. Дюма. Мотивировал этот запрос я тем, что поскольку решение о подготовке договора принималось на высоком политическом уровне, то и возникшую ситуацию мне хотелось бы обсудить на таком же уровне.

Дальнейшие наши контакты показали, что решение было принято в Елисейском дворце. Это сделало настоятельно необходимой организацию встречи с президентом. 10 октября я увиделся с Ф. Миттераном в Тулузе на открытии нового авиационного завода Вести там разговор было неудобно, поэтому я использовал встречу для того, чтобы условиться о посещении президента в Париже.

Помимо цейтнота, который нарастал у нас с работой по договору, усиливалась напряженность и в отношении другого, правда, взаимосвязанного вопроса, а именно: определения даты приезда во Францию президента СССР. По первоначальным наметкам это должно было случиться в октябре, но дело приближалось к середине месяца, а никакой определенности не было. В Елисейском дворце волновались. Я писал все более нажимистые телеграммы в Москву. Мне отвечали, что соответствующий график встреч и визитов еще не определен, но что вопрос этот в поле зрения, над ним работают. Я как мог успокаивал Париж.

Одним словом, крупные вопросы советско-французских отношений сплетались в один узел, и для того, чтобы развязать его, требовались быстрые, решительные шаги с двух сторон.

11 октября у меня состоялась встреча с генеральным секретарем Кэ д'Орсе Шеером. На этот раз речь шла об обстановке в Персидском заливе. Поскольку я ждал приема у Р. Дюма и Ф. Миттерана, я не собирался поднимать перед Шеером вопрос о договоре. Тем более обратило на себя внимание то, что мой

собеседник при первом же подходящем случае сам затронул эту тему. Он подчеркнул, что в Париже ценят привилегированные отношения с СССР, хотят их поднять на более высокий уровень. Сообщенное нам через Ж. Бло «мнение» насчет формы, в какой это наилучшим образом сделать — в форме договора или декларации, — он объяснил исключительно теми трудностями, которые возникли при согласовании отдельных статей, касающихся безопасности.

Я выразил убеждение, что трудности не являются непреодолимыми при должных взаимных усилиях сторон. Советская сторона к этому готова.

Шеер сказал, что ему известно о моей просьбе встретиться с Р. Дюма. Эта встреча не состоялась вчера и сегодня (10–11 октября) только в связи с занятостью министра Однако ситуация с советско-французским договором является для министра одним из самых приоритетных вопросов. Министр, сказал Шеер, будет обсуждать этот вопрос с Ф. Миттераном. Шеер обещал доложить о нашем разговоре.

Итак, Шеер не представлял позицию по договору, сообщенную мне двумя днями раньше Жаком Бло, как окончательное решение об отказе Парижа от договора Он вообще говорил не о решении, а всего лишь о мнении. А Шеер — кадровый дипломат и знает цену слову. Я тотчас же информировал Москву с оптимистическим выводом: возможности для борьбы за договор налицо.

Сообщение об этом разговоре было прочитано в Москве чуть позже 7 часов вечера 12 октября. Поздно вечером в тот же день Э. А. Шеварднадзе связался по телефону с Р. Дюма Он предложил в качестве срока рабочего визита М. С. Горбачева в Париж 28 октября. Министры условились встретиться в Вене 18 октября для обсуждения всего комплекса вопросов, связанных с визитом советского президента Тем самым, попутно, встречей на нейтральной территории, предложенной нами, снимались и шероховатости, возникшие в связи с несостоявшейся беседой по договору в Нью-Йорке.

Теперь требовалось как можно лучше подготовить разговор в Вене. Отправленные посольством в связи с этим в Москву предложения касались завершения работы по договору и подписания одновременно целой серии соглашений в экономической, социальной, культурной и иных областях.

15 октября меня пригласили в Москву для обмена мнениями перед встречей в Вене. Перед вылетом я позвонил Ж. Бло и предложил ему встретиться для совершенно неофициальной беседы о том, как развязать последние проблемы договора.

Поздно вечером мы вдвоем опять в его кабинете. Проблем две — безопасность и разоружение.

По первой нам так и не дали начать предметную работу. Кто знает, может быть, ее с самого начала припасали для встречи министров. Не будем гадать. Однако мы с партнером так много говорили об этой проблеме, что знаем: здесь развязки имеются, и их надо искать в использовании как можно более обобщенных понятий. Поскольку мы оба с этим согласны, карандашу нетрудно положить текст на бумагу с тем, чтобы предложить его министрам для обсуждения в Вене.

Вот он (я его даю в той окончательной редакции, в которой он вошел в договор, поскольку редакционные поправки по ходу дальнейшей работы были незначительными):

«Если одна из Сторон сочтет, что имеет место ситуация, затрагивающая высшие интересы ее безопасности, она может обратиться к другой Стороне с тем, чтобы между ними были незамедлительно проведены консультации по этому вопросу».

Речь идет о новом по содержанию обязательстве для отношений Советского Союза и Франции. Внимательный взгляд найдет в этой формулировке отблеск столетних усилий дипломатов двух стран в их стремлении адекватно выразить объективную реальность совпадающих интересов России и Франции, Советского Союза и Франции и, скажем это забегая вперед, Российской Федерации и Франции. Однако мысль эта получила вместе с тем звучание, отвечающее современной обстановке, и охватила практически весь объем первоначальных советских предложений, вызвавших столько трудностей.

Что касается разоружения, точнее, ядерного компонента соответствующего раздела, мы, проведя много часов в тщательных поисках, знаем: решения нет, поскольку несовместимы, во всяком случае на тот момент, базовые концепции двух стран. Поэтому мы прикидываем варианты, как, изъяв из проекта упоминание о ядерном оружии, постараться уберечь побольше из того, что наработано в этом разделе в целом. Понимаем, что это будет трудно.

Во всяком случае, я улетел в Москву хорошо подготовленным.

Совещание по договору Э. А. Шеварднадзе назначил в своем кабинете вечером накануне вылета в Вену.

Меня он принял немного раньше.

— Что случилось в Нью-Йорке? — спрашиваю я.

Вместо ответа министр нажимает кнопку. Входит работник его секретариата.

— Была у нас просьба от Р. Дюма о встрече со мною в Нью-Йорке?

— Была.

— А почему же встреча не состоялась?

— Программа была напряженной. Не выходило по времени, — говорит дипломат и после паузы добавляет: — по техническим причинам.

— Нет, — замечает министр, — тут не техника, тут — политика.

Дипломат удаляется.

Не могу сказать, что для меня все прояснилось.

Совещание затянулось. Предложенная развязка по вопросам безопасности возражений не вызвала и в дальнейшем была в принципе одобрена министрами в Вене. С вопросом о ядерном оружии дело обстояло иначе. Французская позиция у многих моих коллег вызывала непонимание. Приходилось разъяснять, почему предлагавшиеся варианты не пройдут. Формулировка, которая могла бы решить проблему, так и не была найдена. Разговор министров в Вене подтвердил это. Они решили вообще не упоминать в договоре о ядерном разоружении.

В Вене было объявлено о том, что 29 октября состоится визит президента СССР во Францию. Главной целью визита будет подписание советско-французского договора.

Перевал остался позади.

У посольства, как всегда в подобных случаях, море дел, но напряжение сброшено, все ориентиры определены.

В первую очередь требуется завершить подготовку договора. 22 октября работа на Кэ д'Орсе возобновляется. Завершаем шлифовку формулировки по безопасности. Она включается в раздел о консультациях. Некоторое время уходит на раздел о разоружении. Основная статья на эту тему гласила:

«Стороны согласны в том, что проведение оборонительной военной политики и практическая реализация всеми государствами принципа достаточности представляет собой решающий вклад в дело европейской и международной безопасности».

Поскольку речь шла о двух ядерных державах, можно было полагать, что принцип достаточности касался и ядерного оружия. Понадобится время, чтобы в диалоге наших стран появилось согласие на включение в текст понятия минимальной достаточности с прямым указанием на то, что это относится и к ядерным вооружениям, как это было записано в российско-французском договоре 1992 года.

Далее в разделе о разоружении делался акцент на необходимости поэтапного осуществления всеобщего и полного разоружения под строгим и эффективным международным

контролем. Конечно, и в этом случае подразумевалось также ядерное оружие.

Мы сверяем тексты и ждем одобрения.

Р. Дюма предлагает последний штрих: дать подзаголовки разделам. Что же, это прибавляет выразительности. Договор готов к подписанию.

* * *

27 октября за день до прибытия в Париж президента СССР меня принимает Ф. Миттеран. В своем кабинете в Елисейском дворце. Интерьер и обстановка выдержаны в строгом современном стиле. В голубоватых тонах. С Ф. Миттераном его дипломатический советник П. Морель, будущий посол Франции в Москве.

Беседа продолжительная. Тем для обсуждения много. Обстановка в мире меняется. Дни Варшавского договора сочтены. Страны Восточной Европы ищут новые пути в будущее. Объединение Германии — вопрос решенный. Все это перемены, оставляющие глубокий след в истории, прямо затрагивающие и Советский Союз и Францию. И вместе с тем это всего лишь какие-то моментальные кадры, снимки бешено несущейся лавины событий. Куда? Такой вопрос всегда остро, острее, чем перед многими другими, встает перед первым лицом в государстве, в данном случае перед президентом Франции. Конечно, на его стол ложатся вся информация, все оценки, на которые способен весь с таким тщанием созданный, обкатанный государственный аппарат: послы, спецслужбы, помощники, министры. Но последний вывод делать ему. Определять путь реальной политики. Публично формулировать ее. Задача эта в последнее время многократно осложнилась, риск, возможность и цена ошибки возросли. Это сполна осознал Ф. Миттеран совсем недавно, когда требовалось определить, спрогнозировать, состоится или нет объединение Германии. В ноябре 1989 г. рухнула Берлинская стена, через прорванные заслоны хлынули потоки немцев. Настоятельно требовалось определиться, как действовать в германских делах, если не опережая ход истории, то, по крайней мере, в ногу с ней.

В течение нескольких десятилетни вместе со своими союзниками Франция прилежно поддерживала все прокламации в пользу объединения Германии, но ни для кого не было секретом, что свою политику она строила на других, прямо противоположных началах — на заинтересованности, чтобы

вопрос с объединением затягивался как можно больше, и на растущей с годами убежденности, что этого не случится, может быть, даже никогда (совсем затаенная мысль). Не хотелось думать, что это может вдруг произойти сейчас. От кого это зависело? Конечно же, прежде всего от Советского Союза. Десятилетиями руководители Франции были спокойны: Москва с ее главной ставкой на ГДР, с ее решительной, бескомпромиссной поддержкой этого государства, равно как и незыблемости всего политико-территориального статуса Центральной и Восточной Европы, как бы оберегала, гарантировала этот фундаментальный постулат французской политики значительно лучше и надежнее, чем это могла сделать сама Франция. Нет, Париж не оставался в стороне. Чем мог и как мог он способствовал такому ходу дел. Но тонко, аккуратно. По понятным всем причинам.

И вот некоторое время назад над такой проблемой пришлось вдруг задуматься. Всерьез. Возникло сомнение насчет того, куда идет дело. Не к германскому ли объединению?

Прежде чем сделать окончательный для себя вывод и соответственно выстроить цепочку своих действий, Ф. Миттеран решил использовать казавшийся ему самым верным и надежным способ проверки самого себя — допустит или нет Советский Союз такое крушение основы основ сложившейся в Европе обстановки — встретиться с М. С. Горбачевым. Тем более, что отношения с советским лидером складывались отлично. Встретились. Разговор состоялся в Киеве. Случилось это 6 декабря 1989 г. Момент представлялся как никогда удачным, сразу после, судя по всему, сверхдоверительной встречи М. С. Горбачева с новым американским президентом Дж. Бушем на Мальте. Там, вероятно, обсуждалось все главное для международной жизни, а может быть, и решалось…

Стало быть, и ответы будут получены самые свежие, из первых рук. В том числе по такому важному для французского президента вопросу, как объединение Германии. И что же?

— Нет, не просматривалось объединения! — Об этом свидетельствовали все высказывания М. С. Горбачева.

Можно ли было верить этому? Такие вопросы никогда не лишние ни для дипломата, ни для политика. Но, во-первых, не уловил французский президент ни тени сомнения в том, что говорил ему на эту тему советский собеседник. А во-вторых, даже такой искушенный человек, как Ф. Миттеран, не свободен от естественной человеческой склонности верить больше всего тому, чего самому хочется. Даже в рамках этих заметок будет видно, что эта его слабость будет повторяться.

И Ф. Миттеран решил исходить в своих действиях из

посыпки: хорошо все-таки, чтобы не было германского объединения. Публично Ф. Миттеран заявил прямо: «Если дорожить миром, то не следует просто так прикасаться к границам»[12].

20 декабря 1989 г. президент Франции нанес официальный визит в ГДР. Приглашал его еще Эрик Хонеккер, принимал Ганс Модров. Президент Франции был последовательным до предела.

Вскоре из всего этого вышел конфуз. Большой. «Это было уже не упрямством, а политической слепотой», — оценят позже этот шаг французские наблюдатели[13]. Объединение Германии состоялось…

Вот и теперь быстро накатываются новые события. Среди них конфликт вокруг захваченного Ираком Кувейта.

Вернее, конфликт свирепствует уже давно, близится его военная развязка, явно неотвратимая, хотя хотелось бы избежать ее. Вроде бы выбор сделан правильный — идти вместе и до конца с США и Англией, принять участие и в военной операции. Но общественное мнение Франции не едино. Если случится какая-то осечка, — а самое страшное, если того и гляди пойдут гробы с телами французских солдат, — то забот не оберешься. Да и в отношении арабского мира хорошо бы найти баланс, чтобы выглядеть не совсем так, как США или Англия. Ведь у Франции в том, что касается арабов, всегда свои особенности. Министр иностранных дел Ролан Дюма пытается что-то сделать. Но маховик американской военной машины раскручен и вращается с такой силой, что его не остановить. Лондон непреклонен. Саддам Хусейн упрям сверх всякого здравого смысла. Москва вроде бы могла бы быть поближе, но и там, кажется, берет верх жесткость. К тому же ей, Москве, легче Франции: своих парней она в аравийскую пустыню посещать не собирается. Непросто это, но финалу здесь быть скоро, и с меньшими или большими издержками. Франция все же будет среда тех, кто — в этом можно не сомневаться — возьмет верх.

Есть, к сожалению, проблемы посложнее. В самой Европе, или даже побольше чем в Европе. Надо все больше задумываться о будущем Франции, о ее месте в быстро меняющемся международном раскладе.

Вот и в нашей беседе президент обстоятельно рассуждает насчет ключевой роли, которая, по его убеждению, должна принадлежать в новой обстановке в Европе отношениям его страны с Советским Союзом.

— Я доверяю истории, — говорит президент, — а она свидетельствует о том, что когда отношения наших стран складывались благополучно, то это шло на пользу всей Европе.

Мы должны сохранять эту историческую преемственность.

В этих словах опыт прошлого Ф. Миттеран переносит на задачи грядущего этапа европейского развития, а само это решение явно мыслится им в масштабах всего континента. Эго полностью отвечает нашему видению, и я поддерживаю мысль президента.

Он переходит к другому аспекту проблемы.

— Наши страны всегда помогали друг другу в прошлые времена, — заявляет Ф. Миттеран. — Так должно быть и сейчас, когда Советский Союз находится на исключительно трудном этапе перехода к новому состоянию.

Это большая тема. Вокруг Советского союза все в большей степени переплетаются нити мировой политики. Ф. Миттеран видит неоднозначность процессов, развивающихся в нашей стране, и труднопредсказуемость их результатов. Ход дел беспокоит его все больше. Что именно?

Президент не скрывает. По мере того как развивается наша беседа, он все откровеннее обнажает свои озабоченности.

— Я понимаю, — заявляет он, — всю сложность того, что происходит в Советском Союзе, и остаюсь, как вы знаете, убежденным сторонником поддержки вашей страны в обеспечении успеха политики перестройки. Эго — один из главных вопросов для будущего Европы.

— То, что вы говорите, — замечаю я, — весьма ценно. В общем плане мы видим все более благоприятное отношение к переменам в нашей стране. Со стороны Франции особенно. Но остаются открытыми вопросы, когда и в каких формах эта поддержка может обрести конкретность.

Президент готов к ответу на такой вопрос.

— Да, своевременность поддержки очень важна. Убежден, — подчеркивает он, — что момент для нас наступает именно сейчас.

Я говорю, что это важная констатация.

— К сожалению, — говорит собеседник, — работа в рамках Европейских Сообществ по оценке советских потребностей идет не так быстро, как хотелось бы. Мои партнеры не очень-то горят энтузиазмом. Завтра в Риме, как вы, конечно, знаете, состоится внеочередное заседание Европейского совета. Будут руководители всех стран ЕС. Но думаю, что дело ограничится общим обсуждением вопросов финансово-экономического содействия Советскому Союзу. Конкретные решения вряд ли будут приняты. Видимо, на этот счет Сообщества определятся на декабрьской сессии Евросовета после того, как станут известны заключения соответствующих международных организаций.

— А как обстоит дело, господин президент, с идеей

заключения договора между Европейскими Сообществами и Советским Союзом?

— Я еще полгода назад высказал свои соображения на этот счет, — отвечает Ф. Миттеран. — И опять-таки думая в первую очередь о необходимости объединения и координации усилий государств, входящих в Европейские Сообщества по оказанию действенной помощи Советскому Союзу в решении задач перестройки. К тому же согласованная линия ЕС требуется как в отношениях с вашей страной, так и с Соединенными Штатами. Отношения эти должны быть поставлены на прочную правовую основу и ориентированы на развитие крупномасштабного сотрудничества в расчете на перспективу.

Интересная оценка. Из дальнейших замечаний на эту тему видно, что заключение соглашения между ЕС и Советским Союзом видится французским президентом как элемент, и весьма важный, новой ситуации в рамках Сообщества, складывающейся после объединения Германии. Но путь предстоит длинный. Единства среди членов Европейских Сообществ пока не сложилось.

Таким образом, все это скорее задумки, направления усилий, чем реальные ответы на растущие заботы. И президент говорит о них все более прямо.

— Мы с пониманием относимся к мероприятиям советского руководства по решению внутренних проблем вашей страны, в том числе межнациональных. Я приветствую и процесс совершенствования советской федерации.

Президент сделал короткую паузу, как бы выделяя значение следующей фразы.

— В то же время Франция, — подчеркнул он, — заинтересована в том, чтобы Советский Союз и впредь оставался сильным, прочным, единым государством.

Нелегко слышать эти слова Даже если они продиктованы самыми лучшими побуждениями, сам факт, что сегодня такого рода вещи стали темой дипломатической беседы, — показатель того, что на повестку дня встает сверхделикатная и крупная проблема: быть или не быть Советскому Союзу, и больше того — стране нашей и ее исторически сложившейся данности. Такие вопросы все больше выходят на поверхность, но я еще не свыкся до конца с этим. Вот и сейчас предпочитаю никак не реагировать на сказанное. Ф. Миттеран тоже молчит какое-то время. Потом заявляет, не повышая голоса, но чеканя слова.

— Распыление Советского Союза обернулось бы большими проблемами для Европы.

Вот она — суть тревог президента Тревог, несомненно,

обоснованных, повернись дела так, как он говорит.

— Такой подход диктуется не только дружественными чувствами к Советскому Союзу, к политике глубокой трансформации самих основ жизни советского общества. Он определяется национальными интересами Франции, — заявляет Ф. Миттеран и поясняет: — Мы не хотим, чтобы на карте Европы появилось множество самостоятельных образований, с которыми такой стране, как Франция, было бы во всех отношениях труднее иметь дело, прежде всего в экономической области.

За этими суждениями немало раздумий, сформировавшееся мнение насчет возможной эволюции европейской обстановки, движущих сил этой эволюции, потенциальных угроз.

— Европа как бы начинает осознавать себя как единое целое, — рассуждает президент. — Но это сопровождается бурным процессом пробуждения национального самосознания в отдельных странах. Сам по себе процесс этот естественен и в нем нет ничего страшного, но только до определенного предела.

Президент слегка повысил голос, акцентируя внимание на последних словах.

— Дальше, — говорит он, — за этим пределом, за этим рубежом, возникает опасность нового раздробления и раскола континента.

Теперь очевидно, насколько тесно неопределенность в отношении судьбы Советского Союза увязана в сознании президента с озабоченностями более широкого плана.

Я говорю о необходимости активной политики, которая позволила бы направить ход дел по нужному руслу. Мы находим самое широкое совпадение взглядов в этой области.

— Преодолеть неблагоприятное развитие событий можно лишь на путях строительства единой Европы, — говорит Ф. Миттеран. — Через дальнейшее углубление хельсинкского процесса, проведение в жизнь идей общеевропейского дома и европейской конфедерации.

В этом мы, конечно, согласны. Президент заявляет, что значение предстоящего в ноябре того же года в Париже Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе на высшем уровне он видит в проведении в жизнь этих идей.

— Итак, — прощается президент, — до встречи через два дня.

Я возвращаюсь в посольство. Анализируем содержание беседы с ближайшими помощниками. Оно существенно. Не на всяких переговорах, даже доверительных, услышишь так много о проблемах действительно крупных. К тому же французский президент откровенно поделился своим видением вещей. Включая, как частицу фона, и нечто неожиданное — по меньшей

мере вопрос: сумеет ли М. Горбачев совладать с надвигающимися испытаниями?

* * *

Президент Советского Союза прибывал в Париж из Испании 28 октября. Встречавшие собрались в павильоне для почетных гостей аэропорта Орли, все в той же «Избе». Главный встречающий с французской стороны — госсекретарь по иностранным делам. Визит рабочий, и протокол прост. Но незадолго до прибытия советского самолета неожиданно для нас приземлился самолет Ф. Миттерана, возвратившегося из Рима после заседания Европейского Совета. Своим присутствием французский президент подчеркивал значение предстоящего события.

Перед самым прибытием нашего самолета разразился сильный ливень, пришлось свернуть и без того неброскую церемонию встречи и под зонтами быстро проследовать мимо открытого потокам воды почетного караула.

Визит краткий, меньше суток. Обед-беседа президентов Советского Союза и Франции в Елисейском дворце. Обед-разговор министров Э. Шеварднадзе и Р. Дюма вместе с другими сопровождающими советского президента на Кэ д'Орсе. Из злободневных вопросов самый острый — кризис вокруг Кувейта. Обсуждение ведется доверительно и откровенно, так же, впрочем, как и по всем другим возникающим вопросам. Полное впечатление, что договор, несмотря на то, что он еще только в проекте, уже действует.

Центральное мероприятие визита — подписание договора — состоялось на следующий день в Рамбуйе. Замок был свидетелем многих важных встреч руководителей наших стран. И вместе с тем этот день был особым. Мы только что подписали Договор о согласии и сотрудничестве между нашими странами, — торжественно заявил Ф. Миттеран войдя в зал, где состоялась пресс-конференция после того, как все подписи были поставлены.

Президент Франции дает тут же, в Рамбуйе, завтрак.

Я сижу напротив Р. Дюма. Он улыбается. Спрашивает: «Вы довольны, Дубинин?»

— Да.

Сам министр тоже демонстрирует удовлетворение.

— Быть может, нынешний момент, — говорит он, — наиболее подходящий, если не единственный, когда мог быть подписан такой документ, тем более что договоров подобного масштаба

Франция не заключала уже 27 лет.

Я в свою очередь отмечаю, что время выбрано удачно. Открыта новая страница в наших отношениях.

— Для Ф. Миттерана, — поясняет Р. Дюма, — это помимо прочего вопрос о том, какой след оставит его президентство в истории внешней политики Франции. С договором президент связывает очень многое в практических делах сегодняшнего дня: для него это и начало осуществления дорогой его сердцу идеи построения европейской конфедерации, и прообраз будущего политического договора между Советским Союзом и Европейскими Сообществами.

Полезные ориентиры. Правда, по моим наблюдениям, даже в самом Париже пока плохо себе представляют, во что конкретно может вылиться идея т. н. европейской конфедерации. Но политически она заслуживает внимания уже потому, что в этой идее европейское сотрудничество мыслится с полновесным участием Советского Союза и эта Европа обретает, стало быть, контуры пространства, простирающегося от Атлантики до Тихого океана. Сближение с Общим рынком — тема, бесспорно, важная. В целом основы для взаимодействия Советского Союза и Франции созданы хорошие, небывалые за много предшествующих десятилетий, особенно с учетом быстрой демократизации Советского Союза Быть может, это как-то поможет и делам дома Французы выделили кредит в 10 млрд франков. Пять из них уже пущены в оборот перед встречей в Рамбуйе. О других пяти разговор тоже конструктивный.

Вместе с «обменными письмами» о приоритетных областях советско-французского сотрудничества и рядом других соглашений, нацеленных на создание основы для взаимодействия двух стран в конкретных областях, прежде всего в области экономики, договор закладывал основу нового этапа отношений между СССР и Францией. Но главное — речь шла о документе, принятом на новой фазе развития международной обстановки, приходившей на смену эпохе конфронтации и холодной войны. И это был первый документ такого рода.

9 ноября в Бонне был подписан договор между СССР и ФРГ.

Затем последует целая серия других договоров такого типа.

Однако основное — дела домашние, обстановка в Советском Союзе. Это всегда так. Дипломатия способна помочь, но не решить задачи внутренней политики. Сама дипломатия сильна силой страны, стабильностью государства, здоровьем экономики. Все ли в этом отношении у нас в порядке? Конечно, нет. И во Франции все больше разрастается дискуссия на этот счет.

В правых кругах набирают силу голоса; с оказанием

финансового содействия Советскому Союзу следует повременить. Их рецепт; необходимо либо подождать прояснения политической обстановки в стране, либо оказывать содействие другим политическим силам, в частности союзным республикам. Доходят до нас слухи, что сходные вопросы начинают возникать и во французском правительстве. Возникает вопрос и о судьбе Советско-французского договора Этот Договор был быстро ратифицирован Верховным Советом СССР при полном единодушии всех депутатов. А во Франции это еще предстояло сделать.

Август 1991-го

Между тем работа посольства сконцентрировалась на подготовке Парижского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, назначенного на 20–21 ноября. Решения подготовлены масштабные. Париж оказывается связанным с еще одним крупным дипломатическим событием. В то же время дает себя знать все больше озабоченность в связи с межнациональными конфликтами, обостряющимися в ряде стран Европы. Генеральный секретарь министерства иностранных дел Ф. Шеер говорит мне, что в Париже видят в этих конфликтах большую опасность для обстановки в Европе, поскольку именно с такого рода проблем в прошлом начинались столкновения на континенте.

Подготовка встречи по существу выносимых на нее вопросов ведется в Вене делегациями всех государств-участников. На нас в Париже лежат обычные в таких случаях оргвопросы. Там же, в Вене, должна быть решена и колючая проблема присутствия на Совещании представителей прибалтийских государств. Эти государства — в тот момент еще союзные республики в составе СССР — настойчиво ставят вопрос о своем участии в Совещании. Проблема разрастается, обостряется. Она касается всех государств-участников, но чем ближе дата Совещания, тем в большей степени она ложится на плечи Франции как страны-хозяйки, организатора Совещания. Исполнительный секретарь Совещания — француз. Он, конечно, должен быть нейтральным, исполнять волю всех, но, как это всегда бывает в подобных случаях, он находится прежде всего в постоянном контакте с правительством своей страны. Одним словом, если не удастся в Вене договориться насчет формы участия прибалтов в Совещании, — а договориться значит достичь консенсуса, согласия между всеми, включая Советский Союз, видимо, будут изыскиваться какие-то «хитрые», вроде бы «вне политики», варианты развязки проблемы на месте. Такие, например, чтобы никакого решения как бы не принималось, а прибалты на Совещании все-таки оказались. Забота о такой операции должна лечь на плечи французов, им же придется проявить и всю возможную изобретательность, чтобы решить головоломку.

В Вене не договорились. Во всяком случае, четко и окончательно. Советский Союз на участие прибалтов в Совещании добро не дал, считая, что согласие на это означало бы признание за этими республиками международного статуса, другими словами, независимости. Москва сопротивлялась этому.

К тому же центробежные силы в Советском Союзе нарастали так быстро, что к участию или, по крайней мере, присутствию на Парижском совещании стали тянуться, чтобы показать миру свой флаг, и другие союзные республики. Украина в частности. Это обостряло восприятие проблемы советским руководством.

Стало быть, центр тяжести в проблеме присутствия прибалтов на Совещании переместился из Вены в Париж, а сама проблема по сложности стала напоминать для французов задачу протаскивания верблюда через игольное ушко. Французские власти мудрили что-то сами, не обращаясь к посольству. Правда, при наших встречах с исполнительным секретарем последний иногда намекал, что у него имеются какие-то свои варианты выхода из положения, которые он будет готов пустить в ход, на что мы отвечали, что все проблемы в рамках общеевропейского процесса решаются сообща, а Москва нам никаких полномочий вести переговоры не давала.

Но вот 17 ноября последовало указание передать в МИД Франции сообщение о том, что президент Советского Союза пригласил представителей РСФСР, Украины, Белоруссии, Латвии, Литвы, Эстонии, Молдавии, Армении, Азербайджана и Грузии принять участие в работе Совещания в составе делегации СССР. Было пояснено, что данное решение руководства Советского Союза дает возможность французам соответствующим образом реагировать в случае обращения к ним или в оргкомитет Совещания представителей союзных республик.

Мы довели это до сведения Кэ д'Орсе. Принимая от нас информацию, французы никак ее не комментировали. Однако уже через какой-то час один из ближайших помощников Р. Дюма, директор его кабинета Кесседжан предложил по телефону следующую развязку по проблеме участия в Совещании прибалтийских республик. Делегациям этих республик будут направлены приглашения от имени исполнительного секретаря Совещания. Они будут присутствовать на Совещании вместе с другими приглашенными среди публики на специально отведенных местах, отдельно от мест, где будут размещаться члены официальных делегаций.

Мы быстро снеслись с Москвой, после чего на основании полученных указаний подтвердили: нам нечего добавить к тому, что уже было передано французской стороне относительно позиции Советского Союза. На этом наш диалог с Кэ д'Орсе прекратился.

Донеслись до нас отзвуки и украинской активности, связанной с Парижским совещанием. Незадолго до его начала представитель Украины при ЮНЕСКО В. Скофенко сообщил мне,

что в Париж по случаю Совещания прилетела делегация из Киева, состоящая из трех депутатов — видных деятелей движения Рух. Делегация проявила интерес к встрече со мной, но, прежде чем сделать формальный запрос, решила прозондировать, буду ли я готов принять ее. Вскоре депутаты были в посольстве.

Украинские депутаты рассказали, что уполномочены Л. М. Кравчуком присутствовать на Совещании. Перед вылетом из Москвы их принимал Э. Шеварднадзе. Они просили у него поддержки. Беседа с Э. Шеварднадзе была, по их словам, вежливой, но, как они видят, безрезультатной. В Париже им тоже ничего устраивающего их добиться не удалось и, видимо, не удастся. Передо мной они никаких вопросов не ставили и ни о чем не просили, и зашли ко мне с визитом вежливости. Через какую-то пару лет с двумя из моих посетителей — Дмитрием Павлычко, председателем комиссии по иностранным делам Верховного Совета Украины, и Николаем Горынем — мы оказались в качестве представителей иностранных государств за столом переговоров по проблемам Черноморского флота и ликвидации ядерного оружия, дислоцированного на территории Украины.

Самолет с советской делегацией на Совещание прилетел в Париж вечером 19 ноября из Рима Прямо в аэропорту Э. Шеварднадзе сказал мне, что в Москву поступила информация, что присутствие представителей прибалтийских республик в зале Совещания все-таки планируется. Надо срочно связаться с МИД Франции и, ссылаясь на М. Горбачева, сказать, что этого делать не следует. Изложив это поручение, Э. Шеварднадзе как-то неопределенно добавил: «Скажите это, ну, а что получится, посмотрим». Поручение мы выполнили, переговорив с Кесседжаном.

Утро 20 ноября началось со встречи в Елисейском дворце глав делегаций двадцати двух государств — членов Варшавского договора и Атлантического союза. Они должны были подписать Договор о сокращении обычных вооружений и Декларацию 22 государств НАТО и Варшавского договора Мероприятие в Елисейском дворце непосредственно предшествовало открытию Парижского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, работа которого должна была проходить в другом месте — на авеню Клебер, недалеко от Триумфальной арки.

Я сопровождал нашу делегацию. Едва мы расселись вокруг стола, как М. Горбачев подозвал меня и поинтересовался, исполнил ли я поручение. Я ответил утвердительно.

— Меня этот вопрос беспокоит, — заявил он сидевшему рядом с ним Ф. Миттерану, несколькими словами пояснив суть

дела.

Французский президент спокойным голосом произнес: Ролан (имеется в виду министр иностранных дел Р. Дюма) это решит.

Подозвали Р. Дюма, сидевшего чуть поодаль. М. Горбачев заявил ему, что представителей прибалтов в зале быть не должно, иначе он будет вынужден выступить против открыто. Р. Дюма бросил взгляд на Ф. Миттерана. Тот чуть заметно кивнул. Тут же Р. Дюма дал какое-то указание находившемуся в зале Кесседжану. Тот пытался объяснить, что приглашенные, а среди них и прибалты, уже рассаживаются по своим местам в помещении, где должно было состояться Совещание и куда вскоре должны были приехать и участники встречи в Елисейском дворце, но Р. Дюма подтвердил свое указание, показав пальцем вверх, куда-то туда, где должен был бы находиться Бог. Кесседжан исчез.

М. Горбачев за всем этим внимательно наблюдал, затем, повернувшись к сидевшему рядом Э. Шеварднадзе, назидательно бросил: «Вот так! В таких делах надо действовать определенно».

Э. Шеварднадзе промолчал.

Войдя несколько позже в зал заседания Совещания на авеню Клебер, мы обратили внимание на то, как элегантные девушки из исполнительного секретариата быстро заполняли свободные места на трибуне, возведенной в основном зале сбоку от стола, где размещались официальные делегации государств-участников. Они любезно приглашали на эти места сопровождающих делегации лиц из соседних с залом помещений, где те могли бы следить за ходом заседаний только по телевизору. При подготовке Совещания за каждое из мест на этой трибуне велись сложнейшие дипломатические переговоры. Значит, освободились они внезапно, после решения насчет прибалтов, принятого в Елисейском дворце.

Национальные проблемы нашей страны во все большей степени выходили на поверхность международной жизни.

* * *

Как воспринималось официальной Францией быстрое развитие обстановки в Советском Союзе?

Тревоги и озабоченность французского президента, высказывавшиеся в беседах со мною, стали находить все более откровенное отражение и в его публичных выступлениях. Характерным в этом отношении стало его обращение к дипломатическому корпусу в первые дни 1991 г.

На смену хрупкому равновесию последнего времени, заявил

Ф. Миттеран, приходит неизведанная эпоха, она таит в себе угрозу возрождения на европейском континенте старых проблем XIX века: всплеск национализма, классическое соперничество между европейскими странами, балканский вопрос и т. д.

Новый для президентских заявлений элемент.

В то же время Ф. Миттеран отмечал, что это происходит в условиях, когда не снята острота проблем в отношениях Север — Юг. Конечно, говорил он, кое-какие раны удалось залечить, однако глубинные причины бедственного положения развивающихся стран остаются по сути нетронутыми…

Где же выход? Его французский президент обозначал в общем плане. Когда сходит на нет лобовое противостояние блоков, должно возрастать значение диалога и обеспечение уважения между народно го права.

* * *

Показательным для курса Елисейского дворца в отношении внутриполитического развития в СССР явилось отношение французского правительства к кризисной обстановке, возникшей в начале января 1991 года в Прибалтике. Сам президент воздержался от каких-либо публичных комментариев по поводу силовых акций в Вильнюсе и других пунктах Прибалтики с пущенными в ход танками и жертвами. Ролан Дюма опубликовал вместе со своим коллегой министром иностранных дел ФРГ критическое заявление. Позвонив мне по телефону, он счел необходимым пояснить: «Не сделать этого мы просто не могли».

Выступая по телевидению, французский министр повторил известную позицию насчет того, что Франция никогда не признавала аннексию прибалтийских государств, однако добавил существенный для баланса элемент о том, что не следует забывать также о пятидесяти годах совместной жизни в рамках Советского Союза.

Что касается общественного мнения Франции, то его реакция была бурной и остро критической.

Наши многочисленные официальные собеседники стремились в те дни подробно разъяснить в беседах с нами положение, в которое они были поставлены. Директор европейского департамента Жак Бло всячески оттенял стремление Парижа не осложнять и без того нелегкую жизнь советского руководства Франция, говорил он, не поощряет ничего такого, что могло бы дестабилизировать центральные власти в СССР, выступает за решение проблем путем диалога. Более того,

Франции до сих пор удавалось также снимать в рамках Европейских Сообществ негативные для советских властей последствия возникшей в Прибалтике напряженности.

Однако, пояснил Бло, одно дело, если речь идет о «случайной оплошности», которая может произойти в любом государстве, и другое, если начинается процесс, чреватый угрозой распространения и на другие районы Советского Союза.

Вывод генерального директора французского МИД состоял в том, что события подошли к опасной черте, когда вот-вот могут «вспыхнуть красные сигнальные лампочки» и сомнения начнут перевешивать искреннее стремление и дальше поддерживать начатую в Советском Союзе политику реформ. Все будет зависеть от того, насколько последовательно советское руководство будет осуществлять объявленное им намерение добиваться решения проблем именно политическими средствами…

Ф. Миттеран направил специальное послание на эту тему М. Горбачеву. Нам в посольстве было ясно, что, если в Москве не будет быстро найдено политическое решение кризисной ситуации в Прибалтике, могли возникнуть последствия для советско-французских отношений в целом, не говоря уже об издержках более широкого плана. Мы об этом подробно и в острой постановке информировали центр.

Некоторое время спустя М. Горбачев, явно отыгрывая в неблагоприятно обернувшейся ситуации, писал в ответном послании Ф. Миттерану, что он поражен неадекватным по размаху и тону отзвуком в мире на эти события. По мнению М. Горбачева, на Западе сработал блоковый рефлекс холодной войны, глубоко, видимо, засевший в порах политики и т. д. В завершении послания он отмечал, что высоко оценил взвешенность и трезвость подхода в обстановке, очень напоминавшей худшие времена идеологической войны.

Однако для целей данного очерка имеет значение не столько детальный разбор этого эпизода, сколько отражение сквозь призму этих событий настроений президента и правительственного аппарата в отношении Советского Союза и развивающихся там процессов. Линия Елисейского дворца, воздержавшегося от каких-либо громогласных деклараций по этим делам, отличалась от оценок ситуации в Прибалтике средствами массовой информации Франции.

Более того, 24 января Ф. Миттеран говорил мне: в последние дни мы постарались умерить реакцию некоторых наших европейских партнеров на то, что происходило в Прибалтике.

Во французских средствах массовой информации нарастала кампания с критикой за поворот М. Горбачева к опоре на

консервативные силы. Р. Дюма прореагировал на это публичным заявлением, отметив, что «настоящий вопрос для нас заключается не в том, опирается ли М. Горбачев на тот или иной элемент своего общественного мнения. Он состоит в том, намерен ли президент Советского Союза продолжать свою политику или же группы давления возьмут верх над ним».

В последующие месяцы во Франции стали набирать силу дебаты вокруг того, кто должен быть партнером Франции как на самое ближайшее время, так и в долгосрочном плане: центр или республики. Усиливалась поляризация между двумя тенденциями. Французское правительство демонстрировало надежду на то, что хаос в СССР будет преодолен и ситуация будет поставлена по контроль центра.

Официальные представители не только в беседах, но и публично высказывали беспокойство по поводу катастрофических последствий, которые мог бы иметь развал страны, ее «атомизация», что поставило бы под вопрос статус-кво в Европе, сложившийся на базе итогов не только второй, но и первой мировой войны, т. е. в результате территориального урегулирования времен Версальского мира.

Р. Дюма отмечал непредсказуемость последствий возможного образования на месте СССР 10–15 государств и роковую роль, которую это могло бы сыграть в «дестабилизации континента». Эти размышления увязывались со все более неблагоприятным развитием обстановки в Югославии — государстве, к созданию которого была причастна Франция.

В то же время представители другой тенденции — главным образом это была правая оппозиция — настаивали на том, что надо спешить с установлением прямых контактов с новыми центрами власти, прежде всего в союзных республиках. Борьба по этому вопросу усиливалась.

Результаты референдума, проведенного в нашей стране 17 марта, давшие большинство в пользу сохранения Советского Союза, вызвали в этих условиях противоречивую реакцию во Франции.

В руководящих кругах тон задавал Елисейский дворец. Там считали, что референдум стал успехом союзного правительства, шагом к прекращению деградации обстановки и выходу из тупика последнего времени. Высказывалась надежда, что начнется прагматическая работа по решению острейших проблем в области экономики и национальных отношений.

В разговоре со мной Ф. Миттеран 21 марта заявил, что он желал именно такого результата референдума.

Р. Дюма тоже выражал удовлетворение. По его мнению, итоги

референдума давали дополнительные аргументы, чтобы продолжать работу с французским общественным мнением в поддержку конструктивной линии президента Франции в отношении Советского Союза.

Наряду с этим министр давал и совет: надеемся, что советское руководство найдет возможность использовать результаты референдума в интересах решения межнациональных проблем в спокойном ключе.

У правых политиков и советологов была иная точка зрения: референдум — это бесцельно потраченные деньги. Голосование за Союз ничего не изменило в раскладе политических сил и является лишь видимой победой центра, поскольку ряд республик не участвовал в голосовании, в некоторых крупных городах результаты голосования неудовлетворительны для центрального правительства, а Россия поддержала предложение об избрании президента этой республики всеобщим прямым голосованием.

Во влиятельных политических кругах все серьезнее стали задаваться вопросом по поводу возможных сценариев развития отношений между центральным руководством и руководством России.

Р. Дюма в разговорах со мною говорил, что к Ларину все больше обращений, просьб об установлении различного рода контактов со стороны союзных республик. Мы хотели бы, отмечал он, найти золотую середину между желанием откликнуться на эти обращения и стремлением уважать советскую федерацию.

Французский министр пояснял вместе с тем, что в Париже намерены пойти на развитие ограниченных контактов с прибалтийскими республиками в области культуры и образования, но эти контакты не будут носить дипломатического характера.

Ритм событий в Советском Союзе ускорялся. Последовавшее в начале апреля заявление о независимости Грузии вызвало в Елисейском дворце беспокойство по поводу нарастающих в Советском Союзе центробежных тенденций. Близкие к аппарату президента советологи расценили это решение как безответственное, поскольку помимо всего остального взятый новым грузинским руководством курс явно вел к расширению уже начавшейся гражданской войны в Южной Осетии и Абхазии.

10–11 апреля в Париже состоялся международный форум на тему «Безопасность Европы на пороге XXI века». Состав участников был представительным.

Во многих выступлениях звучала обеспокоенность за будущее международной безопасности. Практически единодушной была констатация, что возможность мирового конфликта, порождаемая

конфронтацией Восток — Запад, существенно отдалилась. В то же время все больше говорилось о новых опасностях — особенно на региональном уровне. Отмечалось, что во многих регионах, если не повсюду, меняются параметры внутренней политики, оживают дремавшие до сих пор национальные противоречия. Ставился вопрос о новых концепциях безопасности. В то же время мысли о таких новых концепциях, как правило, отличались поверхностностью, эклектичностью. Чувствовалась нарастающая растерянность перед ходом событий, которые, казалось бы, должны были развиваться к лучшему.

Ф. Миттеран воспользовался форумом, чтобы изложить свой взгляд по вопросу о «новой архитектуре Европы». Безопасность континента он представил в виде системы взаимодополняющих друг друга европейских институтов — Североатлантического союза, Европейских Сообществ, Совета Европы, Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В совокупности они составили бы своего рода «страховочную сетку» для предотвращения конфликтов. Совещанию по безопасности отводилось при этом особенно важное место.

Поставил Ф. Миттеран и проблему национальных меньшинств. Ее решение французский президент считал одним из ключевых компонентов нового мирного и демократического порядка Суть его размышлений состояла в том, что «в интересах безопасности и стабильности на континенте, чаяния национальных меньшинств, их законные права должны обеспечиваться в рамках существующих государств». Тем самым Ф. Миттеран стремился способствовать предотвращению распада европейских государств.

То, о чем все более настойчиво французский президент говорил в беседах, звучало теперь публично.

В середине апреля Ф. Миттеран отмечал в беседе, что он советовал и советует своим западным европейским партнерам и США содействовать необходимому «умиротворению» в сфере межнациональных проблем в Советском Союзе. Важно, говорил он, избежать такого положения, при котором прибалтийские республики «заразили бы» своим примером другие, более значительные во всех отношениях советские республики. При этом он сетовал, что следовать взвешенной, серьезной линии французскому руководству иногда нелегко, учитывая поступающие от некоторых союзных республик настойчивые просьбы об установлении каких-то особых отношений с Францией. Однако, подчеркивал Ф. Миттеран, с избранного курса он сворачивать не собирается.

В эти дни нам стало известно от французских знакомых о

намечавшейся поездке во Францию Б. Н. Ельцина. Судя по переданной в посольство организаторами поездки программе, пребывание Б. Н. Ельцина, в то время Председателя Верховного Совета РСФСР, должно было быть весьма насыщенным и включало, в частности, встречу с председателем Национального Собрания Франции Фабиусом.

Б. Н. Ельцин занимал высший государственный пост в самой крупной союзной республике нашей страны. В силу этого я счел необходимым проинформировать Москву о полученной нами программе его пребывания. Я знаю, что эта телеграмма, как и положено, была размечена, иными словами, послана, в его адрес. Никаких указаний из Москвы о возможных действиях посольства я не получил. Вместе с тем я полагал естественным и непременным, как посол Советского Союза, встретить Б. Н. Ельцина и принять участие, разумеется, в случае одобрения с его стороны, в официальных мероприятиях по случаю его пребывания.

Б. Н. Ельцин прилетел 14 апреля в Страсбург. Туда я и отправился, взяв с собой нашего консула для помощи во всех возможных формальностях, а также дипломата — знатока французского языка на случай необходимости в переводе. Все официальные представители — мэр Страсбурга, руководство Совета Европы — с большим удовлетворением восприняли сообщение о моем возможном участии в основных мероприятиях программы. Они откровенно говорили мне, что это снимало с них определенные неудобства, связанные со сложностью внутриполитических отношений в Советском Союзе.

Самолет Б. Н. Ельцина прилетел в Страсбург из Минеральных Вод, где Б. Н. Ельцин находился на отдыхе. Уже стемнело. Вместе со встречающими я вышел к трапу. Предстоял мой первый контакт с Б. Н. Ельциным. До этого я видел его только издали на пленумах ЦК КПСС. Французы соблюдали необходимый протокол. Я поздоровался с Б. Н. Ельциным первым и представил ему основных французских официальных лиц во главе с заместителем мэра Страсбурга. Несколько в стороне расположилась группа журналистов.

Направившись к журналистам, Б. Н. Ельцин кратко изложил цели своей поездки. Сделал он это сбалансированно, подчеркнув, что его «демарш» является не альтернативой политике М. Горбачева в отношении западных стран, а возвращением России в Европу. Говорил он и о том, что не имеет намерения заключать какие-либо стратегические договоры, относящиеся к компетенции Союза, но хотел бы завязать экономические и культурные связи с Европой, с которой каждая союзная

республика должна иметь возможность сама подписывать соглашения.

В кратком разговоре в аэропорту я сказал Б. Н. Ельцину о своем намерении принять участие в официальных мероприятиях по случаю его пребывания. Это он воспринял с удовлетворением.

Б. Н. Ельцин выражал готовность незамедлительно подписать европейскую конвенцию по правам человека, другие документы, которые открывали бы путь для вступления РСФСР в Совет Европы. Об этом он прямо говорил, в частности, на завтраке, который дала в его честь генеральный секретарь Совета Европы Катрин Лялюмьер. Ответ со стороны Катрин Лялюмьер состоял в том, что Совет Европы может поддерживать отношения только с международно признанными суверенными государствами. Таким государством в данном случае является Советский Союз. К. Лялюмьер добавляла: надо дождаться подписания нового союзного договора, чтобы вести разговор об установлении отношений с отдельными республиками, входящими в СССР, с учетом содержания этого договора. Секретарь Совета Европы оговорилась, что подготовка нового союзного договора, равно как и решение вопроса о взаимоотношениях между центром и республиками, являются сугубо внутренним делом Советского Союза.

Б. Н. Ельцин выразил уверенность, что необходимая правовая база для решения вопроса о присоединении России к Совету Европы будет создана в ближайшее время.

В Париже французы предусмотрели в программе пребывания встречу Б. Н. Ельцина с Председателем Национального Собрания Л. Фабиусом. Я предупредил их о своем намерении сопровождать Б. Н. Ельцина на этой беседе. Однако еще в Страсбурге они мне доверительно сказали, что против моего участия выступает кто-то из ближайшего окружения Б. Н. Ельцина, кто отвечал за программу. Меня это удивило, и я переговорил с Б. Н. Ельциным, который сразу же заявил, что он за мое участие в беседе.

Со стороны собеседников Б. Н. Ельцина и в Париже, и в Страсбурге открыто выражалась озабоченность сепаратистскими тенденциями внутри Советского Союза, подъемом националистической волны. Отмечалось, что это грозит целостности не только Советского Союза, но и стабильности в Европе в целом. Председатель Европарламента Э. Барон Креспо сетовал на то, что, в то время как Западная Европа объединяется, вырабатывает общую политику, создает общую валюту, на другом конце континента наблюдается обратная тенденция.

Б. Н. Ельцин в беседе с Председателем Национального Собрания отрицал наличие личного конфликта с

М. С. Горбачевым, но говорил, что не разделяет позиций М. С. Горбачева по целому ряду вопросов. Подчеркивал, что если демократия в стране окажется под угрозой из-за выступления правых сил, то будет найдена возможность объединиться с М. С. Горбачевым.

После завершения официальных мероприятий в Страсбурге я по договоренности с Б. Н. Ельциным улетел в Париж.

Б. Н. Ельцину предстояли в Страсбурге встречи с Европейским парламентом, и поэтому он прилетел в Париж на день позже меня. Я встретил его в аэропорту Шарль де Голль. В его кратких оценках чувствовалась неудовлетворенность тем, как идет поездка. Она усилилась, когда в Париже возникли сложности в организации встречи Б. Н. Ельцина с Ф. Миттераном. Этим команда Б. Н. Ельцина занималась сама, не прибегая к помощи посольства Нам стало известно, что принимал Б. Н. Ельцина в Елисейском дворце его генеральный секретарь Ж-.Л. Бьянко, а во время беседы к ним присоединился Ф. Миттеран, которого Б. Н. Ельцин пригласил посетить Россию. По окончании беседы официальный представитель Елисейского дворца Ю. Ведрин сделал публичное заявление, в котором говорилось: «Ельцин представляет Россию, и интерес имеет беседа с ним именно в этом качестве. Однако здесь не должно быть неясности. У Советского Союза один президент. Им является М. Горбачев».

Оценка этой поездки дана Б. Н. Ельциным в вышедшей в 1994 г. книге его воспоминаний «Записки президента».

За отказ Ф. Миттерана от полноценного приема Б. Н. Ельцина он был подвергнут массированной критике со стороны оппозиции. Вряд ли где-либо в мире противоречия по вопросу об отношении в тот момент к Российской Федерации проявились с такой силой, как во Франции, и это во многом сказалось на действиях французского президента в первый день августовского путча в Москве. Но об этом позже.

В начале мая Ф. Миттеран посетил Москву с однодневным визитом. Переговоры были нацелены на развитие линии на сотрудничество двух стран в духе подписанного в октябре Договора. Много, значительно больше обычного, места заняло обсуждение крупных экономических проектов в отношениях между СССР и Францией. Основную политическую окраску визиту придала подчеркнутая публичная политическая поддержка Ф. Миттераном М. Горбачева.

Ситуация в союзных республиках СССР привлекала к себе все большее внимание Национального Собрания Франции. Отвечая 3 июня 1991 г. на соответствующий вопрос, госсекретарь по

иностранным делам А. Вивьен отметил, что Франция проводит различие в подходе к прибалтийским странам и другим республикам Советского Союза. В отношении первых Франция будет продолжать с особой бдительностью следить за развитием ситуации, поощряя любые действия, направленные на продвижение мирного переговорного процесса, в результате которого эти три государства должны вновь обрести атрибуты своего суверенитета.

Что касается других республик, то Франция поддерживает инициативы, позволяющие республикам по-новому определить свои отношения с Советским Союзом в духе уважения к законам и Конституции СССР.

Госсекретарь пояснил, что в таком духе французская позиция излагается представителям советских республик, посещающим Францию, в частности президенту Армении Тер-Петросяну, которого принимал для беседы Ф. Миттеран.

Избрание З. Гамсахурдия президентом Грузии было встречено в Париже с настороженностью. Его политическое кредо вызывало сомнения в отношении его демократичности, поскольку действия З. Гамсахурдия носили густой налет воинствующего национализма, авторитарного стиля руководства.

Поздравление Б. Н. Ельцину в связи с избранием президентом Российской Федерации было направлено от имени премьер-министра Э. Крессон. В нем выражалось пожелание, чтобы «развитие многообещающих отношений между Францией и Советским Союзом нашло многочисленные точки приложения в Российской Республике». Президент и правительство Франции намеревались сохранить курс на диалог с союзным руководством при одновременном развитии контактов с республиками в рамках СССР. В то же время мэр Парижа Ж. Ширак направил Б. Н. Ельцину развернутую поздравительную телеграмму.

С пристальным вниманием наблюдали в Париже, как идет в Москве обсуждение вопросов, отягощавших подписание нового союзного договора. Визит Б. Н. Ельцина в США более предметнее, чем раньше, поставил в повестку дня вопрос о том, каким образом становление новой власти в Российской Федерации скажется на внешней политике СССР. Французские наблюдатели делали вывод, что этот визит усилит в США тенденцию к проведению в отношении СССР политики на двух уровнях — союзном и республиканском. В Париже по-прежнему старались не забегать в этом отношении вперед, но и не отставать от других западных стран.

В то же время не только в оппозиционных французских кругах, но и в правительстве чем дальше, тем больше возникали

сомнения, сумеет ли М. С. Горбачев сохранить ситуацию под своим контролем. Это проявилось в затягивании процесса ратификации советско-французского договора. В июне французское правительство пересмотрело практику, в соответствии с которой поездки официальных французских представителей в союзные республики осуществлялись только с заездом в Москву. Произошло это в связи с визитом Р. Дюма в Киев. Формальным поводом было открытие там генконсульства Франции. Москва рассчитывала, что Р. Дюма посетит союзную столицу во время этой поездки, о которой, кстати, в Москве узнали в последний момент. Р. Дюма не возражал, но выдвинул условием непременный прием его президентом СССР. М. С. Горбачев всегда охотно встречался с Р. Дюма, но, судя по сообщениям, которые я получал из Москвы, действительно не мог принять Р. Дюма в названный французским министром день. С нашей стороны предлагалось (об этом мне не только писали, но и настойчиво говорили по телефону) либо организовать беседы с Р. Дюма на других, самых высоких возможных уровнях, либо изменить даты его поездки в Москву и Киев, с тем чтобы сделать возможной его беседу с М. С. Горбачевым. Все эти варианты были отведены французским министром, что не оставило сомнений в политическом выборе французского правительства.

В конце июня Ф. Миттеран принял Ландсбергиса. Однако этот шаг отличался большой осторожностью. В средствах массовой информации промелькнуло сообщение, что с Ландсбергисом обсуждался вопрос об открытии в Вильнюсе французского культурного центра Однако МИД Франции подавал нам достигнутую договоренность как расширение уже имеющихся культурных связей с Литвой по линии «Альянс франсез» на базе существовавшего в Вильнюсе «Дома Стендаля». При этом было подчеркнуто, что никакое окончательное решение не будет приниматься Парижем без соответствующего информирования Москвы.

Появились новые моменты и в поведении Совета Европы. Нам передали от имени К. Лялюмьер, что с учетом хода подготовки нового союзного договора, результатов выборов президента Российской Федерации, намечаемых аналогичных выборов в других республиках, в частности на Украине, руководство Совета Европы приняло решение о диверсификации его связей с Советским Союзом. Если до этого единственным партнером Совета Европы было центральное правительство, то отныне в силу реальностей, складывающихся в Советском Союзе, организация хотела бы развивать прямые параллельные связи с республиками европейской части Союза При этом сообщалось, что такие связи

будут осуществляться с ведома и согласия центральных властей.

Провозглашение независимости Словении и Хорватии было встречено во Франции с тревогой. В Париже опасались, что такое развитие событий может поставить под вопрос европейскую стабильность. Р. Дюма выразил сожаление по поводу этого решения. Он заявил, что Франция не признала эти государства. В каком направлении шли в те дни размышления в Париже? Я задаю этот вопрос не для того, чтобы браться за анализ югославской ситуации, а для того, чтобы лучше виделась общая направленность мышления официальных властей в период, непосредственно предшествовавший августовским событиям 1991 г. в СССР. Да, в Париже признавали, что модель федеративного устройства, сконструированная Тито, изжила себя в глазах всех югославских республик. Но там не исключали (а хотели в еще большей степени) сохранения югославского государства в форме конфедерации суверенных республик. Правда, уже тогда взвешивались и другие сценарии вплоть до распада Югославии, но этот последний вариант рассматривался как наихудший.

В официальном Париже с надеждой следили за развитием новоогаревского процесса Результаты встречи М. С. Горбачева с руководителями девяти союзных республик были расценены как успех президента СССР. Особое удовлетворение вызвало то, что на встречу с семеркой в Лондоне Советский Союз идет как единое целое. В Париже считали важным, что М. С. Горбачев будет выступать там от имени всех девяти республик, имея на это ясный политический мандат. Особое внимание в этой связи обращалось на заявления руководителей Российской Федерации и Украины. Эти заявления во многом снимали спекуляции, вызванные на Западе тем, что до встречи в Лондоне оказалось невозможным подписать новый союзный договор. Удовлетворение вызвало и то, что в Новоогарево был достигнут консенсус на базе четкого выбора в пользу радикальной экономической реформы и интеграции Советского Союза в мировую экономику.

14 июня состоялась встреча Ф. Миттерана с Дж. Бушем в Париже. Из Елисейского дворца нам сообщили, что французский президент подчеркнул в беседе: следует положить конец философскому спору, что первично — курица или яйцо, — и не дожидаться осуществления реформ, а уже сейчас оказать президенту Советского Союза необходимую помощь в их успешном проведении. Эго было французским ответом на тезис Дж. Буша — сначала реформы, затем помощь. Встреча в Рамбуйе вновь показала, что французский президент готов пойти дальше и

решительней в поддержке политики преобразований в Советском Союзе, чем его американский коллега.

А затем были трагические августовские дни. Сказанное до этого призвано ввести читателя в те настроения во французских правящих кругах, превыше всего настроения самого Ф. Миттерана, которые определили их позицию по отношению к этим событиям. Эго важно, потому что именно это, а не второстепенные преходящие обстоятельства лежали в основе поведения Ф. Миттерана в августовские дни, и прежде всего в решающий день 19 августа.

* * *

Этот день, 19 августа 1991 года, был моим первым рабочим днем после отпуска. Только накануне мы с женой приехали на машине из Марселя, куда приплыли на теплоходе «Белоруссия». Утро началось с тревожного звонка дежурного по посольству дипломата, сообщившего о событиях в Москве. Включаем радио, телевизор. Информация отрывочная, но все более драматическая. ГКЧП, чрезвычайное положение, первые кадры с танками на улицах. Эго не где-то, а у нас, в столице! Нарастает беспокойство за страну, за ее будущее, за близких там, в Союзе, в Москве. Реакция общественного мнения Франции, Запада формируется быстро. Встревоженная, осуждающая.

Спешу в посольство. По дороге слышу в машине первый официальный отклик Франции. Краткое сообщение, которое передается со ссылкой на Р. Дюма «Смещение М. Горбачева, — говорится в сообщении, — если его окончательный характер подтвердится, — это значительное событие…» Нечто нейтральное? Нет, больше чем нейтральное — холодно бесстрастный текст.

В первые часы по линии МИДа из Москвы не поступает ничего. Потом приходит циркулярное указание, подписанное первым заместителем министра, в котором всем загранучреждениям предписывается руководствоваться документами ГКЧП. Эти документы мы получаем отдельной телеграммой, подписанной начальником общего секретариата Это обычный для мидовской практики порядок направления директивных установок центра Стало быть, Министерство иностранных дел функционирует нормально. Но у меня уже достаточно впечатлений из французских средств массовой информации, чтобы относиться к тому, что исходит из Москвы, с нарастающей настороженностью. С телеграммами знакомлю

только трех политических советников. Некоторое время спустя новая телеграмма за подписью первого заместителя министра с указанием срочно передать руководству Франции текст обращения ГКЧП к руководителям иностранных государств.

В нормальных условиях естественно стремление любого посла исполнить такое задание на максимально высоком уровне. В тот день, несмотря на отпускной период, все французское руководство в Париже, так что выбор для запроса о встречах может быть самым широким. Но у меня уже достаточно сомнений насчет того, что следует искать аудиенции высоко — у премьер-министра, а тем более у президента Какой ответ, например, давать на вполне уместный вопрос: «Что с президентом СССР? Действительно болен? Как относится к событиям он сам, его окружение? И что вообще происходит в Москве?»

В то же время репортажи французского телевидения усиливают впечатление трагичности московской ситуации. Нет, ни о какой инициативе о встрече на высоком уровне не должно быть и речи. Я останавливаюсь на варианте формального исполнения поручения через Министерство иностранных дел. Связываемся с кабинетом министра Мне назначает свидание сам министр на 16.00. Но чем дальше уходят стрелки часов, тем больше у меня сомнения в том, чтобы вообще встречаться в этих условиях с министром иностранных дел. Да, у посольства есть указание из МИДа. У посольства тексты документов для передачи, но уже к полудню мне ясно, что я не в состоянии, не могу, не должен защищать ни содержание этих документов, ни то, что происходит в Москве. Зачем же тогда встреча с министром иностранных дел? Более того, быстро утвердившаяся в средствах массовой информации Франции оценка московских событий начинает все больше подтверждаться. В этих условиях правильно было бы найти способ отмежеваться от действий ГКЧП. Решаю позвонить министру. Зачем? Чтобы отказаться от встречи. Р. Дюма на проводе. Интересуется, как дела.

— Ужасно, — отвечаю. Далее благодарю министра за готовность принять меня, но заявляю, что не вижу необходимости в назначенном свидании, и прошу отменить его.

Р. Дюма спрашивает, в чем дело.

Я поясняю, что у меня указание из Москвы передать французскому руководству обращение ГКЧП, но я не в состоянии разъяснять этот документ, и поэтому беседа с министром теряет всякий смысл. Добавляю, что, если министра интересует сам документ, я могу передать его на Кэ д'Орсе.

Думаю, не надо быть профессиональным дипломатом, чтобы понять значение такого рода действий с моей стороны. Встреча с

министром иностранных дел всегда событие в деятельности посла, и, если он от такой встречи, к тому же назначенной, уходит, это означает, что он не хочет защищать то, что ему поручено сообщить центром. Иными словами, демонстрирует свое несогласие с полученной директивой.

В разговоре наступает пауза, после которой Р. Дюма, проявляя настойчивость, говорит, что он все-таки хотел бы видеть меня. Это неожиданность уже для меня. Отказать в просьбе министра в таких обстоятельствах становится и нетактичным, и неразумным. Во-первых, потому что свою политическую позицию я ему уже изложил и он не мог не понять ее. Другой у меня не будет и у него в кабинете. Во-вторых, это фактически уже его инициатива, его пожелание поговорить со мной, и уходить от этого было бы некорректно. Я даю согласие. Отправляюсь на Кэ д'Орсе. Где-то в конце Елисейских полей, через которые пролегает путь от посольства до французского МИД, в машину звонит жена. Она почти всегда у радио или телевизора. Говорит, что о моей встрече с министром сообщено по радио. Не успел повесить трубку — звонок помощника Павла Котова. Он спешит предупредить меня о том же. Вот тебе и сюрприз. Я просил встречу отменить вообще. Согласился на нее в порядке учтивости в отношении министра. А французский МИД стремится придать ей публичный характер. По принятым во Франции правилам, далеко не о каждой встрече посла с министром иностранных дел вообще сообщается средствам массовой информации, тем более заранее. Заблаговременное объявление означает и другое: более чем вероятное присутствие журналистов около кабинета министра Но если я решил, что не хочу и не буду защищать обращение ГКЧП в закрытой беседе с министром, то тем более я считал недопустимым для себя делать это перед журналистами, перед Францией, перед всем миром. Эти мысли стучат тревожными ударами в моем сознании. Но машина уже перемахнула через Сену. Вот и парадная лестница Кэ д'Орсе. Навстречу бежит привратник. Заведенная техника несет меня туда, куда я идти не хочу, куда идти не надо. Привратник приглашает меня присесть на минутку на диван, чтобы, как обычно объявить Р. Дюма о моем приходе. Я вижу, как в этот момент через зал спешат телерепортеры в соседнюю комнату, явно накапливаясь для встречи со мной после беседы с министром. Эго последний сигнал. Приходит окончательное решение: этому не быть! Я встаю и ухожу от кабинета министра Навстречу улыбающийся заместитель начальника пресс-службы министерства:

— Здравствуйте, господин посол. Видите, мы здесь

готовимся.

— Здравствуйте. Спасибо, но где мне найти кого-нибудь из помощников министра?

Сотрудник поясняет и спешит к своим журналистам. Я отправляюсь к заместителю директора кабинета министра иностранных дел Д. Жерару. Мое появление для него неожиданность.

— Но ведь вас ждет министр, — недоуменно говорит Д. Жерар.

— Знаю. Но не могу быть у него сейчас. Зашел к вам, чтобы предупредить об этом. Если вас интересует документ из Москвы, я могу отдать вам его.

Помощник проявляет интерес к документу. Пробежал обращение ГКЧП. Говорит:

— Мы этот текст не только получили еще утром из посольства в Москве, но и прочли в уже вышедшем номере газеты «Монд». Могли бы вы что-нибудь добавить к этому?

— Положение в Москве отвратительное, и так же чувствую себя я.

Д. Жерар пробует уговорить меня все-таки зайти к министру. Я отказываюсь, но говорю, что готов по внутреннему телефону объяснить лично Р. Дюма мотивы моего решения. Д. Жерар соединяет нас. Еще раз повторяю министру свою позицию, которую изложил министру в телефонном разговоре из посольства. Добавляю, что положение осложнено присутствием журналистов. Это неожиданность для меня. Разъяснять им действия ГКЧП не считаю возможным, стало быть, невозможна и моя встреча в данный момент с министром.

Р. Дюма говорит, что пробовал связаться по телефону с Бессмертных, но ничего не вышло. А контакт иметь хотелось бы. Что с ним?

— У меня нет сведений о министре. Просьбу о желательности контакта, разумеется, передам.

— Состоится ли в Москве гуманитарный форум в рамках Общеевропейского совещания?

— Через пару часов в Париж прилетает заместитель министра иностранных дел В. Ф. Петровский. Он занимается форумом и все расскажет.

— Может быть, несколько слов о перспективах, — просит министр.

— Трудно быть конкретным, но убежден, что демократия восторжествует и мы пойдем дальше курсом преобразований. Убежден в этом твердо, потому что знаю настроения народа.

Я покидаю Кэ д'Орсе, отмежевавшись, таким образом, от тех,

кто давал мне указания из Москвы. Эта позиция должна была быть ясна и для моих французских собеседников.

В посольство обратились французские журналисты. И у нас были люди — их было немного, — готовые, скорее по инерции дисциплинированных исполнителей, повторить в Париже разъяснения, которые доносились из Москвы по нашему телевидению, разъяснения «официальные». Таким энтузиастам я советовал не делать этого. Прорвался на экран французского телевещания лишь один сотрудник торгпредства, промямливший что-то в защиту ГКЧП. Объективности ради, надо сказать, что ни о каких инициативах противоположного характера, то есть о желании выступить с публичным протестом против того, что было сделано в Москве, со стороны кого бы то ни было из находившихся в те дни в Париже советских работников — не только дипломатов, но и журналистов — мне неизвестно. Да, к тому же, в те дни все были вольны делать, что им хотелось.

Но вернемся к событиям 19 августа. В конце второй половины дня приходит еще одно указание, на этот раз прямо требующее передать послание президенту. Я по-прежнему ухожу от постановки вопроса о встрече с Ф. Миттераном. Из Елисейского дворца нам сообщают, что генеральный секретарь Елисейского дворца Ю. Ведрин готов принять меня на 2–3 минуты. Достаточный сигнал, что интереса к разговору нет. Меня это тоже устраивает. Встреча назначена на 19.00. А в 18.45, т. е. за четверть часа до этой встречи, а стало быть, и не дожидаясь ее, Елисейский дворец распространил заявление с изложением официальной позиции, занятой в Париже в отношении событий в Москве. В заявлении дословно говорится следующее:

«Франция придает особое значение тому, чтобы жизнь и свобода М. Горбачева и Б. Ельцина были гарантированы новыми руководителями Москвы. О них будут судить во Франции по их действиям, в частности их отношению к этим двум политическим деятелям».

Заметьте, это официальная позиция, сформулированная теперь не от имени министра иностранных дел, а от имени президента, то есть от имени Франции. И назван документ не сообщением для печати, не коммюнике, а для пущей важности заявлением, декларацией. Позиция ясная — признание того, что переворот свершился. «Новых руководителей Москвы» не отвергают как таковых. Речь идет лишь о своеобразных критериях (разумеется, немаловажных, но разве в этом суть дела?), на основании которых имеется в виду судить об их действиях.

Заметьте и другое. Машина, в которой я с первым секретарем посольства А. Шульгиным направляюсь в Елисейский дворец с

бумагой из Москвы, не содержавшей, кстати, ничего путного, убедительного или нового для Парижа (это хорошо известно), эта машина только выезжает из ворот посольства, когда заявление Елисейского дворца уже распространяется по миру.

Я обращаю на это внимание в связи с тем, что через несколько дней в Москве найдутся бойкие перья, которые бросят мне обвинение, что я «подвел президента Франции», ввел его в заблуждение насчет того, что происходило в Москве. О, великий и всемогущий сверхпосол! — можно было бы воскликнуть при этом с тем, чтобы хотя бы в силу калибра действия присвоить себе дипломатический подвиг, пусть и спорного характера Но не выходит по фактам. Оставим на несколько минут нашу машину, движущуюся к воротам резиденции президента Франции на улице Фобур Сент Оноре, и обратимся к опубликованному в Париже документальному исследованию известного французского журналиста Бернара Леконта, где тщательно анализируется ход размышлений и действий французского президента 19 августа. Для точности я процитирую дословно:

«Что происходит в Елисейском дворце? В то утро, в 9 часов, президент зашел поприветствовать постоянного представителя агентства «Франс-пресс» вместе с Юбером Ведрином, который только накануне вернулся из Соединенных Штатов. Комментарий президента: уфф, «государственный переворот не пройдет»». В последующие часы его больше всего заботит одно: что же в самом деле могло случиться с Горбачевым. Ф. Миттеран пытался связаться с ним по телефону в его резиденции в Форосе, но получить связь с Крымом из Парижа — это нечто невероятное. В промежутках между рабочей встречей с премьер-министром Эдит Крессон и несколькими телефонными разговорами с историком Жаном Элленштейном и академиком Элен Каррер д'Анкос (Элен Каррер д'Анкос звонила ему несколько раз из Биаррица, советуя поддержать Ельцина) Франсуа Миттеран переговорил по телефону в 'обеденное время с Джорджем Бушем, Гельмутом Колем, Джоном Мейджером и с полдюжиной европейских руководителей. Он тщательно проанализировал ситуацию. Наедине с собой, как всегда в моменты кризиса. Глава государства уже давно убежден, что армия представляет единственную альтернативу в Советском Союзе. Об этом он часто говорил в доверительных беседах. На него произвели огромное впечатление признания, которые как-то сделал ему Горбачев и, которые потом обошли Париж: «В тот день, когда будет объявлено о германском объединении, вы прочтете сообщение длиной в пару строк, что мое кресло занято кем-нибудь из маршалов». Присутствие в тени Геннадия Янаева маршала Дмитрия Язова

утверждает президента в этом отправном пункте его анализа.

В 16.30 Ф. Миттеран закрылся в своем кабинете со своим другом Роланом Дюма для длительного разговора с глазу на глаз. Они располагают, среди прочей информации, двумя конфиденциальными записками (одна из них от второго лица Генеральной дирекции внешней безопасности (DGSE) Жана Клода Куссерана, другая — от советника-посланника посольства Франции в Москве Мишеля Пессика). Из записок явствует, что путч, по крайней мере с технической точки зрения, удался. Миттеран и Дюма — люди хладнокровные. Прагматики. Если оставить в стороне все эмоции, то в чем состоит интерес Франции? Сохранить контакт во что бы то ни стало с непредсказуемым и сверхвооруженным Советским Союзом. Не порывать с новым режимом. Показать, что отношения не прерываются. Ф. Миттеран часто задавался вопросом, в том числе в ставшей знаменитой речи, произнесенной в 1982 г., можно ли было бы «покончить с Ялтой» иначе, чем войной. Быть может, наконец, наступил момент, когда можно будет опровергнуть это зловещее предчувствие.

В 18.45 Елисейский дворец распространяет заявление главы государства, составленное Юбером Ведрином и Софи-Каролин де Маржери, в котором Миттеран ставит вопрос о гарантиях жизни и свободы Горбачева и шлет предупреждение «новым руководителям Москвы», о которых, как говорится в заявлении, будут «судить по их действиям». Ведрин спрашивает: «Не лучше ли было бы использовать этот текст для телевизионной передачи?» Миттеран отвечает: «Нет, дело срочное»»[14].

Нужно ли удивляться после всего этого (когда все решения на высшем государственном уровне не только приняты, но и преданы гласности), что, встречая нас через каких-то полчаса после выпуска заявления, его авторы (а нас встречали именно они — Юбер Ведрин и Софи-Каролин де Маржери) ограничились лишь тем, что взяли бумагу и добавили, что как-нибудь потом надо будет поговорить.

В восемь часов вечера Ф. Миттеран встретился перед телекамерами с четырьмя журналистами. Он повторяет все основные тезисы своей позиции, в том числе главный из них: «Государственный переворот свершился». «Журналист телеканала-1 Доменик Бромберже — пишет Бернар Леконт в уже цитированном исследовании, — задавший банальный вопрос относительно осуждения переворота, потрясен: в то время, когда Джордж Буш и Джон Мейджер уже осудили «переворот» без всяких оговорок как антиконституционный, журналисту потребовалось настойчиво повторить свой вопрос:

— Так вы осуждаете государственный переворот?

— Разумеется! Как вы можете задавать такой вопрос?

Однако тональность выдавала. К концу интервью глава государства поясняет, что речь идет пока не об «акте холодной войны», а о «внутриполитической операции» и бросает тень сомнения в отношении «искренности нового руководства СССР»».

Наутро Ф. Миттеран попал под жесточайшую атаку со стороны оппозиции и средств массовой информации Франции.

Проанализировав обстановку, я послал 20 августа в Москву развернутое сообщение. Поскольку оно может представлять интерес не только с точки зрения описания событий, но и как показатель настроений руководства посольства, привожу основное его содержание:

За истекшие сутки подход Франции к событиям в СССР заметно изменился. Эго вписывается в общую эволюцию позиции Запада, которая, в частности, нашла отражение в решениях чрезвычайной сессии Совета министров Европейских Сообществ в Гааге.

В распространенном сегодня утром новом заявлении Ф. Миттеран отметил, что его попытки связаться по телефону с М. С. Горбачевым, не дали результатов. В этой связи он подчеркнул «необходимость возвращения к демократической практике в СССР в соответствии с принятыми им международными обязательствами». Ф. Миттеран также выступил за то, чтобы ускорить проведение встречи глав государств и правительств «двенадцати» для обсуждения положения в СССР и согласования совместных действий. Ожидается, что эта встреча состоится в пятницу 23 августа Одновременно стало известно о выдвинутом Францией требовании относительно проведения в самые кратчайшие сроки встречи между М. С. Горбачевым и премьер-министром Нидерландов, председательствующим в ЕС, с целью определить, каково на самом деле состояние здоровья М. С. Горбачева.

В публичном заявлении в Гааге на встрече министров иностранных дел ЕС Р. Дюма в жестком тоне осудил смещение М. С. Горбачева с поста президента СССР и потребовал его возвращения к власти.

Со стороны официальных кругов настойчиво проводится тезис о том, что соблюдение принципов демократии и прав человека отвечает международным обязательствам, которые СССР принял на себя в соответствии с Парижской Хартией, и что в случае их нарушения всякая помощь СССР со стороны Запада должна быть прекращена.

Активно продвигается тезис о том, что свержение

М. С. Горбачева вносит элемент непредсказуемости в советскую внешнюю политику и чревато обострением международной обстановки и даже возвратом к «холодной войне». В этом духе высказался, в частности, министр обороны П. Жокс. Он заявил, что дальнейший вывод французских войск из Западной Германии будет связан с условиями вывода советских войск из Восточной Европы. В парламентских кругах, прежде всего со стороны правой оппозиции, раздаются голоса в пользу пересмотра планов по сокращению расходов на оборону.

С заявлениями, осуждающими «государственный переворот в СССР», выступили представители всего спектра политических сил Франции, включая руководство и различные фракции ФКП. В весьма жестких тонах выдержано заявление правящей соцпартии, с которым выступил ее первый секретарь П. Моруа. Осудив свершившееся, он высказался за немедленное освобождение М. С. Горбачева и возвращение его на пост главы советского государства. Он призвал к поддержке всех санкций, которые приняты в ЕС в отношении нового советского руководства. На состоявшихся с участием В. Ф. Петровского консультациях французская сторона, подчеркнув свою заинтересованность в проведении Московского совещания по человеческому измерению СБСЕ, вместе с тем поставила возможность его организации в зависимость от нормализации обстановки в СССР и отмены чрезвычайного положения. В связи с появлением утверждений о возможном применении силы против руководства РСФСР близкий к Ф. Миттерану председатель комиссии по иностранным делам Национального Собрания Возе ль заявил о необходимости сделать все возможное, чтобы предотвратить такой разворот событий, который, по его словам, имел бы «непоправимые» последствия для отношений Запада с СССР. В целом обстановка здесь характеризуется переходом от позиции выжидания к оказанию активного воздействия на ход событий в СССР как в двухстороннем плане, так и в рамках коллективных усилий по линии Европейских Сообществ.

На этом сообщение заканчивалось.

Я уже упоминал имя заместителя министра иностранных дел В. Ф. Петровского. Он прилетел в Париж вечером 19 августа для переговоров по проведению Московского совещания по человеческому измерению СБСЕ. Понятно, сколь велик был наш интерес к такому визитеру, однако он сохранил олимпийское спокойствие и примерную отрешенность. «Ничего не видел, ничего не знаю». Я показал ему все, что шло из Москвы по линии МИД. Опять-таки полная нейтральность. 20 августа я поехал вместе с ним на переговоры в МИД Франции. В кабинете

директора европейского департамента Ж. Бло тянулся вязкий разговор насчет нескончаемых технических проблем, связанных с проведением Совещания в Москве. Разговор почти в мурлыкающем тоне, который как бы обволакивал все, что происходит в кабинете, ограждая, изолируя его от внешнего мира.

— Так состоится Совещание? — задает прямой вопрос кто-то из французов.

В. Петровский:

— Нашим подготовительным комитетом руководит Г. Янаев, — говорит он. — А теперь он… — и В. Петровский поднимает глаза выше голов сидящих за столом.

Но о каком же Совещании вы говорите, заявляют французы, когда на улицах Москвы танки. Разве может оно состояться без нормализации обстановки в Советском Союзе и отмены чрезвычайного положения?

В начале второй половины дня я говорю В. Петровскому, что, по сообщениям радио, в Париж прилетел А. Козырев, тогда министр иностранных дел Российской Федерации. Никаких сообщений о его прилете в посольстве не было. Добавляю, что посольство старается найти его. Молчание со стороны В. Петровского, хотя известно, что они люди близкие. Вечером В. Петровский улетает, но не в Москву, а в Женеву продолжать свое международное турне.

А. Козырев действительно в Париже. Вечером радио сообщает об этом каждые полчаса. Советник-посланник усиленно разыскивает его, но повсюду, куда он звонит, ему говорят, что А. Козырев либо был и уехал без указания куда, либо ссылаются на то, что ничего неизвестно. Как выясняется позднее, А. Козырев собирается не в Париж, а в США, но в связи с какой-то неувязкой залетел по пути туда в Париж. «Для французских дипломатов, придавленных заявлениями, сделанными Ф. Миттераном по телевидению накануне, это была нежданная находка, — пишет Бернар Леконт в уже упоминавшейся книге. — Как только А. Козырев выходит из кабинета Юбера Ведрина, он попадает в руки европейского департамента Кэ д'Орсе — Жака Бло, Филиппа де Сюрмена, Рене Рудо…»[15]

Поздно вечером А. Козырев выступает по пятому каналу французского телевидения. Дежурный по посольству 3-й секретарь О. Угрик пробует установить контакт с А. Козыревым или с кем-нибудь из сопровождающих, но его собеседники на телевидении отказались подозвать А. Козырева к телефону, не дали никаких его координат, правда, согласились передать А. Козыреву просьбу связаться с посольством по телефону. Но

ничего не последовало.

20 августа, т. е. на второй день путча, мы получили циркулярную телеграмму министра с указанием «при разъяснении внутренних процессов, происходящих в СССР, руководствоваться официальными материалами, которые направляются в посольства на регулярной основе». «Принимаемые меры носят временный характер…» и т. д.

Я проигнорировал эту директиву полностью.

21 августа — день развязки в Москве — стал днем, когда Париж, что называется, «двинулся», «рванул» в Москву.

«Желание исправить столь явный ляп президента очевидно до неловкости (я продолжаю цитировать уже упоминавшееся исследование). Юбер Ведрин обзванивает все редакции, Жак Ланг (министр культуры. — *Ю.Д.*) выступает с идеей грандиозной манифестации, Эли Визель тотчас же после выхода из кабинета Миттерана выступает с инициативой собрать лауреатов Нобелевской премии всего мира. Вернувшись из департамента Верхняя Савойя, дипломатический советник президента Пьер Морель сделает все возможное, чтобы соединиться в среду по телефону с Ельциным, готовя одновременно экспедицию Мишеля Возеля в Белый дом. Этому депутату от департамента Буш дю Рон, которого будет сопровождать лирически настроенный, преисполненный чувств Эли Визель, будет поручено передать послание Миттерана Ельцину. Жан Леканюэ, отдыхавший на Лазурном берегу, был до крайности удивлен, когда узнал, что к нему неожиданно обращаются с просьбой сопровождать Возеля.

— Вы уверены, что я действительно должен лететь туда?

— Да. Президент придает этому большое значение, — объясняет Морель. — Он считает важным продемонстрировать единство Франции в этом деле»[16].

Но это Франция, французы. А в Москве? Казалось бы, есть все основания для вздоха облегчения. Но вдруг сюрприз: 28 августа «Комсомольская правда» публикует интервью с А. Козыревым о его загранпоездке. А. Козыреву был задан естественный вопрос: общался ли он с послами Советского Союза во время этой своей поездки.

Он ответил отрицательно (это факт), но дал неожиданное обоснование: я опасался, что на территории посольства во Франции меня арестуют. Так, во всяком случае, было напечатано в газете.

Я немедленно отреагировал заметкой-протестом, также опубликованной «Комсомольской правдой», под названием: «Зачем вам это, министр?»

В Москве появился новый министр иностранных дел СССР —

Б. Д. Ланкин. Назначение это было неожиданным для всех. Что же касается Министерства иностранных дел, то оно было произведено наперекор воле его сотрудников. Дело в том, что, отдавая себе отчет в неминуемой замене А. А. Бессмертных на посту министра иностранных дел, работники МИДа провели беспрецедентную операцию — срочно собрали подписи в отношении его возможного преемника, массированно высказались за Э. А. Шеварднадзе.

Б. Панкин был послом в Праге. Незадолго до августовских событий ему было направлено предложение о выходе на пенсию. 19 августа, получив одинаковое со всеми послами указание об информации властей относительно событий в Москве, Б. Панкин постарался выполнить его на самом высоком возможном уровне. 21 августа, когда войска покидали Москву, он «созрел» для «решительного» протеста — факт, заслуживший язвительное замечание парижской газеты «Монд» от 30 августа 1991 г.: «В чехословацкой столице отмечали, что эта позиция была занята лишь на третий день путча, в то время, когда провал его авторов становился все более очевидным». И добавлялось: «В дипломатических кругах Праги подчеркивают, что Б. Панкин известен своими менее либеральными взглядами, чем его первый советник А. Лебедев, человек, близкий к А. Яковлеву…»[17].

Б. Панкин заявил в одном из своих интервью, что через какие-то четверть часа после того, как он вошел в министерский кабинет, он назначил Петровского своим первым заместителем. Удачно, выходит, слетал Володя (Петровский) в Париж и Женеву в те трагические дни. Его же, В. Петровского, назначил Б. Панкин и председателем комиссии, которой поручено было рассудить, кто и как вел себя в дипслужбе в те сложные дни. Группа наших послов уже вызвана в Москву. Об этом объявлено. 2 сентября пришла телеграмма и мне — прилететь «на консультации». Плохая новость. В Москве один из членов комиссии (их всего с председателем трое: сила традиции…) проводит со мной разговор. Вполне корректный, но по обе стороны стола мы чувствуем себя в высшей степени неуютно. Я вижу, что все материалы проанализированы заранее. В конце делается вывод, что ни ко мне, ни к посольству претензий нет. Основной работающий член комиссии выделяет то, что было мною сделано, чтобы отмежеваться от ГКЧП 19 августа, и нелицеприятный для ГКЧП анализ реакции во Франции, направленный в Москву 20 августа. Заключение это объективное.

30 августа у меня было продолжительное интервью с обозревательницей радиостанции «Свобода» Ж. Салказановой. По горячим следам я ответил на все самые прямые и острые вопросы.

В конце с ее стороны последовало заключение: «Все, что вы сказали, Юрий Владимирович, чистая правда Я говорю это потому, что, готовясь к интервью с вами, тщательно проверила все материалы, относящиеся к вашим действиям. Желаю вам оставаться на вашем посту».

А вот передо мной и письмо от нее, которое она отправила мне 3 сентября вместе с приложением записи интервью.

«Очень надеюсь, — писала она, — что придет время, когда Россия забудет о возможности политических чисток и откажется от соблазна проверки благонадежности своих граждан». Что же, оставалось только надеяться.

Тем временем побывал я и в кабинете, близко расположенном от кабинета М. С. Горбачева Рассказываю обо всем этом помощнику. Слышу в ответ: «Эго все так. Но один из побывавших у М. С. Горбачева на днях французских министров употребил в отношении вас выражение «бывший посол».

Реакции на это не было, но услышано оно, видимо, было. Конечно, — добавляет собеседник, — у французов рыльце, как говорится, в пушку, и они ищут оправданий за счет кого-нибудь, но сказать, какое будет решение в отношении вас, трудно».

— Но есть факты!

— Трудно сказать, как повернется.

Захожу я и к Б. Панкину. Знакомы мы с ним давно. Человек этот мрачного вида. Правда, при общении со мной раньше на лице у него, как правило, появлялось подобие заискивающей улыбки, что как-то смягчало впечатление от облика Почему такая улыбка? Ведь должности он уже давно занимал высокие. Дело в том, что ему — это сквозило — очень хотелось в дипломаты. Путь к осуществлению мечты открылся, когда Б. Панкин оказался во главе Агентства по охране авторских прав — ВААП. Здесь свою энергию он направил на издание за рубежом трудов руководителей партии. Примерное усердие Б. Панкин проявлял в этом плане в отношении интересов и Л. Брежнева, и А. Громыко. Эго и было оценено назначением его послом в Швецию.

Сейчас в огромном министерском кабинете на лице Панкина ни тени улыбки. Никаких чувств вообще. Его не интересуют ни дела, ни что было в Париже во время событий. Когда же я об этом упоминаю, он произносит только одно: «Козырев!»

— Что Козырев?

— Непримирим, — со страхом роняет Панкин.

— Но ему можно ответить. Я это сделал открыто на страницах «Комсомольской правды». Не вижу в этом вопроса.

— Да, но вот он здесь, за этим столом (Панкин даже показывает пальцем на стул, где, надо понимать, сидел

А. Козырев). Ты бы послушал!.. Комиссия, конечно… работает. Но ничего нельзя сказать. Ничего.

Разговариваю с В. Петровским как с председателем комиссии. Ему предстоит подготовить информацию для заседания Коллегии МИД СССР «О деятельности МИД СССР и совзагранучреждений в дни путча» и проект решения Коллегии, который предварительно должен быть обсужден на заседании министров иностранных дел Союза и союзных республик.

Петровский начинает с «доверительной» нотки:

— Собирался уехать работать заместителем Генерального секретаря ООН, а вот приходится разгребать все это дерьмо.

На лице его отвращение.

Действительно, за короткие дни моего пребывания в Москве я успел наслушаться Петровского по радио, насмотрелся по телевидению. Он повсюду уверенно вещал с позиций победителя на баррикадах вокруг Белого дома, формулировал задачи новой внешней политики, давал советы депутатам и т. д. А в мидовских коридорах ему приписывали слова восторга, произнесенные им на заседании Коллегии, перед «новаторством» Б. Н. Панкина: это десять дней, которые потрясли нашу внешнюю политику. Высокий полет… А тут — судьба какой-то горстки коллег, жертвоприношением которых хотелось бы откупиться, спасти честь мундира, да и побольше, чем это. Но ближе к делу.

Следует и другая доверительность;

— Видишь, Юра, у меня листки бумаги. На каждом из них, готовясь к беседам с вызванными послами, я выписал претензии к ним. Твой первый. Смотри, он совершенно чистый. Никаких претензий, никаких вопросов…

— Что же тут удивительного, — говорю я. — Ты был в Париже и сам видел, что и как я делал.

— Так, значит, Юра, претензий нет.

— Хорошо. Я надеюсь, так и будет записано в решении комиссии?

Заминка.

— Эго трудно.

— Почему же, если претензий нет?

— Так ведь ты с А. Козыревым в Париже не встречался. А он теперь… Вдруг он задаст вопрос на обсуждении во время заседания министров иностранных дел союзных республик?

— Неужели А. Козырев мог говорить тебе о такой претензии? К тому же как свидетель парижских дней ты и сам все знаешь. Сказал бы Козыреву.

— Да, но знаешь…

Думаю, для того, чтобы читателю были ясны настроения,

достаточно этого диалога. В конце концов в решении Коллегии было записано, что для консультации в Москву были вызваны руководители семи загранучреждений. Были названы все страны, где находились эти загранучреждения, в том числе Франция, откуда прилетел я.

Далее в решении было указано, что совпослам в шести странах было предложено высказать свое отношение к возможности дальнейшего выполнения ими функций полномочных представителей. В перечне этих стран Франции не было, чем и выражалось отсутствие каких-либо претензий ко мне и посольству.

Заседание совета министров иностранных дел союзных республик, о котором упоминал В. Петровский, было назначено на три часа дня 13 сентября. Его должен был вести Панкин. Минут за 15–20 меня доверительно предупредили, что там действительно имеется в виду зачитать и утвердить то решение, о котором говорилось выше, но, если кем-нибудь будет задан вопрос обо мне, последует ответ: Дубинин тоже покинет свой пост.

Спрашивается, что будет тогда означать отсутствие претензий ко мне и посольству?

Итак, до начала заседания министров всего четверть часа… Я звоню помощнику М. С. Горбачева, тому, с кем разговаривал и кто знает суть дела. Объясняю обстановку. Прошу срочно доложить М. С. Горбачеву, чтобы решить вопрос по справедливости. Помощник говорит, что это предельно трудно, но добавляет, что постарается.

И вот минут через двадцать звонок от него мне домой.

— Доложить удалось. М. С. Горбачев считает, что ничего о вас ни писать, ни говорить не следует. Вернуться в Париж. После замены в обычном порядке (я за границей к тому же без перерыва 13 лет), использовать и в дальнейшем на дипломатической работе. — Добавляет: — Б. Панкина я вызвал к телефону с уже начавшегося заседания. Все передал ему. Он ответил, что найдется, что ответить, если вопрос о вас в самом деле будет задан.

Не было, конечно, задано такого вопроса. Решение было утверждено без поправок.

Проблеск справедливости в потоке потрясений. Я с трудом верил в это. Новость быстро распространилась, и многочисленные поздравления напоминали мне о реальности сообщенного мне решения.

17 сентября я улетел утром в Париж. По прилете мы информировали МИД о моем возвращении. Там выразили

удовлетворение. Дважды в этот день виделся с Р. Дюма Вечером открыли с ним уникальную выставку в «Гран Опера», посвященную истории балета. Еду домой по рю де л'Опера, когда раздается звонок в машину. Срочная телеграмма из Москвы.

Наверно, не к добру, мелькает мысль. Так и есть. Сухое указание возвратиться домой. Подпись: В. Петровский.

Дипломатическая профессия сродни военной. Дипломат, особенно посол, должен быть всегда готов к перемещениям, отъезду, и причины для этого могут быть самые разнообразные, связанные как с его деятельностью, так и с какими-либо государственными интересами, к которым он может и не иметь прямого отношения. Но в данном случае речь шла о драматическом стечении обстоятельств. Всего несколько часов назад я вылетел из Москвы с благословения президента страны и вечером того же дня получил указание прямо противоположного свойства Что могло произойти за время полета самолета из Москвы в Париж? Вопрос представлялся настолько естественным, что я позволил себе задать его Москве, написав телеграмму, адресованную непосредственно М. С. Горбачеву. Через сутки приходит ответ. Он вновь написан В. Петровским. Мне подтверждается указание в срочном порядке завершить миссию в Париже. Недоумение остается. Видимо, в Москве М. С. Горбачев метался из стороны в сторону еще больше, чем Ф. Миттеран в Париже. Но я далеко от Москвы и свое время и внимание направляю на то, чтобы, несмотря ни на что, достойно распрощаться с Францией. Я продолжаю выступать перед французской аудиторией, участвую в радио- и телепередачах, провожу дипломатические встречи. Приходит послание от М. С. Горбачева Ф. Миттерану. Ф. Миттеран принимает меня 3 октября. У него по-прежнему большой интерес к развитию дел в Советском Союзе. Он, как и раньше, подчеркивает свою позицию в пользу сохранения единства Советского Союза. Правда, добавляет на этот раз: «Но главное в этом вопросе зависит, разумеется, от вас самих, мы можем лишь оказывать содействие». В справедливости этих слов не откажешь, тем более что в этот же день он принимает пролетавшего через Париж председателя Верховного Совета Украины Л. Кравчука, окружение которого предупредило нас, чтобы ни в аэропорту, нигде в другом месте Парижа рядом с делегацией не появлялся ни один представитель посольства, даже консульский работник. В нашей делегации, поясняет посетивший меня министр иностранных дел УССР А. М. Зленко, есть представители Руха, а это такие люди, такие люди…

В заключение беседы сообщаю Ф. Миттерану, что через

несколько дней уезжаю… Следует сожаление (так во всех случаях принято в международной практике). Однако президент добавляет, что обязательно встретится со мной специально до моего отъезда. Он тут же поручает Пьеру Морелю подобрать время для такой встречи.

8 октября я снова в Елисейском дворце с президентом. Он принимает меня один. Я пришел вместе с А. Шульгиным. Разговор не просто прощальный. Мы говорим о глубоких переменах в мире, в Европе, в Советском Союзе, об отношениях между нашими странами. Ф. Миттеран высоко отзывается о моей работе в Париже на поприще советско-французских отношений вообще.

— С вами было легко, — говорит он.

Президент выражает надежду, что моя деятельность будет впредь связана с отношениями между нашими странами, и во всяком случае высказывает пожелание дальнейших встреч. Прощание теплое, хотя в такого рода вещах требуются поправки на дипломатические условности. Мы действительно часто встречались с Ф. Миттераном. Разговоры, даже короткие, бывали всегда содержательными.

Даю прощальный прием. Париж щедро ответил на приглашение. Гостей много, и они зашли не на минутку, а провести вечер. Здесь и друзья, которых мы знаем уже десятки лет, и новые знакомые. Михаил Шемякин украсил главный зал великолепной пастелью.

Пришел Р. Дюма. Он поинтересовался, чем я могу заниматься в Москве. В его вопросе я почувствовал нечто большее, чем вежливость. Откровенно ответил, что с учетом неясности вокруг отъезда мне трудно сказать что-либо определенное и насчет моего будущего.

Министр заметил, что он тоже обратил внимание на неожиданный поворот событий в отношении меня. Несколько дней назад из Москвы, говорит он, пришла информация о том, что вы возвращаетесь в Париж. Потом вы сообщили о другом. Министр решительно опровергает слухи насчет того, будто бы он сам или французское правительство могли быть причастны к моему отъезду. Я сделал публичное заявление, говорит он, после вашего вылета на консультации о том, что такие вопросы — внутреннее дело Советского Союза Эго наша позиция, и мы ее придерживаемся твердо. Если бы кто-нибудь попробовал решать за нас судьбы французских послов, мы бы решительно отвергли это.

Гости разошлись. Остаются только наши. Вот заговорил посланник. По долгу, по рангу. Речь путанная и какая-то

заунывная во всем. Я с ним не согласен. Говорю, что всеми нами за короткий срок было сделано много, сделано все возможное для нашей страны, для наших отношений с Францией, для новой политики. В том числе — Договор. Я покидаю Францию глубоко убежденным в большом будущем дружбы и согласия наших народов.

До отъезда мне придется еще повидать снова прилетевшего в Париж В. Петровского. Мы едем с ним в машине. Естественный вопрос с моей стороны: что же произошло в Москве в отношении меня? Петровский утверждает, что ничего не знает, ничего не слышал, ничего объяснить не может.

— Так телеграмму-то написал ты!

— Сказали. Написал.

Он старается перевести на другое. Говорит, что меня ждут в Москве, готовы назначить главным советником в Управление планирования. Поэтому хорошо бы поспешить домой. Этому придается доверительно-товарищеская окраска.

Я молчу. Петровский пробует настаивать.

— Вот Ю. Квицинский уже согласился.

Мое молчание отбивает у него охоту продолжать эту тему.

Позже я узнал, что он выполнял указание Панкина и прилежно доложил ему закрытым сообщением из Парижа, что предложение насчет главного советника я оставил без каких-либо комментариев.

10 октября в Париж прилетает А. Козырев. Посольство информировано об этом. Я еру в аэропорт. Французы в поисках формулы, как подключить союзное посольство к приезду министра союзной республики. Нельзя сказать, что делают они это элегантно. Я даю им возможность потолкаться одним вокруг вышедшего из самолета А. Козырева, после чего у нас с ним состоялся короткий разговор. Я сообщаю, что билеты для возвращения домой у меня на вторую половину этого дня — 10 октября. Так было задумано давно, никто не мог предполагать, что это совпадет с днем его прилета в Париж. Оставляю решение за ним. А. Козырев просит меня остаться и принять участие в визите. Внесенная нами ясность вызывает удовлетворение французов.

Не успел улететь самолет с возвращавшимся в Москву А. Козыревым, как приходит сообщение, что через несколько дней во Францию прилетит Б. Панкин. Что поделаешь? Париж! Один из его замов с лихорадочным рвением и суетливостью разъясняет мне по телефону, что требуется мой срочный отъезд из Парижа.

Осенняя Москва — я там 17 октября — вся в движении, в тревогах, в борьбе. В гигантском водовороте судьба власти,

республик, самой страны. Союзные структуры подвержены процессу быстрой эрозии и разложения прежде всего наверху. Суета рассадки по новым местам. Какое уж тут дело до меня. Я хочу прежде всего выяснить один вопрос: в силу каких причин было изменено решение насчет меня? Запрашиваюсь к Б. Панкину. Прошло много недель, прежде чем я попал в его кабинет. Панкин такой же монументальный. Только в ту сентябрьскую встречу он принимал меня стоя, как бы демонстрируя, что засиживаться времени нет, а теперь впаянно восседает в кресле, приклеенный к бумагам.

Следуют какие-то несвязные слова об обстановке.

Заходит разговор о работе. Тут Панкин оживляется: «Я предлагаю работу в исследовательском департаменте», — повторяет он подброшенное в Париже предложение с изящным пояснением насчет того, насколько необходимы для новой внешней политики «яйцеголовые». Хочу заметить, оставляя в стороне терминологические тонкости Панкина, что работа в Управлении оценок и планирования, а именно об этом он вел речь, заслуживает всякого уважения, и не так просто занять в Управлении должность главного советника Однако существует некая символика в МИДе и в любой администрации вообще, при которой одни назначения выглядят более менее приличествующими послужному списку и оценке работы того или иного человека, другие могут восприниматься иначе или совсем иначе. Я задаю Панкину вопрос, почему бы мне не заняться какой-нибудь оперативной работой.

— Нет, — чеканит он.

— Почему?

— Видишь ли, в отношении МИДа продолжаются критические публикации. Нельзя рисковать. Вот и сегодня очередная, — при этом он судорожно ворошит пачку газет.

— Ну, если говорить обо мне, то на все публикации, касавшиеся меня, я ответил, и МИДу лучше тоже открыто реагировать на все, на что требуется и можно отвечать. От этого будет только выигрыш.

— Сложно это, — как-то пугливо мямлит Панкин. — Лучше маневр, дипломатичность.

Панкин меняет тональность, начинает уговаривать, просит подумать, согласиться, произносит даже что-то типа «мол, потом…». Согласия я ему не даю, не обещаю, не могу обещать, решив для себя, что в таких условиях лучше распрощаться с дипломатической службой вообще. Прощаюсь. Панкин вдруг вспоминает, что мы давно знаем друг друга, встает(!), отводит в сторону, интересуется семьей, говорит, что Валентина (его жена)

скептически отнеслась к его назначению министром.

Как права была Валентина! Кстати — стечение обстоятельств — в этот же вечер, через каких-то пару часов после нашего разговора Панкина снимают. На этом кончился фарс с пребыванием его в кабинете министра иностранных дел Советского Союза.

* * *

Но вернемся к Франции и событиям августа 1991 года.

Для французского президента эти события явились полной неожиданностью. То, что произошло в Москве 19 августа, находилось в глубоком противоречии с его представлениями о желательном, с точки зрения геополитических интересов Франции, развитии обстановки в Советском Союзе, его взглядами на пути решения национального вопроса и сохранение целостности государств, его оценками государственных деятелей нашей страны. Это и определило особенности его первой реакции. Затем пришлось спешно, шарахаясь под ударами оппозиции в собственной стране и критики из Советского Союза, в пожарном порядке менять позицию.

В то же время Жак Ширак с самого начала событий взял четкую линию осуждения путча и поддержки действий Б. Н. Ельцина. Его представители находились в контакте со мной, чтобы направить в Москву делегацию из ближайших помощников мэра Парижа, и такая делегация вылетела к нам вскоре после того, как танки покинули столицу. Ж. Ширак направил напрямую и через посольство развернутое поздравление Б. Ельцину и организовал массовые манифестации в поддержку демократии в Советском Союзе.

21 августа меня посетил Пьер Моруа. Он высказал убеждение, что столь крупный сдвиг в сторону демократии, который свершился в Москве в результате ликвидации путча, — событие историческое — и это несомненно скажется на всей мировой политике. Создаст принципиально новые возможности для развития советско-французских отношений.

Я был согласен с ним и покинул Париж именно с такими мыслями о будущем сотрудничестве между Советским Союзом и Францией. Французские исследователи отношений между Советским Союзом и Францией середины шестидесятых-семидесятых годов, т. е. периода их активного развития, отмечали, что эти отношения охватили тогда главным образом правительственную сферу, были в основном контактами между

государственными аппаратами двух стран. В их развитие не была достаточно глубоко и широко вовлечена общественность Советского Союза и Франции. Правда в такой оценке была Так, может быть, теперь этот недостаток в сближении двух стран удастся преодолеть, тем более что, работая над Договором между Советским Союзом и Францией, мы с французскими коллегами такую задачу ставили.

Эпилог

Один из министров иностранных дел Франции середины семидесятых годов Мишель Жобер — человек саркастического ума и парадоксальных высказываний — заметил в своих мемуарах, что в международных делах малейшее изменение, «перемещение даже пылинки», явление редкое и важности чрезвычайной. Может быть, для каких-то моментов истории это и верно, хотя автор все равно утрирует: международная жизнь никогда не стоит на месте. Однако в последние годы произошли столь крупные события, что они изменили и политическую карту мира, и существо международных отношений. В эпицентре вновь, как не раз в последнем столетии (да только ли в последнем), оказалась наша страна. Не стало Советского Союза. На его территории образовалось пятнадцать суверенных государств.

В феврале 1992 года президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин совершил свой первый официальный визит за рубеж. Приглашений было немало. Избрана для такого визита была Франция. Москва и Париж стремились придать визиту как можно большее политическое звучание. Его основным итогом стало подписание политического Договора между двумя странами. Для новой России речь шла о первом договоре такого уровня. Весьма примечательно, что подписанный Б. Н. Ельциным и Ф. Миттераном Договор повторил не только все содержание, но и формулировки Договора 1990 года. Фактически речь шла о переподписании одного и того же текста. В преамбуле Договора был добавлено: «Российская Федерация является государством — продолжателем Советского Союза».

Правда, претерпело изменение само название договора. В 1990 году он назывался «Договор о согласии и сотрудничестве между СССР и Францией». В 1992 году проще — «Договор между Российской Федерацией и Францией». С чем было связано изъятие из названия двух емких понятий: «согласие и сотрудничество»? Я в подготовке визита 1992 года участия не принимал и мотивировки такого решения не знаю. Может быть, это отражало стремление внести элемент формального отличия нового текста, без размышлений о том, ведет ли это к потере качества. Тем более примечательно сохранение самого содержания Договора 1990 года.

Договор между Россией и Францией ратифицирован в обеих странах и составляет ныне фундамент их развивающегося сотрудничества В этом сказалась сила преемственности во взаимодействии двух стран на протяжении более чем ста лет, с

той, однако, существенной новизной, что теперь возникла возможность осуществлять это взаимодействие в условиях сходного в своей основе общественного строя в Российской Федерации и во Франции. Эго также свидетельство того, что Договор между Советским Союзом и Францией, подписанный в 1990 году, обогнал свое время, поскольку оказался применимым к принципиально новому этапу международных отношений.

Что дальше? Какая судьба предначертана Договору между Российской Федерацией и Францией? Какую роль предстоит сыграть ему в длительной перспективе? Эти вопросы небезынтересны. В самом деле, из дипломатической практики известно: международных договоров заключается великое множество. Но одним из них, даже с минимальным объемом обязательств, суждено стать вехами истории, другие — в том числе и такие, как договоры о взаимопомощи, — остаются невостребованными. Будем надеяться, что российско-французский договор будет воплощаться во все новые дела, демонстрирующие согласие двух стран, а самое его существование будет одной из гарантий мирного будущего Европы и его никогда не потребуется дополнять никакими военными конвенциями, как это случилось при создании Сердечной Антанты. Что касается отношений между Российской Федерацией и Францией, то, как мы видели, многие обстоятельства создают благоприятные перспективы для их развития. Речь вдет не только о сотрудничестве в делах двухсторонних, но и международных, в частности, с учетом того, что «Семерка» наиболее развитых стран мира, форум, родившийся по инициативе Франции, все больше превращается в «Восьмерку» с участием России.

notes

Примечания

1

Здесь расположено министерство иностранных дел Франции.

2

Речь идет о принятых в системе ООН обозначениях постов для работников профессионального уровня.

3

Charles de Gaulle, Discours et messages. Avec le renouveau 1958–1962, Plon, p. 174.

4

Discours et messages, v. III. Avec le renouveau 1958–1962, Paris, 1971, p. 18.

5

Charles de Gaulle, Memoirs d’espoir, Plon, 1970, p. 251–252.

6

Charles le Gaulle. Discours et messages. Pour l'effort. Aout 1962 — Decembre 1965, p. 340.

«Le Quotidien de Paris», 7–8.XII. 1974.

8

«Дневники переговоров (Хельсинки — Женева — Хельсинки, 1972–75)», стр. 581–582.

9

M. R. Beschloss and S. Talbott, «At the Highest Level». Little, Brown and Company, Boston, Toronto, London, p. 239.

«Правда», 18 июля 1990 года.

11

Сборник договоров России с другими государствами. 1917–1956 гг., М. 1962, стр. 279–280.

12

Franz Olivier Giesbert «La fin d'une epoque», Fayard/Seuil, 1993, p. 106.

13

Ibid.

14

Bernard Lecompte «Le Bunker», Editions Jean-Claude Lattes, 1994, pp. 224–225.

15

Ibid., p. 233.

Ibid., p. 226.

17

«Le Monde»:, 30 aoflt 1991.